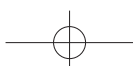

Историческая русистика в XXI веке

Russian Studies in History in the 21st Century

Книги по русистике XLII.

Rusisztikai Könyvek XLII.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА
В XXI ВЕКЕ

RUSSIAN STUDIES IN HISTORY
IN THE 21st CENTURY

*Материалы десятой международной научной конференции
будапештского Центра Русистики от 18–19 мая 2015 г.*

---

*Materials of the 10th International Conference
at the Centre for Russian Studies in Budapest, May 18–19, 2015*

Russica Pannonicana

Редакция • Edited by:

Gyula SZVÁK (Главный редактор / Chief Editor),
Szergej FILIPPOV, Zsuzsanna GYIMESI

© Gyula SZVÁK, editor, 2017
© Russica Pannonicana, Budapest, 2017

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

НАША РУСИСТКА. ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО (ДЮЛА СВЯК) / OUR RUSSIAN STUDIES. WELCOMING ADDRESS (GYULA SZVÁK)	9 11
---	---------

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ HISTORIOGRAPHY AND METHODOLOGY	13
---	----

EMMANUEL WAEGEMANS Изучение русской культуры и истории в Нидерландах (1985–2015 гг.)	15
--	----

И.И. ГЛЕБОВА О россиеведении в России	21
--	----

Я.А. ЛАЗАРЕВ Готова ли украинская историческая наука к диалогу? Размышления о роли национальной памяти в историческом сообществе	31
---	----

TAMÁS KRAUSZ Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима Венгерской исторической науки	37
---	----

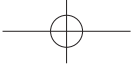
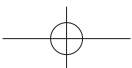
Е.И. САМАРЦЕВА Русское зарубежье XX века: актуальные вопросы истории и историографии	51
--	----

SZERGEJ FILIPPOV Возможности и ловушки цивилизационного подхода к российской истории	63
--	----

ДО XIX ВЕКА BEFORE THE 19 th CENTURY	71
--	----

М.К. ЮРАСОВ К вопросу о времени появления первой волны печенегов в степях Восточной Европы	73
--	----

С.В. СОКОЛОВ	
На каком уровне развития находились восточные славяне до 862 г. с точки зрения Августа Людвиг Шлёцера?	84
GÁBOR GYÓNI	
Кий, Аскольд и Дир: о ранней истории Киева	93
ANN KLEIMOLA	
Sea, Land, and Sky: the New Horizons of Afanasii of Kholmogory	105
MÁRTA FONT	
Даниил Галицкий и Ростислав Черниговский при дворе венгерских королей	112
М.С. ПЕТРОВА	
Об изучении «Русского ‘Доната’» и необходимости его интертекстуального прочтения	119
BEÁTA VARGA	
Оценка русско-украинских отношений с середины XVII до начала XVIII вв. в современной русской и украинской историографии	129
М.Ю. САВЕЛЬЕВА	
Феномен самозванчества и особенности народного восприятия верховной власти в России XVII–XVIII вв. (Тезисы)	140
Е.В. БОРОДИНА	
Социальная структура Кунгурского уезда в первой трети XVIII в.	147
ENDRE SASHALMI	
The Coronation Medal as a Vehicle of Legitimation: Iconographic Analysis of the Coronation Medals of Four Empresses, Catherine I (1724), Anne (1730), Elisabeth (1742) and Catherine II (1762)	157
М.А. КИСЕЛЕВ	
История понятий как метод изучения социальной стратификации российского общества XVIII в.	169
О.К. ЕРМАКОВА	
Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания	177

	
XIX ВЕК – НАЧАЛО XX ВЕКА (ДО 1917 ГОДА) 19th CENTURY – BEGINNING OF THE 20th CENTURY (UP TO 1917)	
	187
ERZSÉBET BODNÁR Реагирование русской дипломатии на кризисные ситуации при решении шведского и восточного кризиса в 1801–1815 гг.	
	189
В.Л. ПАВЛОВ Концепт справедливости в философских и социально-политических взглядах декабристов.	
	198
Л.Г. ЧАПАЕВА Идеология и язык в русской культурно-языковой ситуации 30–40-х гг. XIX в.	
	207
А.С. ПАЛКИН Отражение европейского влияния в русской дореволюционной духовной периодике в 1860-е – 1917 гг.: на примере журнала «Христианское чтение».	
	215
SZABOLCS SUHAJDA Образ России в венгерских газетах (1841–1844 гг.)	
	222
ZSÓFIA MÉSZÁROS Развитие концепции женской эмансипации в творчестве Дмитрия Писарева	
	231
Д.О. СЕРОВ Образовательный ценз для судебного ведомства России (1860–1868 гг.)	
	240
GÁBOR KECSKEMÉTI The Historical Roots of Liberal Russophobia in Hungary	
	248
SZILVIA NAGY Причины участия русских женщин в революционном движении в России в свете новейшей историографии	
	256
GYÖRGY WEBESI Забытый дипломат: Сергей Юльевич Витте (1849–1915)	
	261
Е.В. АЛЕКСЕЕВА Европейские технологии в России XIX – начала XX в.: проникновение, адаптация, общественная реакция	
	269
ZSUZSANNA GYIMESI Взаимосвязи естественнонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятий на рубеже XIX–XX веков и его современные аналоги	
	279
	

ALEXANDRA MEDZIBRODSZKY
Alexander Bogdanov and the Sociology of Knowledge 287

XX ВЕК – НАЧАЛО XXI ВЕКА
(ДО НАШИХ ДНЕЙ)
20th CENTURY – BEGINNING OF THE 21st CENTURY
(UP TO NOW) 295

М.А. БЕЗНИН, Т.М. ДИМОНИ
Социализм и государственный капитализм:
перепутья русистики в оценках советской истории 297

М.В. КОВАЛЕВ
Венгерские историки и русская академическая эмиграция:
к постановке проблемы 308

О.В. ПАТУШНЯК
Казачье зарубежье в 1920 г. – начале XXI в. 316

BRIGIT FARLEY
The Fog of War: the Fate of a Russian Army Contingent in France
During the Great War, 1916–1918 324

ÁKOS FÓRIS
The Soviet Prisoners of War and the Hungarian Royal Army
1941–1943 334

В.Л. МАРТЫНЕНКО
Немецкое население Украины и оккупационный режим
(1941–1944 гг.) 342

Ю.А. РУСИНА
Феномен инакомыслия в практиках советской
индивидуализации в высшей школе 1940-х – 1950-х годов 350

Е.Т. АРТЕМОВ
Организация работы и мотивация труда
в советском атомном проекте 360

А.В. ГОЛУБЕВ
Мир в зеркале советской политической карикатуры 369

В.С. ЖУКОВА
Трансформация повседневной жизни северной деревни
1906–1970-х гг. (по материалам дневников и воспоминаний
сельских жителей) 379

АВТОРЫ / AUTHORS 386

RUSZISZTIKAI KÖNYVEK 389

НАША РУСИСТИКА

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

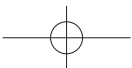
ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

Обращаясь с приветствием ко всем участникам этой юбилейной конференции, которые приняли наше приглашение, приехали к нам из многих стран мира и тем самым придали нашему празднику особую приподнятость, я хотел бы, прежде всего, следуя правилам приличия и порядочности, начать с выражения благодарности и признательности. На первом месте я упомяну своего товарища и коллегу Тамаша Крауса, с которым мы в качестве эффективно функционирующего тандема работаем со времени основания Центра русистики вплоть до наших дней. Но к числу «отцов-основателей» 1990-х годов относятся и Акош Силади и Золтан С. Биро. Особенно многим мы обязаны Карою Манхерцу, который был тогда деканом и придумал саму организационную форму «центр». А за последние восемь лет нашу деятельность поддерживал в качестве руководителя факультета мой бывший студент Тамаш Дежё. Среди ректоров Будапештского университета им. Лоранда Этвеша я хотел бы выделить академика Ференца Худеца, а также ныне действующего ректора Барну Мезеи, которые оказали нашему Центру особенно большую помощь в расширении международных связей.

Конечно, жизнь есть и вне стен университета, поэтому мы признательны Российскому культурному и научному центру за многолетнее сотрудничество. Однако наибольшую признательность я должен выразить представителям нашей профессии: международному сообществу русистов, прежде всего российским ученым, а также работающим вне Будапешта венгерским научным коллективам, с которыми мы всегда работали заодно, плечом к плечу, не разделяя нашу профессию. И, конечно, я чрезвычайно благодарен сотрудникам нашего Центра, которые не просто терпели меня на протяжении столь долгого времени, но и творчески претворяли в жизнь, более того, развивали, совершенствовали мои замыслы. Благодарность за великолепную организацию настоящей конференции должна быть адресована рабочей группе во главе с Жужанной Димеши.

В 2015 г. Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша отмечает 20-ю, а его «духовный» предшественник, Венгерский институт русистики, 25-ю годовщину основания. Обычно и меньшего времени бывает достаточно для празднования, ретроспективной оценки и подведения итогов. Мы, бывшие, нынешние и будущие сотрудники, лучшие воспитанники Центра, конечно, гордимся проделанным путем, радуемся достигнутым результатам и с большими надеждами

смотрим в будущее. Однако ни о каких «победных» настроениях не может быть и речи, поскольку, хотя мы живо помним неблагоприятную атмосферу, в которой был основан наш Центр, и то сильное противодействие, которое нам пришлось преодолеть, хотя мы не забыли ощущения сизифового труда, владевшего нами в борьбе за создание первой в Венгрии научной лаборатории исторической русистики, работа еще далеко не закончена, да и не может быть закончена.

В области науки и образования четверти века недостаточно для получения окончательных результатов. За это время можно заложить фундамент, наметить направления работы и определить задачи, но для создания значимой и авторитетной школы международной науки нужен кропотливый, упорный и самоотверженный труд нескольких поколений.

Было бы нескромно утверждать, что в этом отношении мы находимся в плохом положении: нельзя пожаловаться на прочность наших международных связей, и, как показывает, например, сборник «Наша русистика», выпущенный нашей кафедрой по случаю праздничной годовщины, идущая нам на смену группа молодых ученых уже стучится в двери, больше того, уже переступила через порог венгерской русистики. В определенном смысле нашей научной дисциплине труднее добиться признания в Венгрии, чем за ее пределами. Такое положение имеет свои исторические и политические причины, а также предпосылки в истории науки. «Русская тематика» никогда не была популярной в нашей стране ни в глазах общественного мнения, ни в академической науке. Ни в одной сфере нельзя преодолеть предрассудки мгновенно, в этом отношении у нас еще хватает работы, однако, было бы несправедливо утверждать, что за последние двадцать пять лет здесь не было достигнуто никакого прогресса.

Таким образом, наш сборник как бы зафиксировал остановленное мгновение долгого созидательного процесса. Он репрезентативен в том смысле, что показывает, в каком положении находится в настоящее время венгерская историческая русистика в широком понимании этого понятия и конкретно Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, демонстрирует изобилие тем, многообразие подходов, плюрализм мнений, неограниченную свободу исследований.

Мы – русисты, поэтому мы с удовлетворением отмечаем те случаи, когда наша деятельность служит культурному и научному сближению Венгрии и России или, по крайней мере, более тесному знакомству друг с другом. Однако суть нашей профессии состоит в неприукрашенном, честном изображении прошлого, в его изучении «без гнева и пристрастия» с непрекрытой целью приумножения коллективных знаний, чтобы принести пользу следующим за нами и готовым учиться поколениям. Именно этого я жду и от настоящей конференции, этого желаю ее участникам!

ДЮЛА СВАК

OUR RUSSIAN STUDIES

WELCOMING ADDRESS

DEAR COLLEAGUES!

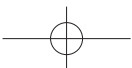

First of all, following the rules of hospitality and appreciation, I would like to express my gratitude and thankfulness, by addressing my greetings to all the participants of this anniversary conference, who have accepted our invitation and come to us from many countries from all over the world, thereby endowing our event with special importance. In the first place I will mention my friend and colleague Tamás Krausz, with whom we have been working as an effectively functioning tandem since the founding of the Center of Russian Studies and up to these days. Ákos Szilágyi and Zoltán Sz. Bíró too belong to the “founding fathers” of the 1990s. We also owe so much to Károly Manherz, who was then dean and came up with an idea of the “center”, as an organizational form. Tamás Dezső, the head of the department and my former student, supported our activity during the last eight years. Among the rectors of the Eötvös Loránd University I would like to single out Academician Ferenc Hudecz, as well as the current rector Barna Mezey, who rendered our Center particularly great help in expanding international relations.

In what concerns the life outside the university, we are grateful to the Russian Cultural and Scientific Center for many years of cooperation. However, I should express the greatest gratitude to the fellow colleagues: the international community of Slavists, first of all Russian scholars, as well as the Hungarian research teams working outside Budapest, with whom we have always worked together, shoulder to shoulder. And, of course, I am extremely grateful to the employees of our Center, who not only endured me for such a long time, but also creatively implemented my ideas, moreover, developed and improved them.

Gratitude for the excellent organization of this conference should be addressed to a working group headed by Zsuzsanna Gyimesi.

In 2015, the Center for Russian Studies of the Eötvös Loránd University celebrated its 20th anniversary, while its “spiritual” predecessor, the Hungarian Institute of Russian Studies – the 25th anniversary of its founding. Usually less time is needed for retrospective evaluation and summing up. We, the former, current and future fellows, as well as the best alumni of the Center, are proud of the work we have made, we rejoice at the results achieved and look to the future with great hopes.

However, there can be no “victorious” moods, since we vividly remember the unfavourable atmosphere in which our Center was founded, and the strong opposition that we had to overcome, although we did not forget the Sisyphean labour that the creation of the first Hungarian research department of historical Russian studies, the corresponding work is far from being over, and can not be finished.

In the field of science and education, a quarter of a century is not enough to obtain final results. During this time, you can lay the foundation, line out a route for the studies and define the tasks, but to create a significant and authoritative school of international scholarly authority you need a painstaking, persistent and selfless work of several generations.

It would be immodest to say that in this respect we are in a bad situation: we can not complain about the strength of our international ties, and as, for example, is evident from the collection of essays “Our Russian Studies”, published by our department on the occasion of the anniversary, the new generation of scholars is already knocking at the door, more than that, it has already entered the field of Hungarian Russian studies. In a sense, it is more difficult for our scientific discipline to achieve recognition in Hungary than abroad. This situation has its historical and political reasons, as well as the reasons in the history of science. “Russian subjects” have never been popular in our country either in the eyes of public opinion, or in academic science. It’s impossible to overcome prejudice instantly in any area, therefore, we still have enough work, but it would be unfair to say that no progress has been made in the last twenty-five years.

Thus, our collection, as it were, marks the momentary fragment of a long creative process. It is representative since it demonstrates the current state of Hungarian historical Russian studies in the broadest sense of this concept and specifically it represents the work of the Center for Russian Studies of the Eötvös Loránd University, with all its abundance of topics, diversity of approaches, pluralism of opinions, unlimited freedom of research. We are specialists in Russian studies, and therefore we are pleased to note those cases when our activities serve the cultural and scientific rapprochement of Hungary and Russia, or at least a closer acquaintance with each other. However, the essence of our profession consists in an unadorned, honest depiction of the past, in its study “sine ira et studio” for the purpose of multiplying the collective knowledge that will benefit the generations that follow us and are ready to learn.

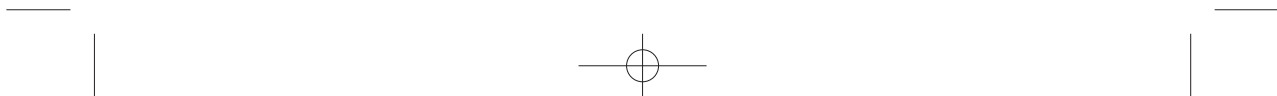
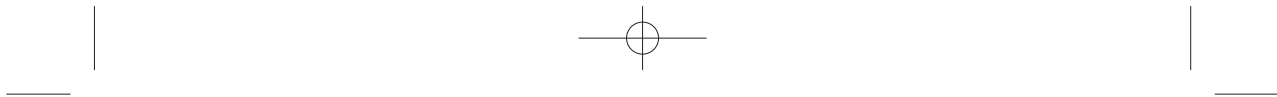
This is what I expect from this conference, and I wish it to all the participants!

GYULA SZVÁK

**ИСТОРИОГРАФИЯ И
МЕТОДОЛОГИЯ**

**HISTORIOGRAPHY AND
METHODOLOGY**

EMMANUEL WAEGEMANS

Изучение русской культуры и истории в Нидерландах (1985–2015 гг.)

В 1897 г. в Бельгии русский язык был впервые введен как предмет изучения в так называемых Коммерческих институтах. В Антверпене русский язык преподавал выходец из России Иосиф Тайч. Сразу же после Первой мировой войны группа активистов-националистов хотели ввести вместо русского украинский язык, но из этого ничего не вышло. В 1898 г. русский язык начали преподавать и в Католическом университете в Лёвене. Его также преподавал выходец из России, так как отечественных славистов тогда еще не было.

Изучение славистики по-настоящему началась в Бельгии только в 1931 г., в Брюсселе; чуть позднее, в 1958 г. – в Генте, а в 1968 г. – в Лёвене. До середины 1970-х гг. ученые концентрировали свое внимание вокруг тем никак не связанных между собой. Одни писали о Салтыкове-Щедрине, другие – о Пушкине-Мицкевиче, третьи – о славянофилах или о древнеславянских богах; кто-то занимался старославянским языком, а кто-то Достоевским. Но не было объединяющего предмета, который связывал бы всех.¹

В некотором отношении ситуация изменилась, когда в славистику пришел автор этих строк, защитивший докторскую диссертацию по теме «Русские путешественники XVII–XVIII вв. на Западе» и впервые написавший о контактах между Россией и Бельгией. Несмотря на то, что мы продолжили заниматься чисто литературно-исторической тематикой (например, утопией и сатирой в советской России), нами было уделено внимание и изучению отношений между Бельгией и Нидерландами (т.е. Голландией и Бельгией).

За последние 30 лет были достигнуты следующие результаты:

1). Русские горки²

Важность этого издания состоит в том, что в нем впервые обращено внимание на присутствие бельгийских предпринимателей в России в конце XIX – начале XX вв. (Интересно заметить, что один из авторов называет юг России «бельгийской промышленной провинцией».) Книга издана на нидерландском и французском языках. Несколько статей посвящены судьбе бельгийцев в России: в царской и советской (современник Астольфа де Кюстина, пребывавший в восторге от николаевской России; бельгийские социалисты в революционной России, бельгийские ученики коммунистической школы, свидетели первой пятилетки).

2). Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М. 1995³

Напомню слова Александра Галича из «Песни о синей птице»: «Был я глупый тогда и сильный / Все мечтал я о птице синей / А нашел я ее синий след / Заработал пятнадцать лет / Было время – за синий цвет / Получали пятнадцать лет!».

Это обзорная работа о трехсотлетнем присутствии россиян в нашей стране. Кроме большого обзора о русских, побывавших в Бельгии между 1814 и 1914 гг., приводятся биографии отдельных личностей, написавших о стране, – Мориса Метерлинка, Владимира Печерина, Ленина, Леонида Андреева, Эренбурга, Есенина. Впервые рассматривается тема русской эмиграции в Бельгии (до сих пор пренебрегаемая).

3). Потемкинские деревни⁴

Книга под названием «Потемкинские деревни. Бельгийцы в России» – о соотечественниках XIX и XX вв., побывавших в России и подавшихся или, наоборот, сопротивлявшихся соблазну «потемкинских деревень». Среди них: принц де Линь (очевидец таврического путешествия Екатерины II), бельгийская индустриальная колония в степи, дипломаты в России, бельгийские попутчики-коммунисты в сталинской России, первый славист, с одобрением писавший о пятилетках, фламандские солдаты в немецких мундирах, боровшиеся против «безбожного большевизма».

4). INOS (Институт северных и восточных исследований, Гронинген):

Россия и Нидерланды в XVIII веке / Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century. Groningen 1998. Сборник впервые вводит в научный оборот много неизвестных, неизученных документов; в нем содер-

жится описание эпизодов из российско-нидерландских отношений. Несколько примеров: голландский миф в XVIII веке, петровский агент Осип Соловьев – скупщик произведений искусства в Голландии (начало Эрмитажной коллекции), голландские художники в Москве в конце XVII – начале XVIII вв., голландский переводчик «Путешествия в Сибирь» Шаппа д’Отероша, образ голландцев в русском народном сознании.

Голландцы и бельгийцы в России XVIII–XX вв. СПб., 2004. Сборник о нидерландских дипломатах в России и о нидерландских династиях в России (Бахерахты, Фан дер Флиты, Гартинги, Сухтелены), а также о наших людях в поисках славы и фортуны в Российской империи.

Борис Макаров. Голландцы в России в первой половине XVIII века. Лексикон. СПб., 2009. Книга полностью основана на архивных материалах; в ней перечислены сотни голландцев, строивших новую, петровскую Россию (купцы, пасторы, инженеры, садовники, врачи, моряки, художники и ученые).

Игорь Владимирофф. Диссертация о Николаасе Витсене и Андрее Виниусе – пока что только на нидерландском языке.⁵

Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. СПб., 2014. По поводу «Года России» в 2013 г.

Игорь Владимирофф. Нидерландская картография в XVI–XVIII веках – вклад голландцев в описание России XVI–XVIII вв.⁶

Архивные путеводители:

- Письма Петра I адмиралу Корнелиусу Крюйсу.⁷
- Автографы Петра Великого.⁸
- Связи Российского императорского дома с королевским домом Нидерландов.⁹
- От нашего собора на месте. Русско-нидерландские отношения в Санкт-Петербургских ведомостях 1728–1775 гг.¹⁰
- Архив Бургаве в Военно-медицинской Академии.¹¹
- Neerlandica in the Archive of the Academy of Sciences St. Petersburg.¹²

5). Русская библиография о Голландии и о русско-голландских отношениях. СПб., 2003. В этом издании опубликовано все, что написано

на русском языке с 1700 по 2000 гг. Книга содержит тематические указатели.

6). Roger Tavernier. *Russia and the Low Countries. An international bibliography 1500–2000*. Groningen, 2006. Это фундаментальный труд, продолжающий русскую библиографию. В нем описано все, что имеется на всех языках об отношениях между Россией и Нидерландами. Все, кто изучает эту тему, найдут здесь огромный материал.

7). Библиография нидерландской литературы в русском переводе, сделанная моим учеником, который дополнил мою библиографию о русской литературе в нидерландском переводе 1789–1985 гг.¹³ Не преувеличивая, можно сказать, что обе библиографии являются образцовыми: каждое литературное произведение, даже стихотворение, описывается отдельно. Если вы захотите узнать, сколько имеется переводов «Мертвых душ» или «Клеветников России», то здесь вы найдете ответ.

8). Библиография Великого посольства парижского историка-библиографа Дмитрия Гузевича, который по моей просьбе, заказу и на голландские деньги составил впечатляющий перечень всего того, что написано на всех языках мира на тему Великого посольства.¹⁴ К тому же, библиография – аналитическая, т.е. оценивает каждый отдельный труд. Необходимое пособие для всех «петрологов».

9). Петр Великий на землях Бельгии. Антверпен, 1998, на нидерландском и русском, билингва. Впервые на основании архивных документов изучается и забытый эпизод, а именно, короткое пребывание Петра Первого в Южных Нидерландах, т.е. в современной Бельгии, в 1717 г. В 2006 г. эта работа была переиздана в СПб.¹⁵

10). Второе путешествие Петра Первого в Нидерланды (1716–1717). И российские, и голландские историки всегда изучали эпизод Великого посольства, но мало кто занимался изучением второго путешествия царя. В преддверии «Года России» в Голландии (2013 г.) я работал в голландских, бельгийских, российских, французских и британских архивах и собрал все материалы на эту тему.¹⁶

11). Царь-плотник во Фландрии. СПб., 2014. Описывается один забавный эпизод, фланманская легенда о том, что Петр работал не только в Заандаме, но и во Фландрии, в местечке Баасроде на судостроительной верфи. Коллега Дмитрий Гузевич вписывает эту небылицу в общеевропейский «петровский миф».¹⁷

12). Бельгийский коллега Владимир Ронин написал колоссальный труд о русских в бельгийской колонии Конго.¹⁸

13). Мой коллега и ученик Вим Куденис в 2005 г. выпустил очень хорошо документированную книгу о русской эмиграции в Бельгии, при подготовке которой он работал во всех архивах Европы, Америки и России. Это фундаментальный труд, потому что Бельгия-Брюссель – не только центр Европы, но и генштаб российской военной эмиграции (ген. Врангель). В этом году книга выйдет также на русском языке.¹⁹

Примечания

¹ См.: Столетие русского языка в Бельгии 1897–1997 / Ред. Вл. Ронин // *Slavica Gandensia* 24 (1997).

² *Montagnes Russes. La Russie vécue par des Belges* / Red. Eddy Stols & Emmanuel Waegemans. Bruxelles: EPO, 1989.

³ Страна Синей птицы. Русские в Бельгии / Ред. Э. Вагеманс. М.: Наука, 1995. Оригинальное издание: *Het land van de blauwe vogel. Russen in België* / Red. E. Waegemans. Antwerpen: Dedalus, 1991.

⁴ *Potemkinse dorpen. Belgen in Rusland* / Red. E. Waegemans. Antwerpen: Standaard, 1994.

⁵ *Wladimiroff I. De kaart van een verzwegen vriendschap* // Nicolaes Witsen en Andrej Winus en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen: INOS, 2008.

⁶ *Владимирофф И. Нидерландская картография России в XVI–XVIII веках* // *Wladimiroff I. Nederlandse kaarten van Rusland 16^e – 18^e eeuw*. Groningen: Netherlands Russia Centre, 2008.

⁷ К викториям готова флот России. Письма Петра I адмиралу Корнелиусу Крюйсу. СПб.: Ольга, 2003.

⁸ Автографы Петра Великого в фондах РГАВМФ. СПб.: Российский гос. архив военно-морского флота, 2002.

⁹ *Hovinga V., van Koningsbrugge H. Orange and Romanov. Letters from members of the Dutch royal family to their Russian relatives in the State Archive of the Russian Federation*. Groningen: NRAC, 2003.

¹⁰ *Scheltjens W., van Koningsbrugge H. Van onze reporter ter plaatse. Russisch-Nederlandse betrekkingen in de Sint-Petersburgse Tijdingen 1728–1775*. Groningen: NRAC, 2003.

¹¹ О науке и ученых. Архив Бургаве в Военно-медицинской академии. Groningen. СПб.: NRAC – Военно-медицинская академия, 2003.

¹² *Van Koningsbrugge H., Horstmeier C. Of Science and Scientists. Neerlandica in the Archive of the Academy of Sciences St. Petersburg. Groningen: NRAC, 2002.*

¹³ *Схелтъенс В.* Библиография нидерландской литературы на русском языке. СПб.: Алетейя, 2003; *Waegemans E., Willemsen C. Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling 1789–1985 / Библиография русской литературы в нидерландском переводе 1789–1985. Leuven: Universitaire Pers., 1991.*

¹⁴ *Гузевич Д. и И.* Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия 1697–2006. СПб.: Феникс – Дмитрий Буланин, 2008.

¹⁵ *Вагеманс Э.* Петр Великий на землях Бельгии. Антверпен: Venerus, 1998; Петр Великий в Бельгии. СПб.: Гиперион, 2007.

¹⁶ *De tsaar van Groot Rusland in de Republiek. De tweede reis van Peter de Grote naar Nederland (1716–1717). Groningen – Antwerpen: INOS – Venerus, 2013; Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды 1716–1717. СПб.: Европейский дом, 2013; 2017 – 2 изд.*

¹⁷ *Царь-плотник во Фландрии. История одной легенды. СПб.: Европейский дом, 2014; Waegemans E., Gouzévitich D. Peter de Grote in Baasrode. Geschiedenis van een legende. Antwerpen: Venerus, 2015.*

¹⁸ *Ронин Вл.* «Русское Конго» 1870–1970. Книга-мемориал. 2 т. М.: Дом Русского зарубежья, 2009.

¹⁹ *Coudenys W. Leven voor de tsaar. Russische bannelingen, samenzweeiders en collaborateurs in België. Leuven: Davidsfonds, 2004.*

И.И. ГЛЕБОВА

О россиеведении в России

О российских центрах изучения России

В СССР изучение российской социальности по понятным причинам не выделилось в самостоятельное исследовательское направление. Этим в равной мере занимались историки, экономисты, юристы, когда стало можно – социологи, демографы и т.д. Карикатурной, неудачной попыткой преодоления ситуации «разделенности», дискретности (правда, не с целью анализировать именно Россию) была дисциплина «научный коммунизм», которую учредили в 1960-е гг. В рамках этой дисциплины пытались синтезировать разные области социально-гуманитарного знания, дав им общую методологию. Не удалось. Догматический советский марксизм-ленинизм в качестве такой методологии полностью себя дискредитировал.

На рубеже 1980–1990-х годов российская наука перешла к массовой рецепции исследовательских подходов, возникших в западном обществоведении. Симптоматично, что этот переход имел и политическое измерение. Как и почти столетие назад у власти оказались люди, опиравшиеся на очень влиятельные в мире научные теории: если в 1917 г. это был марксизм, то в начале 1990-х – экономический неоллиберализм. И большевистские, и либерально-экономические эксперименты доказали, что западные методы к русскому материалу мало применимы. Похожая ситуация сложилась и в науке. С помощью большинства модных в 1990-е годы западных концепций не удавалось адекватно описать российскую реальность.

Таким образом, после отказа от марксистско-ленинской идеологии и осознания недостаточности западных исследовательских методологий «обнаружился» если не вакуум, то *очень существенный дефицит понимания того, что происходило и происходит в России*. В этих условиях

и стали возникать подразделения по ее изучению. Во всяком случае, по этой причине в 2008 г. в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН создан Центр россиеведения.

Эта организационная мера была продиктована стремлением изучать Россию как особый социально-исторический феномен. Центр мыслился как один из инструментов ее решения, одна из дискуссионных площадок, на которой предлагаются и обсуждаются, приобретаая публичный статус, адекватные этой задаче подходы, идеи, концепции.

Научные подразделения по изучению России возникли в 2000-е годы не только в ИНИОН. Приблизительно такие же исследовательские задачи ставили перед собой Институт русской истории Российского государственного гуманитарного университета, Центр по изучению России Российского университета дружбы народов, соответствующие центры в региональных университетах (например, Центр по изучению России и Сибири Екатеринбургского университета). Видимо, появление таких структур в постсоветской России не случайность.

Что такое «россиеведение»

Институционализация россиеведения требовала прежде всего выработки самых общих представлений о задачах и направлениях этой деятельности (иначе говоря, о ее предмете). С нашей точки зрения, россиеведение – это попытка исследовать Россию целостно и преодолеть узость, ограниченность «отраслевых» подходов (иначе говоря, выйти за рамки историко-, экономо-, политико- и любой другой центричности). При этом мы не предлагаем отказываться от традиционной классификации наук и не выступаем за то, чтобы механически свести воедино разные области знания, прикрываясь «легендой» междисциплинарности. Нам представляется, что, работая в рамках определенного «раздела» социальной науки, следует иметь в виду Россию как целое в качестве обязательного «фона» и соотносить различные темы (природу и географию, экономику и политику, право и культуру, в том числе бытовую, семейную и т.д.) с этим целым.

Таким образом, россиеведение предполагает наличие особого объекта анализа – России. В науке есть достаточно авторитетное мнение: Россия не является самостоятельной цивилизацией. Отсюда попытки ее изучения в рамках Запада или Востока. Нам, однако, кажется очевидным: та «историческая субстанция», которая в разные времена называлась Московским царством – Российской империей – СССР – Россией

(и имела преемственные связи с Киевской и княжеско-удельной Русью, а также Золотой Ордой), демонстрирует культурную общность и особость. Кроме того, эта целостность локализована в очень определенной (не схожей ни с какой иной) природно-географической среде.

В исторической ретроспективе мы имеем дело с чередой России – разных, но и чрезвычайно схожих. И эти России полностью не вписываются ни в европейский, ни в азиатский ход исторического развития. Отсюда и предложение изучать их как определенный культурно-исторический тип.¹ Не раз и навсегда заданный, но постоянно изменяющийся и сохраняющий при этом особенные, типические черты. Сущностный не отдельно от всех, но наряду с другими культурно-историческими типами – в общем темпоральном, цивилизационном контексте. Речь при этом не идет о выявлении какой-то российской исключительности (или «экзотичности»). Нас интересует то *особенное*, что входит в ткань *исторического бытия данной культуры* (общечеловеческое, разумеется, не отменяется).

Настаивая на необходимости россиеведения, мы вовсе не выступаем за создание какой-то интегральной науки о России. Да, существует востоковедение, которое является попыткой *западной* науки понять специфику *незападного* общества. И с этой целью на передний план при изучении Востока выдвигаются дисциплины, которые при анализе Запада таких позиций не имеют: культурная антропология, например. Но какой-то новой целостной науки о Востоке так и не было создано. Это связано, кстати, и с тем, что никакого единого Востока не существует, а значит, нет единого предмета науки. Имеется, так сказать, много Востоков. Единственное, что их объединяет, – они не Запад. Иными словами, остается исследовать Восток как не-Запад. Но это, безусловно, и содержательно, и методологически неадекватно. Правда, существуют американистика, франковедение, германистика и т.д. Однако для самих западных ученых эти направления, как правило, связаны с филологическими науками. В российской же традиции – это прежде всего изучение *данной, конкретной страны*, а не какой-либо другой. Принципиально новой науки для этого не требуется.

Россиеведение – это определенный подход, определенная точка зрения на Россию. В рамках такого подхода утверждается: наука не может принять какую-то культуру за норму и подходить к другим культурам с позиций этой нормы. Наука не может рассматривать разные культуры сквозь призму некоего универсального общества и предлагать в их отношении решения, которые дало бы это универсальное общество. Россиеведение предполагает изучение России с позиций не «должно-

го», а «сущего»; исходит из необходимости признания «нормативности фактического» (т.е. «наличной» социальности – данной экономики, данной политики и т.д.); нацелено на описание этих «данностей». Все это, конечно, не означает морального релятивизма, а также искусственного выделения России из общего исторического потока, противопоставления ее человечеству и общечеловеческому, отрицания традиций русского европеизма, совместимости нашей страны со свободой и демократией и т.п.

Следует подчеркнуть: мы особенно не держимся за термин «россиеведение». Более того, не убеждены в том, что «россиеведение» – лучшее название. Но мы пользуемся им так же, как термином «востоковедение», подчеркивая тем самым, что для изучения Востока недостаточно только традиционных научных дисциплин, евро(западно)центричных подходов, методологий; в Востоке есть нечто, что в них не укладывается. Мы избрали «россиеведение», поскольку полагаем этот термин содержательно нейтральным и не имеющим каких-то «опасных» коннотаций.

Кроме того, «россиеведение» уже имеет свою историю. Этот термин активно применялся в образовательной системе России конца XIX – начала XX вв. Одним из первых в постреволюционные годы его употребил Петр Савицкий – лидер евразийства, крупнейший специалист по политической, экономической географии, геополитике и т.д. В то же время (в 1920–1930-е годы) в немецкой науке появилось понятие «Russlandkunde» («россиеведение»), обозначающее целостный подход к изучению России. Позже в послевоенной англоязычной науке возникло направление «russian studies» («русские исследования»). То есть аналоги «россиеведения» есть в языках, обеспечивающих современные научные, межкультурные коммуникации.

О россиеведении как искушении

Надо сказать, что убеждение в необходимости россиеведения разделяется далеко не всеми в России. Напротив, большее число российских исследователей и сегодня в общем и целом удовлетворены тем научным инструментарием, который дает западная наука. (А это и есть основной инструментарий современного социально-гуманитарного знания.) Более того, в попытке сконструировать россиеведение они видят очередной эксцесс русского утопизма, которому свойственно преувеличение национальной специфики.

Следует признать, что россиеведение действительно опасно в русском варианте. Встав на этот путь, легко дойти до того, что по-немецки называется «Sonderweg». Это и есть реальная проблема россиеведения: как бы не поддаться искушению «особого пути». Показательно, что «россиеведение», предлагаемое в современной России в качестве учебного курса, становится чем-то схоже с «научным коммунизмом» советских времен. Кроме того, под прикрытием «россиеведения» предпринимаются попытки «прочтения» России с позиций либо черносотенных, либо псевдонаучных (зачастую эти позиции представлены в смешанном виде). Они несут в себе безответственные, но легко заражающие мифы. В этом смысле россиеведение действительно является социально опасным начинанием.

Однако существует и другая, не менее серьезная опасность: не понять, не распознать того, что происходит в России, если мерить «русское» меркой Франции, Бельгии и т.д., не замечать особенностей этого «русского». Причем это опасно и с научной, и с социальной точек зрения. В конечном счете, наука должна, насколько это в ее силах,² адекватно представлять хотя бы ближайшие возможности и потенциалы изучаемого общества. Россиеведение, какие бы подходы оно ни предлагало, предназначено именно для этого – в этом и состоит его неотъемлемый вызов.

Чтобы не впасть в одну из этих крайностей, необходимы сочетание, соединение, синтез разных исследовательских подходов. Россия – чрезвычайно сложное образование. В ней есть и европейское, и евразийское, и азиатское начала. У России (как, впрочем, и у любой другой страны) может быть несколько идентичностей. И она всегда находится перед выбором: что будет доминировать, что возобладает. Вот уже в течение нескольких столетий доминантой для России является европейская ориентация. Отсюда – тяготение ученых к соответствующим познавательным методам и моделям. И то, что подавляющее большинство диагнозов и прогнозов, сделанных в рамках этих подходов, себя не оправдывают, объясняется не их неадекватностью, а сложностью, неоднозначностью объекта исследования.

О европейском и неевропейском в России

К России, безусловно, применима европоцентричная исследовательская логика, поскольку – и мы только что сказали об этом – в ее природе есть и европейские основы. У нас с Европой общие христиан-

ские истоки (отличия православия от католичества и протестантизма не отменяют того, что все эти «виды» находятся внутри одной «семьи»). А это значит, что в сердцевине русской культуры, как и у всех европейских, тема личности. В этом смысле мы с Европой родственны.

Кроме того, близость рождается из связей, из общей истории. Киевская Русь – хоть и окраинная, но значимая часть христианской ойкумены. К северо-европейской цивилизации во многом принадлежала Новгородско-Псковская Русь. Европейцы издавна присутствовали в русской истории³: и «по позитиву» (жили, работали, учили), и «по негативу» (конфликтовали, воевали). Начиная со Смуты контакты Московии с Западом становятся постоянными.

Петровская эпоха помогла становлению русской культуры как европейской по преимуществу. Даже в традиционной деспотической государственности стали проглядывать европейские черты – со временем все больше и больше. С начала XVIII столетия (а, может быть, даже и раньше – с XVII в.) Россия признавалась частью европейской политики. Более того, она таковой и была. Как бы ни отличалась наша страна в XVIII – начале XX вв. от других европейских держав, она принимала самое активное участие в европейском концерте. Все это говорит за европейскость России.

И, наконец, не будем забывать: наиболее благоприятные периоды в русской истории случались тогда, когда Россия выбирала европейскую ориентацию. На этом пути она становилась нормальной и современной страной. Подчеркнем: чтобы стать современной (во всех отношениях – в том числе в научном), России нужна именно европейская «прививка».

В то же время Россия, конечно, не является европейской страной в классическом смысле. Принадлежать к европейской цивилизации – значит наследовать греко-римской Античности, быть христианско-католической, пройти феодализм, Ренессанс, Реформацию, Просвещение, капитализм и пр. Это означает преобладание тенденции к господству права, устройство власти и на договорных отношениях, а не только на насилии. Это предполагает развитие науки, университетов и, безусловно, определенные природно-климатические условия.

Кстати, особое значение для России (для толкования ее как «не-Европы») имеют пространства: и их неевропейская природа (климат, огромность, неосвоенность), и неевропейский способ освоения (экстенсивный, эксплуатационный, «неэкологичный»). Это, пожалуй, одна из главных дилемм русской истории: «азиатские» пространства и действующий на них человек с некоторыми европейскими чертами характера.

Россия большинству условий «классической европейскости» не соответствует. Поэтому нельзя отказать в глубоком понимании российского исторического пути таким мыслителям, как П.Я. Чаадаев, славянофилы, евразийцы. Это не значит, что мы с ними полностью или во многом согласны, но некоторые их наблюдения, выводы представляются вполне релевантными.

Итак, для познания такой культуры, как русская, требуется особая исследовательская оптика. Применение к России того инструментария, который выработан западной социально-гуманитарной наукой, позволяет понять «русское» в том объеме и на той глубине, на котором и в которой Россия – страна европейская. Изучение же России с *россиеведческих позиций, акцентирующих особость российского исторического развития*, позволяет понять «русское» в том объеме и на той глубине, в которых Россия не есть Европа.

Нам очевидна необходимость того, чтобы ученые, даже расходясь во мнениях, говорили на *научном* языке и исходили из презумпции свободы исследования. Кроме того, при различии подходов к изучению России науке требуется общее, объединяющее целеполагание: Россия демократическая, либеральная, правовая, плюральная, социальная и т.п. Эта ориентация – единственно возможный двигатель развития страны. А значит, и единственно приемлемый контекст для исследований. Вне ценностных измерений социально-гуманитарная наука теряет свои общественные роль и значение. Поэтому именно и только в таком контексте, в таком виде россиеведение в России не только возможно, но и необходимо.

Актуальные задачи россиеведения

Следует также сказать, что задачи и цели россиеведения со временем могут меняться. Точнее, в какой-то период на первый план выходят одни задачи и цели, в другой – другие. Когда мы в ИНИОН создали Центр россиеведения и приступили к изданию «Трудов по россиеведению» (к 2015 г. вышли пять выпусков общим объемом 145 а.л.⁴; кроме того, публиковались материалы семинаров Центра⁵), главную задачу мы видели в том, чтобы научиться рассматривать Россию как целостный социокультурный и социоисторический феномен. При этом признавалась та самая «недостаточность» западной науки в изучении России, о которой мы уже говорили.

По прошествии восьми лет основные задачи россиеведения нам видятся несколько иначе. И это связано с поведением самого объекта исследования – России. В последние годы она совершила очередной исторический поворот, вновь «обманув» большинство ее исследователей. Сегодня перед нами в значительной степени другая страна, другое общество. О содержании этого поворота я говорить не буду, поскольку он очевиден для всех – правда, с разным к нему отношением. И теперь в фокусе нашего внимания – изучение причин этого поворота, его глубины. Что предполагает поиск новых подходов и к советскому прошлому, к которому, кстати, апеллируют идеологи этого поворота, и к постсоветскому историческому пути, сегодня уже почти четвертьвековому.

Когда-то выдающийся русский историк Р.Ю. Виппер писал: «Произошло все как раз наоборот предвидению теории – мы притягивали историю для объяснения того, как выросло Русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет... проверить свои суждения. Он властно требует объяснения, надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования... науки».⁶ Виппер имел в виду ситуацию революции 1917 г. – до и после. Только со временем стало понятно, насколько верен этот «призыв».

В XX веке в России возник особый тип общества – иной по сравнению с той социальностью, с которой имела дело западная наука (с которой до него вообще имела дело наука). Его познание требовало действительно принципиального концептуального обновления. Социальная наука на Западе в основном занималась массовым, т.е. «открытым» (в терминологии К. Поппера), плюралистическим обществом. В рамках же СССР сформировалось массовое общество «закрытого» типа, где всячески подавлялись индивидуализм и индивидуальность с их претензиями на автономию, свободу, права, право, с потребностью в их институционализации. Все строилось по преимуществу на массовых инстинктах (выживания / самозащиты), иллюзиях, энтузиазме, «вере», привычке к подчинению, страхе и т.п. И, конечно, это общество не предполагало саморефлексии. Поэтому попытки его понять имели по преимуществу ненаучный характер (как «Архипелаг ГУЛАГ»⁷).

Несмотря на то, что изучение и описание советского общества продолжается уже едва ли не столетие, многое в нем еще не понято. Мы пока не обладаем точным (повторим: насколько это вообще возможно в науке) знанием об истоках, генезисе, природе и причинах гибели этого феномена. В качестве примера отметим: по сей день нет даже определенной ясности в том, есть ли «советский коммунизм» (или, говоря

очень условно, советский коммунистический тоталитаризм) «домашнее», внутреннее дело русской истории или Россия была им инфицирована. Ведь если верно последнее, то коммунизм принадлежит всему человечеству или хотя бы какой-то другой, нерусской его части. А может, «советский коммунизм» явился комбинацией двух этих внешне противоположных причин? Или вообще прав А. Зиновьев, видевший в истории человечества два основных социальных потока: коммунально-коммунистический и «цивилизационный», связанный с поступательным развитием цивилизации и постепенным «очеловечиванием» человека как природно-биологического вида?

Да и западная советология, которая профессионально занималась исследованием нашего «коммунизма» и достигла здесь значительных успехов, не выработала его адекватного понимания. Советологи, хотели они этого или нет, в известном смысле (не все, конечно) оставались бойцами идеологического фронта. И это, вне зависимости от их личных намерений, во многом превращало цель анализа в цель, по которой ведется огонь. Повторим, несмотря на все усилия западных и российских исследователей не преодолен дефицит понимания советского общества. (Во многом из потребности его восполнить и возникло россиеведение.) Кроме того, из всего изученного и описанного пока не сделаны социальные выводы.

И, наконец, самое главное. Все убедительные и авторитетные концепции советского общества создавались либо еще в период его существования, либо сразу после *видимой* кончины. История последних пятнадцати лет показала: «советский коммунизм» во многих своих сущностях сумел выжить в ходе Великой Преображенской (А.И. Солженицын) = Великой криминальной (С. Говорухин) = Великой демократической (демократы) = Великой антикоммунистической (антикоммунисты) = Великой национал-освободительной (национальные освободители) и т.д. революций. Он пожертвовал, кажется, всем – наличным государством, хозяйственным укладом, территорией, идеологией и т.д. Но сохранился в нас – в наших головах, инстинктах, поступках.⁸

То, что случилось с советским обществом, с режимами советского типа в конце XX в., стало новым вызовом для науки. Вызовом, который в полной мере осознан только теперь. Поэтому ключевым направлением для россиеведения мы считаем тему теоретического осмысления выхода России из того, что можно назвать тоталитарной моделью, и попыток строительства какого-то иного (не тоталитарного и не авторитарного) типа общества. В науке существуют различные объяснительные подходы к темам происхождения и бытования тоталитарных режимов.

Распад же тоталитаризма и эволюция общества в каком-то другом направлении прописаны недостаточно. Это мы и хотим понять.

Примечания

¹ Термин «культурно-исторический тип» принадлежит Н.Я. Данилевскому. Уважая заслуги этого мыслителя, мы вкладываем в этот термин несколько иной смысл: скорее, метафорический, чем претендующий на «научность», и уж никогда (как у Николая Яковлевича) – морфологический.

² Надо понимать, что ресурс науки ограничен. Какие-то вещи она принципиально не может описать, в отношении других способна сделать лишь предположения. В науке не может быть все известно, понятно, легко объяснимо. – Это не съезды КПСС, не партийные программы. Она имеет дело с реальной жизнью – и часто отступает перед ее сложностью.

³ Хотя, конечно, мы знаем и времена русской изоляции. Бóльшей частью – самоизоляции.

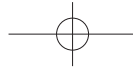
⁴ Труды по россиеведению. Вып. 1. М.: ИНИОН, 2009; Вып. 2. М.: ИНИОН, 2010; Вып. 3. М.: ИНИОН, 2011; Вып. 4. М.: ИНИОН, 2012; Вып. 5. М.: ИНИОН, 2014.

⁵ Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив. М.: ИНИОН, 2010; Современная Россия: Дискуссия. М.: ИНИОН, 2013.

⁶ *Bunпер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3.

⁷ «Ненаучность» этой русской одиссеи XX века не есть какой-то ее изъян. «Опыт художественного исследования» – так сам Александр Исаевич определил жанр «Архипелага». Мы же скажем: для русского самопознания эти три тома имеют такое же (не меньшее!) значение, чем поэма «Мертвые души».

⁸ Когда мы говорим об этом феномене, то имеем в виду вполне определенные качества, ему свойственные: насилие и упрощение в решении любых социальных вопросов, элементаризация восприятия наличной действительности и природы человека, отсутствие толерантности (жизнь по принципу «или-или»: кто не с нами – тот против нас), забвение всяких правовых процедур, постоянные ложь и фальсификации, которые выдаются за борьбу с фальсификациями, тяга не к производству и приращению, а к переделу наличной вещественной субстанции (в развитых обществах именуемой национальным богатством) и перераспределению ее не в общую, а в индивидуальную и групповую пользу, воинствующие антисолидаризм и антииндивидуализм, «чудобесие», «беспочвенность» – агрессивное отрицание традиции как культуры и т.п. Все это воспроизвелось в посткоммунистической России – и не в качестве периферийных явлений («пережитков»), а тотально, победно, реваншистски.

Я.А. ЛАЗАРЕВ

Готова ли украинская историческая наука к диалогу?

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Недавние события в российско-украинских отношениях, начиная с киевского Майдана осени 2013 г. до московского «Марша мира» сентября 2014 г., показали различные формы политического радикализма, образцы жетской / конфронтационной риторики и силового / медийного давления. Однако через тернии политической ненависти стала проступать необходимость в смене антагонистической повестки на поиск диалога, который смог бы отрезвить политических руководителей и убедить от новых жертв. «Марш мира», прошедший 21 сентября 2014 г., активизировал пацифистскую активность интеллигенции в Москве и некоторых других российских городах. К сожалению, стремление к миру превратилось в идеологию, осуждающую лишь любое вмешательство российской стороны во внутреукраинский конфликт, но не действия нового украинского президента. Однако, возникает вопрос как на отмеченные события отреагировало научное историческое сообщество Украины? Какую повестку оно вынесло? Открывает ли она дорогу к диалогу с российским историческим сообществом?

Те из украинских коллег, что не пошли на фронт добровольцами, В. Смолий, В. Горобец, Т. Чухлиб, запланировали организовать 10 ноября 2014 г. серьезную международную конференцию – «Українська гетьманська держава на соціо-політичній мапі ранньомодерної Європи: типове й унікальне». Данную конференцию приурочили к 250-летию со дня ликвидации автономии Гетманской Украины Екатериной II. В рамках заседаний конференции предполагалось обсудить широкий круг вопросов социально-политического и экономического плана, оценить вклад Гетманской державы в международные и культурные процессы раннемо-

дерной Европы, а также обсудить концепцию издательского проекта «История Украинского казачьего государства». Отмеченное событие не могло оставить в стороне автора этих строк, который с выходом ряда своих работ¹ и защиты диссертации,² надеялся на развитие дискуссии о природе украинской государственности во второй половине XVII–XVIII вв., механизмах ее ликвидации. Предложенная к обсуждению тема – «Закат Гетманщины: социально-политические механизмы разложения «украинской государственности» в пост-мазепинское время» – должна была обратить внимание украинских коллег на то, что, располагая историей украинской государственности между «триумфом» (восстание Б.З. Хмельницкого) и «трагедией» (ликвидация автономии в 1764 г.), довольно опрометчиво сводить причины ликвидации Гетманата исключительно к метафизике «империи», реформам Петра I и Екатерины II, поддерживая в т.ч. априори оправдательную стратегию политического выбора гетмана И.С. Мазепы. Ограниченный объем для тезисов заявки диктовал необходимость выделения ключевых концептуальных положений предполагаемого выступления и возможной статьи, где основное внимание отводилось процессам феодализации внутри казачьей элиты, предопределившие поляризацию населения Гетманата и постепенное отмирание казачьих порядков. Несмотря на это, ответ организаторов был категоричен: «Короткий зміст тез, який планувався Вами для доповіді на конференції, не відповідає глибинному інформативному змісту засадничих історичних праць та джерельної бази. А тому пропоновані Вами висновки є суттєво деформованими. Отже, пропонована доповідь не може бути включена до програми зазначеного наукового заходу. Радимо Вам у подальшій науковій роботі більш широко використовувати досягнення світової, зокрема, української історіографії та працювати з джерелами».

Конечно, автор, как и многие другие коллеги, сталкивались с тем, что заявка не получала поддержки со стороны организаторов. Между тем, организующая сторона не ограничилась простым отказом, а указала на то, что предлагаемые к выступлению тезисы «не соответствуют глубинному информационному содержанию основных исторических исследований и источниковой базе», а также «существенно искажены». Разгромное объяснение «собственной несостоятельности», ничего не скажешь. При этом, удивительно «корректными» выглядят «вердикты» относительно тезисов, но не, скажем, работ автора, которые доступны в сети.³ Отмеченные «провиденциалистские» контр-аргументы как будто отсылают к некоему само собой разумеющемуся канону. Отчего автору остается только догадываться, в чем заключаются его «еретические» мысли. Далее письмо заканчивалось патетическим нравоучением, сооб-

разуясь с которым, было рекомендовано «использовать достижения мировой, особенно, украинской историографии и работать с источниками». Что тут ответить? Следуя неписанным правилам международного этикета, когда дело касается замечаний, затрагивающих научную репутацию, следовало бы ожидать более аргументированной позиции, тем более, в столь непростой период российско-украинских отношений, или хотя бы какой-либо отсылки к этим самым достижениям «мировой, особенно, украинской историографии», к документам, которые якобы могли быть проигнорированы в тезисах (!). Однако, и здесь позиция украинской стороны, представляющей цвет Института истории Украины НАН Украины, не демонстрировала склонности к диалогу или «культуртрегерству» в отношении «несостоятельного» коллеги. Символические заклинания о незнании «историографии» и «источника» стали не опорой для новых поисков, а способствовали разъединению мостов. В итоге, что мы имеем?

Стиль ответа заставляет задуматься не столько о степени готовности к какому-либо диалогу (опустим различные конспирологические интерпретации), сколько о готовности подступить к деконструкции национальной истории, особенно, второй половины XVII–XVIII вв., которая остается «священной коровой», покушение на которую не стимулирует поиск ответов на новые вызовы, а вызывает раздражение и желание «проучить» «несостоятельного» коллегу. Отсутствие стремления к деконструкции практик государственного строительства на территории, где зарождалась украинская государственность, можно выделить в работах разного формата. Исследование ли это политических текстов украинской элиты, в котором признается априорное отстаивание основ Украинской казацкой державы.⁴ Будь это уважаемые работы, появившиеся на французском или английском языках, где украинская казацкая элита, что в иммиграции, что в Российской империи хранила в себе извечный «автономизм», не разменивая его на политические выгоды, предлагаемые российским правительством.⁵ При этом анализ политических текстов украинских интеллектуалов и приводимые факты (особенно, в случае с книгой С. Плохия) могут приводить к совершенно иным выводам, давая пищу для размышлений о конструировании профессиональными украинскими историками некой параллельной исторической реальности. Последняя полностью вписывается в конструкт национальной исторической памяти, существующей примерно с 1830-х гг., когда украинской разночинной интеллигенцией было окончательно приватизировано понятие «Украина» и, соответственно, от него производные, до этого имевшие сугубо географическое или административное значение без привязки к конкретным народам, исклю-

чительно за институтами казацкой власти, которые определяются как ядро «украинской государственности», породившее некое самостоятельное независимое государственное образование.⁶ Результатом априорного признания такой схемы национальной истории стали, например, печальная историографическая судьба Г.Ф. Карпова, признанного за свои сугубо источниковедческие штудии и глубокую источниковедческую критику построений Н.И. Костомарова сторонником русификации Украины. При этом сам историк стремился, не выходя за рамки источника, понять статус российского царя как суверена над «Малой Россией» и роль различных акторов в переговорном процессе 1654 г. (особенно, шляхты и городских корпораций). Из недавнего следует отметить поверхностную критику В. Маслаком небесспорной работы современного российского историка А.С. Алмазова.⁷ В контексте деконструкции исторической памяти, поддерживаемой украинским историческим сообществом, следует упомянуть дискуссию вокруг книги петербургского историка Т.Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя: история “предательства”», которая была принята однозначно положительно украинскими историками,⁸ несмотря на серьезные замечания российских историков (И.В. Курукин, К.А. Кочегаров, Я.А. Лазарев, М.А. Киселев).⁹ Замечания последних сугубо источниковедческого плана демонстрируют, что спорные концептуальные построения Т.Г. Таировой-Яковлевой способствуют сохранению историографического порядка, при котором «измена Мазепы» и «реформы Петра I» олицетворяют собой некую вымышленную драму, не способствующую пониманию российско-украинских отношений, сущности Российской империи и механизмов интеграции локальных (национальных) элит. Единственное достоинство этой драмы, выписанной в духе трагедии эпохи романтизма, – сохранение пустых сущностей. Однако, это никоим образом не сказалось на символическом капитале Т.Г. Таировой-Яковлевой, за которой признается мнение исключительно эксперта.

Таким образом, для украинского исторического сообщества конструируется национальной исторической памяти (практически неизменный с 1830-х гг.) является важной частью в научных исследованиях, а также в «социальной работе», которая расставляет критерии «объективности». Несмотря на мировые тренды деконструкции национальной памяти, в украинской исторической науке можно констатировать наличие некоего «пакта». Согласно ему история институтов Войска Запорожского и описание статуса гетманской власти приобретают некие очертания канона, определяющий характер российско-украинских отношений второй половины XVII–XVIII вв. как сугубо негативных. Кроме этого, ни-

велируются действия других акторов исторического процесса, которые своими действиями не стремились вписаться в казацкий государственный проект. Итог этого – сохранение концепта «Гетманской Украины» в качестве монолитного государственного организма. Критика не «очевидности» такой позиции становится покушением на национальную память и не порождает механизмов к выстраиванию путей для серьезного двустороннего научного диалога. Сохранение «каноничных» образов исторических «травм» второй половины XVII–XVIII вв. подменяет ремесло историка воспроизводством идеологий, ненаправленных на сближение исторических сообществ и деконструкции национальной памяти. В чем причина такой ситуации еще предстоит выяснить. Пока можно констатировать «нулевое» значение последних событий для российской украинистики, которая стараниями новой генерации молодых исследователей вряд ли находится в кризисе. Более того, российская украинистика способна многому «научить» украинских коллег.

Примечания

¹ *Лазарев Я.А.* «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е - первой половине 30-х гг. XVIII в. // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)* / Отв. ред. серии А.В. Доронин. Сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013. С. 408-432; *Лазарев Я.А.* Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о реалиях российско-украинских отношений накануне измены гетмана И.С. Мазепы (1706–1708) // *Славяноведение* 2 (2013) (в соавт. с М.А. Киселевым). С. 41-51; *Лазарев Я.А.* «Ласковый телок двух маток сосет»: к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII вв. (в порядке дискуссии с Т. Чухлибом) // *Исторический вестник*. Т. 4 (151). М., 2013. С. 206-218; *Лазарев Я.А.* «Глаза и руки ли государевы?»: роль резидентов при гетманском дворе в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в. // *Исторический вестник*. Т. 6 (153). М., 2013. С. 82-111.

² *Лазарев Я.А.* «Великороссийская» администрация на Гетманской Украине в 1700–1727 гг.: эволюция институтов и их статуса (дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012).

³ <https://usaaa.academia.edu/JackobLazarev> (апрель, 2017).

⁴ См. анализ политических идей Г.А. Полетики, видного украинского интеллектуала второй половины XVIII в.; *Дзюба Е.Н.* Переводческая деятельность воспитанников Киевской академии (XVIII в.) // *Культурные и общественные связи Украины со странами Европы* / Ред. кол. Н.Н. Варварцев и др. Киев, 1990. С. 66; *Когут З.* Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини (1760–1830). Київ, 1996. С. 122, 160-169, 208-209; *Мельник Л.Г.* Гетьманщина в

історико-публицистичних творах Григорія Політики // Український історичний журнал 6 (2003). С. 132, 136; *Плохій С.* Указ. соч. С. 61, 104.

⁵ *Dmytrychyn I.* Grégoire Orlik: Un Cosaque Ukrainien au service de Louis XV. Paris, 2009; *Ploky S.* The Cossack Myth: History and Nationhood in the Age of Empires. Cambridge University Press, 2012 (укр. переклад – *Плохій С.* Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій / Авториз. пер. з англ. Миколи Климчука. Київ, 2013).

⁶ Данное замечание касается понимания различного рода пограничных территорий Московского государства, что на Западе, что на Юге (территории сначала Украинного, а затем Белгородского и Севского разрядов) (См., напр.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. Т. 1. С. 32, 103, 115, 117, 118 и др.). Собственные разыскания автора по проекту И.И. Федюкина («Местные агенты государства в России раннего Нового времени», реализованного при поддержке Фонда М. Прохорова) показали, что производные от понятия «Украина» – «украинцы», «украинные» – относились к детям-боярским Юга России, испомещенных для охраны южных границ в XVII в. См. также деконструкцию понятия «Украина» на материалах первой половины XIX в.: *Маслійчук В.* «Від України до Малоросії». Регіональні назви та національна історія // Україна: процеси націєтворення / упор. А. Каппелер. С. 229-245.

⁷ *Маслак В.* Нові дослідження про гетьмана Івана Самойловича в російській історіографії [Алмазов А.С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. 288 с.]; *Кочегаров К.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012. 224 с.] // Український археографічний щорічник. Вип. 18. Київ, 2013. С. 721-725.

⁸ *Чухліб Т.В.* Рец.: Т.Г. Таїрова-Яковлева. Иван Мазепа й Російська імперія. Історія «зради» // Український історичний журнал 5/500 (2011). С. 190-204; Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой: «Иван Мазепа и Российская империя: история “предательства”». М.: Центрполиграф, 2011. 525 с. ISBN 978-5-227-02578-4 // *Studia Slavica et Balcanica: петербургские славянские и балканские исследования* 2/10 (2011). С. 119, 121; *Яценко В.Б.* Рец.: Т.Г. Таирова-Яковлева. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М.: Центрполиграф, 2011 // Критика. Рік XVI. № 1–2 (171–172) (2012). С. 22.

⁹ См.: Обсуждение монографии Т.Г. Таировой-Яковлевой... С. 146-151; *Лазарев Я.А.* Проблема соотношения Киевской губернии и Гетманской Украины в годы петровских реформ в российской историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. No. 13 (132). Вип. 23 (2012). С. 89-98; *Лазарев Я.А.* Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о реалиях российско-украинских отношений накануне измены гетмана И.С. Мазепы (1706–1708) // *Славяноведение* 2 (2013) (в соавт. с М.А. Киселевым). С. 41-51; *Лазарев Я.А.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г. (в порядке дискуссии с Т.Г. Таировой-Яковлевой) // *Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы*. Вип. IV. М., 2014. (в соавт. с М.А. Киселевым) (в печати).

TAMÁS KRAUSZ

Отождествима ли нацистская Германия с СССР?

**ИЛИ КАК ПЕРЕПИСЫВАЮТ ИСТОРИЮ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЕЙНСТРИМА
ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ?***

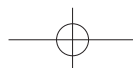
Обзор полного историографического спектра по данной тематике невозможен в пределах одной статьи, поэтому в центре настоящей работы стоит один вопрос и один автор, которые позволяют показать систему воззрений и метод, в значительной степени пронизывающие уже и учебники для средних и начальных школ. В Венгрии уже целый год продолжается широкая дискуссия, которая была вызвана появлением сборника документов, составленного мной совместно с Евой Марией Варгой. Этот сборник документов был собран нами при поддержке наших российских коллег на основе документов из московских архивов. Впервые в истории венгерской исторической науки опубликованы переведенные на венгерский язык советские документы, отражающие зверства венгерских оккупационных частей и их участие в нацистском геноциде с лета 1941 по лето 1944 гг.¹ По случаю выхода в свет упомянутого сборника мы опубликовали важнейшие элементы нашей позиции и на русском языке.²

Метод и идеологическая конструкция

В методологическом плане наследницей прежнего, вульгарно-марксистского объяснения истории стала зародившаяся в раннюю эпоху

---

* Работа выполнена в рамках совместного проекта (№ 17–21–07001) «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века», поддержанного Фондом за русский язык и культуру в Венгрии (Будапешт) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ, Москва).

холодной войны т.н. теория тоталитаризма, основанная на гипотезе отождествления нацизма (фашизма) и «коммунизма». Ныне эта представляющая мейнстрим идейная конструкция является универсальной отмычкой, которая, казалось бы, открывает все двери. На самом же деле она сковывает научное мышление и замыкает границы теоретического анализа: если и в нацистской Германии, и в СССР существовали однопартийная система и диктатура, значит они отождествимы, Гитлер тождественен Сталину, а нацистский фашизм коммунизму. В Венгрии одним из наиболее эффективных представителей этой концепции является Кристиан Унгвари. Именно он опубликовал наиболее эмоциональную критику на наш сборник документов в главном венгерском историческом журнале «Századok» (2014, № 1), которая написана в духе упомянутой выше «теоретической» концепции.

Конечно, попытки подвергнуть ревизии военную роль нацизма и нацистской Германии и историю Великой Отечественной войны делаются не только в венгерской исторической науке. Начало «пересмотра», отправные точки современного ревизионистского подхода к истории необходимо искать еще во временах, предшествовавших смене режима. Происхождение и один из главных потоков этого отравленного духовного источника в исторической науке могут быть связаны с появлением в 1980-х гг. новых правых в Европе, прежде всего с поворотом, осуществленным Эрнстом Нольте, имя которого получило широкую известность в ходе т.н. «спора историков» в Германии. Немецкий историк совершил этот поворот, не скрывая своей цели, состоявшей в том, чтобы подвергнуть ревизии традиционную антифашистскую историческую и политическую позицию относительно исторической роли нацизма в духе «антимодернистского», обращенного к прошлому, своеобразного «христианского консерватизма» и выступить в «защиту немцев» против «дискриминационного поведения левых». Известный венгерский историк Миклош Сабо, скончавшийся в 2000 г., очень точно охарактеризовал поворот Нольте³ в связи с перепиской между Нольте и Фюре⁴: «Нольте является последователем Хайдеггера. Этот идейный посыл приводит его в лагерь салонных неонацистов».⁵ Возвратившись к логике холодной войны, Нольте также занялся изучением *тоталитаризма* и как бы «подключил» историю социализма к истории фашизма, связал нацистский фашизм с большевизмом на «причинно-следственной основе»,⁶ будто бы первый был ответом на второй. Частью рассуждений Нольте стала его попытка придать рациональный характер истории гитлеровского антисемитизма, как будто его настоящей движущей силой следует считать «еврейский мессианизм».⁷ В своем ответном письме Ф. Фюре решительно отверг хитроумную

«концепцию холокоста» Нольте, которая в определенном «рациональном» измерении завуалировано возвращает в науку гитлеристский топос «всемирного еврейского заговора».⁸

Многие уже критиковали склонность «пронациста Нольте» к отождествлению фашизма и коммунизма, на основании чего историк ввел нацизм в рамки «нормального» исторического развития. Тем не менее за последние четверть века эта концепция, далеко выйдя за пределы научной дискуссии, стала во многих странах Восточной Европы составной частью национально-государственной, властно-политической легитимации. В Венгрии дело дошло до того, что ныне официально героизируют хортистскую армию, виновную в геноциде. В конечном итоге суть ревизионизма, идущей и в исторической науке, в том, что значительная часть ответственности за войну между СССР и нацистской Германией возлагается на Советский Союз, главную жертву нацистского нападения.⁹ Идеологическим цементом подобных взглядов является теория тоталитаризма, которой так охотно пользуется и наш критик. Теорема отождествления нацистской Германии и СССР, этот идеологический монстр, открывает путь самым абсурдным фантазиям, делает возможными самые невероятные упрощения. Кристиан Унгвари, известный историк,¹⁰ вступивший уже в пятый десяток, дополнил это еще и тем, что отождествил сталинизм с Советским Союзом, то есть, по его мнению, народы СССР и Красная армия практически защищали такое же неправо дело, как и Вермахт и СС.

Для построения этой псевдоисторической концепции Унгвари необходима своеобразная методология, *метод рефлекторного освещения*. Еще в 1980-х гг. некоторые немецкие историки как раз в полемике с Нольте указывали на то, что историку не следует пользоваться «методом рефлекторного освещения», то есть подходить к истории как к темной пещере, в которую светят фонарем, задерживаясь на некоторых, вызывающих интерес предметах и хорошо освещая их и в то же время не обращающая внимание на другие факты, явления и предметы, которые считаются неважными. Не случайно упомянутый автор оставляет без объяснения даже и самый важный вопрос: как СССР, который до судьбоносной Сталинградской битвы по существу воевал своими силами, без серьезной заграничной помощи, все же сумел победить Германию, изначально стоявшую на более высоком уровне технического развития. В нарратив Унгвари явно не вмещается проблематика, которой посвящен недавно выпущенный немецким историком сборник документов, непосредственно связанных со Сталинградским сражением.¹¹ Сборник проливает свет на важные психологические факторы, помогающие понять, как Красная армия оказалась способна победить нацистов, и почему по-

давяющее большинство советского народа, несмотря на ужасные удары, нанесенные нацистами, а может быть отчасти как раз под влиянием этих ударов, в течение долгих лет упорно защищали СССР, свою Родину или, согласно интерпретации Унгвари, напоминающей старые вульгарно-марксистские объяснения, сталинский режим.

В то же время к конечным выводам, которые делаются из отождествления фашизма и коммунизма в рамках концепции тоталитаризма, по необходимости принадлежит еще один логический кульбит, который совершает и Унгвари, «умалчивая» о том, что гитлеризм не имеет особой истории, которая может быть отделена от истории концентрационных лагерей уничтожения, колонизаторского геноцида, разгула насилия и террора и беспощадного угнетения и ограбления других народов. В результате этого вне рассмотрения остается то, что сталинизм как террор, ГУЛАГ, личная диктатура, деспотизм власти и вытекающие отсюда непростительные преступления, каким бы важной и существенной частью, каким бы фундаментальным слоем советской истории он ни был, все же является только *одним* из слоев этой истории. У нацизма нет истории вне «криминальности».

Идеологическая концепция «двух одинаковых диктатур» ликвидирует «абсолютное зло», которое воплощалось в нацизме. В этом нарративе очень популярен охотно цитируемый и Унгвари тезис о «населении, оказавшемся между нацистским молотом и советской наковальней», который просто уравнивает немецкого нацистского агрессора, развязавшего геноцидную войну, с жертвой агрессии, Советским Союзом.¹² Получается, что, как и пишет сам Унгвари, «отечественная война – это миф». Но если не было отечественной войны, тогда вся деятельность нацистской Германии, суть которой составлял геноцид, предстает совершенно в другом свете, открывается возможность не только для оправдания венгерских оккупационных войск, но даже и для пронацистских выводов.

Геноцид

Унгвари признает существование *плана* геноцида, однако отрицает его реализацию «на практике», утверждая, что в действительности все «шло не совсем по плану».¹³ У Унгвари получается, что к геноциду «стремились планы» (именно так, безлично), существовало «намерение», но на практике все произошло несколько иначе. Он пишет о «так называемом геноциде», который был осуществлен не столько нацистами и их сообщниками, сколько скорее служившими нацистам представителями

«подлежавших уничтожению этнических групп», то есть русскими и людьми других национальностей... (с таким же успехом он мог бы с некоторым преувеличением сказать, что Освенцим эксплуатировали сами евреи!?). Конечно, эта точка зрения Унгвари – настоящее искажение действительности, верх цинизма. Однако неразбериха лишь увеличивается по той причине, что Унгвари категорически *отрицает геноцид* в случае *венгерских* оккупационных войск.

Что же произошло на самом деле?

Как в нацистских планах, так и в технико-стратегических приказах и в практической деятельности между уничтожением славян и евреев существовала *связь*, если бы я не боялся показаться циничным, я бы сказал, что между планом и практикой возникла гармония. Однако метод рефлекторного освещения не позволяет заметить связь между явлениями. Унгвари *hic et nunc* просто «позабыл» о плане Ост, в котором на одной и той же странице фигурировали данные о количестве подлежащих уничтожению славян и евреев. В действительности планы не только нельзя противопоставить практическим действиям, но даже можно утверждать, что после начальных трудностей нацисты значительно превысили предварительные предписания.

В этом отношении на фантазию Унгвари, применяющего метод рефлекторного освещения, уже и раньше, при написании касающейся данной темы книги, влияли следующие данные: некоторые генералы Вермахта по разным причинам, но, как признает Унгвари, не из соображений гуманности, воспротивились буквальному выполнению отдельных приказов, связанных с осуществлением геноцида, прежде всего приказа о комиссарах.¹⁴ Однако если придерживаться фактов, то следует сказать, что, вопреки утверждению Унгвари, эти генеральские «протесты» в действительности не повлияли на осуществление геноцида и не внесли в него никаких изменений.

На самом деле приказ о комиссарах относился не только к комиссарам, как интерпретировал и интерпретирует его Унгвари. Когда Унгвари на основании одних лишь нацистских документов пишет о казни относительно небольшого числа комиссаров,¹⁵ он «забывает» о том, что этот приказ предполагал и уничтожение еврейских военнопленных, а также в принципе всех солдат и офицеров, принадлежавших к коммунистам. Если не подчеркивать этого, то становится труднее понять, что нацистское военное руководство заранее наметило и сформулировало в конкретных приказах план геноцида, который и был осуществлен необычайно радикальным образом.

Израильский историк Арон Шнер, проанализировав в очень интересной статье проблематику геноцида, также обратил внимание на *внутренний контекст* приказов нацистского руководства,¹⁶ без которого нельзя понять гармонию между сознательным намерением, планом и практическим осуществлением геноцида. Сам «приказ о комиссарах»,¹⁷ разработанный на основании распоряжений Гитлера 5 мая 1941 г., подтвержденный 6 июня и затем разосланный командующим армиями, «был юридическим обоснованием уничтожения советских евреев-военнопленных».¹⁸ Следовательно, в этом приказе следует видеть проявление одного из главных направлений геноцида, в рамках которого ставилась и была осуществлена цель физического уничтожения возможных «физических» носителей коммунистического идеологического влияния. В действительности в частях нижнего звена геноцидные приказы последовательно выполнялись, чего, разумеется, не могло быть без директив немецкого Верховного командования Вермахта (OKW) и Верховного командования сухопутными войсками. Верховное командование Вермахта и его генералов невозможно «очистить» от обвинения в руководстве осуществлением расового геноцида. Эта проблематика, эти попытки «отмыть негра» с давних пор освещаются немецкими историками, которые, в отличие от Кристиана Унгвари, ведут объективные исследования. Здесь достаточно сослаться на фундаментальный труд известного историка, профессора Гейдельбергского университета, Кристиана Штрайта.¹⁹ Унгвари тоже охотно использует, цитирует данные немецкого коллеги, но вырывает цифры из контекста и замалчивает прекрасные выводы и научно обоснованную концепцию Штрайта ради своих крайних представлений.

Понятно, что факт подчинения деятельности венгерских оккупационных войск немцам (включая, конечно, прежде всего Вермахт и СС!) предопределил основное направление этой деятельности. В своей опубликованной десять лет назад книге Кристиан Унгвари и сам правильно подчеркивал: «Руководство Вермахта и венгерской королевской армии не только знало о массовых казнях, но и должно было координировать их проведение. Военная администрация с самого начала принимала участие в организации преследований евреев, прежде всего введением для евреев особого отличительного знака и организацией гетто, а также принудительных работ. В этом приняли участие и венгерские части и венгерская оккупационная администрация».²⁰ «Прежде всего» они действительно занимались этим, но следует сразу добавить, что, как я уже подчеркнул выше, «кроме этого» они приняли активное участие и в конечной фазе холокоста, в уничтожении евреев.

Венгерская (и не только венгерская) «ревизионистская» историческая наука неспособна понять и истолковать подобные «тонкие» различия. И это естественно, если целью историка становится ликвидация антифашистского нарратива и понятия отечественной войны и разницы между «хорошей и плохой стороной».

Кристиан Унгвари, как большинство венгерских историков, с помощью метода рефлекторного освещения как бы стирает с «картины» геноцида венгерские оккупационные войска, но не стирает с нее румын, латвийцев и украинцев, только венгров. При такой аргументации вся проблематика геноцида вынимается из общего контекста войны, которую вели нацистская Германия и ее союзники, не связывается с характером и целями этой войны, а «хитроумно» рассматривается лишь как часть «партизанской войны», как будто эта война шла в некоем вакуумном пространстве.²¹ Полемизирующий с нашим сборником Унгвари утверждает: «На тех территориях, где не велись военные действия, венгерские оккупанты не совершили массовых убийств, за исключением большей частью пассивного участия в холокосте».²² Здесь опять-таки что ни слово, то фальшь. По имеющимся ныне данным, венгры совершили массовые убийства на 19 территориях СССР (общей площадью более пяти Венгрий), в сотнях или даже более тысячи населенных пунктов, деревнях и городах, на замерзших реках и в обрывах, вблизи и вдали от линии фронта. Все равно, участвовали ли в этом солдаты Восточной или Западной оккупационной группы. И оправдание геноцида, кстати совершенно необоснованное, со ссылкой на то, что венгры лишь «пассивно участвовали» в холокосте, как будто это вовсе и не участие в геноциде, вся эта словесная размазня уводит мышление в сторону полного абсурда.²³ Опубликованные в нашем сборнике источники и множество неопубликованных архивных документов, в том числе приказ № 10 венгерского генштаба, со всей очевидностью свидетельствуют о массовых убийствах советских граждан еврейской национальности, о передаче этих граждан немцам и о выполнении венграми охранных и иных задач, сопровождавшихся совершением убийств. Унгвари не обратил внимания на то, что, как свидетельствуют некоторые документы из Исторического архива служб Государственной безопасности, опубликованные в приложении к нашему сборнику, венгерские военнослужащие и сами рассказывали о своем очень даже активном участии в холокосте. Иначе говоря, некоторые военнослужащие прямо гордились своей ролью в уничтожении евреев и разрушении советских сел. На это *активное участие* ссылался и я в предисловии к нашему сборнику, процитировав опубликованные в нем и другие документы.²⁴ Таким образом, осуществленный нацистами геноцид

был делом рук не только немцев, но и румын, венгров, финнов, латвийцев, украинцев и т.д.

В исследованиях Унгвари нет ясных понятий; поэтому его нарратив распадается на части. Унгвари не определяет понятия геноцида в его исторической конкретности, зато именно этому вопросу посвящена ясная, хорошо написанная статья русиста Акоша Силади, опубликованная именно в связи с дискуссией о нашем сборнике в газете «Élet és Irodalom». Автор этой статьи точно контекстуализирует понятие нацистского геноцида, орудиями которого стали и венгерские оккупационные войска: «...в тотальной войне нацистской Германии геноцид был не побочным явлением, а геноцид за линией фронта или в тылу являлся не второстепенным театром военных действий, а характерной, сущностной отличительной чертой этой войны и ее важнейшим фронтом, поскольку военной целью нацистской Германии была *расовая колонизация* (“германизация”, “ариезация”) всего мира, включая полное или частичное уничтожение, выселение или использование рабского труда расово «неполноценных» этнических групп, проживающих на завоеванных или подлежащих завоеванию территорий... В этой войне, как это видно не только из практических действий, но и из выраженных в приказах намерений, были ликвидированы все различия, правовые разграничения современного европейского военного права... даже чисто военные результаты, успешные военные маневры непосредственно способствовали реализации плана всемирного геноцида нацистского «преступного государства».²⁵ Таким образом, в этом контексте должна рассматриваться вся деятельность венгерских оккупационных войск в 1941–1945 гг.

Основные расистские цели нацистского геноцида, уничтожение евреев, ликвидация всех «подозреваемых» в партизанской деятельности, в том числе женщин и детей, а также взятие заложников и массовые казни мирного населения в целях устрашения и т.д., были сформулированы лишь в апреле 1942 г. в директиве № 10 венгерского генштаба (начальник генштаба: Ференц Сомбатхеи).²⁶ Однако Унгвари по неизвестным причинам просто умалчивает об этих частях директивы № 10.

Итак, в отличие от немцев, венгры прибыли на советскую землю не с целью осуществления геноцида, но, во всяком случае, вступили под руководством Хорти в геноцидную войну на стороне нацистов и в подчинении Вермахту и СС, в результате чего неизбежно были вовлечены и в осуществление геноцида. Все это яснее ясного подтверждается документами из российских архивов.

Внимание, фальсификация!

«Тоталитаристское» идеологическое намерение непременно дискредитировать Сталина и Советский Союз при освещении любого вопроса, связанного с историей войны, иногда приводит к фальсификации документов. Подобные фальсификации – как бы в виде инверсии сталинистской традиции – характерны и для современной антикоммунистической исторической науки. В этот тупик зашел и Кристиан Унгвари. И, к сожалению, не в первый раз.²⁷ Имеет смысл с назидательной целью рассмотреть один момент его статьи: «...3 июля 1941 г., – пишет мой известный коллега, – Сталин провозгласил тактику “выжженной земли”, которая была подтверждена в приказе № 0428 Ставки Верховного Главного Командования от 17 ноября 1941 г. В приказе отдавалось распоряжение уничтожить авиацией и артиллерийским огнем населенные пункты в тылу немецких войск, невзирая на мирное население».

Подобно гонящимся за миражами историкам, Унгвари строит на фальшивой цитате из явно сфальсифицированного документа целую концепцию, стараясь доказать, что Сталин и советское руководство были не меньшими варварами, чем гитлеристы. Прежде всего, речь идет о знаменитом выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г., в которой он, обратившись «к братьям и сестрам», впервые со времени нацистского нападения обрисовал народам СССР сложившуюся драматическую ситуацию и подлежащие решению актуальные задачи. Унгвари, видимо, видел лишь какой-нибудь немецкий перевод, причем, скорее, неточный перевод этого документа, ведь в русском оригинале не говорится ни слова о тактике «выжженной земли», которую в действительности, как мы видели выше, провозгласили и осуществляли на советских территориях как раз нацисты. В этом выступлении Сталин призывал ответить на «вероломное нападение» фашистов «всемирной отечественной войной», конечной целью которой он назвал освобождение народов Европы от фашизма. В выступлении Сталина есть мысль, которая, очевидно, послужила основой для использованной Унгвари сфальсифицированной версии: «При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться».²⁸ А что же должны были сделать Сталин и советское руково-

дство, чтобы лишить нацистских оккупантов советских запасов сырья и продовольствия? Второй, помеченный 17 ноября 1941 г. документ, на который ссылается Унгвари, упоминается им в прямо сфальсифицированной форме без указания на какой-либо конкретный источник. (Вот тебе и корректное использование источников!) Позаимствованная Унгвари из третьих рук фальшивка создает впечатление, что Сталин, а также советское военное и политическое руководство не щадили собственного населения и уничтожали мирное советское население подобно нацистам. Конечно, эту вопиющую фальшивку придумал не Унгвари, у нее гораздо более длинная история, хотя военному историку, считающему себя специалистом по данной теме и хорошо знающему немецкий язык, следовало бы знать хотя бы соответствующую немецкую историческую литературу.²⁹ Достоверный с архивной точки зрения документ, подписанный Сталиным и Шапошниковым приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428, естественно, не содержит указания об уничтожении гражданского населения. В первом пункте документа Ставка приказывала «Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог».³⁰ Зато в третьем пункте документа содержится прямо противоположное тому требованию, которое цитирует, а, точнее, упоминает без ссылки Унгвари. Эти слова были собственноручно вписаны Сталиным в текст оригинала документа: «При вынужденном отходе наших частей на том или ином участке *уводить с собой советское население* (выделено мной. – Т. К.) и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать».³¹

Очевидно, что фальсификации такого типа возникают не случайно, и Унгвари это должно быть точно известно, ведь он не впервые сбивается с пути в блужданиях по извилистым дорогам советской истории. Он сильно облегчил бы свою задачу, если бы внимательно и беспристрастно прочитал наш сборник. Без этого, как ни странно, он просто путает типы и происхождение документов, помещенных в нашем сборнике. Он считает, что в нашем сборнике опубликованы только документы ЧГК и не видит того, что, по крайней мере, половина книги состоит из документов, хранящихся в архиве службы безопасности. Историк не справился даже с не слишком сложной задачей по отделению документов ЧГК от документов НКВД / МВД и НКГБ / МГБ. К тому же, он не заметил или не захотел заметить, что в сборник объемом в 629 страниц невозможно было включить и те немецкие и венгерские документы, которые не опубликовал и он, и которые за прошедшие два-три десятилетия никем не изучались даже с приблизительной полнотой, хотя в этой области дальше всех про-

двинулся, несомненно, именно Унгвари. Именно поэтому он и должен понимать, что, помимо документов ЧГК и архива службы безопасности, нет другой группы документов, которая была бы основана на методичном сборе данных, охватывающих геноцид *в целом*. В конечном итоге, Унгвари приходит к теории заговора, за которым скрывается режиссерская рука Сталина или Жданова, и поэтому не видит и не понимает, что данные, документы ЧГК не удовлетворили запросов Сталина и советского руководства, в результате чего, как было указано нами в критикуемом Унгвари предисловии к сборнику, осенью 1945 г. они были засекречены. Унгвари непрерывно отвергает наконец-то ставшие доступными советские архивные документы, по его логике российские архивы можно вообще закрыть... Не будем отворачиваться от документов! Они наконец-то доступны для изучения!

* * *

Вероятно, никогда не удастся точно установить, сколько людей было убито венгерскими оккупационными частями. Не только из-за невозможности точного подсчета данных, но и потому, что венгры, – не забудем, речь идет о более 100 тыс. военнотружущих оккупационных войск, – не всегда принимали участие в уничтожении множества людей в качестве непосредственных убийц, а часто выполняли функции охранников, сопровождающих, арестовывающих и допрашивающих лиц или «погонщиков», доставлявших людей на принудительные работы. Но даже если цифры не точны, нужно все же уметь обращаться с доступными данными, что, безусловно, не является сильной стороной Унгвари. Конечно, каждый имеет право работать с данными документов СС, это полезная работа, однако плохо то, что наш критик не ориентируется как раз в материале по Черниговской области, о которой выносит «окончательный приговор» на основании немецких данных. Унгвари не знает о том, что те 12 районов, в которых только венграми было убито 38 611 человек, не составляют всей территории области. На самом деле Черниговская область состоит из 22 районов. Отсутствие определенных знаний влечет за собой далеко идущие последствия. Унгвари не понял, что ликвидация 103 614 мирных граждан, совершенная на *всей* территории, то есть во всех 22 районах Черниговской области, как в источниках, так и в предисловии к нашему сборнику интерпретируется в качестве преступления, совершенного совместно немцами и венграми. Общим немецко-венгерским преступлением был и расстрел в этой области 24 164 военнопленных. Общими преступлениями можно назвать и убийство 40 000 мирных граждан и 3000 военнопленных в Бресте, 6900 мирных жителей в

г. Кобрин Брестской области, а также 2334 мирных жителей и 600 военнопленных в г. Середина-Буда Сумской области. Все эти жертвы находятся и на счету венгров. Таковы пока установленные цифры, согласно которым всего было убито более 180 000 человек. Но, конечно, это лишь малая доля жертв, ведь, по нашим подсчетам, венгерские оккупационные войска совершали убийства на территории 19 районов, в том числе в Воронежском районе, где количество уничтоженных советских граждан, видимо, нужно исчислять не тысячами, а десятками тысяч, но необычайно много убийств было совершено и в Харьковском и Брянском районе, а также во многих других районах Белорусской ССР. На современном уровне наших знаний можно определенно утверждать только то, что при участии венгерских военнослужащих было уничтожено минимум 180 000 – 200 000 мирных советских граждан и военнопленных.³² Изучение данных по неучтенным здесь территориям несомненно позволит уточнить эту картину. Пока даже не стоит и гадать, какой может быть максимальная граница численности советских граждан, уничтоженных при участии венгерских военнослужащих.

Есть и гораздо более важная проблема: не следует возвращаться *mutatis mutandis* к идеологическому и историографическому наследию холодной войны. Историк не обязан выбирать между двумя отрицательными крайностями новой эпохи, между глобалистским универсализмом и националистическим фундаментализмом. *Tertium datur... третья возможность* означает лишь то, что отнюдь не обязательно, оставив науку и отдалившись от правила *sine ira et studio*, поступать на службу тому или иному политическому курсу и стараться удовлетворить его легитимационные запросы.

Примечания

¹ A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947), (Венгерские оккупационные силы в Советском Союзе. Архивные документы 1941–1947) / Ред. Krausz Tamás, Varga Éva Mária. Budapest: L'Harmattan, 2013.

² Варга Е.М., Краус Т. Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза // Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главархива Москвы, 2013. С. 285-312.

³ См.: Ernst Nolte. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963. Нольте одним из первых изобразил и проанализировал характерные черты и причины нацистской войны на уничтожение, в нашу задачу не входит размышление о мотивах осуществленного им позже поворота.

⁴ Переписку между Э. Нольте и Ф. Фюре, см.: Világosság, 2000. 3. sz. 10 – 26.о.

⁵ Szabó Miklós. A "helyzethiány" ellenforradalma // Világosság, 2000. 4. sz. 55.o.

⁶ Это было решительно отвергнуто даже Ф. Фюре, который, в целом с большим пониманием, относился к Нольте из-за якобы «дискриминационного отношения» к нему левых. В своем ответе Фюре однозначно сформулировал свое мнение: «...придавая первенству большевизма во времени не только хронологическое, но и причинное значение, Вы подставляете себя под обвинение в намерении обелить нацизм». Világosság, 2000. 3. sz. 16.o.

⁷ См.: Письмо Нольте Фюре, Берлин 20 февраля 1996 г. // Világosság, 2000. 3. sz. 11 – 13.o.

⁸ См. Письмо Фюре Нольте // Világosság, 2000. 3. sz. 21 – 25.o.

⁹ Унгвари делал такие попытки и в своих прежних работах, на которые я реагировал в полемической статье: *Krausz Tamás. Jaj a győzőknek?* (Горе победителям?) // In: *Krausz Tamás. Vítás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében* (Спорные вопросы истории СССР и Восточной Европы XX века). *Ruszsztikai Könyvek XXXIII.* Budapest: Russica Pannonica, 2011. 100 – 121.o.

¹⁰ На Унгвари уже обратили внимание и в Германии в связи с одной из его книг, опубликованной на немецком языке, в которой он пытается подвести итоги хортистского режима. Однако в большом старании он провел параллель между холокостом и послевоенным выселением немцев, которая подверглась резкой критике даже в «Die Welt». См.: <http://www.welt.de/kultur/article121262464/Erzwingen-Armut-und-Hinterwaeldertum-Judenhass.html> (May, 2017).

¹¹ *Jochen Hellbeck: Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht.* Frankfurt am Main: Fischer Verlag GmbH, 2012.

¹² Автор этих строк, несмотря на все делаемые им ясные различия, всегда отвергал все те беспринципные аспекты и практические тенденции сталинской политики, которые воплотились в германо-советском договоре о дружбе 1939 г. и дезорганизовали антифашистское движение во всей Европе в 1939–1941 гг.

¹³ *Ungváry Krisztián. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok 1941–1947* (Венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза. Архивные документы 1941–1947); *Századok*, 2013. 6. sz.

¹⁴ *Ungváry Krisztián: A magyar honvédség a második világháborúban* (Венгерская армия во второй мировой войне). Budapest: Osiris Kiadó, 2004. 73 – 74.o.

¹⁵ *Ungváry Krisztián: A magyar honvédség... 70 – 71.o.*

¹⁶ Этой проблеме посвящена первая глава его книги: *Шнер Арон. Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945.* Москва – Иерусалим, 2005. – [http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava1os_v\[2\].htm#_ftn18](http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava1os_v[2].htm#_ftn18) (май, 2013).

¹⁷ См.: <http://www.ns-archiv.de/krieg/1941/kommissarbefehl.php> (май, 2017).

¹⁸ *Шнер Арон. Плен... – http://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava1os_v[2].htm#_ftn18* (май, 2017).

¹⁹ *Christian Streit: Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941–1945.* Bonn 1997. Полный русский перевод издания 1997 г. (первые книга вышла в свет в Германии в 1978 г.) был опубликован в 2009 г.: *Кристиан Штрайт. «Они нам не товарищи». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг.* / Пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М.: АНО «Русское историческое общество» – НП ИД «Русская панорама», 2009. 480 с. (Серия «Весь мир»).

²⁰ *Ungváry K. A magyar honvédség... 110.o.*

²¹ Между тем Кристиан Унгвари когда-то знал, что венгры не вели войну отдельно от немцев: «...венгерские оккупационные силы находились в одинаковых с немцами условиях и по вопросам, касающимся населения и военнопленных, подчинялись одним и тем же командам, подвергались влиянию одних и тех же вынуждающих обстоятельств...». *A magyar honvédség...* 44., 46.o.

²² *Ungváry K. A magyar megszálló csapatok... Századok*, 2013. 6. sz.

²³ Молодой венгерский историк Акош Фориш на основе венгерских документов описал массовые убийства, совершенные отдельными частями Западной оккупационной группы в Гайсине и его окрестностях, активное участие этих частей в холокосте. См.: *Eszmélet*, 101. sz. (2014. tavasz).

²⁴ Вопреки тому, что утверждает, например, и ведущий венгерский историк, академик Игнац Ромшич, венгерские оккупационные войска совершали массовые убийства и участвовали в холокосте и на тех территориях, где о партизанской войне не было и речи (напр., в Гайсине и его окрестностях).

²⁵ *Szilágyi Ákos. Hideg évek. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban* (Холодные годы. Венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза). *Élet és Irodalom*. 2013. március 22. 13.

²⁶ См.: *A folyó háború tapasztalatainak ismertetése. Partizánharcok...*

²⁷ Не говоря уж о том, что в Венгрии именно Кристиан Унгвари «подогрел» тезис нацистской пропаганды о «превентивной войне» против Советского Союза, который первоначально был сформулирован «пресс-секретарем» нацистского министерства иностранных дел (Carell, P[aul], [d. i. Paul Karl Schmidt]: *Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Rußland*, Berlin 1963. См. еще: Штрайт. «Они нам не товарищи»... С. 325). К сожалению, наш коллега и ранее оперировал фальсифицированными документами. Он пытался с помощью фальсификации доказать, что у Сталина в 1939 г. была «ориентация на мировую революцию», что вызвало в Венгрии серьезное профессиональное противодействие. См. дискуссию с участием Миклоша Митровича, Золтана С. Биро и Габора Секея: *Élet és irodalom*, 2009. szeptember 4. (38. sz.), 19. (38. sz.), 25. (39. sz.) október 2. (40. sz.), október 9. (41. sz.), október 22. (43. sz.), december 4. (49. sz.); *Krausz Tamás. Víták Magyarországon a német-szovjet megnektámadási egyezmény értékeléséről. Ki a felelős a háborúért?* (Венгерские дискуссии об оценке германо-советского договора о ненападении. Кто несет ответственность за войну) // In: *Krausz Tamás. Vítás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében* (Спорные вопросы истории СССР и Восточной Европы XX в.). *Ruszsztizikai könyvek XXXIII*. Budapest, 2011. 106-121.

²⁸ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1947 г. С. 9-17.

²⁹ Фальсификация приказа была разоблачена двумя немецкими историками уже более десяти лет назад, подробнее см.: *Christian Hartmann, Jürgen Zarusky. Stalins „Fackelmänner-Befehl“ vom November 1941. Ein verfälschtes Dokument. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 4. (2000). 667-674. Сфальсифицированный источник впервые был опубликован в кн: *Fritz Becker: Stalins Blutspur durch Europa: Partner des Westens 1933–1945. Arndt, Kiel, 1995. 268.* Оригинал приказа хранится в Российском государственном военном архиве: РГВА Ф. 4, оп. 11, д. 66, лл. 221–222. Публикация: Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2) / Ред. В.А. Золотарев. М.: ТЕРРА, 1997. С. 120-121.

³⁰ *Русский архив...* 1997. С. 120.

³¹ Там же. С. 121.

³² См.: *A magyar megszálló csapatok...* 14., 31., 499. o.

Е.И. САМАРЦЕВА

Русское зарубежье XX века

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Всестороннее изучение Русского зарубежья представляет интерес для исследователей разных стран мира и, зачастую, несхожих научных специализаций. Позволю, с определённой долей условности, обозначить ряд тематически актуальных ракурсов.

Во-первых, хотя бы несколькими фразами остановлюсь на довольно известной «сюжетно-хронологической» эволюции Русского зарубежья. При всей дискуссионности вопросов о зарубежной России (русском рассеянии, русском зарубежье, российской эмиграции...) – большинство исследователей склонны считать, что значимый в количественном плане выезд из России (причём, в течение короткого периода) относится к началу 20-х гг. XX века. Именно эта, так называемая «первая волна» эмиграции положила начало Русскому зарубежью и стала его культурно-мировоззренческой основой. Возникновение «второй волны» обычно связывается с периодом после Второй мировой войны. «Третья волна» нередко определяется 60-ми – 80-ми гг. XX века. Наряду с этим не оспаривается точка зрения, что эмиграция существовала в России и в предыдущие столетия, а период конца XIX – начала XX вв. допустимо считать «первой волной» эмиграции; равно – последние 15 лет XX века и столько же «от» XXI века – можно рассматривать отдельными «волнами».

Вне зависимости от количественного определения эмигрантских волн, наиболее существенным для исторической науки остаётся вопрос о культурно-просветительной миссии выходцев из России, особенно о сохранении отечественных традиций представителями и потомками «первой волны» эмиграции. Когда я писала эти строки, на электронную почту пришло письмо доктора филологических наук, заслуженного профессора Сорбонны Вероники Петровны Жобер. К письму прикреплена фотография её двух очаровательных внучек. Судьба нескольких

поколений этой семьи во многом помогает понять смысл облачно ускользающего понятия «Русское зарубежье».

Дед Вероники Петровны – царский офицер И.С. Ильин вместе с семьёй (женой Екатериной Дмитриевной Воейковой-Ильиной и маленькими дочками Наташей и Олей) – в феврале 1920 года навсегда покинул Россию. Из дневника И.С. Ильина: «Вот и Харбин. Масса эшелонов. Мы пока остаёмся в своём вагоне, который датчане на несколько дней оставляют за нами, пока мы себе ничего не нашли. Приехали около пяти часов. Я пошёл в город. Всё незнакомо, всё ново...».¹

Семья вскоре распалась. Но о жизни в Харбине, далее – других городах и странах – остались ценные воспоминания. Как минимум, некоторые целесообразно назвать:

- «Нам не уйти от Родины навеки...»: Дневники, письма, воспоминания Е.Д. Воейковой.² Публ. О. Лаиль.³ М.: Русский путь, 2010;
- *Ильина-Лаиль О.* Восток и Запад в моей судьбе. М.: Викмо, 2007;
- *Ильина Н.*⁴ Дороги и судьбы. Предисловие В. Жобер, А. Латыниной. М.: АСТ; Астрель, 2012.

Старшая дочь О.И. Ильиной – Вероника (Вероника Петровна Жобер, урождённая Давид-Лаиль) родилась 1 сентября 1945 года в Сайгоне. Военный 1945-й год не оставил в живых её отца. Дальнейшая судьба девочки преимущественно была связана с Западной Европой. Но, надо ли говорить, что жизненный путь внучки русских дворян-эмигрантов оказался закономерно связан с Россией? В юности, впервые побывав на исторической родине, Вероника Петровна стала приезжать регулярно: как учёный, педагог, деятель культуры.

В.П. Жобер долго и скрупулёзно работала в архивах. Один из результатов – публикация дневниковых записей деда. В предисловии к «Белой одиссее» Вероника Петровна затрагивает вопрос о сложных отношениях между уже состоявшимся писателем Н.И. Ильиной и её пожилым, так не вернувшимся в Россию отцом – И.С. Ильиным. «Наталья Ильина многое не могла простить отцу. Расхождения между отцом и дочерью отчасти связаны были, вероятно, с их абсолютно противоположным восприятием собственного детства...».⁵

Наряду с этим, В.П. Жобер отмечает весьма существенный момент, который важен для темы зарубежья, в целом: «Объединяет отца и дочь то главное, что присуще всем русским во все времена. Какими словами это высказать, ведь так не хочется употреблять набившее оскомину, бесстыдно опошленное идеологами разных течений, в частности квасными патриотами, пышное выражение «любовь к родине»? Остаётся только

сокрушаться о том, что «родина-мать» нередко оказывалась злой мачехой для лучших своих детей, вынужденных покидать её, однако, не забывающих о ней ни на минуту и часто стремящихся вернуться».⁶

Вопросы истории и историографии Русского зарубежья изучаются во многих научных центрах. В определённой степени исследовательские результаты (в виде статей, монографий, сборников документов и т.д.) представлены на информационном портале фонда «Русский мир», отражены в его сетевом проекте «Русский архипелаг». Заслуживает внимания деятельность Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына, библиотечные и архивные коллекции «Русского зарубежья» в известных библиотеках, музеях, архивах. Большую помощь исследователям оказывает автоматизированная база данных «Зарубежная архивная Россия», созданная сотрудниками ВНИИДАД⁷ совместно с Росархивом.

Каждый год появляются новые работы, проводятся актуальные конференции, которые помогают лучше понять важную и многогранную проблематику, касающуюся российской эмиграции. В ряде случаев название конференций не содержит прямого указания на вопросы Русского зарубежья. Тем не менее, например, на Международном конгрессе «История семьи – история народа» (Сантьяго-де-Компостела, 2011 г.) были заявлены такие тематически значимые сюжеты, как «Род Мусиных-Пушкиных в истории России и роль Семейной Ассоциации в реконструкции истории рода» (А.А. Мусин-Пушкин), «Русский Юридический факультет в Праге в 1920-е годы: по неопубликованным материалам (С.И. Михальченко), «Георгий Горчаков – музыкальный деятель Русского зарубежья» (М.А. Панова)⁸ и др.

В 2014 г. в Тульском государственном университете прошла представительная конференция «Первая мировая война: год 1914-й».⁹ Многие выступления были непосредственно связаны с сегодняшней темой. Настоящим открытием стал комплекс материалов, предложенных историком из США Р.В. Полчаниновым. Автор подготовил несколько содержательных статей, в которых рассказывается о его старших родственниках: генерале А.С. Карницком, лётчике И.С. Стрельникове, полковнике В.П. Полчанинове; предлагаются исторические зарисовки, связанные с Николаем II и царевичем Алексеем. Научное сотрудничество с Р.В. Полчаниновым продолжается и сегодня, в том числе на страницах электронного журнала ТулГУ «История. Историки. Источники».¹⁰

Вероятно, большинство коллег согласится, что выстраивая хронологическую последовательность «зарубежья» можно начать со вступительных рассуждений о типах миграций и российской эмиграции до 1917 года, далее – логично рассматривать вопросы, связанные с после-

революционной «волной» отечественной эмиграции. Среди актуальных «компонентов» вопроса: состав и положение эмиграции в разных странах. В этом же контексте – «Философский пароход» и его именитые представители: С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С.Л. Франк, А.А. Кизеветтер и др. Далее – начало культурно-просветительной деятельности эмигрантов. Архиепископ Анастасий.

Немаловажный вопрос – «евразийство», как идейно-политическое и философское течение. Сборник «Исход к Востоку». Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский.

Взаимосвязанный сюжет – Российская средняя и высшая школа за рубежом. Русское студенческое христианское движение (РСХД). Одновременно – первые музеи и архивы Русского Зарубежья: Лейб-казачий музей в Курбевуа, Кадетский музей в Париже, экспозиция в Королевском музее армии и военной истории (Брюссель), коллекция документов в Джорданвилле (США) и др. Вл. П. Рябушинский. Общество «Икона».

В общей канве разговора о «первой волне» необходимо отметить объединения эмигрантов из России: Русский общевоинский союз (РОВС), Военно-морской союз, Всезарубежное объединение морских организаций, Земско-городской союз (Земгор), Национальная организация русских скаутов.

Полное раскрытие темы невозможно без подраздела о Черноморском флоте в Тунисе, о военной оппозиции советской России, о разных (и порою несхожих) направлениях деятельности П.Н. Врангеля, М.К. Дитерихса, Н.Н. Юденича...

Всеобъемлющее исследовательское направление – «Сменовеховское движение». Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин и др. Взаимодействие с Советской Россией.

Русский Императорский дом. Романовы.

Конечно, применительно к каждой «волне» эмиграции квалифицированный исследователь будет рассматривать такой сюжетный поворот, как «Разные судьбы». Практически произвольно для «первой волны» можно назвать *разные* имена: Г.Е. Львов, В.А. Маклаков, Н.И. Махно, П.И. Новгородцев, А.И. Путилов, А.А. Алехин, С.П. Дягилев, С.В. Рахманинов и др.

Из обобщающих исследований целесообразно отметить: П.Е. Ковалевский «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)» (Париж, 1971) и дополнительный выпуск – «Зарубежная Россия» (Париж, 1973); «Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический био-

графический словарь» (М.: РОССПЭН, 1997); издания Института Всеобщей истории РАН¹¹ и Института российской истории РАН.¹² По своему, интересны работы таких разных авторов, как М.И. Раев,¹³ А.В. Попов,¹⁴ С.С. Ипполитов.¹⁵

Среди изданий последних лет обращает на себя внимание сборник статей «Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)» (М., 2012). Авторы вводят в научный оборот новые материалы, аргументировано иллюстрируя тот факт, что «Венгрия в период между двумя мировыми войнами предоставила убежище нескольким тысячам российских беженцев».¹⁶

Интересна научная деятельность (конференции, монографии,¹⁷ поисковая работа) «Образовательного фонда имени братьев Сергея и Евгения Трубецких». Одна из недавних инициатив – выход в свет книги К.Б. Ермашиной «Князь Н.С. Трубецкой. Жизнь и научная работа: Биография» (М.: Изд. дом «СИНТАКСИС», 2015).

Ещё раз подчеркну, что библиографические списки, а также электронные версии многих книг и статей содержатся на сайтах упоминаемых фондов, библиотек, институтов.

Казалось бы, настоящий разговор о «первой волне» эмиграции игнорирует важнейший момент – литературу Русского зарубежья. Однако значимость этого исследовательского направления предполагает его отдельное изучение. Ключевыми подразделами здесь могут быть: библиология русской зарубежной книги; Парижский институт славяноведения, Тургеневская библиотека, ИМКА-ПРЕСС; журналы: «Грядущая Россия», «Современные записки», «Русская мысль», «Вестник эмигранта», «Воля России», «Вестник монархиста», «Вёрсты», «Часовой», «Числа», «Русские записки», «Новая Россия», «Военно-исторический вестник» и др.

Интересные детали, связанные с литературой, политикой, общественной деятельностью, привлекают внимание к объединению «Зелёная лампа»; к именам писателей: И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв, К.Д. Бальмонт, Е.И. Замятин, Н.А. Лохвицкая (Тэффи) и т.д.

Сотни исследований посвящены данному аспекту темы, издано немало библиографических пособий (многие названы на сайте «Эмигрантика.ru»). Поэтому, с неизбежной долей субъективного восприятия, обращаю внимание на два очень разных издания: Гл. Струве «Русская литература в изгнании» (3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996) и В.В. Агеносов «Литература русского зарубежья (1918–1996)». (М.,

1998. 543 с.). Каждая из этих книг послужила импульсом для дальнейших исследований.

Полноценный разговор о Русском зарубежье не может обойти стороной проблему: «Вторая мировая война и зарубежная Россия». Важная составляющая – политические взгляды эмигрантов. Ракурс: участие в движении Сопротивления (Э.Ю. Кузьмина-Караваева [Мать Мария], Анатолий Левицкий, Борис Вильде, Вера Оболенская и др.).

Оборотная сторона – «Русский фашизм». Например, «Всероссийская фашистская организация» (США, А.А. Вонсяцкий). Иной аспект – Русская освободительная армия, генерал А.А. Власов и др.

«Клубок» мировоззренческих противоречий лучше воспринимается при рассмотрении жизненного пути тех или иных представителей эпохи. Герои, предатели, равнодушные наблюдатели – все они часть истории. Поэтому документальные материалы, рассказывающие о самых разных людях, важны для дня сегодняшнего. В виде примера – несколько имён: Д.Н. Вердеревский, П.Н. Краснов, М.Ф. Скородумов, Г.М. Семёнов, А.А. Лампе, А.Д. Бубнов.

Существует точка зрения, что классическое Русское зарубежье завершается именно в 40-е годы XX века. Следующий период во многом связан с деятельностью эмигрантской молодёжи, которая, в значительной степени ощущала себя частью той страны, где росла и училась. Собственно российская эмиграция «второй волны» отличалась от своих предшественников. В большинстве случаев, это были те, кто хотел забыть о прошлом и начать новую жизнь. Зная о политике Сталина по отношению к пленным, многие боялись возвращаться домой.

Статистические данные противоречивы. Возможно, к 1952 г. в Европе насчитывалось не менее 452 тыс. «перемещённых граждан» СССР, а с 1941 по 1950 гг. в Америку прибыло 548 тыс. русских эмигрантов.¹⁸

Проблема «невозвращенцев» предопределяет исследовательский интерес к таким вопросам, как основание журнала «Посев», возобновление выпуска журнала «Часовой» (с 1947 г.). Наряду с ними – «Новый журнал»¹⁹ (Нью-Йорк, с 1942 г.), «Грани» (Мюнхен, с 1946 г.), альманах «Мосты» (ФРГ, США, 50-е – 70-е гг.).

После Второй мировой войны возрождается интерес к русской культуре. Мировую общественность привлекает творчество С.М. Лифаря и его Институт хореографии (Париж); театральная студия М.А. Чехова, живопись М.З. Шагала.

В свою очередь, «имена и судьбы» (даже в литературно-историческом контексте) у послевоенной эпохи разные: Л.Д. Ржевский, А.Г. Авторханов, О.Н. Анстей (Матвеева-Филиппова), И.В. Елагин

(Матвеев), Д.И. Кленовский (Крачковский), Ю.П. Иваск, Б.Н. Ширяев...

Историография «второй волны» эмиграции не столь масштабна, чем у предшественницы. Тем не менее, существует солидный ряд работ, рассказывающих о «второй волне» применительно к конкретным странам: Германии, Австралии, Бразилии, ЮАР, Канаде и т.д. Исследовательская специфика заключается и в том, что в научный оборот вводятся новые архивные материалы, ранее не доступные учёным. Отдельные труды посвящены событиям 20–50-х гг. XX века, без градации на первую и вторую «волны».

Иллюстративно отметим, что интересные данные содержатся в диссертациях: Е.Г. Кривошеевой,²⁰ Е.Е. Аурилене,²¹ А.И. Иванова²²; в коллективной монографии «Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война»²³; материалах ряда конференций и статей (см.: Всероссийская конференция «Российское зарубежье: образование, педагогика, культура 20–50-е годы XX века»²⁴; статьи: Г.Я. Тарле,²⁵ Э.Л. Нитобург,²⁶ Е.И. Самарцева,²⁷ Г. Хабаров²⁸ и др.).

В качестве специального исследовательского направления можно выделить: Вклад учёных эмигрантов из России в развитие точных и естественных наук. Постановку вопроса логично начать с «Общества бывших воспитанников Императорского Московского университета» и Русской академической группы (с 1920 г. – председатель Е.В. Аничков, 1921–1922 гг. – председатель П.П. Гронский, с 1922 по 1940 гг. – председатель А.Н. Анцыферов).

В той или иной степени с Российской империей исторически связаны множество выдающиеся учёных и организаторов производства, значительная часть жизни которых в дальнейшем прошла в эмиграции. Даже выборочный, явно не полный перечень, впечатляет: В.Н. Ипатьев (химик), М.М. Новиков (биолог), А.А. Мнушкин (кинопродюсер), Г.В. Анреп (физиолог), А.Ф. Бари (врач-психиатр), А.С. Безикович (математик), Н.Ф. Бобровников (астроном), С.Я. Зельман (Ваксман) (микробиолог, лауреат Нобелевской премии 1952 г.), Г.А. Гамов (физик, астроном), В.С. Голенищев (археолог), П.Н. Грабар (биохимик, иммунолог), А.О. Гукасов (нефтепромышленник), В.К. Зворыкин (инженер-электрик), В.В. Леонтьев (экономист, лауреат Нобелевской премии 1973 г.), И.Р. Пригожин (физик, лауреат Нобелевской премии 1977 г.), И.И. Сикорский (авиаконструктор, промышленник), В.А. Хавкин (эпидемиолог) и др.

Информация в данном случае распределяется между энциклопедическими изданиями, биографическими справочниками и специальной

научной литературой, в том числе, по истории науки и техники. Например, по отдельным тематическим аспектам защищены диссертации следующих исследователей: Н.И. Нусинова,²⁹ Д.М. Серёгина,³⁰ З.Х. Шеожева,³¹ Г.В. Нинчиева.³²

Очередным вопросом темы логично выделить «третью волну» эмиграции. При её изучении актуально обратить внимание на особенности эмиграции из СССР в 60-е – 80-е гг. XX века. Наряду с этим важно не забывать о сборнике статей И.А. Ильина «Наши задачи»; о деятельности Русской академической группы в США; о периодике. В качестве примера можно назвать журналы: «Русский инвалид», «Синтаксис», «Родные дали»; еженедельную газету «Русская мысль».

Категория «разных имён и судеб» закономерно отражает противоречия эпохи: А.И. Гинзбург, М.Н. Барышников, В.К. Буковский, В.П. Аксёнов, М.М. Шемякин, И.А. Бродский, В.Л. Корчной, С.В. Крамаров, Э.И. Неизвестный, А.А. Тарковский...

Из научных работ обращают на себя исследования, взаимосвязанные с предыдущими «волнами», к примеру, исторические очерки «Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.)»,³³ монография В.Е. Колупаева «Русские в Северной Африке»³⁴ и др.

Многие вопросы, затронутые в монографии В.Е. Колупаева, предопределили название следующего перспективного для изучения направления: «Русская православная церковь за рубежом (РПЗЦ)».

Значимым подразделом темы являются материалы архивов православных церквей: г. Сайссет (шт. Нью-Йорк), архив Управления РПЦ в США, Свято-Троицкий Русский монастырь в Джорданвилле (шт. Нью-Йорк), Свято-Владимирская семинария в Крествуде...

Небезынтересен сюжет о взаимоотношениях РПЗЦ, РПЦ и представителей др. вероисповеданий. Соответственно, рассказывая о «именах и судьбах», можно обратить внимание на таких несхожих исторических деятелей, как митрополит Евлогий (Георгиевский Василий Семёнович), обер-прокурор Синода А.В. Карташев, митрополит Мефодий (Герасимов Маврикий Львович), Расулзаде Мамед (Эмин Гаджи Молла Аликпероглы), Э.Ю. Рооп (Ропп), Ян (Иоанн) Гиацинт Цепляк...

Литература о деятельности представителей духовенства за рубежом обширна. Есть работы, написанные как исследователями «от» академической науки, так и учёными-богословами. Избегая повторов, позволю обратить внимание на некоторые, в том числе не самые известные сайты, где содержится интересная информация по теме: Седмица.ru, Russkie.org, Sootechestvenniki-ru.narod.ru, Pravoslavie.ru, Ricolor.org (Россия в красках),

ruskij-predprinimatel.html (сайт фонда «Русский предприниматель», включая аналитический журнал с таким же названием) и др.

Несомненно, важным направлением зарубежной русистики является комплекс вопросов о научных Центрах по изучению истории России во второй половине XIX – начале XXI вв. Например, в США это – Гарвардский, Калифорнийский, Йельский, Колумбийский, Вашингтонский университеты; Институт современной русской литературы в Южнокалифорнийском университете (в Лос-Анджелесе).

Данный ракурс темы взаимосвязан с деятельностью архивов, музеев, обществ, изучающих культуру России. Как минимум, это – Музей русской культуры в Сан-Франциско, музей А.С. Пушкина (Нью-Йорк), «Бахметьевский архив» (архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета), Русский архив Британской библиотеки, Федеральный архив в г. Кобленц (Германия), архив Центра канадско-русских исследований Карлтонского университета (г. Оттава, шт. Онтарио, Канада) и т.д.

Многие современные учебники истории России, написанные в разных странах, базируются на исследованиях русских учёных эмигрантов. Среди обобщающих работ привлекает внимание монография Н.Н. Болховитинова «Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Г. Флоринский) и становление русистики в США» (М., 2005).

У «эмигрантской» темы, конечно, есть современные ракурсы. Пожалуй, вопрос о градации «волн» несколько теряет свою остроту (или – научную привлекательность?). На первый план выходят вопросы общих миграционных процессов: проблема особенностей адаптации в той или иной стране; нелегальная эмиграция; получение гражданства; заключение брака между гражданами разных стран; спортивные контакты и контракты, научное и студенческое сотрудничество, расширение общекультурного сотрудничества, туризм. Это те грани, где историческая память переплетается с ежедневными новостями, в которых, разумеется, есть место различным персонажам.

Применительно к современности, вероятно, стоит говорить о важной культурной миссии тех соотечественников, деятельность которых известна за пределами России. И это уже – не эмиграция в своей классической интерпретации, а стремление познать мир, жить в двух-трёх странах, осознать себя в меняющемся потоке времени, подарить своё творчество людям разных держав, и, конечно, – с разными судьбами.

Практически произвольно можно назвать весьма известные имена: певица Л.Ю. Казарновская; актёр, телеведущий Л.С. Каневский; поэт, писатель, журналист В.А. Коротич; актёр, режиссёр Р.Р. Нахапетов;

пианист Е.И. Кисин; дирижёр Д.Г. Китаенко; танцовщик, балетмейстер И.Д. Мухамедов; актёр, клоун, режиссёр В.И. Полунин.

Эти люди, их судьбы принадлежат не только XX, но и XXI веку. Их история – это день сегодняшний.

Таким образом, выделяя актуальные вопросы истории и историографии Русского зарубежья XX века, целесообразно акцентировать внимание на следующих научных направлениях: 1 – Эмиграция из России до 1917 года; 2 – Русское зарубежье. «Первая волна»; 3 – Литература Русского зарубежья. «Первая волна»; 4 – Вторая мировая война и Зарубежная Россия; 5 – Русское зарубежье. «Вторая волна»; 6 – Вклад учёных-эмигрантов из России в развитие точных и естественных наук; 7 – Русское зарубежье. «Третья волна»; 8 – Русская Православная Церковь за рубежом; 9 – Изучение истории и культуры России в разных странах мира; 10 – Современные ракурсы темы «Русское рассеяние».

Несмотря на солидную историографию рассматриваемой темы, практически каждый из обозначенных вопросов нуждается в более полном изучении, которое может быть основано на введении в научный оборот новых архивных данных, публикации воспоминаний, углублённом постижении дискуссионных вопросов на уровне конференций, включая дистанционный Интернет-формат.

Примечания

¹ Ильин И. Беляя Одиссея. Из дневников. (Публикация подготовлена В.П. Жобер) // Октябрь 4 (2014). С. 146.

² Е.Д. Воейкова – Екатерина Дмитриевна Воейкова – жена Иосифа Сергеевича Ильина, после Второй мировой войны вернулась на Родину (ей удалось приехать в Москву только в 1954 г., т.к. в предыдущие послевоенные годы она неоднократно получала отказ в визе, даже имея советский паспорт).

³ О. Лаиль – Ольга Иосифовна Лаиль, младшая дочь Ильиных.

⁴ Ильина Наталия – Ильина Наталия Иосифовна – старшая дочь Ильиных, писатель, журналист, после Второй мировой войны вернулась на Родину (1947 г.).

⁵ Жобер В. Сто лет спустя. // Октябрь 3 (2014). С. 102.

⁶ Там же.

⁷ ВНИИДАД – Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела.

⁸ Матер. Международного научного конгресса «История семьи – история народа», состоявшегося в рамках Перекрёстного года «Россия и Испания – 2011» в Санть-

яго-де-Компостела, 23–25 ноября 2011 г. (Редкол.: А. Досиль, М. Мохначёва, Е. Ван Поведская. Сантьяго-де-Компостела – М. – Рязань: Изд. П.А. Трибунский, 2012).

⁹ Первая мировая война: год 1914-й. Материалы Международной научной конференции. 22–25 апреля 2014 (Под ред. Е.И. Самарцевой, В.И. Дружинина, А.А. Романова). Тула: Изд-во ТулГУ, 2014.

¹⁰ Журнал «История. Историки. Источники». – <http://history2014.esrae.ru> (апрель, 2017).

¹¹ Напр.: Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Отв. ред. Н.Т. Энеева. (ИВИ РАН). Вып. 2. М.: Наука, 2008.

¹² Напр.: Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) // Исторические очерки / Отв. ред. ак. РАН Ю.А. Поляков, зам. отв. ред. д.и.н. Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 2006.

¹³ *Раев М.И.* Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Russian Nobility. New York, 1966; Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration: 1919–1939. Oxford, 1990. (Русск. пер. – Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994).

¹⁴ *Понов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования // Материалы к истории русской политической эмиграции». Вып. IV. М.: ИАИ РГГУ, 1998; *Понов А.В.* Русское зарубежье и архивы: история российской эмиграции в отечественных и зарубежных хранилищах // Россия и русистика Новейшего времени: Материалы международной конференции памяти А.А. Фурсенко (1927–2008). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010.

¹⁵ *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова. (Библиотека «Нового исторического вестника»), 2004.

¹⁶ *Варга Е.М.* Вместо предисловия // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е гг.). М.: Пробел-2000, 2012. С. 5.

¹⁷ Напр.: *Ермишин О.Т.* Князь С.Н. Трубецкой. Жизнь и философия: Биография. М.: Изд. Дом «СИНАКСИС», 2011; *Половинкин С.М.* Князь Е.Н. Трубецкой. Жизненный и творческий путь: Биография». М.: Изд. Дом «СИНАКСИС», 2010.

¹⁸ *Агеносов В.В.* Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра, 1998. С. 383.

¹⁹ Для исследователей важны журнальные антологии, например: Русский Нью-Йорк: Антология «Нового Журнала». Сост. А.Н. Николюкин. М.: Русский путь, 2002.

²⁰ *Кривошеева Е.Г.* Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны. Дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.02. М., 2003.

²¹ *Аурилене Е.Е.* Российская эмиграция в Китае: 1920–1950-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2004.

²² *Иванов А.И.* Культурно-просветительная деятельность российской военной эмиграции в США, Европе и на Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2006.

²³ Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и вторая мировая война / Под ред. С.В. Карпенко. М.: РГГУ, 2004.

²⁴ Российское зарубежье: образование, педагогика, культура в 20–50-е годы XX века. Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья» / Под ред. чл.-корр. РАО, д.п.н., проф. Е.Г. Осовского. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 1998.

²⁵ *Тарле Г.Я.* Причины и условия формирования новой волны российской эмиграции во время и после Второй мировой войны (Историографический аспект) // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Исторические очерки / Отв. ред. ак. РАН Ю.А. Поляков, зам. отв. ред. д.и.н. Г.Я. Тарле. М.: Издание Института российской истории РАН, 2006. С. 288–341.

²⁶ *Нитобург Э.Л.* Судьба русских эмигрантов Второй волны в Америке // Отечественная история 2 (2003). С. 102–114.

²⁷ *Самарцева Е.И.* Вопросы изучения отечественной интеллигенции и русское зарубежье (20–50-е гг. XX века) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки». Вып.2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 92–103.

²⁸ *Хабаров Г.* Генеральская дочка (о М.А. Деникиной) // Совершенно секретно 2 (2002).

²⁹ *Нусинова Н.И.* Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939) и проблема взаимointegrации культур. Дис. ... д-ра искусствоведения. 17.00.03. М., 2004.

³⁰ *Серёгина Д.М.* Российская торгово-промышленная эмиграция во Франции в 1920–1939 гг. Дис. ...канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2005.

³¹ *Шеожеева З.Х.* Либеральное течение аграрно-экономической мысли русского зарубежья 20–30-х годов. Дис. ...канд. экономич. наук. 08.00.01. СПб., 2003.

³² *Нинцева Г.В.* Основные течения экономической мысли русской эмиграции 20–50-х годов XX столетия. Дис. ... д-ра экономич. наук. 08.00.01. СПб., 2004.

³³ Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.): Исторические очерки». М.: ИРИ РАН, 2006.

³⁴ *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004.

SZERGEJ FILIPPOV

Возможности и ловушки цивилизационного подхода к российской истории

Если говорить о методах и научных подходах, которые будут характеризовать русистику XXI века, то, очевидно, нельзя обойти вниманием так называемый цивилизационный подход, нельзя не задаться вопросом, каковы его возможности и перспективы?

Суть цивилизационного подхода состоит в том, что в центр исторических (политологических, социологических и т.д.) исследований ставятся не нации и государства и не всемирная история в целом, а наднациональные общности, локальные цивилизации. Интерес к этому подходу возрос благодаря работам С. Хантингтона,¹ по мнению которого после окончания холодной войны сложился новый мировой порядок, основанный на существовании и борьбе семи или восьми цивилизаций, а также благодаря оживленной дискуссии между Хантингтоном и Фукуямой, провозгласившим переход к глобальной либеральной цивилизации.² Немаловажное значение имеет и то, что цивилизационная парадигма активно используется при формировании региональных союзов и объединений, играющих заметную роль в рамках процесса т.н. глобализации. Аргументация цивилизационного характера может использоваться при рассмотрении возможности принятия какой-либо страны в региональное объединение (напр., Турции в Евросоюз) или при объяснении отношения регионального объединения к той или иной стране (напр., Евросоюза к России или наоборот). С другой стороны, факт невхождения России в западноевропейские институты может рассматриваться в качестве цивилизационного выбора и считаться красноречивым аргументом, «говорящим в пользу выделения самостоятельной российской цивилизации».³

В России в постсоветский период существовали дополнительные стимулы для обращения на рубеже 80-х и 90-х гг. к цивилизационному подходу, известному в российской науке и общественной мысли приблизительно с середины XIX в. Одним из них стал отказ от идеологически обязательной схемы исторического развития и поиск иных концепций истории. При этом в принципе возникла возможность не политизированного, а сугубо профессионального восприятия и осмысления концептуальных достижений западной науки и творческого наследия дореволюционной и зарубежной российской историографии. В рамках этого процесса обновления общественных наук возросла и популярность теории локальных цивилизаций. Интерес к этой теории мог вызываться и оживлением дискуссий о своеобразии российской истории, о ее сходстве и отличии в сравнении с историей западных стран (или «восточных деспотий»). Эти дискуссии, безусловно, стимулировались политическими, экономическими и социальными изменениями начала 90-х гг. «Явная неудача либеральных реформ в России, проводимых по рецептам западной науки, невольно наводила на мысль о том, что не все в этой науке адекватно срабатывает на российской почве. Россия как бы не укладывалась полностью в научное ложе, созданное по меркам западного общества, не открывалась принятым там стандартам научного объяснения и анализа».⁴ Наконец, цивилизационный подход представляется актуальным и плодотворным и потому, что в его рамках Россия изучается как некое целое, которое может быть описано путем обобщения и синтеза результатов, полученных представителями разных научных дисциплин. Создать такое обобщение непросто, однако, в случае успеха целостный «образ России» может быть крайне интересен всем, кто стремится лучше понять российскую историю и современность.

Должен честно признаться, что в 90-е годы я все же считал цивилизационный подход просто интересной, но не слишком плодотворной интеллектуальной игрой и не думал, что у теории локальных цивилизаций есть какое-либо будущее. Так думали и другие, хотя и по другим причинам, из-за исторического оптимизма. Например, в сборнике «Цивилизации» за 1993 г. говорилось о том, что мир переживает такие глубокие перемены, что локальные цивилизации интересны, прежде всего, как материал для перехода к невиданной ранее глобальной или планетарной цивилизации, частью которой готовится стать и Россия.⁵ Но получилось по-другому. Цивилизационный подход устойчиво вошел в моду, интерес к нему возрастал, словечки цивилизационного жаргона (цивилизационный код, цивилизационные начала, национальная ментальность и т.д.) замелькали в речах политиков и церковных деятелей, в

прошлом году министерство культуры предложило основываться на цивилизационном принципе при разработке основ государственной культурной политики (хотя позже было объявлено, что это лишь рабочий материал),⁶ наконец, также в прошлом году появилась явно претендующая на научность, но скромно названная «эссе» объемистая книга Вячеслава Никонова под характерным названием «Русская матрица», в которой в самом начале ставится главный вопрос: «Россия – цивилизация или нет»?⁷ И, как показывает уже само название книги, автор дает положительный ответ, собрав все аргументы, которые, по его мнению, подтверждают его позицию.

Понятно, теория локальных цивилизаций покинула кабинеты ученых и вышла в «большую жизнь». Конечно, цивилизационный подход, как и всякая общественно-научная теория, может быть идеологизирован, поставлен на службу тем или иным актуально-политическим интересам. В России, хотя, конечно, не только в России, цивилизационный подход является важным орудием самопознания и поисков новой идентичности. Такая возможность заложена в самой концепции, по словам Хантингтона, цивилизация – «высший уровень самоидентификации», «самое большое “мы”, внутри которого каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных “них”».⁸ Однако для этого цивилизационная концепция прежде всего должна опираться на твердую научную основу, в противном случае представление о «российской цивилизации» будет восприниматься как очередной миф, причем в конечном итоге дезориентирующий и деструктивный. Идея существования «российской цивилизации» скрывает в себе и другие опасности. Во-первых, концепция локальных цивилизаций, выделяющая межцивилизационные различия, своеобразии компонентов, образующих цивилизации, может стать обоснованием неприязненного, настороженного отношения к иным цивилизациям, которые воспринимаются в качестве «соперников», «врагов», обострять «оборонные рефлексы», стремление защищаться от влияний извне ради сохранения собственного «цивилизационного кода». Вспомним, что Фукуяма тоже упрекал Хантингтона за то, что последний писал исключительно о столкновении цивилизаций, не уделяя внимания возможному сотрудничеству между ними. Во-вторых, иногда «российская», а точнее – «русская» цивилизация с явно актуально-политическими целями рисуется как своего рода реинкарнация Российской или Советской империи с привычной авторитарной властью, которая объявляется «цивилизационной особенностью». Перефразируя классика, можно сказать, даже и не стоит хотеть как лучше, все равно получится как всегда.

Все же, если вернуться к вопросу каковы перспективы и возможности концепции цивилизаций как научной теории в наступившем столетии, то, думается, нужно выделить следующие проблемы:

1). В начале 90-х гг., когда цивилизационный подход еще входил в моду, его сторонники отмечали, что «это пока еще новое, довольно расплывчатое направление» с неразработанным понятийным аппаратом, хотя с некоторой самоуверенностью добавляли к этому, что этот подход является «одним из наиболее плодотворных».⁹ Таким образом, первоочередной задачей становилась выработка терминологии цивилизационного анализа, однако, с тех пор мало что изменилось. По-прежнему неопределенны и расплывчаты многие термины, употребляемые в этой теории. Прежде всего, это касается самого понятия «цивилизация», имеющего десятки различных определений, меняются и доминирующие принципы выделения цивилизаций. Здесь сразу возникает трудность с названием, о какой цивилизации надо говорить: о русской, российской, славянской, евразийской, многонациональной, «промежуточной» или, например, о «православной цивилизации с центром в России»? А, может быть, Россия не-цивилизация и просто «застряла» между Западом и Востоком, как предполагал Чаадаев, о котором сейчас предпочитают не упоминать?

2). С этим связана не менее принципиальная методологическая проблема: можно ли говорить об устойчивых специфических чертах исторического развития в стране, история которой отличается принципиальной неорганичностью, изобилует коренными переломами, приводящими к резким изменениям территории страны и этнического состава ее населения? Об этом писал еще Николай Бердяев: «В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия. (Она уже есть. – С.Ф.) Развитие России было катастрофическим».¹⁰ В рамках цивилизационного подхода ответ на этот вопрос, как правило, дается с помощью характерного для этого подхода тезиса о цикличности российской истории. «После каждого из этих Крушений, – пишет В.А. Никонов, – Россия возрождалась, начинала заново. Каждый раз это была другая Россия. Но только немного другая. Потому что люди оставались теми же, и они воспроизводили во многом прежние ментальные культурные стереотипы».¹¹ Конечно, под влиянием глубоких исторических перемен «люди» не могли оставаться «теми же», в концепциях циклического (или маятникового) движения России не учитывается масса фактов, свидетельствующих о поступательном движении страны, пусть даже замедленном и своеобразном. С другой стороны, необходи-

мость учитывать упомянутые выше коренные переломы российской истории приводит к тому, что даже хронологические рамки российской цивилизации трактуются по-разному. Они необязательно распространяются на всю историю России «с древнейших времен». Евразийцы начинали ее с монгольского завоевания, другие усматривают ее основы в петровских реформах, наконец, говорят и об особой «советской цивилизации». Разобраться в этих проблемах непросто, но необходимо.

3). Представление о «цивилизациях», культурах, культурно-исторических типах возникает как своего рода бунт против линейно-стадиальной модели истории, против представления о едином поступательном историческом процессе с общими для всех народов закономерностями. При цивилизационном подходе история делится на историю цивилизаций, каждая из которых имеет собственное развитие, подчеркивается не общее, а особенное, разная направленность, разные цели. В своё время Владимир Соловьев называл концепцию Данилевского «ползучей» за то, что тот, во-первых, абсолютизирует сложившийся тип общественных отношений, а во-вторых, разбивает понятие всемирной истории, отрицает наличие «общечеловеческих задач».¹² Такая опасность существует и сегодня. В уже упомянутой книге Вячеслава Никонова первое предложение звучит именно так: «Что отличает Россию от других стран?»¹³ В принципе можно скептически относиться к понятию всемирной истории и сомневаться в наличии общих целей, задач или тенденций, но тогда можно во всяком случае сказать, что это плохо гармонирует с выдвинутой недавно в концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории целью «показать историю России как неотъемлемую часть мирового исторического процесса».¹⁴

4). Из этого вытекает еще одна важная проблема, которая как-то остается в тени цивилизационного подхода. При этом подходе подчеркиваются особенности исторического развития России, которые, кстати сказать, изучаются достаточно давно, и в этом смысле цивилизационный подход дал, как мне кажется, мало нового. Но даже если предположить, что эти особенности складываются в некую особую, уникальную цивилизацию, что бы это ни означало, то как же относиться к этим «цивилизационным особенностям»? Что это? Некая данность, с которой нужно смириться и которой нельзя изменить? Или даже предмет гордости? Цивилизационная теория действительно делает акцент на статике, а не на динамике, не на общем, а на особенном. А между тем в различных опытах описания «русской цивилизации» мы встречаем такие характеристики, как «бюрократический деспотизм», отсталость и связанная с этим зависимость от иностранных влияний или всякие «отсут-

ствия»: отсутствие традиции политической свободы, отсутствие античной правовой и философской традиции, ограниченное восприятие Возрождения, Реформации и Просвещения и т.д. Вряд ли сто́ит радоваться таким «своеобразным чертам», а тем более, гордиться ими и стремиться к их сохранению. Нередко после перечисления таких характеристик следуют предложения, начинающиеся со слов «в России всегда» или «в России никогда» (всегда будет сильная власть, никогда не будет настоящей демократии, никогда не будет уважения к праву). А между тем, если придерживаться рациональных объяснений, то эти пресловутые «цивилизационные особенности» сложились в ходе долгого исторического развития, продукты истории и могут изменяться под влиянием целенаправленной деятельности или влияния извне.

И здесь мы подошли к последней проблеме, проблеме взимовлияния цивилизаций. Думается, это большой вопрос рассматриваемой теории. О. Шпенглер считал культуры равными по значению, изолированными образованиями, не влияющими друг на друга. Данилевский допускал такое влияние, но считал, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа».¹⁵ Зато в эпоху глобализации – период «интенсивных, непрерывных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями».¹⁶ В этих условиях сохранять замкнутость т.н. цивилизационных ценностей можно будет лишь со все бóльшим трудом, да и сама эта задача представляется контрпродуктивной. Ведь если считать Россию не «особой, окончательно сложившейся», противостоящей Западу цивилизацией, а страной, находящейся в поиске «своего места в мировой истории», то логичнее предположить, что ей следует не обособляться, а «стремиться (...) в цивилизацию, которая базируется на общих с Европой, а, возможно, и для всего человечества основаниях».¹⁷

Таким образом, приходится сделать вывод, что цивилизационный подход пока не дал ощутимых научных результатов и, думается, имеет не слишком радужные научные перспективы. Его понятийный аппарат по-прежнему не разработан, цивилизационная идентичность России не определена, нет консенсуса относительно специфических черт этой цивилизации, как бы она не называлась, больше того, не доказано, что особенности российской истории дают основание говорить об особой цивилизации. Вследствие этого трудно не согласиться с недавно опубликованным мнением крупного специалиста по российской истории: «Целесообразность применения цивилизационной концепции в конкретно-исторических исследованиях России, как правило, только декларируется. (...) Цивилизационный подход к истории России действи-

тельно является фактом историографии, но как концепция не обладает большими эвристическими возможностями».¹⁸

Примечания

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис 1 (1994); Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Издательство АСТ, 2004.

³ См., напр.: Яковенко И.Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера. М.: Новый хронограф, 2009. С. 229.

⁴ Межуев В.М. Россия в поисках своей цивилизационной идентичности // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера. М.: Новый хронограф, 2009. С. 150.

⁵ Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука, 1993. С. 45.

⁶ Материалы и предложения к проекту основ государственной культурной политики. – <http://izvestia.ru/news/569016> (август, 2016).

⁷ Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово – учебник, 2014. С. 16.

⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 51.

⁹ См., напр.: Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: НГУ 1992. С. 4, 85.

¹⁰ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 45. Даже по одному, но очень важному признаку отношения России к Западу Г.П. Федотов выделял четыре больших и совершенно разных периода (ныне их можно выделить еще больше). См.: Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2-х тт. Т. 2. СПб.: София, 1991. С. 278.

¹¹ Никонов В.А. Российская матрица. С. 9. Из опубликованных в постсоветский период работ о «циклах российской истории» см., напр.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997; Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 3-е издание, испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. Т. 1, № 3 (1998). С. 13-96.

¹² *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Выпуск первый // *Соловьев В.С.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 334-338.

¹³ *Никонов В.А.* Российская матрица. С. 6.

¹⁴ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. С. 3. – <http://rushistory.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf> (август, 2016).

¹⁵ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1998. С. 147, 151, 157. Т. 2. М.: Мысль, 1998. С. 34-61; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 98.

¹⁶ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. С. 69.

¹⁷ *Межуев В.М.* Россия в поисках... С. 150, 182.

¹⁸ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. В трех томах. Том 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 44, 47.

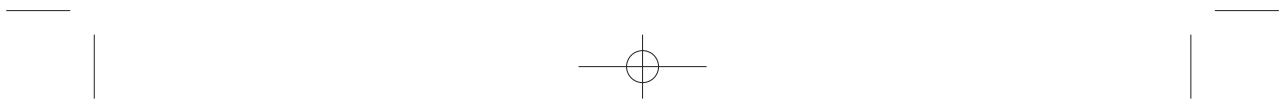
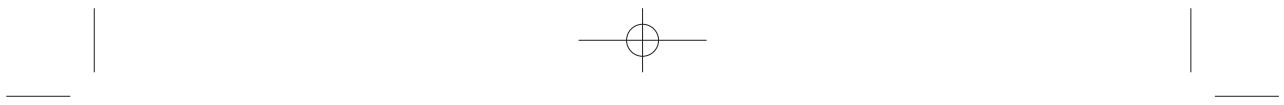

ДО XIX ВЕКА

BEFORE THE 19th CENTURY

М.К. ЮРАСОВ

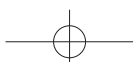
К вопросу о времени появления первой волны печенегов в степях Восточной Европы*

Константин Багрянородный, передавая рассказ своих информаторов о пребывании венгерских племён в южнорусских степях, оставил исследователям много загадок, поскольку писал не хронику, а трактат «Об управлении империей» для своего сына и наследника византийского престола – будущего Романа II (959–963). Одной из таких загадок является установление времени первого военного конфликта между венграми и вторгшимися из-за Волги печенегами, после которого часть разгромленных венгерских племён перешла Кавказский хребет и «поселилась к востоку, в краях Персии».¹ В советской / российской научной литературе (особенно в работах археологов) уже давно закрепились в качестве примерной даты появления печенегов в степях Восточной Европы 880-е гг. или последняя четверть IX в., в то время как в венгерской науке в последней четверти XX в. была предпринята попытка обосновать датировку этого события 850-ми гг. После смерти Д. Кришто (2003), автора обобщающих трудов по ранней истории венгров или соответствующих разделов в подобных трудах, а также вузовского учебника, в венгерской исторической науке, похоже, также возобладала точка зрения о появлении печенегов в степной зоне Восточной Европы в последние десятилетия IX в.² На что же опираются исследователи, отстаивая названные датировки?

Версия о более позднем приходе печенегов базируется, прежде всего, на информации трактата Константина Багрянородного, написан-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 15–31–10147).

ного между 948 и 952 гг. В этом сочинении василевс свидетельствует о том, что первые войны венгров с пришедшими с востока в южнорусские степи печенегами имели место за 50–55 лет до написания рассматриваемого трактата.³ В результате получается, что процесс вытеснения печенегами венгров и примкнувших к ним племён из Северного Приазовья и Причерноморья проходил во временном интервале между 893 и 902 гг. При этом, если продолжать воспринимать информацию Константина Багрянородного буквально, то после 893 г. Семь мадьяр и кавары провели три года в легендарной стране Леведии, а затем переехали в поддающуюся примерной локализации в междуречье Днестра и Прута страну Ателькузу, откуда печенеги вытеснили их уже на Средний Дунай. Несмотря на то, что среди венгерских исследователей давно закрепилась датировка ухода венгров из Восточной Европы как 895 г., Ш.Л. Тот считает, что нет убедительных возражений для отнесения такого ухода ко всему указанному выше временному интервалу: 893–902 гг.⁴ Этому промежутку времени также соответствуют сведения о разгроме Саманидами огузов в 893 г.,⁵ вынудившем последних напасть на кочевавших к западу от них печенегов, которые, в свою очередь, напали на венгерские племена, заставив их, в конечном счёте, покинуть Восточную Европу. Эта «цепная реакция» хронологически соответствует времени начала «обретения родины» венграми и каварами, их ухода из страны Ателькузу,⁶ но когда они появились в Леведии?

В «Хронике» Регино(на) Прюмского (ум. в 915 г.) есть свидетельство о том, что в 889 г. венгры были изгнаны печенегами с их родины, находившейся в «Скифии»⁷ (Восточной Европе). Исходя из того, что для «обретения родины» эта дата является слишком ранней, большинство советских / российских археологов, начиная с М.И. Артамонова, считают её соответствующей времени появления печенегов в Восточной Европе.⁸ На датировку Регино(на) опирается и К. Цукерман в своей работе о пребывании венгров в Северном Причерноморье.⁹ Дату Регино(на) также признаёт К. Цегледи, считая, что хронист описал предпоследнюю (по его мнению, – но не первую!) войну мадьяр с печенегами, следствием которой стало переселение венгров и каваров из Леведии в Ателькузу.¹⁰

Датировка Регино(на) хорошо согласуется с точкой зрения о позднем появлении печенегов, но шесть лет – слишком маленький срок для того, чтобы сначала где-то в Донских степях венгры потерпели поражение от печенегов, потом за три года переместились более чем на 600 км по степям Северного Причерноморья (поскольку три года они провели в Леведии) и при этом совершали походы в Центральную Европу. Всё это никак не напоминает паническое бегство, во время которого Семь

мадьяр могли бы преодолеть указанное расстояние. К тому же, по свидетельству Константина, в первом и втором конфликтах участвовали разные группы мадьяр и печенегов: сначала воевали саварты-асфалы с кангарами, затем «турки» с пачинакитами. Это означает, что за названные шесть лет должна была произойти ещё и перегруппировка племён у обеих воюющих сторон: часть венгров ушла в Закавказье, и к оставшимся присоединились кавары, а к первой волне печенегов присоединилась позже вторая. Ещё в 1883 г. Д. Паулер впервые высказал сомнения в достоверности¹¹ приведённой Регино(ном) даты, а в 1930 г. К.А. Макартней предположил, что хронист воспользовался в данном случае византийским источником, в котором начало переселения мадьяр на земли Карпатской котловины датировано по александрийской эре 6396 / 7, т.е. 896 / 7 г., но вычел из даты своего источника 5508 (вместо 5500) лет, думая, что она приведена по константинопольской эре.¹² В результате у него и получился 889 г.

Некоторые советские / российские исследователи выражаются более осторожно о времени появления первой волны печенегов в Восточной Европе, датируя это событие последней четвертью IX в.¹³ Опорой для них могут служить известия сочинения арабского географа персидского происхождения Ибн Русте «Книга дорогих ценностей» («Китаб ал-а'лак аннафиса»), созданного в 903–925 гг. Главным хронологическим ориентиром для датировки этого источника служит упоминание в нём великоморавского князя Сватоплука I, правившего в 870–894 гг., однако, «эта идентификация, как и время написания «Анонимной записки» (сведения которой воспроизводит Ибн Русте. – М.Ю.), не общепризнаны».¹⁴ В рассматриваемом сочинении находится свидетельство о том, что «между страной печенежской и страной славянской 10 дней [пути]»,¹⁵ вызывающее дискуссии исследователей относительно его понимания. Наиболее распространённым является мнение, что Ибн Русте говорит о печенегах, находившихся ещё между реками Уралом и Эмбой.¹⁶ К. Цегледи относит к 80-м гг. IX в. информацию «традиции ал-Джайхани» (Анонимной записки) о том, что хазары ежегодно воевали с печенегами.¹⁷

Уже в XIX в. исследователи высказывали мнение о том, что печенеги появились в Восточной Европе в середине или даже в первой трети IX в. Основанием для этого служили известия византийских авторов о построении хазарами крепости Саркел на Нижнем Дону между 834 и 837 гг. В развернувшейся по этому поводу между российскими историками дискуссии высказывалось мнение, что Саркел был построен для отражения венгерской, печенежской или русской угрозы. Намёк в пользу печенежской версии содержится в сочинениях Продолжателя Феофана

(втор. пол. IX в.)¹⁸ и Иоанна Скилицы (втор. пол. XI в.), но они явно описывали ситуацию середины X в.¹⁹ Из факта построения Саркела исходил и венгерский исследователь Й. Тури, когда заявлял, опираясь на византийских авторов и сочинение Мовсеса Каланкатуаци «История страны Алуанк», о том, что венгерские племена могли в 835 г. потерпеть поражение от вторгшихся в пределы Внешней Хазарии печенегов и переселиться в Закавказье, на берега Куры, где, по Мовсесу, в 853 г. уже проживал народ *севордик*,²⁰ в котором Тури видел часть савартов-асфалов, бежавших из степей после поражения от печенегов. Однако тождество севордик = саварты-асфалы не является полностью доказанным, поскольку этот этноним мог принадлежать и некоему тюркскому народу, в среде которых он был достаточно широко распространен.

Некоторые российские / советские историки XIX–XX вв. пытались привлечь для обоснования датировки прихода первой волны печенегов в Восточную Европу свидетельства созданной в XVI в. Никоновской летописи, где можно прочесть под 6375 г. о войне киевского князя Аскольда с печенегами.²¹ При этом В.О. Ключевский считает это доказательством прихода печенегов к границам Руси в середине IX в.,²² а Б.А. Рыбаков убежден в том, что автор группы уникальных известий Никоновской летописи, в которую входит рассматриваемое свидетельство, мог использовать в данном случае как константинопольскую, так и антиохийскую (александрийскую) эру, из чего следует, что эта война могла произойти в 866 / 7 или 874 / 5 гг.²³ Однако, в современной российской историографии все уникальные известия Никоновской летописи признаются плодом фантазии книжника XVI в.²⁴

Датировка первого конфликта между венграми и печенегами 50-ми годами IX в. получила широкое распространение в венгерской историографии конца XX в. благодаря работам К. Цегледи, Г. Веконя и Д. Кришто.²⁵ В вузовском учебнике, по которому учатся венгерские студенты, также можно прочесть, что с 854 г. часть венгров вследствие тяжёлого поражения, понесённого от печенегов (кангаров) фигурирует в качестве савардов в одном из районов Персии.²⁶ В то же время в выходящих в России в последнее время работах по истории печенегов фактически поддерживается точка зрения М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой, согласно которой печенеги не могли появиться в степях Восточной Европы ранее последней четверти IX в.²⁷ Современные венгерские исследователи поддерживают мнение и датировку Д. Дёрффи.²⁸

На то, что венгры покинули к 855 г. Донские степи, косвенно может указывать свидетельство ал-Йа'куби об обращении в 240 г. х. (854 / 5 г.) проживавших в Закавказье санарийцев, которым угрожала

карательная акция со стороны арабского наместника провинции Арминии Буги Старшего, к правителям «Рума, хазар и владетелю славян».²⁹ Отсутствие упоминания венгров и печенегов в обращении санарийцев может свидетельствовать о том, что в то время мадьяры уже ушли на запад, а печенеги только появились в этом регионе и ещё не представляли собой заметной политической силы.

В связи с этим представляется заслуживающей внимания гипотеза А.С. Щавелёва, считающего, что во «владетеле славян» (*сахиб ас-сакалиба*) «естественно видеть правителя славян-северян, находившегося в зависимости от хазарского кагана, но располагавшего автономией и войсками. Политическое положение социума северян в качестве лимитрофа Хазарии было аналогично положению кочевого народа венгров в составе каганата».³⁰ Как видно из приведённой цитаты, А.В. Щавелёв фактически поддерживает версию об уходе венгерских племён из Донских степей в середине IX в., поскольку северяне могли стать важной политической силой во «Внешней Хазарии» только после миграции венгров на земли к западу от Нижнего Днепра.

С другой стороны, такое повышение статуса верховного вождя северян в глазах санарийцев могло иметь место лишь в специфической ситуации, когда первая волна печенегов (кангары) только появилась в рассматриваемом регионе и нанесла поражение мадьярам (савартам-асфалам), встав между хазарами и северянами. В последующем, когда печенеги продвинулись дальше на запад, северяне потеряли своё исключительное положение, закрепившись в рядах хазарских данников, что зафиксировано в Повести временных лет (ПВЛ).³¹ О том, что ок. 853–855 гг. во «Внешней Хазарии» происходили события, вызвавшие нестабильность в этом регионе, свидетельствует один из восточных источников, исследованный Й. Марквартом, в котором содержатся сведения о том, что в том же 240 г. х. (когда санарийцы просили о помощи) в Закавказье переселились 300 семей хазар-мусульман, перешедших через Дарьял.³²

В решении вопроса о времени появления первой волны печенегов в степях Восточной Европы представляется заслуживающим внимания рассказ Продолжателя Феофана в его «Жизнеописании византийских царей» о войне императора Феофила с арабами в 838 г., одним из эпизодов которой была битва при Дазимоне. В этом сражении активное участие принимали 10 000 «турок», решивших исход сражения в пользу арабов.³³ Поскольку в эпоху, когда писали свои сочинения Константин Багрянородный и Продолжатель Феофана, *турками* было принято называть венгров, издатель русского перевода «Жизнеописания» Я.Н. Любар-

ский считает, что здесь «имеются в виду угры, обитавшие в то время в причерноморских степях».³⁴ Эта точка зрения отнюдь не является общепризнанной. Автор классического труда о византийско-арабских отношениях рассматриваемого времени А.А. Васильев воздерживается от их более конкретной идентификации с каким-либо из кочевых этносов, оставляя их турками.³⁵ Венгерские историки никогда не включают известия Продолжателя Феофана в своды сведений о древних венграх. По мнению Д. Моравчика, упоминаемые этим автором турки были «тюрками на службе арабов и персов (IX–X вв.)». При этом историк указывает на то, что Продолжатель Феофана использует в данном случае сведения из труда Генесия.³⁶ Позицию Моравчика поддерживает и современный исследователь труда Продолжателя Феофана Д. Хелдон.³⁷

Тем не менее, предположение Я.Н. Любарского, по моему мнению, может объяснить действия савартов-асфалов после понесённого ими поражения от кангаров, точнее – выбор частью разгромленных венгров нового места для поселения. Оказавшись в ситуации временного распада Венгерского союза племён, часть мадьярского этноса отправилась не на запад, куда ушла их основная масса в поисках свободных степных пространств после потери обжитых кочевий, а в сторону Персии, т.е. под власть багдадского халифа. Если соотнести сведения, содержащиеся в трактате «Об управлении империей», с рассказом Продолжателя Феофана о событиях при Дазимоне, то разгромленные кангарами саварты-асфалы могли двинуться туда, где их хорошо знали и помнили об их боевых заслугах в роли вспомогательного войска. Поскольку их уже принимали на службу мусульманские правители, причём 10-тысячное войско, зарекомендовавшее себя с самой лучшей стороны, саварты-асфалы решили искать защиты и покровительства в закавказских владениях Багдадского халифата. Успешность этой акции может свидетельствовать в пользу того, что она произошла, скорее всего, в середине IX в., когда ещё была свежа память о совместных военных акциях венгров и мусульманских подданных халифа. Вряд ли в 80-е гг. того же столетия, когда венгры уже совершают набеги на различные области Центральной Европы, они поддерживали тесные союзнические отношения с халифатом. Кроме того, далеко не всякие турки могли послать на помощь союзникам 10-тысячное войско, но, что касается древних венгров, то, по свидетельству Ибн Русте, «их глава выступает с двадцатью тысячами человек».³⁸

Исследователи до сих пор не оценили в качестве хронологического ориентира информацию ПВЛ, содержащуюся в её историко-этнографическом введении, предшествующем погодным записям. В нём лето-

писец, в том числе, пытается дать общую хронологическую канву важнейших событий, происшедших на юге Восточной Европы до появления в Киеве Аскольда и Дира, а отчасти – до конца IX в. Здесь, в частности, уделено внимание судьбе обров (аваров), которые вначале выступают как мучители части восточнославянского этноса – дулебов, а затем сообщается о крахе созданной ими державы – Аварского каганата. С точки зрения нашей темы важны следующие фразы ПВЛ: «Были же те обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньше: «Погибли как обры», – их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги...». ³⁹ Как видно из приведённой цитаты, печенеги появились в южнорусских степях через короткое время после краха власти Аварского каганата над землями, соседившими с Русью. По свидетельству византийского книжника Свида (Суды), составившего в конце X в. энциклопедический словарь объёмом в 30 тыс. статей, в 803–805 гг. проживавшие на землях Карпатской котловины славяне в ходе всеобщего восстания освободились от власти аваров, ⁴⁰ что явно имел в виду летописец в цитированной фразе.

Это свидетельство также скорее соответствует датировке более раннего прихода печенегов, чем последняя четверть IX в. Если соотнести его с гипотезой А.С. Щавелёва, то становится понятнее суть процессов, происходивших в Северном Причерноморье в первой половине IX в. По мнению исследователя, «можно уверенно предполагать, что с 60-х гг. VIII в. по начало IX в. шло переселение северов / северян с Дуная на Левобережье Днепра». ⁴¹ Этот процесс не в последнюю очередь был вызван ослаблением Хазарии вследствие гражданской войны и крахом и крахом Аварского каганата. Возможно, именно северяне были теми «сакалиба», на которых регулярно нападали венгерские племена в эпоху своей гегемонии в южнорусских степях, брали в полон и продавали на невольничьих рынках византийских владений в Крыму, о чём свидетельствует Ибн Русте. ⁴²

Есть ещё одно свидетельство ПВЛ, в котором прямо отрицается более поздняя датировка рассматриваемых событий. Если продолжить прерванную цитату, то далее можно прочесть: «...а затем прошли чёрные угры мимо Киева, но было это после – уже при Олеге». ⁴³ Если принимать это известие буквально, то получается, что печенеги появились в рассматриваемом регионе до захвата Олегом Киева, т.е. до 882 г. Разумеется, хронология ПВЛ при описании событий IX в. весьма условна и, как убедительно доказано А.А. Шахматовым, отсутствовала в источнике, использованном при описании событий ранней истории Руси в

ПВЛ,⁴⁴ но все попытки кардинальным образом пересмотреть её в сторону перенесения на более позднее время⁴⁵ пока не получили широкой поддержки среди исследователей. Следует также учитывать тот факт, что само историко-этнографическое введение к ПВЛ было написано уже во время создания этого письменного памятника в начале XII в. и отсутствовало в его источниках, но это не исключает того, что в исторической памяти древнерусской народности сохранилось представление о том, что печенеги появились на южных границах Руси через несколько десятилетий (а не через почти столетие) после краха Аварской державы и до прихода в Киев Олега.

В связи с этим напрашивается вопрос: если венгры почти всю первую половину IX в. были хозяевами южнорусских степей, то почему ПВЛ упоминает о них лишь в сюжете, связанном с их уходом на земли Карпатского бассейна? По моему мнению, этот факт также подтверждает версию о раннем приходе печенегов в степи к западу от Нижней Волги. Эпоха венгерской гегемонии пришлась на время, когда в Киеве ещё не было летописания, объектами нападений мадьяр в то время были, скорее всего, северяне, а к моменту появления в Киеве Аскольда (и Дира) венгры уже были разгромлены печенегами, распались на две части, и те, кто не ушёл в Закавказье, «прибились» к хазарам. Мне уже приходилось неоднократно писать о том, что одним из последствий первого венгерско-печенежского конфликта стало создание идеальных условий для нападения Руси на Константинополь в 860 г. В дальнейшем (после 861 г.) венгры и присоединившиеся к ним кавары переселяются в междуречье Днестра и Прута, где образуют политическое единство с местными восточными славянами – тиверцами, препятствуя Олегу подчинить их власти Киева, о чём свидетельствуют результаты исследований молдавских археологов.⁴⁶ И лишь когда часть «обретавших родину» венгров прошла на рубеже IX–X вв. через южную и юго-западную Русь, они удостоились внимания летописца, назвавшего их «чёрными уграми», чтобы подчеркнуть их близость к «белым уграм», под которыми он понимал ранних хазар, бывших союзниками Византии при императоре Ираклии (610–641).

Примечания

¹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. 2-е изд. М.: Наука, 1991. С. 158 (текст), 159 (пер.).

² *Pálóczi Horváth A.* Keleti népek a középkori Magyarországon. Besenyők, úzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei. Budapest: Archaeolingua, 2014. P. 21-22.

³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 154-155.

⁴ *Tóth S.L.* Megjegyzések a honfoglalás szakaszaihoz // *Századok* 130 (1996), № 4. P. 883-901.

⁵ Об этом свидетельствует ал-Мас'уди (ум. в 956 г.) в сочинении «Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов»). См.: *Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. VIII. Paris: L'imprimerie imperial, 1874. P. 144-145.

⁶ Уже Д. Дёрффи считал, что в 893 г. печенеги впервые напали на венгров и заставили их покинуть земли от Дона до Нижнего Дуная (*Györffy Gy.* Besenyők és magyarok. // *Idem.* A magyarság keleti elemei. Budapest: Gondolat, 1990. P. 103. Статья впервые вышла в 1958 г.), а через два года они, согласно разделявшейся историком господствующей точке зрения, начали переселение на земли Карпатской котловины.

⁷ *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi* / Ed. F. Kurze Hannoverae, 1890. In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi.* [Т. 50]. P. 132.

⁸ *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. С. 350.

⁹ *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Вып. VI. Симферополь, 1997. С. 666.

¹⁰ *Czeglédy K.* Árpád és Kurszán (Az Árpád-ház megalapításához). // *Pais Dezső tudományos emlékülés Zalaegerszegen* / Szerk. I. Szathmáry és F. Ördög. Budapest: A magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. № 140, 1975. P. 52.

¹¹ *Pauler Gy.* A millenarium az Akadémiában // *Századok*. 31 (1883). P. 195-196. Впоследствии Паулер признал 889 г. датой первого конфликта между венграми и печенегами, происшедшего в степях между Доном и Днепром (*Pauler Gy.* A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. I. k. Budapest: Az Athenaeum irod. és nyomdai g. társulat, 1899. P. 1).

¹² *Macartney C.A.* The Magyars in the Ninth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. P. 70.

¹³ См., напр.: *Плетнёва С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. С. 23.

¹⁴ *Калинина Т.М.* «Ибн Русте» // *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия* / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. III том. Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 44.

- ¹⁶ Обзор мнений см.: Там же. С. 44. Примеч. 3.
- ¹⁷ *Czeglédy K. Árpád és Kurszán*. P. 50.
- ¹⁸ *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 56.
- ¹⁹ *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. Ioannes Thurn (Berolini; Novi Eboraci: W. de Gruyter)*. 1973. P. 73.
- ²⁰ *Thúry J. A magyaroknak „szavarti-aszfali” neve // Századok 31 (1897)*. P. 317-327.
- ²¹ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. [Репр.] М.: Языки русской культуры, 2000. С. 9.
- ²² *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн. I. М.: Мысль, 1993. С. 110-111.
- ²³ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993. С. 116.
- ²⁴ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. С. 16.
- ²⁵ *Czeglédy K. Árpád és Kurszán*. P. 52; *Kristó Gy.* Hungarian History in the Ninth Century. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 1996. P. 144-145. Г. Веконь считает, что первое нападение кангаров-печенегов на мадьяр нужно датировать сороковыми годами IX в. (*Vékony G. Levedia meg Atel és Kuzu // Magyar Nyelv 82 [1986]*. P. 52).
- ²⁶ *Kristó Gy.* Magyarország története. 895–1301. Budapest: Osiris Kiadó, 2003. P. 45.
- ²⁷ См.: *Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Огузы и печенеги. Уфа: Гилем, 2001. Правда, в новейшей энциклопедии по истории Древней Руси авторы статьи о печенегах пишут более осторожно, датируя их появление в Восточной Европе всем IX столетием (*Иванов В.А., Котляр Н.Ф., Плетнёва С.А.* «Печенеги» // *Древняя Русь в средневековом мире*. Энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 609-610).
- ²⁸ *Tóth S.L.* A honfoglalástól az államalátításig. A magyarság története a X. században. Szeged: Históriaantik könyvkiadó, 2010. P. 35-44; *Pálóczi Horváth A.* Keleti népek a középkori Magyarországon. P. 21-22.
- ²⁹ *Калинина Т.М.* Ал-Йа'куби. История // *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. Т. III. С. 39.
- ³⁰ *Щавелёв А.С.* Племя северян и хазарские крепости. Ещё раз о геополитике юга Восточной Европы. // *Книга картины Земли*. Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М.: Индрик, 2014. С. 329.
- ³¹ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись [Репр.] М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 19, 24; Т. II. Ипатьевская летопись [Репр.]. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 14, 17.

³² *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig: Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung, 1903. P. 412.

³³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. С. 162.

³⁴ Там же. С. 285. Примеч. 87.

³⁵ *Васильев А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморейской династии. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. С. 121, 127.

³⁶ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Bd. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. P. 322.

³⁷ *Haldon J.* *Warfare. State and Society in the byzantine World.* London: Routledge, 1999. P. 200. Выражаю благодарность А.Ю. Виноградову за консультацию по данному вопросу.

³⁸ *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Росспэн, 1997. С. 106.

³⁹ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачёва / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. Санкт-Петербург: Наука, 1996. С. 146. На языке оригинала: «Быша бо Обърѣ тѣломъ велици и оумомъ горди, и Б(ог)ъ потреби я, помроша вси, и не остася ни одинъ Объринь, есть притѣча в Руси и до сего дне: Погибоша аки Обрѣ. Ихже нѣс(ть) племени, ни наслѣдка. По сихъ же придоша Печенѣзи...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 12; Т. II. Стб. 9).

⁴⁰ *Suide Lexicon Graece et Latine ad fidem optimorum librorum exactum post Thomam Gaisfordum recensuit et annotatione critica instruxit Godofredus Bernhardi.* Vol. 2. Halis et Brunswige: Sumptibus Schwetschkiorum, 1853.

⁴¹ *Щавелёв А.С.* Племя северян и хазарские крепости. С. 328.

⁴² *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. С. 106.

⁴³ Повесть временных лет. С. 146. На языке оригинала: «...паки идоша Оугри Чернии мимо Киевъ послѣже при Олзѣ» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 12; Т. II. Стб. 9).

⁴⁴ *Шахматов А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов. // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXX (1897). С. 463-482.

⁴⁵ *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник. Санкт-Петербург: Изд-во Дмитрия Буланина, 2007. С. 343-351.

⁴⁶ *Рябцева С.С., Рабинович М.А.* О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. Под ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. М. – Вологда: Древности Севера, 2014. С. 263-279.

С.В. СОКОЛОВ

**На каком уровне развития
находились восточные славяне
до 862 г. с точки зрения
Августа Людвиг Шлёцера?***

Предлагаемая статья основывается в первую очередь на сочинении Августа Людвиг Шлёцера под названием «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке». Думаю, нет нужды дополнительно представлять Шлёцера и его сочинение. Отмечу лишь, что первая часть книги, доводившая изложение до 879 г. (т.е. до смерти Рюрика) впервые была опубликована в Германии в 1802 г., в русском переводе в 1809-м.¹ Я постараюсь сопоставить представления Шлёцера о восточных славянах, высказанные в «Несторе», с его общими взглядами на историю. Эти взгляды изложены, например, во «Введении во всеобщую историю для детей», которая, хотя и написана как учебник, вполне отражает научные идеи Шлёцера.² Данная статья – попытка рассмотреть взгляды Шлёцера на основе методологии интеллектуальной истории, с ее требованием представить широкий интеллектуальный контекст идей автора.³ То есть цель статьи не просто выявление концепции Шлёцера относительно уровня развития восточных славян, а раскрытие интеллектуальной основы его взглядов.

---

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26. 06. 2013 г.

* * *

Достаточно широко известен тот факт, что Шлёцер крайне низко оценивал уровень развития восточнославянского общества до 862 г. Его взгляды не раз рассматривались историками. Однако в основном высказывались по предмету участники варяго-русской дискуссии, и их задачей было подтвердить или опровергнуть положения Шлёцера. Позицию критиков Шлёцера в XIX в. хорошо отражает мнение П.Г. Буткова (1840 г.), который считал, что немецкий ученый изображал Русь до прихода Рюрика красками более мрачными, чем свойственными нынешним эскимосам». Шлёцером, по словам Буткова, «управляло предубеждение, будто наши славяне в быту своем ничем не одолжены самим себе» (то есть обязаны всем скандинавам).⁴ Норманисты (Н.М. Карамзин, Н.И. Полевой, М.П. Погодин), напротив, считали книгу Шлёцера превосходной, а концептуальные взгляды, высказанные в ней убедительными.⁵ В XX в. среди участников варяжской дискуссии оценки идей Шлёцера приобрели шаблонный характер. И норманисты, и анти-норманисты, как правило, порицали его за пренебрежение к внутренним факторам развития восточнославянского общества.⁶

Истоки идей, их интеллектуальную основу в российской и советской историографии рассматривали реже и в основном поверхностно. Можно выделить как наиболее значимые работы историков XIX в. С.М. Соловьева и А.Н. Попова (они занимали разные общественно-политические позиции: один ближе к западникам, другой к славянофилам). Первый в специальной статье, посвященной Шлёцеру, писал, что мысль Шлецера о «дикости» славян... в точности отражает то, что написал сам Нестор-летописец. Поэтому Соловьев относил Шлецера к *историческому* направлению, в отличие от других историков (преимущественно, славянофилов), которые пытались как-то приукрасить восточнославянскую историю.⁷ А.Н. Попов был уверен, что Шлёцер сводил развитие образованности в России к внешнему побуждению, что являлось отражением его концептуальных взглядов на историю вообще. «Необходимым выводом» из построений Шлёцера Попов называл тот, что «до введения христианства и вместе с тем до начала византийского влияния жизнь русского народа не заключает в себе данных, на которые могла бы опереться наука».⁸ В XX в. можно упомянуть статью В.А. Мошина, утверждавшего, что Шлёцер опирался на идеи Монтескье.⁹

* * *

Почему тема уровня развития славян вообще была затронута Шлёцером? Если попытаться составить список самых популярных для историков XVIII в. тем, то происхождение славян и их история до 862 г. займет, пожалуй, одно из первых мест. В ряду историописателей XVIII в. с энтузиазмом углублявшихся именно в начальную славянскую историю можно назвать Михаила Ломоносова, Федора Эмина, Ивана Елагина, Василия Тредиаковского, Фридриха Штрубе де Пирмонта, наконец, Готлиба Байера и Герарда Миллера.¹⁰ Конечно, не миновали этой темы и авторы многотомных историй – Василий Татищев и Михаил Щербатов.¹¹

Исторические корни народов (как мы бы сейчас сказали, этногенетические вопросы) – это так же важная тема для историописателей раннего Нового времени в Европе. Особенное усердие исследователи прилагали в тех странах, у которых отсутствовал античный период в истории (например, в Польше, Швеции).¹² Созидание славной и древней истории представлялось для интеллектуалов этих стран важной национальной задачей. Они не сомневались в исторической вечности народов. Как писал Шлёцер «во младенчестве исторической науки», когда «прадеды наши... предполагали, что как предки каждого человека существовали за 2000 и более лет, так подобно сему и каждый народ после столпотворения долженствовал существовать».¹³

Для России тематика происхождения славян становится важной во второй половине XVII в. Во многом сказалось влияние украинских исторических сочинений и проникавших (поначалу при посредстве украинцев) польских текстов.¹⁴ Именно польские сочинения дали образцы описания древнейшей истории славян и стали источником для этногенетических схем. Идея преемственности населения на определенной территории торжествовала: античные скифы и сарматы объявлялись предками славян.¹⁵ Особенное внимание заслужило сарматское племя роксолан, которые по созвучию были отождествлены с русскими. Таковы, например, взгляды «Синописа» – первой печатной книги по российской истории.¹⁶

В XVIII в. в России господствовало представление, что величие истории народа определяется ее древностью и славностью. Поэтому авторы первой половины – середины XVIII в. старались как можно подробнее описать именно раннюю историю славян. Тенденция к удревнению национальной истории, ярко выражена в работах того же М.В. Ломоносова.¹⁷ В.Н. Татищев тогда же вводит в свое повествование Иоакимовскую летопись, которая рассказывает о политической истории новгородских славян до призвания Рюрика.¹⁸ В конце XVIII в. этой «ле-

тописью» еще пользовались как достоверным источником, например, И.Н. Болтин.¹⁹

Все это было для Шлёцера абсолютно неприемлемым и свою книгу он писал как опровержение распространенных и в целом признаваемых тогда реконструкций древнейшей истории славян. «Лучше 600 лет подлинной истории, чем 3000 лет сказок и басен», утверждал Шлёцер в своей ранней работе 1768 г.²⁰

* * *

Первая идея Шлёцера о восточных славянах до Рюрика заключается в том, что этот период истории в принципе невозможно в деталях восстановить. В этом мнении проявился его критический подход к источникам (Шлёцер был выходцем из школы филолога Михоэлиса, сделавшего имя на изучении Ветхого Завета). Главный источник, по мнению Шлёцера – Повесть временных лет, Нестор. Другие источники либо не говорят ничего о ранней истории славян, либо не заслуживают доверия. Отчасти свою роль играл и дух противоречия: Шлёцер стремился уничтожить мнения оппонентов о древности славянской истории. С.М. Соловьев писал, что Шлёцером «были убиты представления о Древней Руси, к которым приучали русских людей XVIII века Елагины и Эмины».²¹ Шлёцер был искренне убежден в том, что он верно пересказывает летопись.

Вторая и главная идея Шлёцера – дикость славян. Он полагал, что ранние славяне были похожи «на жителей Сибири, Калифорнии и Мадагаскара, разделенные на малые орды... не имевшие политического устройства, сношений с иноплеменниками, письма, искусств, религии или только глупую религию».²² Главный аргумент в пользу дикости славян теоретический: дикость – это естественное состояние народа, выходящего из первобытности. Все народы, писал Шлёцер в своей «Всеобщей истории», делятся на «диких, варваров и просвещенных народов».²³

Вероятно, интеллектуальным источником для идеи Шлёцера о дикости славян стало сочинение деятеля шотландского просвещения Адама Фергюсона «Рассуждение об истории гражданского общества» (1767 г.).²⁴ Шлёцер знал английский язык и читал работы шотландских просветителей, он давал обзоры новейших работ Юма и других в своих журналах.

Выход из дикости и варварства – это просвещение народа. Первый шаг к просвещению по Шлёцеру – создание национального государства. Эти идеи были весьма характерны для Гёттингенской школы, они отразились также в сочинениях Гаттерера и Геерена, историков-современ-

ников Шлёцера.²⁵ Вероятно определенную роль сыграли и взгляды немецких поэтов, романтизовавших народность. Следующий шаг вперед для народа – это крещение. Причем, именно принятие христианства по Шлёцеру ведет к просвещению. Христианство несет с собой грамотность, которая есть ключ к сокровищнице человеческой мысли.

Согласно теоретическим воззрениям Шлёцера большинство народов получают просвещение извне. «Немцы, писал Шлёцер в своей «Всеобщей истории», за 2000 лет были полудикими, римляне образовали их. Немцы в свою очередь образовали шведов, а шведы финнов». Славяне приобщаются к просвещению через византийцев (а не от варягов). «В царствование императора Траяна, писал Шлецер, читали на Днепре Гомера и Платона. После сего прекрасные украинские долины покрылись мрачной ночью, продолжавшейся почти тысячу лет, не прежде как около 1100 г. возвратилась опять в Киев византийская словесность».²⁶ Более того, сам Нестор, как считал Шлёцер, начинает писать историю в подражание византийским образцам. Иными словами Шлёцер отказывает в какой-либо исторической значимости народам лишенным истории – нет истории, нет письменности, нет просвещения. Очень важно подчеркнуть, что Шлёцер – универсалист: «что справедливо для одного – справедливо и для другого»,²⁷ – писал он. Шлёцер считал, что человечество в целом развивается как конкретный человек от младенческого состояния к взрослому.²⁸

Следуя своим представлениям Шлецер тенденциозно подходил к любым противоречащим сведениям. Так, например, он пересказывает информацию Повести о восточнославянских племенах, подчеркивая, что они были мелкими и политически несостоятельными (ведь у них не было письменности, а, следовательно, просвещения. Значит не могло быть и правительства). Любопытно, что когда вместе с племенами Нестор называет города – центры племенных княжений – Шлёцер спешит заметить, что эти города были скорее огороженными деревнями.²⁹

Таким образом, важная идея Шлёцера состоит в том, что славяне не имели политической системы. Славяне, согласно Шлёцеру, были разделены на «малые орды», и жили «под демократическим или лучше сказать под никаким правлением». Это близко к представлениям теоретиков общественного договора. Новгородские славяне до того как варяги начали взимать с них дань «управлялись сами собой в гражданском только своем обществе». Однако после появления варягов они ощутили потребность в самозащите, что привело к сплочению и стремлению организоваться.³⁰ Таким образом, Шлецер одним из первых заговорил о внешних предпосылках для образования Древнерусского государства.

Впрочем, Шлёцер не считал это состояние подлинно политическим. Некоторые исследователи называют Шлёцера сторонником теории общественного договора,³¹ что, конечно, неверно. Шлёцер, полагал, что государство у славян возникает не в результате договора, не в результате добровольного соглашения, а насильственным путем. Безусловно, это схема, являющаяся отражением теоретических взглядов Шлёцера, он полагал, что «большая часть государств в Древнем мире была основана завоевателями... как бестолковы люди! – восклицал Шлёцер – весьма немногие из них зашли бы сами в стойло государственное, если бы какой-нибудь Немврод не загнал их туда дубиной... Таким образом, завоеватели полагали часто первое основание для счастья целого народа».³² Создание государства – первый шаг к просвещению. Настоящий расцвет начинается, однако, только после принятия христианства северными народами. До принятия христианства – все народы варвары.

Особое внимание Шлёцер уделял титулатуре. В этом проявлялась логика монархической эпохи. По мнению Шлёцера славянам предводительствовали старейшины или кацки, «которых баснословы, следуя древнему греческому обычаю, называют царями и князьями». Только с образованием государства правителей восточных славян можно называть князьями. В теории Шлёцера – создание государства одномоментное событие, появление князя и есть образование княжества.

Ключевой момент, на который редко обращают внимание, связан с историко-географическими воззрениями Шлёцера. Он рассматривает общественное развитие не одних лишь восточных славян, а целого региона, который называет «Верхним Севером». К Верхнему Северу принадлежат, помимо Руси, также Польша, Прибалтика, Дания и Скандинавия. Выделение Верхнего Севера – есть проявление германоцентристского взгляда Шлёцера и влияния идей эпохи. Верхнему Северу противопоставлен Средний (Германия и Паннония), а всему северу – Средиземноморье (южная Европа), где находились греческие государства и Римская империя.³³ Просвещенные народы шаг за шагом открывали мир и около IX в., в эпоху Карла Великого, они открыли Верхний Север. О его состоянии до IX в. «никому не известно, да и никто знать этого не может».³⁴ Это замечание существенно для понимания идей Шлёцера, оно соединяет гиперкритику источников и стремление опираться на достоверные данные с убеждением в постепенности распространения просвещения.

В тоже время, что и славяне, другие северные народы встали на путь просвещения, но иными способами. Норманны начали в конце VIII в. набеги на франкскую державу и эти походы «должны были рас-

ширить их ум и доставить множество новых идей».³⁵ Интересно, что в свое время антинорманистов весьма возмущало использование Шлецером наименования «кацик» по отношению к славянским князьям, однако, практически всегда забывали, что точно так же Шлецер называл и шведских правителей того времени.

Отличие между славянами и шведами заключалось, скорее, в этнографических характеристиках, в роде занятий и деятельности. Впрочем, и суть этих различий Шлецер сформулировал весьма обидным образом. Опровергая сообщение Никоновской летописи о том, что Рюрик с братьями первоначально испугались идти к новгородцам, вследствие свирепости нрава последних, Шлецер писал: «норманны не такие были люди, чтобы бояться слабых, расстроенных и к сопротивлению не способных народов».³⁶

Таким образом, А.Л. Шлецер основывал свой подход на философии эпохи Просвещения, поэтому он оценивал уровень развития славян в зависимости от уровня их образования, качества их моральных установок и принципов. Как ученый эпохи Шлецер пришел к заключению, что все северные народы (скандинавы, так же, как и славяне) находились на одном и том же низком уровне развития. Он рассматривал славян как мирные племена, занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, в то время как скандинавов считал воинственным народом. Поэтому скандинавы смогли подчинить себе славян. И славяне, и скандинавы казались Шлецеру непросвещенными, дикими и некультурными народами, их обычаи выглядели жестокими и аморальными, социальная организация – примитивной. Только крещение Древней Руси во времена князя Владимира I Святого проложило путь для подлинного общественного развития славян.

Однако важно понимать, что в действительности Шлецер гуманист. Универсальность истории для него – подтверждение потенциального равенства возможностей людей. Нельзя думать, писал Шлецер, что «человек, могущий понимать алгебру так же хорошо, как мы, белые, не должен почитаться за человека, потому что кожа на нем черная». Воспитание – вот, что играет определяющую роль в становлении человека, согласно Шлецеру, от него зависит «степень ума или образования».³⁷ Идея эта, конечно, совершенно принадлежит эпохе Просвещения.

Примечания

¹ *Schlozer A.L.* Нестор. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen. Bd. 1. Gottingen, 1802; *Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. 1. СПб., 1809.

² *Шлёцер А.Л.* Предуготовление к истории для детей. М., 1788; *Он же.* Корень всемирной истории для детей. СПб., 1789; *Он же.* Введение во всеобщую историю для детей. Ч. 1–2. М., 1829.

³ *Репина Л.П.* Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем 15 (2005). С. 5-14.

⁴ *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской Нестеровой от наветов скептиков. СПб., 1840. С. 3-5, 7, 49.

⁵ *Карамзин Н.М.* История государства российского. Т. 1. СПб., 1818; *Полевой Н.И.* История русского народа. Т. 1. М., 1829; *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 1. М., 1846.

⁶ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. С. 165; *Клейн Л.С.* Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 25.

⁷ *Соловьев С.М.* Шлёцер и антиисторическое направление // Русский вестник 8 (1857). С. 437-440.

⁸ *Попов А.Н.* Шлёцер. Разсуждения о русской историографии. М., 1847. С. 77.

⁹ *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii* 10 (1931). С. 128-129.

¹⁰ *Ломоносов М.В.* Древняя российская история. СПб., 1766; *Эмин Ф.А.* Российская история. Т. 1. СПб., 1767; *Елагин И.П.* Опыт повествования о России. Т. 1. М., 1803; *Тредиаковский В.К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773; *Штрубе де Пирмонт Ф.* Рассуждение о древних россиянах. М., 1791; *Bayer T.S.* Origines Russicae // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Vol. VIII, 1741. P. 388-436; *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773.

¹¹ *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. Т. 1. М., 1768; *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.

¹² *Synarski S.* The Shape of Sarmatian Ideology in Poland // *Acta Poloniae Historica* 19 (1968). P. 5-19; *Johannesson K.* The Renaissance of the Goths in Sixteenth-Century Sweden. Berkley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1991.

¹³ *Шлёцер А.Л.* Нестор. С. 60.

¹⁴ *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 395-421.

¹⁵ *Манкиев А.И.* Ядро российской истории. М., 1770. С. 9-18; *Лызлов А.И.* Скифская история. СПб., 1776.

- ¹⁶ Киевский Синописис. Киев, 1836. С. 11-12.
- ¹⁷ *Ломоносов М.В.* Древняя российская история. С. 5-56.
- ¹⁸ *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. С. 29-50.
- ¹⁹ *Болтин И.Н.* Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова. СПб., 1793. С. 12-18.
- ²⁰ *Schlozer A.L.* Probe russischer Annalen: Nestor und russische Geschichtte betreffend. Bremen, Gottingen, Gotha, 1773. P. 51.
- ²¹ *Соловьев С.М.* Шлёцер и антиисторическое направление. С. 433.
- ²² *Шлёцер А.Л.* Нестор. НД.
- ²³ *Шлёцер А.Л.* Введение во всеобщую историю для детей. Ч. 2. С. 59.
- ²⁴ *Fergusson A.* An Essay on the History of the Civil Society. London, 1782.
- ²⁵ *Gatterer J. Ch.* Weltgeschichte in ihrem ganzen Umfange. Gottingen, 1785; *Heeren A. H. L.* Geschichte des Europäischen Staatensystems. Göttingen 1809.
- ²⁶ *Шлёцер А.Л.* Нестор. С. 13-14.
- ²⁷ *Шлёцер А.Л.* Введение во всеобщую историю для детей. Ч. 2. С. 44.
- ²⁸ Там же. С. 40-41.
- ²⁹ *Шлёцер А.Л.* Нестор. НД–НЕ.
- ³⁰ Там же. С. 297.
- ³¹ *Привалова Е.П.* А.Л. Шлёцер – автор исторической книги для детей // XVIII век. Сборник 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 204.
- ³² *Шлёцер А.Л.* Введение во всеобщую историю для детей. Ч. 1. С. 74-75.
- ³³ *Шлёцер А.Л.* Нестор. ЛЕ–ЛЗ.
- ³⁴ Там же. Н.
- ³⁵ Там же. NS.
- ³⁶ Там же. С. 331.
- ³⁷ *Шлёцер А.Л.* Введение во всеобщую историю для детей. Ч. 1. С. 40-41; Ч. 2. С. 43-44.

GÁBOR GYÓNI

Кий, Аскольд и Дир

О РАННЕЙ ИСТОРИИ КИЕВА

В разных древнерусских летописях даются различные, альтернативные версии о происхождении и ранней истории Киева.

По рассказу «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), который можно прочитать в «недатированной» части летописи, возникновение города связано с именами легендарных братьев Кия, Щека и Хорива и их сестрой Лыбедью. Они построили город, который получил название по имени старшего брата, Кия. На том холмистом месте, на Днепре, где возник Киев, жили поляне, которые охотились в окружающих лесах. Холмы вокруг Киева носят имена остальных братьев.¹

Однако, в той же летописи, как бы спорящей сама с собой, рассказывается и другая, альтернативная версия о Кие. По второй версии Кий, по слухам, был перевозчиком на Днепре, хотя это невозможно, добавляет автор хроники, поскольку он посетил и Константинополь (Царьград), и создал некую «династию» (*«княжил в роде своем»*). По этой же версии и сам византийский царь принял Кия с великими почестями. Кроме этого, Кий якобы создал городок и на Дунае, но затем, потому что *«не даша ему ту блізь живуци»*, вернулся к Днепру, где позже и умер. Там же умерли и его названные родственники. После смерти Кия его «род» княжил в Киеве.² Исходя из этого рассказа, получается, что существовал некий днепровский князь и его династия, создавшие хорошие отношения с Византией.

Новгородская первая летопись (далее – НПЛ) младшего извода также сохранила память о Кие. Версия НПЛ существенно отличается от рассказа ПВЛ. В НПЛ два абзаца повествуют об истории Кия. Первый из них практически полностью совпадает с известием ПВЛ о трех братьях и о том, как они основали Киев (однако, в конце абзаца есть одно замечание, подчеркивающее былое язычество киевлян, полян, что, возможно, объясняется в измерении традиционного киево-новгород-

ского соперничества, следы которого регулярно встречаются на страницах НПЛ).³ По новгородской версии, оказывается, Кий жил в IX веке, во время правления византийского императора Михаила. Между 811 и 867 гг. в Византии царствовали три императора с именем Михаил: Михаил I Рангаве (811–813), Михаил II Травл (820–829) и Михаил III (842–867), но текст уточняет, что матерью императора была Ирина, сторонница иконопочетания, а «царьградским» патриархом в то время был Фотий (858–867, 877–886). То есть речь идет о времени правления Михаила III (возможный временный диапазон событий 858–867 гг.). Во втором абзаце новгородская хроника добавляет, что в те времена (речь идет, безусловно, о временах трех братьев) «Русь» вела поход против Византии на кораблях. Это первое упоминание слова «Русь» в новгородской хронике.⁴ Оно, таким образом, связано с Киевом, походом киевлян на «Царьград» (примечательно, что в нарративе НПЛ значение слова «Русь» в географическо-политическом смысле четко отделяется от Новгорода). Таким образом, по новгородской версии отношения Киева с Византией носили конфронтационный характер.

Однако текст НПЛ о походе Кия против Византии во многом совпадает с рассказом ПВЛ о походе Аскольда и Дира против Константинополя в 866 г.

НПЛ – поход Кия: *«В си времена бысть въ Грѣчько земли цесарь именемъ Михаилъ, а мати его Ирина, иже проповѣдается поклоняние иконамъ въ пръвую недѣлю поста. При семь приидоша Русь на Царьград в кораблех, бецислено корабль; а въ двуусту вшедше въ Суд, много зло створиша Грекомъ и убиство велико крестияном. Цесарь же съ патриархомъ Фотѣм молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю ночь; тацѣ святѣи богородици ризу изънесше, в море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ суци, и абие буря въста, и потапляше корабля рускыя, и изверже я на брегъ, и во своя сы возвратишася».*

ПВЛ – поход Аскольда: *«Иде Аскольд и Диръ на Греки и прииде въ дѣ [лѣто] Михаила прѣ прю же ошедию на огараны [и] дошедию ему Черные рѣки вѣсть спархъ посла к нему яко Русь на Црьгородъ идетъ и вратиса црь си же внутрь Суду вшедше много оубиство кртнмъ створиша и въ двою соть корабл Црьградъ оступиша. Црь же едва въ град вниде с патреѣархомъ съ Фотѣм к суцци цркви [и] стѣи Бцѣ Влахѣрнѣ [и] всю ночь молтву створиша таже бжтвенную свты Бца ризу с ими изнесше в рѣку омочивше тишинѣ суци [и] морю оукротившюса абье буда въста с*

*вѣтром и волнамъ велыѣмъ вѣставшемъ засобѣ безбожыхъ Руси ко-
рабль смате [и] к берегу приверже и изби ѣа ѣако ма[ло] и ѡ
таквыѣа бѣды избѣ гнуги [и] въ своѣа си возъвратишасъ».*

Слова, выделенные полужирным шрифтом, явно свидетельствуют о близости двух текстов.

Поскольку поход Аскольда и Дира против Константинополя зафиксирован и в византийских источниках, а якобы совершившийся поход Кия против Византии нигде не отмечен, кроме НПЛ, можно сделать вывод, что автор НПЛ просто «спутал» текст и историю Аскольда и Дира выдал за историю Кия. Но почему поступил так неизвестный автор? Ведь Аскольд и Дир были хорошо известны и в новгородской исторической традиции. По-видимому, их поход против Византии не соответствовал представлениям об их христианстве (см. *ниже*).

После этого в НПЛ следует рассказ о том, что хазары начали собирать дань от полян. При этом в тексте хазары сравниваются с египтянами времен Моисея, что хорошо вписывается в общий «эсхатологический» характер древнерусского летописания.⁵

Целый ряд уникальных известий о древнерусской истории содержит и позднейшая компиляция XVI века, Никоновская летопись (при составлении которой использовали некие, ныне не сохранившиеся летописные тексты). В рассказе «Начало о граде Киев» Никоновской летописи повторяется известный текст о Кие и его братьях, но добавляется, что Кий вел походы против Волжской и Камской Булгарии и с победой вернулся «в свой град Киев».⁶

Известие о возникновении Киева можно найти не только в древнерусской традиции, но и в средневековой польской историографии. По мнению Яна Длугоша (1415–1480), Киев был основан «польским» языческим князем Кием.⁷ Версия Длугоша в данной геополитической ситуации, когда Киев принадлежал Польско-Литовскому государству, явно имела актуально-политические цели (и «полянского» Кия относительно легко могли сделать «поляком»). Несмотря на то, что Длугош использовал в своей работе русские летописи, его политизированная интерпретация не имеет ценности оригинального источника.

Но существовал ли на самом деле Кий? На этот счет в научной литературе можно найти как положительные, так и отрицательные ответы. В советской историографии многие исследователи воспринимали Кия как реального исторического персонажа, возможно, в частности, потому, что таким образом процесс образования древнерусского государства можно объяснить автохтонной эволюцией.⁸ Однако часть исследова-

телей склонна к мнению, что легенда о Кие является стереотипным, тенденциозным построением.⁹ Особенно, если учесть, что повесть о трех братьях-основателях встречается и в других славянских традициях (в Великой Польской хронике – последняя четверть XIII века – мы читаем известие о древней истории славян, которые поначалу жили в «Паннонии», и «от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов»).

Решающим аргументом по вопросу о существовании Кия было бы обнаружение известия о нем в других, не восточнославянских, независимых источниках.

Возможно, что Кий и его братья действительно встречаются и в другом источнике кроме древнерусских летописей. Речь идет об армянской хронике Зиновия Глака (История Тарона), где можно прочитать о неких братьях Куаре и Хореане, которые жили в городе Куара. Текст этого источника ввел в научный оборот еще Н.Я. Марр. В нем рассказывается, что жили три брата, Куар, Мелтей и Хореан. Каждый из них построил свой город. Города были названы по их именам. Этот рассказ о трех братьях-основателях города действительно похож на историю ПВЛ.

И не только сюжет армянской хроники похож на рассказ ПВЛ, но и имена. Куар отождествляется с Кием, Хореан с Хоривом.¹⁰ Работу Зеноба Глака можно датировать X–XI вв., она была составлена на Кавказе, который в цивилизационном смысле был близок к Хазарии.¹¹

Этимологически имена Щека и Хорива не обязательно славянского происхождения. Имя Кий, возможно, имеет славянское происхождение, ведь подобные топонимы, как об этом говорится и в ПВЛ, встречаются в славянском мире (польский *Kijów*, чешский *Kyiov*, *Kyjvice*). Имя «Лыбедь» скорее всего славянское (от слова «лебедь»). Однако попытка «расшифровки» имен Хорива и Щека не дала убедительных результатов.¹²

Как видим, в НПЛ непосредственно после истории Кия следует рассказ о хазарском владении восточных славян, а в ПВЛ следует повествование о восточнославянских «племенах» (это слово не употребляется в тексте летописи) и иных «языках», и народах, живущих на Руси, а затем о хазарах.

Согласно рассказу ПВЛ, хазары начали собирать дань со славянских племен: полян, древлян, радимичей. Власть хазар распространялась на широкие территории восточных славян, на Средний Днепр, Оку, даже на Среднюю Волгу, где и волжские болгары были в зависимом

положении от хазар еще в начале X века.¹³ По свидетельству ПВЛ, хазарская власть над восточными славянами установилась после смерти «братьев» (то есть Кия, Щека и Хорива), что сужает возможный хронологический диапазон жизни этих полубогатых персонажей, ведь политическое главенство Хазарии над восточными славянами было установлено еще до 830 г., когда произошли фундаментальные изменения в этнополитической ситуации в Восточной Европе и, в частности, в Хазарии (это еще один аргумент в пользу того, что рассказ НПЛ о походе Кия против Византии является вставкой). Территория современного Киева была пограничным краем Хазарии.

Хазария представляла собой некую новую модель государствообразования в Восточной Европе. По замечанию П.Б. Голдена, хазарская государственная модель на самом раннем этапе своего развития была «импортирована» из Евразии, от западных тюрков. Хазары сохранили много тюркских названий чинов (каган, тудун), они создали дуальную систему власти с введением номинального и действующего правителя.¹⁴

Благодаря Хазарии постепенно появилась новая модель государства на просторах Каспия, Волги, Черного моря, Северного Кавказа. Ее атрибуты: постоянный центр власти; регулярное налогообложение подданного населения (по крайней мере, на периферии), новая система поселений, попытка введения «государственной религии», существование некой колонизаторской политики (благодаря которой на территории Восточной Европы появилось кавказское население). С VIII в. на территории Хазарии в большом количестве появились новые поселения, городища, «линии обороны» и в таких регионах, где раньше их не существовало. Например, только в Крыму одновременно с укреплением хазарской государственности появилось около 250 новых поселений. Под влиянием Хазарии по всей Восточной Европе распространялась т.н. салтово-маяцкая культурная общность (ее следы можно обнаружить и в Башкирии).¹⁵

Культурное и цивилизационное влияние хазар можно обнаружить и у восточных славян в некоторых элементах государствообразования (например, использование титула «каган» в Киеве).¹⁶

Возможно, что Кий и его братья были представителями хазарской элиты. Они, по всей видимости, хотели создать самостоятельный центр власти на Среднем Днепре. То, что Кий, Щек и Хорив были хазарами, подтверждает и Лаврентьевская летопись, в рассказе о событиях 862 г., в котором прямо указано на их хазарское происхождение. По тексту, когда Аскольд и Дир захватили Киев, и спросили, чей этот город, местные жители ответили им, что «была суть Г братья Кии Щекъ Хоривъ иже

сдѣлаша градоко-сь и изгибоша и мы сѣдимъ платаче дань **родом их Козаромъ**».¹⁷

Благодаря Константину Багрянородному известно и хазарское название Киева (Самватас).¹⁸ Попытка создания самостоятельного властного центра на Среднем Днепре могла иметь место после 830 г., когда в Хазарии произошли существенные изменения в результате появления мадьяр на территории современной Украины. Мадьяры были союзниками хазар в начале IX века, вернее, по-видимому, между хазарами и мадьярами установились какие-то подданныческие отношения (об этом свидетельствует рассказ Константина Багрянородного о хазарско-мадьярских отношениях IX в. Это практически единственный источник по этой проблематике, и он был написан через 100 лет после этих событий. Не исключено, даже, вероятно, что появление мадьяр в степной зоне Восточной Европы в начале IX века (когда мадьяры покинули Волжско-Уральский регион) было каким-то образом связано с хазаро-печенежским (вернее: кипчако-тюркским, ведь точное появление печенегов к западу от Волги весьма проблематичный вопрос) конфликтом. Мадьяры приняли хазарскую систему власти. Первые известные венгерские князья были выбраны с одобрения Хазарского каганата (есть и слабые доводы, что венгерские вожди, Алмуш и его сын, Арпад, также были хазарского происхождения).¹⁹ По данным археологии, часть мадьяр жила между центром Хазарского каганата и Киевом (на территории Полтавщины, по течению Среднего и Нижнего Днепра).²⁰ Мадьяры недолго оставались в хазарской зависимости, печенеги (кипчаки) нанесли им сокрушительный удар, заставив их двигаться на запад (это произошло, приблизительно в 850–860 гг., когда, по уникальному сообщению Никоновской летописи, печенеги появились возле Киева).²¹ Возможно, что уже Алмуш начал постепенно избавляться от зависимости хазар, и эту политику продолжил (или начал?) его сын, Арпад (его имя как самостоятельного вождя венгров встречается уже в нескольких независимых источниках). Разрыв между мадьярами и хазарами произошел между 860 и 880 гг. (в 860 г., во время хазарской миссии Константина, мадьяры, по-видимому, были еще союзниками хазар. В 862 г. мадьяры впервые появились в Западной Европе. А в 881 г. кавары, которые покинули хазар, уже были союзниками мадьяр, они вместе воевали в Европе. Следовательно, в этот временной интервал произошел и разрыв между мадьярами и хазарами, и мадьярский союз семи племен *Hetumoger* стал самостоятельным политическим игроком в пространстве между Днепром и Карпатами).

В.Я. Петрухин недаром пишет, что Киев мог стать самостоятельным политическим центром благодаря мадьярам, в результате появления мадьяр стало возможным «самоопределение» Киева. Киев (Кий), желавший большей независимости от хазар (и мадьяр), мог обратиться к северным руссам и в Константинополь. Под 839 г. Бертинские анналы сообщают о скандинавских руссах, живущих в Восточной Европе, у которых есть свой каган (как мы видели, в Никоновская летописи есть сведения о том, что Кий вел походы против Волжской Булгарии, то есть он воевал именно на той территории, которая была под властью хазар). Не исключено, что именно Кий был этим «каганом руссов».

Таким образом, можно предположить, что Кий, Щек и Хорив были представителями хазарской элиты. Кий, воспользовавшись новой геополитической обстановкой, возникшей в результате появления мадьяр и ослабления хазарского государства (ок. 830 г.), хотел организовать независимый властный центр на Среднем Днепре.

Следующий этап древней истории Киева связан с именами Аскольда и Дира. О них также можно прочитать различные версии в разных русских летописях.

По рассказу ПВЛ, в 862 г. произошло известное приглашение Рюрика, Синеуса и Трувора и руссов-варягов на Север. Рюрик остановился в Новгороде (вернее, в т.н. Рюриковом городище, недалеко от современного Новгорода).

Согласно ПВЛ, Аскольд и Дир были «боярами» Рюрика и сами просились из «Новгорода» на юг, в Царьград. Однако они остановились у города, который был создан Кием, Щеком и Хорывым, у Киева. Там Аскольд и Дир начинали властвовать над полянами. В 866 г. они напали на Царьград, но их флот был разрушен бурей. Этот поход, наверное, отождествляется с тем, о котором альтернативные источники упоминают под 860 г.²²

Следующее упоминание об Аскольде и Дире мы находим под 882 г. Тогда преемники Рюрика, Олег и Игорь, захватили Киев и убили Аскольда и Дира. Аскольд был похоронен на Угорском холме Киева, Олег объявил Киев своим «столичным градом» и обложил налогом новгородских варягов (целью этого поступка, наверное, было привлечение на юг северных бойцов). Так излагается известная история об Аскольде и Дире. Примечательно, что большинство древнерусских летописей старалось объяснить происхождение *всякой* власти именно от Рюрика и его потомков: таким образом, Кий становится сказочным перевозчиком, а Аскольд и Дир – подданными Рюрика.

Однако совсем другая версия встречается в НПЛ и Никоновской летописи. По новгородской версии, Аскольд и Дир являются вполне автономными персонажами, независимыми от Рюрика. Они жили в Киеве еще до Рюрика. Но, как видим, достоверность известия НПЛ о Кие, Аскольде и Дире в значительной степени ослабляется тем, что автор текста явно путал этих исторических персонажей.

Особенно интересны известия Никоновской летописи об Аскольде и Дире. Они, по сути, повторяют новгородскую версию, что Аскольд и Дир были независимыми от Рюрика деятелями и княжили в Киеве еще до Рюрика. В Никоновской летописи сообщение об известном походе на кораблях против Константинополя совпадает с известием ПВЛ.

Однако после этого Аскольд и Дир снова, в этот раз вместе с «агарянами», вели поход против Византии (об этом известии можно прочесть еще до начала хронологической части летописи, начинающейся с 6367, т.е. с 859 г.).²³ Слово «агаряне» обозначает в Никоновской летописи мусульман или тюрок. Действие происходит, исходя из внутренней логики источника, во время правления царя Василия I Македонского (867–886). Кто такие агаряне в данном случае, трудно сказать (болгары, мадьяры, или мусульмане, с которыми царь Василий действительно много воевал?).²⁴ Далее, по рассказу Никоновской летописи, в 859 г. в Новгороде возникла идея о приглашении иноземного князя. Среди возможных претендентов упоминаются поляне, хазары, «дунайцы» (?), однако, новгородцы в конце концов пригласили варягов.²⁵

В 864 г. болгары убили сына Аскольда. В 865 г. Аскольд и Дир ходили в походы против полочан, а Полоцк, по рассказу Никоновской летописи, принадлежал к сфере влияния Рюрика (условно Новгорода, то есть Севера). Таким образом, Аскольд и Дир попытались расширить свое влияние на счет северных варягов. Под 866 г. Никоновская летопись *повторяет* известие о походе Аскольда и Дира на кораблях против Константинополя. После того как буря разбила корабли, Аскольд и Дир вернулись в Киев, где были вынуждены воевать с печенегами (среди прочих и это известие свидетельствует о том, что печенеги появились в Восточноевропейских степях раньше 90-х гг. IX в.). В этом же году много новгородцев прибыли в Киев, бежав от «деспотизма» Рюрика (о конфликте Рюрика с новгородцами неоднократно упоминает Никоновская летопись, эти известия являются уникальными).²⁶ В рассказе этих событий хронологические рамки, к сожалению, сильно запутаны. Летопись сначала повествует о правлении царя Михаила III (842–866) и Бардаса, затем мы читаем о начале царствования Василия Македонского I (867–886), но в рассказе об Аскольде и Дире снова возвращается

время правления Михаила III... Несмотря на такую неопределенность, учитывая весь материал источников, все таки можно сделать вывод, что действия Аскольда и Дира происходят где-то в 860-е годы.

Несмотря на то, что Аскольд не раз воевал против Византии, он принял крещение в Константинополе.²⁷ О христианстве Аскольда косвенно свидетельствует и ПВЛ, поскольку в этом тексте могилы Аскольда и Дира связаны с христианским храмом.²⁸ Эти сообщения древнерусских летописей совпадают со свидетельством константинопольского патриарха Фотия в 867 г. о том, что русы готовы принять христианство.²⁹ Также о христианстве «росов» IX в. свидетельствует «Жизнеописание императора Василия», составленное в середине X в., при участии Константина Багрянородного, где сохранилось известие об архиепископе, направленном на Русь патриархом Игнатием в 860-е гг. Это известие подтверждает и анонимный автор хроники Продолжателя Феофана (сер. X в.).³⁰

Так называемая Иоакимовская летопись (позднейший и весьма интересный источник новгородского происхождения, сохранившийся благодаря В.Н. Татищеву) передает весьма оригинальную версию начальной истории Руси. Историки до сих пор спорят о достоверности этого источника. Любопытно, однако, что в этом тексте можно обнаружить интересные архаизмы и «скандинавизмы», которых нет ни в одном русском источнике (например, упоминание Бярмии, хорошо известного топонима в средневековых скандинавских источниках, не встречающегося ни в одном древнерусском тексте, кроме Иоакимовской летописи).

Иоакимовская летопись, подобно ПВЛ, изображает Аскольда (Оскольда) соратником Рюрика. В этом тексте мы (возможно, в частности, в связи с давним соперничеством между Киевом и Новгородом) читаем, что «днепровские славяне», страдая от налогов хазар, сами обратились к северному Рюрику с просьбой послать им князя. Рюрик послал Оскольда, а тот, овладев Киевом, *победил хазар*, а затем отправился против Царьграда на кораблях, однако буря уничтожила его флот.

По версии Иоакимовской летописи, Оскольд был христианином, но киевляне «предали и убили его». То есть по этой поздней новгородской версии не Олег или Игорь убили Аскольда, а сами киевляне.

Аскольда похоронили на горе, где стояла церковь Святого Николая, но эту церковь, по рассказу В.Н. Татищева, уничтожил князь Святослав Игоревич (по ПВЛ Святослав Игоревич действительно плохо относился к христианской религии).³¹

Кроме выше названных источников, возможно, имя Дира встречается в географической книге ал-Масуди (ум. в 956 г.), в которой сказано,

что некий ад-Дайр (ad-Dayr или ad-Dīr) является «первым из славян». У него есть города, много пашенных земель, большая армия. Поскольку соседями его страны являются тюрки, выходит, что речь идет о некоей южной стране.³² Однако трудно объяснить хронологическое несовпадение известий древнерусских текстов с арабским источником (возможно, что слово «дир» обозначило не личное имя, а некий титул?).

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) Аскольд и Дир успели создать в Киеве самостоятельный центр власти.

2) Они (или только Аскольд) осуществили несколько успешных походов против сопредельных народов (хазар, болгар, печенегов, Полоцка) и Константинополя. Киев, по-видимому, в это время представлял собой привлекательную альтернативу для варяг Аустрвегра.³³

3) Аскольд стал христианином, таким образом, еще до Владимира и Ольги в Киеве имелся христианский правитель (рассказ о возможном крещении Кия предполагает более раннее появление христианства на Среднем Днепре. Имеются и вещественные доказательства раннего христианства на Среднем Днепре-Ворскле, по крайней мере, с VII в. Самое известное из них – малаперещепинский клад).³⁴

Аскольд и Дир олицетворяли вторую (после 830-х гг.) волну скандинавского «наплыва» на Средний Днепр, после чего последовало еще несколько «северных волн» (условно 882, 980, 1016 гг.). Как видим, всегда, без исключения, Север (*Новгород) был инициатором политического объединения «пути от варяг в греки». А возникновение Киева как независимого политического центра связано с ослаблением Хазарского каганата и с тем, что когда-то в 830–840 гг. на территории современной Украины сформировалось «кочевое государство» недавно (ок. 830) пришедших на эту территорию с Волжско-Уральского региона мадьяр. Оно формально подчинялось хазарам, а на деле вбило клин между славянами (Киевом) и Хазарией.

Примечания

¹ Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 9.

² Там же.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. С. 105.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 105-106.

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 4.

⁷ *Шавиева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 77. – http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos_3/vved1_phtml?id=7543 (апрель, 2017).

⁸ *Сахаров А.Н.* Кий: легенда и реальность // Вопросы истории 10 (1975); *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. М.: Наука, 1982.

⁹ *Петрухин В.Я.* «Русь и все языки». М.: Языки славянских культур, 2011. С. 147-157.

¹⁰ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. С. 105.

¹¹ *Thomson R.W.* Bibliography of classical Armenian literature, 1995. С. 230.

¹² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. С. 263, 499.

¹³ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: ХГУ, 1956. С. 141.

¹⁴ *Голден П.* Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005. С. 103-134, 117.

¹⁵ *Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Крым и Хазарский каганат в первой половине и середине VIII в. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург: Волот, 2004. С. 88-92; *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология 2 (2001). С. 43-55; *Комар А.* Кочевники Восточной Европы VI–IX вв. // Тюркское наследие Евразии. Астана: Тюркское наследие, 2012. С. 169-188.

¹⁶ *Szili S.* A ruszok kagánja. A kagán szó előfordulásának kérdéséhez a 11. századi kijevei uralkodók címhasználatában // A mi ruszisztikánk. Tanulmányok a 20/25. évfordulóra. Budapest: Russica Pannonicana, 2015. P. 71-90, 88.

¹⁷ Полное собрание русских летописей Т. I. Лаврентьевская летопись. С. 22.

¹⁸ A normannkérdés az orosz történelemben I. Források. Budapest: Russica Pannonicana, 2009. P. 79-80.

¹⁹ *Kristó Gy.* Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig. Budapest: Magvető, 1980. P. 65, 83.

²⁰ *Комар А.В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. Вып. 7 (2011). С. 21-77.

²¹ Полное собрание русских летописей Т. IX. С. 9.

- ²² Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Мельниковой Е.А. М.: Логос, 2003. С. 93; A normannkérdés az orosz történelemben I. P. 57-67.
- ²³ Полное собрание русских летописей Т. IX. С. 8.
- ²⁴ *Bréhier L.* Bizánc tündöklése és hanyatlása I. Budapest: Bizantinológiai Intézeti Alapítvány, 1999. С. 93-105.
- ²⁵ Полное собрание русских летописей Т. IX. С. 9.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 13.
- ²⁸ Полное собрание русских летописей Т. I. С. 23.
- ²⁹ A normannkérdés az orosz történelemben I. P. 64-65.
- ³⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 103.
- ³¹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962. С. 103.
- ³² *Kmoskó M.* Mohamedán írók a steppe népeiről. Földrajzi irodalom I/2. Szerkesztette Zimonyi I. Budapest: Balassi Kiadó, 1997. P. 200.
- ³³ *Джаксон Т.Н.* Austr í Gögðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 39-59.
- ³⁴ *Бобринской А.А.* Перещепинский клад // Материалы по археологии России 34 (1914). Петроград, 1914. С. 111-120.

ANN KLEIMOLA

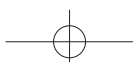
Sea, Land, and Sky

THE NEW HORIZONS OF AFANASII OF KHOLMOGORY*

Afanasii, first archbishop (1682–1702) of Kholmogory and Vaga, was a multi-talented churchman. He was an excellent administrator, a leader in combating the Old Believer heresy in the Russian North, a preacher determined to protect his Orthodox flock from foreign contamination, an author and educator, a linguist. At the same time, Afanasii was open to cordial relationships with foreigners, receptive to exchange of ideas in areas apart from religion, interested in art, architecture, construction techniques, even furniture, and fascinated with books, maps, clocks and optics. He maintained close personal contact with Moscow church and court circles while simultaneously developing a wide network of informants in the North, partly through administration of his eparchy but also through his acquaintance with traders and sea captains at the annual Arkhangel'sk fair. Ideally suited to become “Peter’s man in the North,” he found that his increasingly close contact with the tsar expanded his horizons in surprising ways in the last decade of his life.

Afanasii’s rapid rise to prominence within the central church hierarchy well antedated Peter’s taking the helm in person. Born the son of a soldier in Tiumen’ in 1641, he had served in the household chancellery of the Tobol’sk bishop and then as abbot of the Dalmatov Monastery before his transfer to Moscow in the late 1670s. In the capital he served as the Patriarch’s household priest, learned Greek at the Pechatnyi dvor and was entrusted with supervision and control over editing works of the Church Fathers translated from Greek into Slavic.¹ His duties made him familiar with patriarchal routine and with the church ritual order then in use in Moscow, above all in the Kremlin churches, and offered an introduction to members of the secular elite.

On 9 March 1682 Afanasii was chosen as the first archbishop for the newly established eparchy in the Russian North. Upon his arrival in Kholmogory, Afanasii was determined as far as possible to recreate the high level of Moscow church life, building and adorning churches, providing books,

raising performance standards for church music and services. With the Kremlin Dormition cathedral as his ideal, he built a new masonry Transfiguration church. The cathedral complex quickly expanded to fit the status of the “first metropolitan of the North”, including a masonry bell tower, archbishop’s chambers, sacristy, and gate church.²

Throughout his tenure as archbishop Afanasii maintained close personal contact with Moscow church and court circles. In addition to keeping up a substantial correspondence, he paid lengthy visits to the capital on four occasions (February 1684 – February 1685, December 1688 – February 1690, December 1692 – July 1693, and January 1697 – March 1698). During the minority of the co-tsars Ivan and Peter and during Sophia’s regency, Afanasii evidently managed to remain on cordial terms with all parties despite the political twists and turns of the Miloslavskii-Naryshkin rivalry.

While taking an active role in church matters, Afanasii negotiated the difficult political terrain with great skill. His second trip to Moscow brought him to the capital during the last months of Sophia’s regency and he was there when the attempted coup against Peter broke out at the end of the summer. Throughout those difficult weeks the archbishop evidently avoided being drawn into the fray by focusing on his church-related tasks. On 17 June 1689 he consecrated the new church of Tikhon the Wonderworker by the Arbat Gates, for which he received gifts from Sofia.³ At the same time he clearly enjoyed a cordial relationship with Peter. On Peter’s name day (29 June 1689) Afanasii conducted the services at the Kremlin’s “upper” Church of the Mandylion Icon (*v verkhu*) at the request (*po ukazu*) of the sovereign; he conducted the ceremony blessing the waters in Preobrazhenskoe on 1 August, commemorating St. Vladimir’s baptism of Rus’. On 4 August, a few days before the strel’tsy uprising broke out, Peter invited the archbishop to Izmailovo for the liturgy celebrating the name day of Peter’s wife Evdokiia. And the archbishop hosted a gala feast on August 6, the holiday of the Transfiguration, the dedicatory icon of his Kholmogory cathedral.⁴ Afanasii did not join Peter and the patriarch at the Trinity-Sergius Monastery during the uprising, but on October 10 he visited Peter at the Alekseevskoe Selo transit palace as the tsar was returning to Moscow.⁵ In the 1690s, however, Afanasii continued to celebrate Sofia’s name-day services in Arkhangel’sk on September 17, before he returned to Kholmogory after the end of the fair.⁶

Afanasii’s contacts with Peter became more frequent as the sovereign’s changing political and military interests shifted his attention to the North and Peter visited the Dvina in the summers of 1693 and 1694. The archbishop became “Peter’s man in the North”, offering advice and taking on various commissions which made use of his abilities and widened his horizons,

drawing him into projects connected to sea, land, and sky. If we consider the scope of his interests, acquisition of new tools, and services to the state, we can see him clearly as a model of the “new Petrine man”.

When Peter arrived in Kholmogory in July, 1693, the archbishop arranged a suitable welcome, with an artillery salute, bells, cheering crowds, singers and icons greeting the tsar, and, after church services and dinner, gave a tour of the city, including the windmill Afanasii had built according to foreign plans. At Peter’s request Afanasii also went to Arkhangel’sk, where Peter and his retinue visited the archbishop often, remaining for long, wide-ranging conversations after dining in the refectory, and Afanasii blessed the tsar’s first ocean-going journey on his new yacht with a gift of loaves and fishes while Peter honoured the archbishop with a cannon salute. Upon his departure in September, the sovereign gave Afanasii the riverboat that had transported him from Vologda, complete with sails, anchor, and flags including a standard with the Russian coat-of-arms, and a carriage worth 100 roubles. The visit concluded with a gala celebration featuring a display of rockets and grenade flares.⁷

The tsar returned the following May, accompanied by 400 retainers (not counting servants), and Afanasii, along with his sacristan Efreim and pod’iakon Ivan Protopopov, joined the tsar and a small group of courtiers on the sovereign’s yacht for a visit to the Solovetskii Monastery, a voyage best remembered for the White Sea storm that almost capsized the ship. When Peter’s 44-cannon Dutch frigate arrived in Arkhangel’sk, the archbishop blessed the tsar and provided loaves and fishes for the sovereign’s expedition accompanying foreign ships to their exit from the White Sea.⁸ Once again the tsar and his court dined frequently with the archbishop, and Afanasii became more and more interested in foreign affairs.

Fortunately for the archbishop’s expanding curiosity, Peter had decreed the establishment of the Arkhangel’sk post in 1693, entrusting the job to Andrei Vinus. During the Azov campaign Afanasii spent much time and effort gathering news, requesting that all members of his clergy and F.A. Apraksin, the voevoda in Arkhangel’sk, forward any information to him as quickly as possible. The voevoda himself rode to Kholmogory as soon as word of Peter’s victory reached Arkhangel’sk, and the archbishop immediately ordered a celebratory great peal of bells.⁹

The Great Northern War drew Afanasii into personal participation in state affairs. In 1701 Peter directed his decree on building a new fort, Nova Dvinka, at the mouth of the Dvina to both the archbishop and the Arkhangel’sk voevoda. That spring Afanasii assured the tsar that everything was progressing; despite a late spring and deep snow, trees were being cleared

and he had sent his best masons to the site. The eparchy provided building materials, including thousands of bricks, and Afanasii himself requested a copy of the building plans while suggesting improvements in the proposed construction of a well and connecting the water supply to the river in case of a siege. On 12 June Afanasii and the voevoda boyar Prince Aleksei Petrovich Prozorovskii visited the site to inspect the foundations. Afanasii also handled negotiations with foreign merchants in Arkhangel'sk, asking them not to join the Swedes. Peter directed Afanasii to take counsel with the voevoda about defensive action, and a combination of Russian heroics and sandbars in the Dvina led to defeat of the enemy on 25 June and their loss of three ships. A month later Peter awarded the archbishop three Swedish cannons in gratitude for his contributions.¹⁰

On Peter's third visit to the North, in 1702, Afanasii was again in Arkhangel'sk at the tsar's behest. On 29 June he consecrated the wooden church at the new fortress in the presence of Peter and his son Aleksei, and in August the archbishop accompanied them as the troops moved to Nova Dvinka for the start of one of Peter's most ambitious campaigns, hauling ships more than 260 km overland along the "Sovereign's Road" ("Osudareva doroga") from the White Sea coast to Lake Onega. The trees had been cleared and swamps and waterways bridged over the summer. Afanasii's contribution, however, had come earlier. In 1700 he had compiled "Three Roads to Sweden" ("Opisanie trekh putei"), a description of existing and proposed routes through Karelia to Swedish possessions. The archbishop was familiar with the old routes used by local residents and pilgrims going to Solovki, and gathered practical information from Russian traders. He consulted the copy of the *Kniga Bol'shogo Chertezha* in his personal library for data on distances between settled points, pogosts, position of rivers and lakes. Peter began his trace farther west along the coast, but the southern half of his road followed Afanasii's first route, which he had correctly evaluated in terms of practicality, anticipating a military need for rapid transit. Peter's forces moved swiftly, leaving the White Sea coast on 17 August and reaching Ladoga on 26 August, then proceeding west, resulting in the fall of the Swedish fortress at Noteburg (Oreshek) on 12 October 1702 and Russia's consequent breakthrough to the Baltic.¹¹

In January 1702 Afanasii made another topographical contribution to the state's knowledge, sending to F.A. Golovin in Moscow a drawing Peter had requested of the Northern Dvina "from eight versts above the town of Arkhangel'sk... to the mouths of the Dvina at the sea", including all the channels, islands, and sands, as close to size as possible. His charting of the river from Arkhangel'sk to the White Sea had great practical importance, as shown by the

desperate Swedish search in Baltic ports in 1701 for sailors with knowledge of the area who might serve as pilots for their attack squadron.¹²

Over the decades the archbishop's increasing contacts with elite circles brought steady exposure to the Western influences that were flooding in to both Moscow and the Dvina. Afanasii was clearly attracted by many of the new cultural trends. Just before Lent in 1697 he was among the spectators at Krasnosel'skii Pond where Peter put on a fireworks show featuring skyrockets that burst into flames of many colours.¹³ His new riverboat bore his episcopal emblem and his title painted in Latin letters.¹⁴ The week after Trinity Sunday Afanasii visited Dubrovitsy, the village near Moscow where Prince Boris Alekseevich Golitsyn built the Church of the Mother of God of the Sign, which featured a central octagonal tower capped by a unique gilded crown, carved details and statues, and plaster cartouches with inscriptions from Latin religious poetry.¹⁵ And before he returned north Afanasii had his portrait painted by Semen Dement'ev syn Narykov.¹⁶

Afanasii's contacts with foreign merchants in Arkhangel'sk enabled him to pursue his interests in ideas and technology both through conversation and acquisition of books, maps, astronomical calendars, engravings, globes, and scientific instruments from abroad.¹⁷ The names of several dozen foreign merchants appear in Afanasii's papers, and he hired an interpreter to handle his constant contacts with foreigners. He purchased high-quality apparatus for astronomical and meteorological observation from the English merchant John Baltus, including seven telescopes. The archbishop set up an observatory in the bell tower attached to his cathedral in Kholmogory, and adorned the cathedral gallery with depictions of the celestial movement of the sun, moon, and stars.¹⁸

Cornelius de Bruyn, the Dutch artist and traveller who visited the archbishop in December 1701, reported that Afanasii "presented us with Cinnamon Water, red Wine, and excellent Beer. He also treated us with Dates of Egypt and other Refreshments". After two hours of pleasant conversation, Afanasii took them to see his arms collection, displaying not only the guns from the Swedish vessel but "two small Brass Cannon of his own casting". Upon their departure the archbishop, "a Man of good Sense, and a Lover of Learning", presented them with loaves and fishes.¹⁹

Afanasii's forays into spheres far afield from those of a traditional churchman are perhaps characteristic of those in the provinces who became "Peter's people". Like his sovereign, he had wide-ranging interests, curiosity, practical skills, and fascination with technology from the West. He entered and explored the new worlds opened by his environment, personal relationship with Peter, and resulting enlistment in state activities. But while he was drawn to new ideas, he simultaneously retained a traditional orientation, evi-

dent, for example, in his treatment of the Old Believers, wariness of the non-Orthodox, severe punishments for malefactors under his jurisdiction, reservations about European theories of the universe, and even his depiction of the roads to Sweden in textual form. In suggestive ways the strengths and weaknesses of Peter's man in the North, living outside court circles and away from the centre, mirror those of his sovereign.

Notes

* I am indebted for assistance to the Center for Russian, East European, and Eurasian Studies, University of Illinois at Urbana-Champaign, to the Slavic Reference Service and Interlibrary Loan Service, University of Illinois Libraries, to the Interlibrary Loan Service, University of Nebraska Libraries, and to Professors Daniel Waugh, Gail Lenhoff, Daniel Kaiser, and Endre Sashalmi.

¹ See: *Veriuzhskii, V. Afanasii*, arkhiepiskop kholmogorskii. St. Petersburg, 1908; *Bulatov, V.N.* Muzh slova i razuma: Afanasii-pervyi arkhiepisop Kholmogorskii i Vazhskii. Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova, 2002.

² *Golubtsov, Aleksandr.* Chinovniki Kholmogorskago Preobrazhenskago sobora. Moscow, 1903. XI, XIV–XVIII, XXIV; *Kol'tsova, T.M.* Iskusstvo Kholmogor XVI–XVIII vekov. Moscow: Severnyi Palomnik, 2008. P.17-22.

³ *Veriuzhskii. Afanasii...* P. 507.

⁴ *Veriuzhskii. Afanasii...* P. 506 n. 47; P. 507; *Drevniaia Rossiiskaia Vivliofika 10* (Moscow, 1789). P. 339, 409, 412.

⁵ *Veriuzhskii. Afanasii...* P. 502-503 n. 38.

⁶ *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei* [hereafter – *PSRL*] 33 (Moscow: Nauka, 1977), P. 196; *Titov, A.A.* Letopis' Dvinskaia (Moscow, 1889), P. 70, 81; *Sibirtsev, I.M.* Istoricheskaia svedeniia iz tserkovno-religioznogo byta g. Arkhangel'ska v XVII i pervoi polovine XVIII v. // In: Iustin Mikhailovich Sibirtsev: Trudy, Tvorcheskaia biografiia, Bibliografiia. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2007. P. 155.

⁷ *PSRL* 33, 163; *Titov.* Letopis'... P. 69; *Bulatov.* Muzh slova... P. 60-61, 147; O vysochaishikh prishestviiakh velikago gosudaria, tsaria i velikago kniazia Petra Alekseevicha, vseia Velikiia i Malyia i Belyia Rossii samoderzhitsa, iz tsarstvuiuschago grada Moskvy na Dvinu, k Arkhangel'skomu gorodu, troekratno byvshikh; o nakhozhenii shvedskikh nepriatel'skikh korablei, na tu zhe Dvinu, k Arkhangel'skomu gorodu; o zachatii Novodvinskoi kreposti i o osviahshchenii novago khrama v sei kreposti. M., 1783. P. 16, 18-24, 28-29, 33-34.

⁸ *Chinovniki...* 250; *Bulatov.* Muzh slova... P. 60, 64-65, 68-69; *Titov.* Letopis'... P. 77-80; O vysochaishikh putshestviiakh... P. 42-53.

⁹ *Kozlovskii, I.P.* Pervye pochty i pervye pochtmeistry v Moskovskom Gosudarstve. Warsaw, 1913. P. 420-429; *Bulatov.* Muzh slova... P. 70-72.

¹⁰ Arkhangel'skii sever v dokumentakh istorii (s drevneishikh vremen do 1917 goda) / Ed. A. A. Kuratov. Arkhangel'sk: Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti, 2004. No. 60. P. 116-118; No. 63. P. 122-123; O vysochaishikh puteshestviiakh... P. 54-88; *Gostev, I.M.; Davydov, R.A.* Russkii Sever v voynakh XVI–XIX vekov. Arkhangel'sk: Fond razvitiia Solovetskogo arhipelaga, 2014. P. 51-70.

¹¹ *Dankov, M. Iu.* Arkhiepiskop Afanasii – avtor proekta 'Osudarevoi dorogi' // In: Evropeiskii sever Rossii. Arkhangel'sk: Arkhangel'skii tsentr Russkogo geograficheskogo obshchestva RAN, 1999. P. 242-247; *Krotov, P.A.* Osudareva doroga 1702 goda. St. Petersburg: Istoricheskaia illiustratsiia, 2011; on Afanasii's "Opisanie trekh putei iz Rossii v Shvedtsiui", see *Panich, T.V.* Literaturnoe tvorchestvo Afanasiia Kholmogorskogo. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. P. 93-120, 173-190.

¹² *Veriuzhskii.* Afanasii... P. 677; *Bulatov.* Muzh slova... P. 178-179; *Shibanov, Fyodor A.* Studies in the History of Russian Cartography: Part 1, From the History of Russian Cartography in the 16th and 17th Centuries [Monograph No. 14 / 1975, Supplement No. 2 to Canadian Cartographer 12 (1975)] / Trans. L.H. Morgan. Toronto: University of Toronto Press, 1975. P. 28-29; O vysochaishikh puteshestviiakh... P. 59-60.

¹³ *Titov.* Letopis'... P. 99.

¹⁴ *Titov.* Letopis'... P. 112-113.

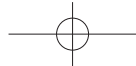
¹⁵ *Titov.* Letopis'... P. 101.

¹⁶ The archbishop paid Narykov 8 roubles and a length of silk fabric (kamka). When Afanasii died, the portrait was placed over his sarcophagus in the Transfiguration Cathedral, and one of his servitors, Ivan Vasiliev syn Pogorel'skii, made a copy that hung in the archbishop's court; *Titov.* Letopis'... P. 105; *Veriuzhskii.* Afanasii... P. 515. The attribution of the two copies now in the Arkhangel'sk museum remains a matter of debate; see *Mil'chik, M.I.* Gorod Kholmogor byl mnogoliuden i znamenit. St. Petersburg: Liki Rossii, 2013, Prilozhenie I: "O portretakh Afanasiia, arkhiepiskopa Kholmogorskogo i Vazhskogo". P. 100-117.

¹⁷ For the inventory of items in his apartments at the time of his death, see: Dokumenty arkhiepiskopa Afanasiia v Gosudarstvennom archive Arkhangel'skoi oblasti / Comp. T.A. Sanakina // In: Arkhiepiskop Afanasii i religiozno-kul'turnoe prostranstvo Nizhnego Podvin'ia (kon. XVII–XX vv.) / Ed. L.D. Popova. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2008. No. 4. P. 177-181; on his library, see: Knizhnye pamiatniki Arkhangel'skogo Severa. Biblioteka Afanasiia Kholmogorskogo. – (<http://virtmuseum.aonb.ru/Z3.html>) [August 2015].

¹⁸ *Frumenkova, T.G.* Afanasii Kholmogorskii i inozemtsy // In: Russkii sever i zapadnaia evropa / Ed. Iu. N. Bespiatykh. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs, 1999. P. 142-154; *Vucinich, Alexander.* Science in Russian Culture. Stanford: Stanford University Press, 1963. P. 21; *Sviatskii, D.O.* Ocherki istorii astronomii v drevnei Rusi. Chast' III // In: Istoriko-astronomicheskie issledovaniia 9 (Moscow: Nauka, 1966). P. 52; Chinovniki... XVII; *Bulatov.* Muzh slova... P. 144-146, 178-179.

¹⁹ M. Le Brun's Observations on Russia // In: Friedrich Christian Weber / The Present State of Russia. 2 vols. London: Frank Cass & Co., Ltd., 1968. Vol. 2. P. 394-395.

MÁRTA FONT

Даниил Галицкий и Ростислав Черниговский при дворе венгерских королей

Князья Даниил Галицкий (1201–1264)¹ и Ростислав Черниговский (1219 / 1223–1262)² считаются важными личностями в восточноевропейских отношениях венгерских королей XIII века. В определенное время они были соперниками, однако оба они прибегали к помощи венгерских королей, Андраша II (род. ок. 1177, король: 1205–1235) или Белы IV (род. 1206, король: 1235–1270). На жизненный путь Даниила с самого начала наложило отпечаток Венгерское королевство, которое поддерживало его интересы или противодействовало им.³ Ростислав стал членом королевской семьи, тем самым он играл роль во внутренней политике королевства.⁴

К концу XII века (1199) отец Даниила, Роман Мстиславич, объединил под своей властью Волынь и Галич, и сразу же приступил к расширению подвластной ему территории.⁵ Впервые, еще будучи волынским князем, он женился на Предславе, дочери великого киевского князя Рюрика Ростиславича. Их дочь, Федора была выдана замуж в Галич, что помогло отцу достичь своей цели.⁶ Около 1199 / 1200 г., обладая всей Галицко-Волынской Русью, Роман порвал с Рюриком и женился второй раз, на этот раз на византийской прицессе,⁷ что само по себе повысило авторитет Романа в регионе. От второго брака у него родились дочь Елена и сыновья, Даниил и Василько. Все они были еще малолетними, когда Роман погиб в битве под Завихостом, поддерживая Конрада Мазовецкого (1205).⁸ В Киевской Руси при передаче волостей было в действии право старшинства, что исключило наследство малолетних княжичей.⁹ Но в начале XIII века группа галицких бояр была заинтересована в сохранении сложившейся ситуации, что привело к

поддержке вдовы Романа, которая должна была остаться у власти от имени малолетних сыновей. Согласно средневековым обычаям, вдова Романа попросила помощи у своего родственника-соседа, венгерского короля Андраша II.¹⁰

Так начались походы Андраша на Галич в «интересах» малолетнего Даниила при регенстве его матери. Цель экспансии в направлении Галича появилась не только при венгерском королевском дворе, а также и в Кракове при князе Лешке Белом. Перекрещивающиеся венгерские и польские интересы в итоге привели к соглашению. Союз венгерского короля и краковского князя осуществился в 1214 году, когда при встрече в крепости Спиша они решили соединить свои силы под предлогом поддержки своих малолетних детей-супруг,¹¹ которых и короновали.¹²

После этого Даниил оставался на заднем плане до своего совершеннолетия в 1217 г., когда он женился на дочери Мстислава Мстиславича, вместе с которым он начал борьбу против польско-венгерских войск. Даниилу удалось достичь своей цели лишь частично, потому что после бегства малолетних супругов из Галича в 1221 г. Мстислав заключил мир с Андрашем II, вследствие чего королевич Андраш тоже женился на одной из дочерей Мстислава Мстиславича и получил Перемышль, а из Перемышля достиг господства в Галиче.¹³ Положение изменилось лишь в 1234 г. после смерти королевича Андраша, когда у Даниила появилась возможность овладеть Галичем. Но появились и новые соперники: черниговские князья, Михаил Всеволодович и его сын, Ростислав, родственники по женской линии: женой Михаила была Елена Романовна, сестра Даниила.¹⁴ В 1235 г. Михаил с помощью половцев занял не только Киев, но и Галич. Даниилу пришлось обратиться за помощью к бывшему сопернику, венгерскому королю, но когда он приехал в Венгрию, король Андраш уже умер, а вместо него к власти пришел его сын, Бела IV. Даниил приехал именно на коронационную церемонию, где он вел коня короля.¹⁵

После битвы на Калке в 1223 г., в которой погибли многие из южнорусских князей,¹⁶ между черниговскими и галицкими князьями началось соперничество за ведущую роль в южнорусских районах Руси, в первую очередь за владение Киевом. Михаил Черниговский был женат на сестре Даниила, Елене Романовне, что могло считаться и основанием для требования владения Галичем. Однако, вполне возможно, что начиная с 1220-х гг. Михаил сознательно стремился укорениться в западной Руси опасаясь близости татаро-монголов.¹⁷

В 1235 г. Михаил занял не только Киев, но и Галич, откуда Даниил изгнал его при помощи венгров.¹⁸ В 1238 г. повторилась та же самая

ситуация. В 1239 г. нападение татар было направлено против Чернигова, вследствие чего город и его окрестности попали под власть монголов.¹⁹ Михаил со своей семьей бежал в Венгрию. Как только они нашли убежище в Венгрии, у Михаила появилась идея женить сына, Ростислава, на одной из дочерей Бела IV, но король отказался от этого, поскольку он не желал устанавливать родственную связь с князьями-беглецами. Даниил со своим сыном тоже бежал в Венгрию, но скоро они пошли дальше, в Польшу, куда бежали другие члены семьи.²⁰

Поход монголов, начавшийся осенью 1240 года, после взятия Киева (6 декабря)²¹ продолжался в западном направлении, против Польши и Венгрии. Краков, Силезия и Венгерское королевство стали жертвами татаро-монголов.²² Король Бела IV писал в письме к римскому папе: «...когда татары боролись против нас на территории нашей страны, мы обратились за помощью к трем высочайшим дворам христианства, но помощи не получили, лишь слова...».²³ Однако, так называемое «татарское письмо» Бела свидетельствует об изменении политики короля: он хотел найти союзников по восточным границам страны, поэтому на сей раз был готов выдать замуж одну из дочерей за опять же появившегося в Венгрии Ростислава. Брак состоялся в 1243 г.,²⁴ и Бела IV тем самым взял на себя обязанность поддерживать своего зятя в его желании овладеть волостью на Руси. Однако решение Бела сделало противником Даниила, ведь обеспечить «отчину» для Ростислава можно было только на территории Галицко-Волынской Руси, поскольку Чернигов полностью попал под власть татар.²⁵

В битве под Ярославом 17-го августа 1245 г.²⁶ Ростислав и венгры потерпели поражение. В дальнейшем Бела IV отказался от походов на Руси и хотел найти для Ростислава подходящую позицию в Венгрии. Впервые (в 1247 г.) Бела назначил Ростислава баном Славонии, но титул «бан» был придуман для руководящей элиты, а не для членов королевской семьи. Вскоре, уже весной 1248 года, в качестве бана Славонии распорядился Иштван из рода Гуткелед.²⁷

О деятельности Ростислава у нас мало сведений, но вероятно, что уже с 1247 г. ему было поручено восстановить венгерское господство в южных, разоренных татарами районах Срема (Sirmium, Sirmium ulterior). Из региона Sirmium ulterior сложилась так называемая «Мачва», которой Ростислав управлял до самой смерти.²⁸

После поражения под Ярославом венгерскому королю пришлось обеспечить оборону восточных границ другим путем. В следующем году он отправил послов к Даниилу с предложением о заключении мира.²⁹ Даниил был тоже заинтересован в мирных отношениях с Венгри-

ей, поскольку он начал антитатарскую политику, для которой ему были необходимы западные союзники. В августе 1247 г. Даниил с сыном и митрополитом Кириллом появился в Венгрии.³⁰ Местом заключения мира и соглашения о браке Льва Даниловича с Констанцией,³¹ дочерью Белы, стала крепость Зойом. В «татарском письме» король писал об этом так: «Мы пользовались средствами, которые были доступны: в интересах христианства мы дошли до такого унижения, что двух из наших дочерей дали в жены двум русским князьям, а третью принцу Польши, чтобы у них получили известия о татарах».³² Слово «унижение» указывает на неравное положение: территория и доходы венгерского короля были намного больше, чем у Галицкого княжества.

После этого Даниил стал союзником Белы IV и в западных походах за Бабенбергское наследие.³³ Даниил хотел опереться на западную помощь против татар, с этой целью он вступил в переговоры с римским папой, о чем свидетельствует их переписка. В результате осуществилось сближение Даниила с западным («латинским») миром. В 1253 г. он был коронован папским послом.³⁴ Безусловно, этот факт поднял авторитет Даниила. Он лично смог бежать от татар (укрылся в Венгрии), но его брат Василько и сын Лев в 1260 г. были вынуждены принять участие в походе татар против Польши.³⁵

У короля Белы было двое сыновей: Иштван родился в 1239 г., Бела ок. 1249 / 1250 г., поэтому они не были участниками событий 1240-х годов. В системе обороны границ, а также в походах, связанных с борьбой за Бабенбергское наследие, играли роль зятя короля, Ростислав и Лев Данилович, и польские князья: краковий князь Болеслав IV Стыдливый и калиский князь Болеслав.³⁶

Примечания

¹ См. о нем: *Котляр М.* Данило Галицький: біографічний нарис. Київ: Альтернативи, 2002; *Головко О.Б.* Корона Даниила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього та класичного середньовіччя. Київ: Стилос, 2006; *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): biografia polityczna. Kraków: Avalon, 2012; *Александрович В., Войтович Л.* Король Данило Романович. Біла Церква: О. Пшонківський, 2013. Генеалогические данные см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań – Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002. P. 60-77.

² *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Московский Университет, 1977. С. 129-130; Полное собрание русских летописей

(далее – ПСРЛ), 2 (Ипатьевская летопись / Изд. и введ. Клосс Б.М. М., 2001. С. 776; *Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged: Szegedi középkortörténeti könyvtár 21, 2005. P. 236.*

³ *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре, община. Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. С. 560-583; *Войтович Л.* Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква: О. Пшонківський, 2006. P. 418-419; *Bartnicki M.* Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin: Uniwersytet Marii Curri-Skłodowskiej, 2005. P. 87-98; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków: Polska Akademia Umiejętności. Prace komisji wschodnioeuropejskiej PAU. Tom XII, 2011. P. 226-236.

⁴ *Font M.* Rosztyszlav herceg IV. Béla udvarában // In: *Hercegek és hercegségek a középkori Magyarországon.* szerk. Zsoldos Attila. Székesfehérvár: Városi Levéltár és Kutatóintézet, 2016. P. 59-79.

⁵ *Panos O.M.* Княжеские владения... С. 175-176; *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. P. 180-184, 191-193; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... P. 23-44.

⁶ ПСРЛ, 2. С. 660; *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... С. 44-51.

⁷ *Майоров О.* Ефросинія Галицька: дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі: княгиня і черниця. Біла Церква: О. Пшонківський, 2013.

⁸ *Rocznik Kapitulny Krakowski // Monumenta Poloniae Historica* (далее – МРН), 2, August Bielowski, ed. Kraków: 1960). P. 800; *Roczniki Krakowski, МРН, 2. P. 836; Rocznik Sędziwoja, МРН, 2. P. 876.*

⁹ *Font M., ed.* Dinasztia, hatalom, egyház: Régiók formálódása Európa közepén 900–1453. Pécs: Pécsi Tudományegyetem, 2010. P. 95-114.

¹⁰ ПСРЛ, 2. С. 717; *Фонт М.* К вопросу о практике имянаречений у древнерусских князей // In: *Specimina Nova Dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quinqueecclesiensis, Pars Prima, Sectio Mediaevalis.* T. VIII / Red. Barabás Gábor, Kiss Gergely. Pécs, 2015. P. 11-22.

¹¹ Сыну Андраша II, Кальману, было пять лет, а Саломее три года.

¹² Коронация произошла в период между августом 1215 г. и 16 июля 1216 г. См.: *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. С. 207.

¹³ ПСРЛ, 2. С. 764-766.

¹⁴ *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów... P. 51-59.

¹⁵ “...Daniele vero duce Ruthenorum equum suum ante ipsum summa cum reverentia ducente” – *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV, Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* (далее – SRH) 1–2 том, Emericus Szentpétery, ed. Budapestini 1937–1938, reprint Budapest: Nap Kiadó, 1999, 1. P. 467; ПСРЛ, 2. С. 776.

¹⁶ ПСРЛ, 2. С. 740-745.

¹⁷ *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224–1246. Toronto, 1981; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 560-583.

¹⁸ *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Академия наук, 1950. С. 216-217; *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записи Наукового Товариства ім. Шевченка, 1901, №12, 1-72. С. 35; ПСРЛ, 2. С. 772-774; *Dimnik M.* Prince of Chernigov... P. 75-76. По мнению А.В. Майорова, речь идет не о восстании, а о том, что галичане были не согласны с правлением Даниила. См. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 562.

¹⁹ ПСРЛ, 2. С. 782. Дата захвата татарами Чернигова, 18 октября 1239 г., сохранилась в псковской традиции. См. *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 220; *Dimnik M.* Prince of Chernigov... P. 82-83.

²⁰ ПСРЛ, 2. С. 787.

²¹ ПСРЛ, 2. С. 785-786.

²² О поражении польских князей под Легницей и венгров при Мухи см.: Bitwa Legnicka: Historia i tradycja (Śląskie sympozja historyczne, 2 tom), *Korta W.*, ed. Wrocław – Warszawa: Uniwersytet Wrocławski, 1994; *Nagy B.*, ed. A tatárjárás. Budapest: Osiris, 2003.

²³ *Theiner Augustinus*, ed. Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, 1-2. tom I–II. Roma, 1859–1860. 1. P. 232-234; Toru Senga. IV. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett “tatár-levele” // *Századok*, 1987, 121, 587-612. P. 606-609; *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. P. 250-253.

²⁴ Разные мнения о датировке см. *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 230; *Dimnik M.* Prince of Chernigov... P. 121-123; *Dąbrowski D.* Slovak and Southern Slavic Threads in the Genealogy of the Piast and Rurikid Dynasties in the Thirteenth Century // Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections (until 1780). *Homza M., Lukačka J., Budak N.*, eds. Bratislava – Zagreb: Univ. Comenski, 2013, 110-119. P. 111; *Włodarski B.* Polska i Rus': 1194–1340. Warszawa, 1966. P. 123-124.

²⁵ *Martin J.* Medieval Russia 980-1584. Cambridge: Univeresity Press, 1995. P. 145-157; *Fennell J.* The Crisis of the Medieval Russia. London: Longman, 1983. P. 76-78; *Dimnik M.* Prince of Chernigov... P. 82-83.

²⁶ ПСРЛ, 2. С. 795; *Ioannis Dlugissii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae, Liber septimus (1241–1294).* Varsaviae, 1975. P. 297-299; *Пауцто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 230-231; *Wyrozumski J.* Dzieje Polski Piastowskiej VIII w. – 1340. (Wielka historia Polski 2). Kraków, 1999. P. 226; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna... P. 219.

²⁷ *Zsoldos A.* Magyarország világi archontológiája 1000–1301 (História könyvtár: Kronológiák, adattárak 11). Budapest: MTA Történettudományi Intézet, 2011. P. 48.

²⁸ *Zsoldos A.* Magyarország világi archontológiája 1000–1301. P. 50; *Бура Харди.* Господари и банови оностраниг Срема и Мачве у XIII веку // Споменници

Историчког Архива «Срем» 2009, № 8, 65-80. P. 71; *Achim V. Politica sud-estică a regatului ungar sub ultimii Arpadieni*. București: Encyclopedica, 2008. P. 143, 190. *Ђура Харџу*. О Мачванској титулатури Ростислава Михаиловича // Извори о историју и култури Војводине 2010, № 2. P. 57-64; *Djura Hardi. Der Status von Matschwa in der Zeit Rastislav Michailowitschs // Slovakia and Croatia. Historical Parallels and Connections (until 1780)*. red. Homza M., Lukačka J., Budak N. Bratislava – Zagreb: Univ. Comenius, 2013. P. 128-134.

²⁹ ПСРЛ, 2. С. 809; *Грушевський М. Хронологія...* С. 33; *Пауцто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. С. 236.

³⁰ ПСРЛ, 2. С. 809; *Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. P. 250.

³¹ *Vita Beatae Kyngae // Albin F. Gombos, ed., Catalogus fontium historiae Hungaricae, 1–3 vol. Budapestini 1937–1938, III. P. 2452*. На венгерском языке: *Szent Kinga krakkói hercegnő élete és csodái // Legendák és csodák (Szentek a magyar középkorból 2) / Edit Madas, Gábor Klaniczay, eds., Budapest: Osiris, 2011, 118-180. P. 123.*

³² *Theiner, ed., Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia, 1. P. 232-234.*

³³ *Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. P. 261; *Mika N. Walka o spadek po Babenbergach 1246–1278*. Racibórz: WAW, 2008. P. 64.

³⁴ В Дрогичине 24 ноября 1253 г.: МРН III. P. 63, 132; *Font M. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. P. 258.

³⁵ ПСРЛ, 2. С. 850.

³⁶ МРН, II. P. 560. (1238), III. P. 166-167, 206; *Długosz, VII. P. 257-258.*

М.С. ПЕТРОВА

**Об изучении «Русского ‘Доната’» и
необходимости его
интертекстуального прочтения**

В настоящей статье речь пойдет о тексте, который вошел в российскую историографию под названием «Донат»¹ (или «Русский ‘Донат’») и который представляет собой выполненный Дмитрием Герасимовым² (1465–1535 / 6)³ перевод на русский⁴ язык «Науки грамматики» (“Ars grammatica”)⁵ Элия Доната (IV в.). Это сочинение не раз привлекало к себе внимание исследователей. Ниже мы предпринимаем попытку очертить круг проблем, связанных с этим текстом (авторство, время написания и / или составления и дополнения, а также сложность издания); обсуждаем уже имеющиеся выводы, рассматриваем особенности этого текста, намечаем пути его дальнейшего исследования.

Впервые эта работа была опубликована В.Н. Ягичем в 1895 г. по Казанской рукописи с учетом разночтений списка Основного собрания рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге⁶. Издание сопровождалось исследованием Ягича, выводы которого стали отправными для всех последующих ученых и, в целом, не устарели по сей день. С некоторыми дополнениями они приводятся ниже.

Ягич отметил, что работа Герасимова не дошла до нас в оригинальном виде и сохранилась лишь в позднейших рукописных переработках. В доказательство Ягич привел свидетельство из «Послесловия» Казанской рукописи, составленное неизвестным переписчиком в 1562 или 1563 году⁷:

«До здѣ совершился коненъ книги глѣмьѣ Донатѣ съ еже именѣется начало грамматики, преведена же бысть из латиньскаго языка на рѣсскій Димитріемъ Толмачемъ немецкаго языка. И такоже шнѣ самъ писѣ есть в предисловіи силѣ книги сѣѣ, аз же послѣди его переводѣ S. T. списахъ сию книжкѣ единѣ рѣсскимъ языкомъ, без латиньскаго, да бы прочитающимъ ю и оучащѣмъ въ ней болѣе разѣмно было. В лѣтѣ 7011 ѿ начала мирѣ мѣѣ іюла в 7 днѣ».

На основании этих слов Ягич сделал заключение, что безымянный переписчик перевода Дмитрия внес в его текст некоторые изменения⁸. Далее, судя по словам:

«единымъ русскимъ языкомъ безъ латинскаго», —

исследователь предположил, что в версии Анонима оказались пропущены или заменены какие-то латинские части текста Дмитрия, например, относящиеся к примерам склонений имен и спряжений глаголов⁹. Согласно Ягичу, на это предположение его навело то обстоятельство, что в тексте «Доната» образцы латинских склонений имен перечисляются беспорядочно, «в виде русского перевода латинских форм», в которых лишь изредка сохраняется след латинского оригинала. В связи с этим Ягич пришел к заключению, что «сочинение представляет собой странную смесь латинского языка с русским — “латинский остов в русском облачении”» (современные исследователи усматривают в этом его недостаток¹⁰).

Ягич считает невозможным определить первоначальный объем текста Дмитрия по той причине, что ни в латинской редакции Донатова текста, ни в Санкт-Петербургской рукописи (которая привлекалась им для сравнения) нет в полном объеме того текста, что приводится под титулом «Донат» в Казанском списке. Во-первых, поясняет Ягич, в оригинальном тексте Доната и в Санкт-Петербургской рукописи отсутствует «Предисловие», составленное, судя по Казанскому списку, самим Дмитрием для пояснения цели его труда. Во-вторых, в Санкт-Петербургской рукописи нет «Сказания о буквах», отсутствующего и в краткой версии латинского текста Доната (т.е. в “Ars minor”)¹¹. В-третьих, несмотря на совпадение заглавий «Доната» Казанского и Санкт-Петербургского списков (за исключением слова «Малый» во втором из них), а также их зависимость друг от друга¹², в них имеются и различия. Например, по сравнению с текстом Казанской рукописи, в Санкт-Петербургском списке имеются пропуски и сокращения текста, редко — дополнения, иногда — замены образцов склонений.

Что касается подписи к «Предисловию»:

«Азъ же снѣ писахъ собѣ пѣматѣ дѣлѣ поелякѣмъ ѡразѣмѣмъ пребываа и оучаа во оучилище двѣма грамотами и двѣма азбѣки, латѣньскаѣ и немѣцкаѣ, а по рѣскиѣ преже того поучиха ѿ части, а не поучива по рѣскиѣ в тамошнее оучилище немощно пристати. А какъ оуже рѣзма прибыло, ино в то время в сѣтаѣ мира сего поспѣха и силы телесныя оубыло. И тогò ради сѣя книга начисто не исправлена и не переписана ѿстала, а здѣ се того и не пытають», —

то Ягич полагает, что она принадлежит самому Дмитрию и на этом основании заключает, что Дмитрий выполнил перевод в период обучения в латинско-немецком училище (1470–1480 гг.¹³) в Ливонии. Исследователь обращает внимание и на слова Дмитрия об отсутствии у него в дальнейшем из-за «суеты жизни» возможности вернуться к этому тексту, чтобы «кое-что исправить и переделать». Слова Дмитрия:

«а здѣ се того и не пытають», —

по мнению Ягича, свидетельствуют о том, что в период, когда он, вспомнив о занятиях латинским языком в юношестве, переписывал свою ученическую тетрадь, его окружение не выказало интереса к такого рода деятельности¹⁴.

Ягич также замечает, что сохранившаяся в Казанской рукописи титульная надпись:

Донатъ съ¹⁵

сиречь грамѣтика и азбѣка переведеннаѣ Димитріемъ толмачемъ съ латѣньскаго азбѣка 1522-го, ѣ списана 1563-го года. Выбраннаѣ ѿ четырёхъ книгъ ѡучителя ѡлеѡандра, —

является поздней не только по отношению ко времени отрочества Дмитрия, но и ко всей его жизни, поскольку сделана полууставом в XVIII столетии и помещена не в самом тексте Дмитрия, а на корешке манускрипта¹⁶.

Выводы Ягича можно дополнить тем, что Дмитрий не единожды возвращался к своему тексту (начиная с 1522 г.¹⁷) и перерабатывал его в течение всей жизни¹⁸.

Недавнее издание рассматриваемого текста, подготовленное Витторио Томеллери¹⁹, вышло в свет в 2002 году. Оно сопровождается тщательным исследованием, как самой работы Дмитрия, так и исторической ситуации, сложившейся вокруг нее. Ценность этого издания состоит в том, что его основу составила неизвестная ранее рукопись кон-

ца XVI в. (которую автор обнаружил в 1990-х гг. XX в. в Архангельском собрании БАН [№ 476])²⁰. Эта рукопись, помимо перевода Дмитрия Герасимова, местами содержит параллельный латинский текст, переданный кириллицей^{21/22} (что подтверждает предположение Ягича о наличии в исходном тексте Дмитрия латинских слов, сопровождаемых русским переводом, так как здесь, в отличие от Казанской рукописи, они большей частью сохранены²³).

Появление нового издания явилось важным событием в истории изучения русской грамматической мысли, поскольку в научный оборот введена еще одна неизвестная ранее рукопись с текстом Дмитрия и / или его редакторов-продолжателей, последователей и переписчиков, а это, в свою очередь, позволяет приблизиться к решению многих других проблем, связанных с интерпретацией этого текста.

На наш взгляд, то, что и Ягич, и Томеллеры приводят тексты разных списков, достаточно сильно различающихся между собой в содержательном и языковом планах, вынуждает рассматривать каждый из них отдельно и независимо друг от друга (впрочем, как и другие сохранившиеся²⁴). Важно обратить внимание и на тот факт, что в издании Ягича текст Дмитрия (названный исследователем «особым»²⁵) представлен в контексте разнообразных грамматических работ XV–XVII вв., восходящих к греческим оригиналам и воссоздающих тот интеллектуальный фон, без учета которого вряд ли возможно вписать текст Дмитрия, основанный на латинских источниках, в русскую грамматическую традицию²⁶, или сопоставить русскую терминологию Дмитрия и латинскую терминологию Доната, в свою очередь, восходящую к греческой. Что касается отмечаемой отечественными исследователями «ущербности»²⁷ Казанского списка, выражающейся в частой передаче отдельных эквивалентов латинских слов на русский язык с латинскими окончаниями (по сравнению с Архангельской рукописью, в которой, напротив, сохранены переданные кириллицей латинские написания таких слов)²⁸, то к ней следует относиться двояко. Действительно, с одной стороны, с точки зрения становления и функционирования русского языка, бессмысленность записи отдельных латинских слов кириллицей Казанской рукописи очевидна²⁹. С другой стороны, наличие таких «странностей» можно объяснить и вне лингвистического контекста. Например, в аспекте интеллектуальной истории — а именно, в аспекте восприятия и усвоения (пусть единичного и нетипичного) русской ученостью XVI–XVII вв. заимствованного из Западной Европы грамматического знания.

При изучении этого текста следует также учитывать то, что латинский оригинал, с которого был выполнен перевод Дмитрием Герасимо-

вым, утрачен³⁰, а также то, что собственный, первоначальный (также утраченный³¹) вариант работы³² Дмитрия в дальнейшем претерпел изменения³³, в связи с чем исследователи имели (и, очевидно, будут иметь) дело лишь с поздними его версиями, не свободными от купюр и добавлений³⁴. Не следует упускать из внимания и тот факт, что Дмитрий, работая с «Донатом», пользовался какими-то ранними латинско-немецкими изданиями (так называемыми интерлинеарами), которые представляли собой различные компиляции, созданные на основе оригинального сочинения Доната. Латинский текст сопровождался в таких интерлинеарах немецкими параллелями³⁵.

Таким образом, с момента своего появления «Ars grammatica» Доната существовала не только в оригинальном виде. Этот текст, в зависимости от конкретных обстоятельств и образовательных нужд, комментировался, переписывался, перерабатывался и дополнялся. Как правило, такого рода версии сохраняли название «Донат», несмотря на то, что представляли собой лишь выборки из Донатовой «Ars grammatica» и весьма отличались от оригинала. Получившиеся компиляции в свою очередь претерпевали изменения. В них вносились добавления (не обязательно из текста Доната, но и из других авторов), делались купюры, включались маргинальные и интерлинейные глоссы, в основном, на латинском языке, а со временем и на новоевропейских (е.г., на немецком³⁶). Одна из таких версий (традиционно озаглавленная «Донат») оказалась в руках Дмитрия Герасимова³⁷, выполнившего ее перевод.

По этим причинам, например, в тексте самой пространной на сегодняшний день Казанской рукописи четко выделяются, как минимум, четыре последовательных слоя. *Первый* из них – оригинальный латинский текст – «Ars grammatica» Доната. *Второй* – измененный по сравнению с оригиналом латинский текст, представляющий собой переработку, содержащую: а) внесенные неизвестными переписчиками добавления из сочинений других латинских грамматистов (е.г., Присциана³⁸ и Александра³⁹); б) глоссы, вписывавшиеся сначала на латинском, а позднее, на новоевропейских языках⁴⁰; в) купюры. *Третий слой* – выполненный Дмитрием перевод находившейся в его руках такой переработки на русский язык. *Четвертый* – текст, созданный на основе перевода Дмитрия, претерпевший изменения (а именно, исправления, добавления, пояснения и купюры) уже в русской грамматической традиции, который трансформировался в так называемого «Русского 'Доната'».

Как представляется, на современном этапе первоочередной задачей является детальное сравнение «Русского "Доната"», изданного И.В.

Ягичем или В. Томеллери (или других списков) с донатовой “Ars grammatica”. Такая работа уже была начата и дала некоторые результаты. Так, детальное сравнение ряда разделов (о буквах, частях речи и, специально, имени, а также примеров имен) из опубликованного Ягичем «Русского ‘Доната’» и “Ars grammatica”, с одной стороны, показало имеющиеся в этих текстах содержательные и текстуальные сходства, но, с другой стороны, выявило, что, в целом, к оригинальному Донату их русская версия имеет лишь косвенное (лучше сказать, весьма отдаленное) отношение⁴¹. Следующим шагом может быть сравнение других разделов изложения Дмитрия с донатовой “Ars grammatica”.

Однако более важными и результативными, на наш взгляд, могут оказаться исследования, направленные на интертекстуальное прочтение «Русского ‘Доната’»⁴². Необходимость такого прочтения обусловлена тем, что работа Дмитрия (и его редакторов-продолжателей), будучи достаточно оригинальным филологическим трудом, содержит в себе (помимо переработанной средневековой компиляции “Ars grammatica” Доната) элементы других грамматических работ. Поиск таких текстов, установление с ними связей и нахождение общих свойств позволит иначе понять природу и композиционную структуру «Русского “Доната”» – как сложного, многослойного текста, вобравшего в себя различные латинские грамматики, а также их современные Дмитрию западноевропейские (немецкие) переработки; – и еще больше приблизиться к решению вопроса об усвоении латинского грамматического знания в образовательной среде России XVI–XVII веков.

Примечания

¹ В средневековой Европе «Донатом» назывались разные по содержанию учебники латинской грамматики. Подробнее см.: *Петрова М.С.* “Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: ‘Ars minor’ Доната” // *Диалог со временем* 1 (1999). С. 298-299.

² Поскольку авторство Дмитрия указано в Казанском списке и др., мы следуем традиции и признаем его авторство применительно к рассматриваемому тексту.

³ Перечень работ, посвященных жизни и деятельности Дмитрия, см.: *Петрова М.С.* Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других...) // *Диалог со временем* 34 (2011). С. 311-312, примеч. 2-4. Из последних исследований укажем на: *Бондарчук Е.В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с

Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в. (Дисс. к.и.н.; спец. 07.00.02). СПб., 2015. С. 71-225.

⁴ Здесь и далее мы говорим о переводе на русский, хотя вопрос, на какой язык (церковно-славянский или русский) осуществил перевод Дмитрий остается дискуссионным. См.: *Мечковская Н.Б.* Ранние восточно-славянские грамматики / Ред. А.Е. Супрун. Минск, 1984. С. 34; *Живов В.М.* Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник (О книге *D.S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus, 1983. 176 p.*) // *Russian Linguistics* 10 (1986). С. 91; *Захарьин Д.Б.* О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // *Russian Linguistics* 15 / 3 (1991). С. 1-3 (со ссылкой на *Worth D.S.*). Мы полагаем, что текст Дмитрия принадлежит обеим языковым и литературным традициям.

⁵ См.: *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle)* / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981. P. 585-674.

⁶ См.: *Ягич И.В.* Изслѣдованія по русскому языку. Т. I. СПб., 1895–1895. С. 812-911. Мы используем: *Ягич И.В.* Разсужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. СПб., 1896. С. 528-623.

⁷ См. *Ягич.* Разсужденія... С. 614, 525.

⁸ *Ibidem.* С. 525.

⁹ По мнению А.И. Соболевского, в связи с тем, что Дмитрий намеревался дать русским учащимся руководство для изучения латинского языка, последующие переписчики удалили из него все, что было записано латиницей, оставив лишь кириллический текст. См.: *Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков профессора А.И. Соболевского.* СПб., 1899. С. 73. Разные точки зрения о цели и назначении текста Дмитрия, см.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. // Библиографические материалы № 1. СПб., 1903. С. 122; *Мечковская, Ранние...* С. 39; *Живов.* Славянские... С. 91; *Захарьин.* О немецком... С. 1-3; *Ромодановская В.А.* Рецензия. Новая книга о «Русском Донате» // *Русский язык в научном освещении* 2 [8] (2004). С. 268-269 и 272.

¹⁰ См.: *Ромодановская.* Рецензия... С. 272.

¹¹ О титулах “Ars grammatica” см.: *Петрова М.С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // *Диалог со временем* 22 (2008). С. 80-81, примеч. 2.

¹² По этой причине Ягич посчитал нецелесообразным печатать отдельно тексты двух рукописей, но, взяв за основу Казанский список, дополнил его разночтениями из Санкт-Петербургского, приведя их в постраничных примечаниях.

¹³ Ср. *Захарьин.* О немецком... С. 4, 6.

¹⁴ *Ягич.* Разсужденія... С. 526; *Булич В.Н.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1: XIII в. – 1825 г. СПб., 1904. С. 157-158.

¹⁵ См. *Ягич.* Разсужденія... С. 528, примеч. 1.

¹⁶ Этот титул, а также название вступительного исследования Ягича: «Донат в русском переводе Дмитрия Толмача и других», сформировал в научной среде оши-

бочное представление о существовании русского перевода “*Ars grammatica*” Доната. См., напр.: Кузнецов. Историческая...²2004. С. 27, 264.

¹⁷ Захарьин. О немецком... С. 4-7; 17-25.

¹⁸ В частности, Д.Б. Захарьин полагает, что Д. Герасимов осуществил новую переработку грамматики в подражание изменившимся канонам немецкой грамматической традиции (см. Захарьин. О немецком... С. 17-21).

¹⁹ См. *Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe*, Hrsg. und kommentiert von Vittorio S. Tomelleri. Köln – Weimar – Wien, 2002. 511 S.

²⁰ Санкт-Петербург, Российская Академия Наук. Архангельское собрание. № 476. XVI век. Листы 8-93 (см.: Tomelleri. *Der russische...* S. 205).

²¹ См.: Tomelleri. *Der russische...* S. 219-501. Не содержат подстрочного латинского текста те места рукописи, которые, очевидно, были дописаны самим Дмитрием или его последователями. Е.г. введение (Ib. S. 219-220); фрагмент об особенностях склонения латинских слов *sacerdos*, *aquila*, *milvus*, *felix* (Ib. S. 256-259); абзацы со сведениями о склонениях латинских слов (первом – Ib. S. 260-261, втором – Ib. S. 264-265, третьем – Ib. S. 269-270, четвергом – Ib. S. 274, пятом – Ib. S. 277), et cet.

²² В соответствующей рецензии В.А. Ромодановской описано содержание исследования, дан обзор его структуры, отмечены заключения, которые получил Томеллери; сделан вывод, что «на сегодняшний день это издание и сопровождающее его исследование является наиболее полным», и что оно, по мнению автора рецензии, «по своей значимости и удобству со временем заменит издание И.В. Ягича». См. Ромодановская. Рецензия... С. 269; 274.

²³ См.: Tomelleri. *Der russische...* S. 134-135; Ромодановская. Рецензия... С. 272.

²⁴ Хороший пример дает опубликованный Ягичем текст (см.: Ягич. Разсуждения... С. 614-619), озаглавленный «Книга глаголемаа Грамматикіа меньшаа» (=olim: рукопись 972 Румянцевского музея; ее описание см.: Ib. С. 708). С одной стороны, он восходит к Казанской рукописи (в пояснениях к публикации Ягич приводит весьма существенный перечень дополнений и отличий этого текста от такового из Казанского списка), с другой – зависит от другого трактата, озаглавленного «О восьми частях слова». См. также: Булич. Очерк... С. 159; Мечковская. Ранние... С. 39.

²⁵ Ягич. Разсуждения... С. 524.

²⁶ Здесь важен факт дальнейшего усвоения и рецепции латинского грамматического знания русскими грамматистами. Пример такого усвоения являют собой опубликованные Ягичем (см.: Ягич. Разсуждения... С. 629-661) «Простословія», составленные в двух частях Евдокимом в конце XVI в. (=olim: рукопись Московского Чудова монастыря № 236–34, XVI в.). Первая часть – фонетико-орфографическая, восходящая к греческим источникам; вторая – морфологическая, похожая на изложение «Русского ‘Доната’» (см.: Ягич. Разсуждения... 624-625; Мечковская. Ранние... С. 39). Есть и другой список, датированный втор. пол. XVII в., несколько отличающийся от «Простословий», автором которого является некий Боголеп, который, вероятно воспользо-

вался компилятивным трудом Евдокима (если только оба они не являются одним лицом, носившим два имени, монашеское и светское). См.: Булич. Очерк... С. 160.

²⁷ См.: Ромодановская. Рецензия... С. 272.

²⁸ Сравнительный пример см. Там же.

²⁹ Возникновение таких нелепостей можно объяснить тем, что переписчик мог включить интерлинейные глоссы в копируемый текст, заменяя ими первоначальный вариант написания той или иной лексемы, или, напротив, присоединяя их к исходному варианту – см.: Ягич. Разсуждения... С. 530 и 531-532; Tomelleri. Der russische... S. 133-135. Еще одно объяснение может быть таким: текст мог копироваться под диктовку, и переписчик, плохо зная латинский язык (или не зная его вовсе), передавал в кириллическом написании то, что слышал от диктующего. Такой метод переписывания текстов был весьма широко распространен на территории Западной Европы, в частности, при копировании сочинений Дионисия Ареопагита. Об этом см.: Études Dionysiennes. Hilduin, Traducteur de Denys / Par le P.G. Théry. T. I-II. Paris, 1932, 1937.

³⁰ См.: Мечковская. Ранние... С. 39; Захарьин. О немецком... С. 17.

³¹ Об этом см.: Булич. Очерк... С. 157; Мечковская. Ранние... С. 39; Захарьин. О немецком... С. 17; Tomelleri. Der russische... С. 36-38; Ромодановская. Рецензия... С. 270.

³² Этот труд Дмитрия, вероятно, состоял в замене подстрочных немецких глосс русскими, что было по силам даже школьнику, поскольку вся работа по осмыслению и калькированию исторически формировавшейся латинской терминологии до Герасимова уже была выполнена немецкими глоссаторами – см.: Захарьин. О немецком... С. 17; Ромодановская. Рецензия... С. 270. Об изданиях, с которыми, возможно, работал Дмитрий, см. ниже, примеч. 35.

³³ Эти изменения, очевидно, могли быть внесены как самим Дмитрием (такого мнения придерживается большинство исследователей), так и правщиками, и переписчиками его текста.

³⁴ Всего выявлено 25 рукописей (XVI–XVII вв.) с различными вариантами текста Дмитрия. См.: Tomelleri. Der russische... S. 44-48.

³⁵ На основании сопоставления обнаруженной им интерлинейной рукописи с реконструкцией латинского текста, выполненной П. Швенке (см.: Schwenke P. Die Donat- und Kalendar-type. Mainz, 1903), а также на основании включения в состав «Русского 'Доната'» трактата «Правила или уставы грамматичные меншие» (“Regulae congruitatum. Constructiones, Regimina ad patrem cum exemplis”) (см.: Ягич. Разсуждения... С. 594-601), В. Томеллери (см.: Tomelleri. Der russische... S. 66-92) пришел к выводу, что Дмитрий мог пользоваться неким изданием Доната либо 1490 года, либо 1514 года. Однако ни одно из них по времени не могло быть использовано в период обучения Дмитрия – об этом см.: Ромодановская. Рецензия... С. 271.

³⁶ См.: Захарьин. О немецком... С. 7-8.

³⁷ См.: Булич. Очерк... С. 157.

³⁸ Имя Присциана упомянуто в разделе, посвященном анализу фраз и выражений (см.: *Ягич. Разсужденія...* С. 602-603).

³⁹ Например, имя Александра указано в подписи (см. *выше*. С. 117). Встречается оно и после фразы об окончании текста русского «Доната», а также записано на титуле издания 1520 г., которым, по всей видимости, пользовались Дмитрий и другие грамматисты XVI в. См. также: *Захарьин. О немецком...* С. 7-8.

⁴⁰ О средневековой немецкой традиции и ее влиянии на русскую грамматику, см.: *Захарьин. О немецком...* С. 7-17.

⁴¹ Подробнее см.: *Петрова. Восприятие...* С. 318-363.

⁴² О таком подходе см.: *Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dualogue et le roman // Critique 239 [Avril] (1967). P. 88-112.*

BEÁTA VARGA

Оценка русско-украинских отношений с середины XVII до начала XVIII вв. в современной русской и украинской историографии

В историографии русско-украинских отношений есть немало дискуссионных проблем, одна из наиболее спорных – вопрос о вхождении Украины в состав Российского государства в середине XVII века и его последствиях. В своей работе я хотела бы на основании доступных мне материалов провести сравнительный исторический анализ «новых» результатов украинской и русской историографии до 2004 года, касающихся 350-й годовщины Переяславской Рады с точки зрения дискуссионных вопросов по данной проблематике.

Современная украинская историография

Вследствие широкомасштабных изменений в жизни Украины и России начавшееся после распада Советского Союза становление современной украинской государственности существенно повысило интерес к проблеме ее зарождения и развития, к проблеме особого статуса украинских земель в составе Российского государства. Выдающиеся украинские историки 90-х годов прошлого столетия¹ *стремились к обновлению украинской национальной историографии и попытались найти новые решения относительно противоречивого треугольника польско-украинско-русской истории.*² Обращением к эпохе Богдана Хмельницкого как «основателя украинского государства» современная украинская историческая наука хотела бы доказать непрерывность государственной незави-

симости Украины. Соответственно, требованиям нового времени историческая интерпретация современных украинских историков, порвавших с «советскими схемами», не заставила себя долго ждать.³

Если рассмотреть богатый материал украинской историографии 1990-х годов, касающейся русско-украинских отношений XVII века, то можно заметить, что исследователи явно *обращаются к творчеству М.С. Грушевского и его соратников* (В. Антонович, В. Липинский, И. Крипьякевич). По убеждению этих авторов, нет сомнений, что термин «казацкий» в словосочетании «казацкое восстание» или «казацкая война» отрицает национально-освободительную борьбу, поэтому следует отказаться от его употребления.⁴ В 1995 и в 1998 гг. на научных конференциях, посвященных 400-й годовщине Хмельницкого и начала его восстания, украинские историки сумели определить *этапы процесса становления украинской государственности от «казацкого восстания», «национально освободительной войны» и «национальных революций» до рождения «самостоятельного национального государства».*

В период распада СССР появилась возможность ознакомиться с такими публикациями украинских исследователей досоветского периода,⁵ в которых выводы авторов *противоречили выводам классического российского «имперского нарратива»,* согласно которому украинцы считались этническими русскими, а «Малороссия» – неотделимой провинцией Российской империи. Российские историографические традиции, таким образом, игнорировали Украину как отдельный субъект истории.⁶ Украинские историки до М.С. Грушевского стремились лишь немного изменить имперский нарратив, определить внутри традиционной русской схемы достойное место для украинской истории.⁷ Открытый разрыв с «традиционной схемой» русской истории появился в работах М.С. Грушевского,⁸ что выразилось в обособлении украинской истории от русской и новой периодизации украинской истории.⁹ Таким образом, нельзя считать случайным то, что его называют «звездой украинской историографии»¹⁰ и одним из праотцов украинской независимости.¹¹ В первой четверти XX века украинская национальная историография, соединившая научные подходы Грушевского, стала господствующей в Западной Украине.¹²

С 1954 г., в связи с празднованием 300-летия «воссоединения» Украины с Россией, в печати появилось значительное количество историографических обзоров и рецензий,¹³ в которых русско-украинские контакты освещались односторонне. Тезис о «старшем брате», русском народе, как главной силе в ходе «воссоединения» в исследованиях данного периода становится ведущим, а объединение украинского и

русского народов признаётся естественным завершением многовекового процесса их сближения.¹⁴ В целом, до наших дней господствует украинская национальная историография, соединившая научные подходы Грушевского, но имеются и более объективные подходы к анализу русско-украинских отношений в XVII–XVIII вв. Таким образом, нет сомнений, что эти *современные тезисы являются новыми только по сравнению с «советскими аксиомами»*.

Я не берусь в рамках своей короткой статьи дать полный историографический обзор проблемы, а лишь хотела бы изложить «новые» результаты украинской историографии начала XXI века.

Сама Переяславская Рада и последующая история русско-украинских связей до наших дней находятся в сфере острейших политических дискуссий, поэтому 350-й юбилей *Переяславской Рады в 2004 году* был прекрасным поводом для того, чтобы ещё раз вернуться к этим проблемам.

В юбилейном сборнике,¹⁵ содержащем материалы заседания Научного Совета РАН «*История международных отношений и внешней политики России*», проведённого в 2004 году и посвященного 350-летию Переяславской Рады, украинский историк *В.Н. Горобец*¹⁶ высказал убеждение, что «*Тезисы к 300-летию воссоединения Украины с Россией...*» 1954 года стали для современных украинских историков своеобразной «*Берлинской стеной*», не разрушив которой, нельзя было построить новую отечественную историографию.¹⁷ Автор акцентирует убеждение, что 1) «*закономерность*» исторического развития двух братских славянских народов»; 2) дефиниция «*Освободительная война*»; 3) историческая *предопределённость Переяслава*; 4) «*воссоединительный характер*» событий 1654 года, практически полностью вышли из употребления. Среди основных побудительных внутренних мотивов, которые привели Хмельницкого к договору с царем, *В.Н. Горобец* выделяет *необходимость легитимации авторитетом православного русского царя гетманской власти, а также правового закрепления особого привилегированного статуса казачества и его старшины*.¹⁸ Исходя из этих замечаний, автор приходит к такому выводу, что политико-правовое качество договора 1654 года можно классифицировать как **политическую автономию** Гетманата, в то время, как соглашение 1659 года трансформировало её в *автономию административную*, очертания которой сохранялись вплоть до реформ Петра I.¹⁹

Уникальность «юбилейной статьи» *В.Н. Горобца* состоит в том, что историк дополняет тезисы современной украинской историографии, касающиеся юридического статуса Украины в составе России, новым,

можно сказать, более объективным положением о политической автономии.

В «юбилейном 2004 году» на Украине вышла в свет новая книга²⁰ по проблеме Переяславской Рады, а также вопросам исследования русско-украинских отношений данного периода. Один из её авторов, *Тарас Чухлиб*, уделяет особое внимание тому обстоятельству, что на самом деле ни украинская, ни российская стороны не выполняли большинства договоренностей. Таким образом, *можно говорить лишь о номинальном царском протекторате над Украинским государством в XVII веке*. Автор затрагивает многие аспекты этой тематики и обосновывает свой вывод следующими данными: 1) происходившие после 1654 года международные и внутривосточные события ясно засвидетельствовали несоблюдение Украиной соглашения с Москвой; 2) Московское государство также не выполняло взятых на себя в Переяславском договоре обязательств, ведь в 1656 г. оно подписало Виленский документ с Речью Посполитой; в 1665 г. согласно т.н. «*Московским статьям*» Левобережная Украина должна была превратиться в сословную автономию; в 1667 г. Россия заключила Андрусовское перемирие с Польшей, а «*вечный мир*» 1686 г. зафиксировал окончательный крах украинско-московских договоренностей.²¹

Российская историография

В отличие от украинской, российская историография уделяла вопросам «Хмельниччины» очень мало внимания,²² да и сегодня по-прежнему не располагает большим количеством исторических трудов по вопросу русско-украинских отношений данного периода.

В начале 90-х годов XX века российские историки принимали тот факт, что украинские исследователи резко критикуют советские «*Тезисы о воссоединении Украины с Россией*», и соглашались с тем, что эти аксиомы необходимо пересмотреть. Но в то же время они считали научно необоснованным утверждение украинских коллег, что: «*целью национально-освободительной войны являлось создание и закрепление независимой державы на Украине*».²³ В этих работах авторы обращают внимание на то обстоятельство, что «*Московский вариант*» был одним из приоритетных во внешнеполитическом курсе украинского руководства на всем протяжении национально-освободительной войны.²⁴ Русские историки имели серьезные сомнения по поводу того, что основной идеей Переяславского договора было закрепление «государственной

самостоятельности», и подняли вопрос о том, что *юридически статус Украины соответствовал статусу автономной части Российского государства.*²⁵

В 2004 – «юбилейном» – году на уже упомянутом выше заседании Научного Совета РАН *«История международных отношений и внешней политики России»*, посвящённого вопросам истории русско-украинских отношений, российский академик *А.Н. Сахаров* во вступительном слове подчёркивал, что исследователи должны согласиться с такими абсолютно бесспорными фактами, что у украинского и русского народов существовала *общая древнерусская государственность*, но после падения Киевской Руси Москва к XV веку приобрела свою независимость, в то время как *украинская государственность пробила себе дорогу очень сложно, очень тяжело.* Российский академик считает обоснованным, что Переяславская Рада лишь открыла процесс присоединения Украины к России; и до сих пор является спорным вопрос, что это было за государство, было ли это подданство или подчинение, но, по убеждению русского историка, можно предложить, что это была *конфедерация.*²⁶

В этом же «юбилейном» сборнике российские историки *Н.М. Рогожин* и *Г.А. Санин*²⁷ обращают внимание на то обстоятельство, что независимо от того, что Богдан Хмельницкий надеялся на обретение независимости Украиной, в конце концов, единственным шансом спасти украинскую государственность было *воссоединение двух славянских народов-братьев в едином конфедеративном государстве.*²⁸ Но после смерти Хмельницкого – отмечают авторы – при избрании слабавольных гетманов постепенно ограничивались и их права, что было в первую очередь связано с реакцией старшины на попытки гетманов установить личную неограниченную власть. Таким образом, подчёркивают историки, *дело здесь было не в сужении автономии Украины* независимо от того, что российские правители, очевидно, не поддерживали монархических планов гетманов.²⁹

*В.А. Артамонов*³⁰ в своей статье подчеркнул, что нельзя не признать, что Россия стремилась ликвидировать украинскую государственность, однако, *сводить украинско-русские отношения XVII–XVIII вв. только к экспансии Москвы и поглощению гетманщины было бы односторонним заключением.*³¹ Исследователь дополнил свой вывод и тем фактом, что после смерти Богдана Хмельницкого Гетманщина стала дробиться на части, и украинская *государственная идея, не входившая в личные планы старшинской верхушки, деградировала.* По убеждению Артамонова, неоспоримым фактом является то, что для России *воссо-*

единение с Украиной ускорило превращение царства в империю, но вместе с этим это событие *имело позитивные последствия и для Украины*: во-первых, объединение (в перспективе) разделенных украинских земель в рамках России; а во-вторых, если в Речи Посполитой украинский старшина не нашел места, то по «Жалованной грамоте» 1785 года украинская знать уравнивалась в правах с российским дворянством.³²

У историков-специалистов России также существуют разные точки зрения исследователей, есть такие историки, как *Т. Яковлева*, которые рассматривают русско-украинские отношения, начинающиеся с середины XVII века, в несколько иных оттенках. В своей работе³³ 2004 года о социально-политической борьбе на Украине в 1660-е годы XVII века, она подчёркивает, что этот период характеризовался острыми противоречиями и напряженностью, основными причинами которой были: 1) *незавершенность государственного строительства*, начавшегося в гетманство Б. Хмельницкого; 2) *борьба старшинских группировок за власть в 60-е годы, приведшая к двоегетманству и разделу Гетманщины*; и 3) *жесткая политика Москвы по отношению к Гетманщине* и стремление лишить «своевольных» гетманов реальной власти, что и делало невозможным завершение государственного строительства на Украине.³⁴ В отличие от части российских историков, Яковлева понимает под «Гетманщиной» то государственное образование, которое возникло на Украине как результат событий 1648–1654 годов в форме казацко-старшинской республики и которое долгое время сохраняло черты суверенного государства после 1654 года.³⁵

В другом юбилейном сборнике³⁶ *Т. Яковлева* подняла вопрос о том, что сами *русско-украинские отношения* необходимо рассматривать в их генезисе со следующей хронологией: 1) *1654–1656 гг.* – между Украиной и Россией появились «*союзнические отношения*» и в этом «*времени компромисса*» обе стороны делали вид, что Переяславское соглашение остаётся в силе; 2) *1657–1660 гг.* – *отношения стали «стратегическими»* и *московское правительство* пыталось оказывать давление, чтобы урезать власть гетманов; 3) *1660 г.* – *Чудновская катастрофа* полностью изменила отношение Москвы к украинскому вопросу; 4) *1664 г.* – поляки смирились с необходимостью поделиться частью Украины после провала на Левобережной Украине в 1664 году; 5) *1667 г.* – по *Андрусовскому договору Россия и Речь Посполитая разделили между собой «непокорную» Гетманщину*.³⁷ По убеждению Яковлевой, связь Гетманщины и России, в соответствии с соглашением 1654г., можно рассматривать как *своеобразную форму вассалитета*, но

на практике договор не действовал, и фактически Украина осталась совершенно независимой.³⁸

Заключение

История проблемы русско-украинских взаимоотношений является одной из наиболее политизированных страниц истории Украины. Распад Советского Союза, изменение политической ситуации привели к появлению множества работ по проблемам гетманщины; возникла необходимость в создании новой концепции событий. Отсутствие в архивах подписанного оригинала «Статей» дало возможность произвольного толкования их содержания и самого духа и смысла Переяславского договора и самих русско-украинских отношений.

Можно отметить, что за прошедшие со времени распада Советского Союза годы вплоть до наших дней оценки русско-украинских отношений не претерпели на Украине значительной метаморфозы. Если мы хотим сделать выводы на основе анализа современной украинской историографии, то можно заключить, что большинство современных украинских историков³⁹ считают, что в ходе «национально-освободительной войны» сложились не «элементы» украинской государственности, а сама государственность.

Исследуя представления, связанные с данной темой в современной российской историографии, следует вывод, что Русское государство никоим образом не ущемило прав украинского народа, а значит, никаких насильственных действий в отношении Украины применено не было. В современной российской историографии имеет место и убеждение, что принятие Украиной протектората русского царя было добровольным, и в народном сознании Переяславский акт был именно воссоединением. Отсутствие серьёзного исследования истории Украины в России имеет ряд негативных последствий, в первую очередь – возобновление старой схемы «воссоединения Украины с Россией».

Современная украинская историография в большинстве своем говорит о гнусном захвате и лишении независимости Украинского государства в 1654 г., а российские историки, оппонирова своим украинским коллегам, говорят о добровольности принятия решения о вхождении Украины в состав России.

Изучая «юбилейные» исторические работы, мы можем сделать вывод, что события периода «Руины» и до наших дней значительно менее исследованы историками по сравнению с Хмельниччиной. Необходимо

отметить и даже практически полное отсутствие исследований, посвящённых непосредственно русско-украинским отношениям.

В заключение автор статьи не может не высказать своё собственного мнения: в общем, мы согласны с тем объективным утверждением венгерского историка Шандора Гебеи, что Гетманщина на самом деле официально не являлась суверенным государством, однако, нельзя отрицать различных этапов эволюции государственности и тот факт, что во время гетманства Богдана Хмельницкого Украина имела «видимость независимости».⁴⁰

Примечания

¹ Смолій В.А., Степаньков В.С. У пошуках нової концепції історії визвольної війни українського народу XVII ст. Київ: Наукова думка, 1992; Смолій В.А., Степаньков В.С. Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. Київ: Либідь, 1993; Горобець В.М. До питання про еволюцію гетьманської влади в Україні у першій половині XVIII ст. // Український історичний журнал (далее – УІЖ). 2–3 (1993). С. 70-74.

² Гебеи Ш. Оценка «эпохи Хмельницкого» (Хмельниччины) в постсоветской украинской историографии // Новые направления и результаты в русистике. – New Directions and Results in Russistics. Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2005. С. 109.

³ Гебеи Ш. Степень независимости Украинского гетманства (середина XVII века) // Московия: специфика развития. – Muscovy: The Peculiarities of its Development. Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 2003. С. 184.

⁴ Смолій В.А., Степаньков В.С. Українська національна революція 1648–1676 рр. // УІЖ 3 (1998). С. 7.

⁵ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 33; Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854. С. 20; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Спб., 1903; История Русов или Малой России Москва, 1846; Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884. Т. I. С. 303.; Кулиш П.А. Отпадение Малороссии от Польши. М., 1887–1889. Т. I. С. 183; Hruschewskyj M.S. Die ukrainische Frage in historischer Entwicklung. Wien, 1915. P. 38.

⁶ Устрялов Х.Г. Русская история. СПб., 1839. С. 16; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1856. С. 425-428; Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. С.-Пб., 1851–1879. С. 15.

⁷ Лишь в конце XIX века некоторые украинские исследователи начали высказывать мысль о том, что Украина во всем, по своему языку, литературе, истории, политике, отличается от России. См.: Костомаров Н.И. Мысли о федеративном

начале в древней Руси // *Основа* 1 (1861). С. 12-58; *Костомаров Н.И.* Две русские народности // *Основа* 3 (1861). С. 33-80; *Антонович В.Б.* Бесіди про часи козацькі на Україні. Чернівці, 1897. С. 6-7.

⁸ *Грушевський М.С.* Звідки пішло українство і до чого воно йде. Київ, 1917; *Грушевський М.С.* Українська самостійність й її історична необхідність. Київ, 1917; *Грушевський М.С.* Звичайна схема «руської» історії і справа раціонального укладу історії східного слов'янства... // *Винар Л.* Найвидатніший історик Михайль Грушевський (1866–1934 рр.). // *Сучасність* 4 (1985). С. 102-103.

⁹ *Ростовська О.В.* Національно-державницькі ідеї М.С. Грушевського // М. Грушевський – историк, общественный и политический деятель, человек. Материалы международной научной конференции. Филиал МГОПУ им. М.А. Шолохова. Уфа, 2005. С. 33-36.

¹⁰ *Бовуа Д.* Споры историков Франции, России и Польши вокруг Украины / Руси // *Перекрестки: Журнал исследования восточноевропейского пограничья* 1–2 (2004). С. 74.

¹¹ *Савенко Е.* Миссия Грушевского. Казанский ссыльный стал главой украинского государства // М. Грушевський – историк, общественный и политический деятель, человек. Материалы международной научной конференции. Филиал МГОПУ им. М.А. Шолохова. Уфа, 2005. С. 56.

¹² *Кохут З.* Развитие украинской национальной историографии в российской империи // *Перекрестки Журнал исследований восточноевропейского пограничья* 3–4 (2006). С. 78.

¹³ Напр.: *Бойко И.Д.* Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Киев: О-во по распространению полит, и науч. знаний Укр. ССР, 1954; *Бойко И.Д., Голобуцкий В.А., Гуслистжий К.* Воссоединение Украины с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1954; *Голобуцкий В.А.* Богдан Хмельницкий великий сын украинского народа. Киев: Госполитиздат УССР, 1954; *Дядиченко В., Стецюк Е.* Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией. Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1954 и. т. д.

¹⁴ *Барзул Е.Н.* Русско-украинские связи середины XVII века в советской историографии. Авореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 19.

¹⁵ *История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках.* М.: Институт российской истории РАН, 2006.

¹⁶ *Горобец В.Н.* Проблема Переяславской Рады 1654 года и украинско-российских отношений второй половин XVII века в современной украинской историографии // *История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках.* М.: ИРИ РАН, 2006.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 20.

²⁰ Переяславська рада очима істориків та мовою документів / Укл. Гуржій О., Чухліб Т. Київ: Україна, 2004.

²¹ *Мозговой В.С.* Взаимоотношения России и Украины в середине XVII–XVIII вв.: современная оценка. Иркутск, 2008.

²² *Соловьёв С.М.* История России. М., 1860; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Москва, 1957. Т 3.

²³ *Заборовский Л.В.* Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // Россия-Украина: история взаимоотношений / Ред.: А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М.: Языки. русской культуры, 1997. С. 40.

²⁴ *Санин Г.А.* Антиосманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия-Украина: история взаимоотношений. С. 63-66; *Яковлева Т.* Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией // Россия-Украина: история взаимоотношений. С. 51-60. *Заборовский Л.В.* Переяславская Рада и московские соглашения 1654 года. проблемы исследования // Россия-Украина: история взаимоотношений. С. 39-50; *Горобец В.М.* Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII – первая четверть XVIII века // Россия-Украина: история взаимоотношений. С. 77-88; *Баранова О.В.* Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв. (2002). – <http://www.dissercat.com/content/rossiisko-ukrainskie-dogovory-v-xvii-xviii-vv> (апрель, 2017).

²⁵ *Баранова О.В.* Российско-украинские договоры в XVII–XVIII вв.

²⁶ История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках. С. 4-6.

²⁷ *Рогожин Н.М., Санин Г.А.* Россия и Украина в XVI–XVII веках // История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках. С. 8-14.

²⁸ Там же. С. 10-11.

²⁹ Там же. С. 13.

³⁰ *Артамонов В.А.* Україно-русская «конвергенция» в последней трети XVII–XVIII вв. // История русско-украинских отношений в XVII–XVIII веках. С. 21-30.

³¹ Там же. С. 22.

³² Там же. С. 23.

³³ *Яковлева Т.Г.* Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII века. Внутренние и внешние факторы Руины // Автореф. дисс. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. СПб., 2004.

³⁴ Там же. С. 35.

³⁵ Там же. С. 2.

³⁶ *Яковлева Т.* Проблемы русско-украинских взаимоотношений в середине XVII в. // Україна-Росія: діалог історіографій – Матеріали міжнародної наукової конференції Київ-Чернівці, 2007. С. 47-51.

³⁷ Там же. С. 50-51.

³⁸ Яковлева Т. Судьба Гетманщины в середине XVII века // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб.: Серебряный век – Контрфорс, 2000. С. 563-564.

³⁹ Суцинський Б. Козацькі вожді України. Одеса: Альфа-Омега, 1998. С. 294; Шевчук В.П., Тараненко М.Г. Історія української державності. Київ: Либідь, 1999. С. 199; Крикун М.: Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ: Критика, 2006. С. 13; Щербак В. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. Київ: Кієво-Могилянська академія, 2006. С. 251; Чухлиб Т. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. Київ: Невідома Україна, 2008. С. 33; Чухлиб Т. Козаки і Монархи – Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648-1721 рр. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2009. С. 77; Дециньський Л.Е. Історія України та її державності. Курс лекцій: Нвч. посібник Львів: Видавництво Львівської Політехніки, 2009. С. 122; Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ: Критика, 2009. С. 354.

⁴⁰ Гебеи Ш. Степень независимости Украинского гетманства (середина XVII века) // Московия: специфика развития. – Muscovy: The Peculiarities of its Development. Magyar Ruzsisztikai Intézet. Budapest, 2003. С. 194.

М.Ю. САВЕЛЬЕВА

**Феномен самозванчества
и особенности народного
восприятия верховной власти
в России XVII–XVIII вв.**

(ТЕЗИСЫ)

Самозванчество – исторически закономерный феномен, сопутствующий становлению и функционированию различных форм светской и религиозной власти и являющийся «побочным продуктом», «изнанкой» властных отношений, одним из признаков вырождения их в форме произвола. В этом смысле опыт самозванчества можно рассматривать как универсальный.¹ Однако среди множества его проявлений в силу разных причин наиболее интересно и противоречиво политическое самозванчество монархического типа. Возможно, потому что монархическая власть формировалась в тесной связи с представлениями о сущности сакрального, и в какой-то мере на их основании, в то же время оставаясь светской властью. Изучение этой формы самозванчества позволяет понять некоторые важные характеристики верховной власти, которые при других обстоятельствах остаются неясными или сохраняют видимость понятных.

Как и любое проявление общественного конфликта, политическое самозванчество выступает одним из следствий *обостряющихся противоречий во взаимоотношениях ведущих классов и сословий*. Наиболее частое появление самозванцев пришлось на завершение становления феодализма и переход к раннекапиталистическим отношениям, в которых монархия не только всё ещё остаётся преобладающей, но и укрепляет свою структуру. Впрочем, эта связь с объективным основанием слишком опосредована, чтобы проявляться и восприниматься однозначно. К тому же, её одной недостаточно для появления самозванцев.

Гораздо более явными и конкретными причинами являются *кризисные черты и противоречия, либо же радикальные реформы в структуре верховной власти*. К примеру, длительные междоусобные войны или войны с внешними врагами в результате успешного завершения, как правило, приводят к усилению централизации верховной власти путём ограничения вольностей благородных сословий вплоть до установления абсолютной монархии и создания единой рационализированной вертикали власти. Это всегда вызывает недовольство со стороны ущемлённых в правах классов. И появление самозванцев является одним из старинных способов «восстановления утраченной справедливости». При этом «справедливость» понимается не как всеобщий и объективный принцип регулирования общественных отношений (по обычаю или на основе юридического права), а в своём субъективном проявлении – как реализация неких индивидуальных интересов и целей, выдаваемых за всеобщие. При этом, как правило, используются случайно подвернувшиеся средства, и лишь теми, кто в состоянии организовать, профинансировать и воплотить в жизнь эти замыслы.

Это означает, что путь, которым самозванцы приходят к власти, – это путь *переворота*, а не революции. В случае если самозванец принадлежит ко двору или является членом правящей фамилии, это будет локальный *дворцовый переворот*, не обязательно перерастающий в гражданскую войну. Конечно, налицо будет прямая узурпация власти, однако самозванство при этом будет лишь *частичным* или *относительным*, поскольку захватчик действует от своего реального имени и сохраняет его в дальнейшем, подтверждая тем самым некоторую объективность своих прав. Таков, к примеру, дворцовый переворот 25 ноября 1741 г., когда на престол взойшла Елисавета Петровна. Дочь Петра, с одной стороны, была внебрачной и, следовательно, не обладала формальным правом престолонаследования, и потому самостоятельно огласила себя преемницей трона. С другой стороны, она смогла использовать собственное уязвимое положение как преимущество, объявив юридически более правомочных претендентов на престол неправомочными именно в силу своего исключительного близкого Петру происхождения. Но если претендентом на престол оказывается посторонний, случайный субъект, тогда переворот неизбежно будет *военным*, вовлекающим в себя всё государство, а захватчик – не только узурпатором, но и *полным самозванцем*, осознанно выступающим как другое лицо. И со стороны его могут поддерживать только в этом качестве.

Успешность переворота зависит от многих обстоятельств, – прежде всего, конечно же, от степени одобрения и поддержки ближайшего

окружения, а в конечном счёте от отношения всего народа; но немалую роль играют факторы, выбивающиеся из общей картины отчуждённых логических связей, и касающиеся особенностей общественной психологии. В частности, личные, индивидуальные качества, которые позволяют самозванцам впоследствии удерживать власть или терять её. Впрочем, есть всё же одна безусловная закономерность: самозванный опыт, основанный всецело на чуде (спасении, воскрешении и проч.), ни разу не был удачным. И всё потому, что это ложное, иллюзорное основание не способно трансформироваться в реальное пространство рациональных и прагматичных отношений власти. Самозванец, конечно же, должен позиционировать себя как «своего», поскольку речь идёт о фамильной преемственности, для которой сложно подобрать аналог. Тем не менее, мера «свойскости» должна соблюдаться. К примеру, Екатерина Алексеевна свергла законного супруга, изначально будучи в статусе официального возможного претендента на престол и регентши малолетнего Великого князя Павла Петровича. Иными словами, она оставалась самой собой и не была случайным человеком. Поэтому, понимая всю противоправность и аморальность её поступка, ей всё же могли доверять. Но никакие чудесным образом спасшиеся наследники не могут избавить общество от сомнений в подлинности их происхождения. История убедительно свидетельствует, что даже самый искренний и всеохватывающий эмоциональный всплеск со стороны народа рано или поздно сменяется более взвешенным рациональным отношением. Чудо требует конкретных подтверждений или хотя бы повторения. А оснований для этого нет.

В зависимости от причин, поставленной цели, избранных средств достижения выделяют несколько форм самозванческого опыта. Наиболее предсказуемыми и распространёнными являются *экспансивное* и *имманентное*. Первое в большей степени обусловлено исключительными внешними обстоятельствами (экономический и политический кризис, военная интервенция, несовершенство властной системы) и само впоследствии их провоцирует. Так было во времена Великой Смуты и во второй половине XVIII века. Лжедмитрии, княжна Тараканова, Пугачёв – экспансивные и безусловные самозванцы. Такие проявления самозванчества вполне *закономерны*, хотя и *не являются* выражением исторической *необходимости*, ведь они – следствия в чистом виде; не будь внешних негативных факторов, не было бы и самозванцев. При этом лица, претендующие на царственные роли, чаще всего совершенно *случайны*.

Имманентное самозванчество – иначе *«самопровозглашенчество»* – формально подобно экспансивному; это *экспансия внутренняя*,

спровоцированная теми же самыми противоречиями, но воспринятыми и пережитыми на индивидуально-личностном уровне, как личная драма – как противоречия между членами правящей династии. В этом случае самозванный акт, напротив, кажется случайным, в то время как выбор самого претендента оказывается наиболее вероятным и закономерным. Так было в моменты восшествий на престол Елисаветы Петровны и Екатерины II, когда жертвами их политических амбиций становились ближайшие родственники и законные наследники, а им самим приходилось захватывать верховную власть насильственным путём.

Эти опыты могут проявляться одновременно – взаимодополняться или же осуществляться автономно, не противореча друг другу, поскольку имеют единое *рациональное* основание – *осознанное* стремление отдельных субъектов или общественных групп сместить конкретных представителей верховной власти, не важно, с какой целью. Но поскольку имманентные самозванцы имеют непосредственное отношение к власти, в таких случаях всегда имеют место *заговоры*.

Однако есть ещё один любопытный опыт самозванчества, который тоже отражает кризисное состояние субъективных настроений в обществе и является показателем определённого мировоззренческого упадка и общественной дезориентированности, однако, *может исключать внешнего претендента на власть*. Такой опыт проявляется крайне редко и показывает, в первую очередь, уровень стихийного всеобщего недовольства правителем, и лишь потом – чьи-то личные амбиции. И, что очень важно, не только в периоды социально-экономического и политического упадка, но и, как ни удивительно, подъёма. Это так называемое *мнимое* или *псевдо-самозванчество*, когда законный верховный правитель воспринимается как самозванец лишь потому, что общество оказывается не готовым принимать его политический стиль. Представления о «самозванце на троне» могут быть *наивными (народно-психологическими)*, когда в общественных низах постепенно формируется искренняя уверенность в том, что «царь не настоящий», сопровождается нелегальной или полулегальной поддержкой оппозиционной части правящей верхушки. Так было после возвращения Петра Алексеевича из Европы. Однако эти представления могут быть и вполне *осознанными*, и даже *тщательно спланированными идеологическими приёмами* с весьма прагматичной целью – не допустить прихода к власти или хотя бы ограничить реальную власть. Такие настроения были под конец правления Анны Иоанновны, когда Елисавету Петровну многие воспринимали как «незаконную дочь», то есть потенциальную самозванку. Такая же угроза нависала над Екатериной II, вынужденной пой-

ти на свержение законного мужа и престолонаследника. В результате ей, как известно, удалось обернуть угрожающую ситуацию в свою пользу и позднее даже посеять в народе недоверие к собственному сыну. Для этого она не препятствовала распространению слухов о возможном внебрачном происхождении Павла Петровича, – фактически, готовила почву для восприятия его как самозванца. Поэтому изоляция Великого князя от прямого участия во власти и назначение наследником Великого князя Александра казались вполне естественными.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы, касающиеся закономерностей проявления опыта самозванчества и его результатов. Во-первых, его характер зависит от степени абсолютизации верховной власти и меры рациональности её восприятия в обществе, при отсутствии развитой сферы публичного права и ограничение её индивидуальным правом. Чем сильнее, последовательнее и рациональнее власть, тем она понятнее для своих подданных. И тем менее спонтанным и наивным является самозванческий опыт и чаще появляются незаконные претенденты на трон. С установлением абсолютной монархии и утверждением принципов просвещения самозванчество становится весьма действенным способом влияния на власть, а в отдельных случаях – единственным, хотя и не легитимным способом её достижения.

Тем самым, самозванчество изобличает не только свою противоправность, но и *мифологическую* сущность, поскольку осуществляется как неосознанная *подмена смысловых связей*: формируясь как замысел на основании *объективных* целей, оно реализуется *субъективными* средствами – желанием отдельных субъектов прийти к власти любой ценой и установлением хаотичных личных связей. В конце концов, средства вытесняют цель и занимают её место. Различные типы отношений подменяют друг друга или отождествляются – к примеру, отношения власти и отношения собственности; самозванцы могут не различать их. Поэтому сущность опыта самозванчества – не реформация общественного устройства и даже не реформация власти, а лишь её *перераспределение* на основе оценки индивидуально-личностных качеств правителя. Иначе говоря, смена династии.

В то же время *самозванчество социально и политически не продуктивно, поскольку не самодостаточно*. Оно направлено на решение сиюминутных задач путём достижения сиюминутных целей, но не может стать основанием дальнейшего развития общественных отношений. Иными словами, оно – *не идея*, на основании которой формируется индивидуальное и общественное мировоззрение и возникают новые социальные структуры. Оно – *безыдейно, авантюра*, вспомогательное сред-

ство достижения цели, не имеющей прямого отношения к происходящему в обществе и государстве. Оно – способ *захватить, присвоить власть* и сделать её средством самоутверждения. Поэтому самозванец должен, в конце концов, бороться за собственное имя, потому что только так может доказать личную необходимость. Например, Екатерина Алексеевна публично позиционировала себя *идейной* преемницей Петра («Первому – Вторая»), а Павел Петрович – *родственными* связями («Прадеду – правнук»).

Впрочем, стремление к безраздельному обладанию властью вполне понятно: именно опыт самозванчества высвечивает *пределы возможного* отношения к власти, точнее, весь построен на представлении о непосредственном, почти физическом, единстве «вот этого» индивида и властного опыта. Поэтому для самозванца важно, чтобы его воспринимали не просто как «фигуру», «единицу», «носителя» власти, «одного из», а именно как полное и окончательное, а главное – безальтернативное её воплощение. Самозванец неосознанно пытается доказать, что не власть делает индивида правителем, а наоборот – конкретный индивид, предназначенный для правления, формирует пространство властных отношений. Причём, не организывает уже наличные принципы и структуры власти, а *продуцирует их собственными действиями и мыслями, буквально творит их*, пытаясь убедить окружающих, что никто другой на это не способен. По-другому и быть не может: самозванец появляется внезапно (степень внезапности зависит от степени авантюристичности общей ситуации), а зачастую просто ниоткуда, и своим появлением вносит хаос и смятение в устоявшиеся отношения. В отдельных случаях ему удаётся даже поломать их. И если он не способен предложить ничего более продуктивного как носитель власти, он старается всеми силами завоевать расположение ближайшего окружения и одобрение народа личным обаянием или популистскими мероприятиями. Но даже и тогда, когда он оказывается талантливым правителем, он никогда не забывает, каким путём ему досталась власть, и старается сохранить личную приязнь с ближайшим окружением и народом. Так делала, к примеру, Екатерина Вторая, – нельзя не признать, что весьма успешно.

В любом случае, *присвоение* власти оказывается невозможным, – власть не предметна и не вещна, потому не может принадлежать никому, иначе она не власть; в её процессуальности можно только участвовать. Поэтому любая такая попытка будет не только незаконной, но и бессмысленной. В этом понимании самозванчество деструктивно: авантюрист сам становится орудием, средством, цель же ускользает, как

только он начинает предпринимать реальные действия, и на её месте формируется совсем другая, отнюдь не великая, а очень жалкая цель – выжить. Истинную же цель преследуют приведшие самозванца к власти, но сами остающиеся в тени и реализующие программу власти в соответствии со своими интересами; последние в любом случае оказываются субъективными, ибо реализуются не теми, кто предназначен для этого.

Примечание

¹ См. напр.: *Тульчинский Г.Л.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996, 412 с.; *Усенко О.Г.* Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур 5–6 (2002). С. 39-51 и др.

Е.В. БОРОДИНА

Социальная структура Кунгурского уезда в первой трети XVIII в.

Первая четверть XVIII в. характеризуется как время проведения активных преобразований в России, которые охватили все сферы жизни русского общества: политическое устройство, систему хозяйствования, культуру, социальные отношения. Бесспорно, все преобразования были тесно связаны друг с другом: реформы в одной области с той или иной степенью влияли на изменения в другой. Тем не менее, следует подчеркнуть, что все реформы в наибольшей степени отразились на конфигурации общественного устройства зарождающейся империи, оказав на нее как прямое, так и косвенное воздействие.

В частности, реформы системы государственного аппарата предопределили изменения в системе служилых чинов и заложили новые основы функционирования бюрократии. Военная реформа привела к формированию новых социальных групп – солдат и отставных солдат. Политика, направленная на создание промышленности, способствовала упрочению положения категории мастеровых людей и формированию группы посессионных крестьян, всецело принадлежавших заводам. Реформа налогообложения предполагала изменение социальной структуры общества, разделив все категории населения на тех, кто платит подати, и освобожденных от этой обязанности.¹

Несмотря на многочисленные трансформации государственных и общественных структур, они не могли измениться в одночасье. На сегодняшний день в историографии утвердилось мнение о том, что процессы по преобразованию социальной среды происходили медленно, нововведения не всегда находили общественное одобрение, которое время от времени выливалось в открытое сопротивление начинаниям петровской поры.

Целью данной статьи является проследить, каким образом происходило изменение социальной структуры общества в условиях преобразований Петра Великого на примере одного из уездов России. Основное внимание будет сосредоточено на характеристике социальной организации такой административно-территориальной единицы Урало-Сибирского региона, как Кунгурский уезд. Хронологические рамки исследования охватывают первую треть XVIII в., что связано с необходимостью проследить динамику социальных трансформаций на протяжении всего времени проведения реформ первого российского императора, которая была обусловлена, во-первых, началом рекрутских наборов и городской реформой рубежа XVII–XVIII вв., во-вторых, активными административными и социальными реформами конца 1710-х – первой половины 1720-х гг.

Основой настоящей работы послужили документы, созданные в результате деятельности административно-судебных структур Кунгура первой трети XVIII в. Это, во-первых, материалы переписей, во-вторых, источники, отложившиеся в ходе деятельности региональных административных учреждений, облеченных судебными полномочиями. Выбор источников был обусловлен поставленными перед нами задачами, ведущей среди которых являлась реконструкция социальных процессов в локальном сообществе, имевших наряду с внешними импульсами внутренние основания для развития.

Характеризуя социальную структуру общества, следует отметить его разделение на относительно однородные социальные группы. С одной стороны, структура и состав этих сословных групп определяются государством, стремящимся упорядочить социальную организацию с целью удобства управления. С другой стороны, общество формируется стихийно, расслоение в нем происходит в зависимости от иных факторов. В соответствии с позицией Б.Н. Миронова, социальное положение индивида можно определить, используя несколько критериев. Среди них – самоидентификация и перекрестная идентификация.² Несмотря на то, что такие критерии Б.Н. Миронов применял для выделения классов, мы можем использовать их и для определения сословных групп, которые, находясь в условиях социальной реконфигурации, не могли быстро расстаться с прежними ментальными и психическими установками. Наше внимание было сфокусировано на характеристике идентификации и самоидентификации населения уезда. На наш взгляд, процессы идентификации позволяют определить степень принятия местной бюрократией и населением уезда в целом преобразований первой четверти XVIII в. и определить скорость усвоения новых общественных образцов.

Кунгур – административный центр Кунгурского уезда – был основан еще в середине XVII в. Несмотря на это, как отмечают многие историки и краеведы, в течение XVII в. город ничем не выделялся, его активное развитие приходится на начало XVIII в. Интенсификация жизни Кунгура и его округа начинается во многом благодаря экономическим реформам Петра I. Здесь происходит становление кожевенного производства и горнодобывающей промышленности. Создание и развитие обоих видов производств, а также статус города – административно-территориального центра не могли не оказывать влияние на социальную конфигурацию общества.

Постепенный и последовательный рост населения был зафиксирован в ходе процедур государственного налогового учета, в ходе которых под контроль властных структур попадали все новые социальные группы.³

Так как основное внимание нашей статьи будет сосредоточено на пространстве города Кунгура, куда обращалось население всего уезда для решения судебных конфликтов, и лишь в незначительной степени – на его окрестностях, при анализе материалов переписей мы ограничимся характеристикой социальной структуры города.

По переписным книгам 1679 г. в Кунгуре и его окрестностях было зарегистрировано 68 дворов посадских людей, в которых проживало 203 человека, 22 двора бобылей (44 человека), 73 двора стрельцов (88 человек) и 3 пушкарских двора (5 человек). Кроме того, в городе было зафиксировано 22 двора «нищетских» (52 человека), 1 двор ссыльного (1 человек), 1 двор «запленного мастера» и 1 двор отставного стрельца (3 человека). В ряде случаев во дворах указанных социальных категорий также проживали подсоседники и захребетники. Отдельно были учтены и живущие у церкви Благовещения пресвятой Богородицы дворы попа, дьякона, дьячка, пономаря, трапезника, вдовой попадьи и пресвирицы.⁴

По «Табели Сибирской губернии ис переписных книг 1710 году дворовому числу и людем» на начало 1710-х гг. в Кунгурском уезде проживало 28700 человек (в число переписанных не вошли представители духовного сословия и церковного клира – «монахи, попы и дьяки»). Среди дворов местных жителей Кунгура и его окрестностей были обозначены домовладения разнообразных социальных категорий. Среди них мы можем найти домовладения служилых людей (5 дворов дворян и детей боярских, 44 солдатских и драгунских двора, 34 казачьих двора, 20 пушкарских дворов, 8 дворов отставных служилых людей), посадских (103 двора) и крестьян (3004 двора государевых пашенных и

оброчных крестьян, 8 дворов архиерейских и монастырских крестьян), государственных бобылей и захребетников (83 двора), мастеровых людей (1 двор). Кроме того, в «Табели» выделены «нищенские дворы» (25), в которых проживало 1108 человек мужского и женского пола.⁵ В сводной ведомости в качестве отдельной социальной группы не было выделено нерусское население уезда. Несмотря на это, следует отметить, что его учет в Сибирской губернии велся, о чем говорят переписные книги татарских деревень уездов.⁶

Дальнейшие контрольно-учетные мероприятия также последовательно охватывали разные сословные группы. В соответствии с указами конца 1719 – начала 1720-х г. в переписные книги попали жители Кунгура разных сословий: крестьяне, посадские и «разночинцы». Не вдаваясь в тщательный анализ достоверности представленных в переписях данных об общей численности населения страны на рубеже XVII–XVIII вв., уже произведенный на высоком уровне такими историками, как М. Ключков, Я.Е. Водарский и другими,⁷ обратим внимание лишь на сословные группы, которые были выделены в ходе этих государственных мероприятий.

Материалы переписей и последующих ревизий предоставляют ценные сведения об изменениях в структуре как городского, так и сельского населения, позволяя выделить новые социальные группы и выявить основные тенденции развития уезда. В частности, представленная в источниках информация позволяет наблюдать процесс превращения Кунгура в крупный торгово-ремесленный центр. Об этом свидетельствует не только увеличение численности посадских, но и ряд других признаков. В переписной книге 1719 г. были отмечены не только пахотные крестьяне, жившие среди посадских Кунгура (50 дворов), но и посадские люди без пашни, занимавшиеся исключительно торговом, промыслом и «работой» (37 дворов).

Последняя социальная группа имела достаточно высокий уровень благосостояния, о чем свидетельствуют описания дворов этих кунгурцев. В отличие от описаний владений представителей других социальных категорий, называемых в описи «дворишками» и «избенками», при характеристике указанных дворовладений почти не используется уменьшительных суффиксов: в 36 случаях из 37 они называются дворами. В описи владений кунгурских пахотных крестьян используются разные наименования: «дворы», «дворишки», «избенки», что говорит о достаточно высокой степени имущественного расслоения среди крестьян при посадке. В итоговой сводке переписной книги дворы этих посадских названы первостатейными.

Наряду с уже указанными социальными группами в переписную книгу за 1719 г. вошли также «города Кунгура жители, которые пашни не имеют и никаких промыслов, кормятца работою» (213 дворов) и бобыли, жившие в посаде (22 двора). Подавляющее большинство их дворов не являлось крепкими хозяйствами, что нашло отражение в их описаниях. Среди кунгурцев, не имевших пахоты и работавших по найму, нашлось лишь 14 сильных дворохозяйств, среди бобылей – 1.

Таким образом, городская среда Кунгура характеризовалась имущественным расслоением. Данные переписной книги 1719 г. отличает использование старой схемы учета населения (по дворохозяйствам) при одновременном выделении более или менее однородных социальных групп. Несмотря на это, итоговая ведомость о количестве кунгурских жителей представлена с использованием группировки по возрасту. Следует обратить внимание, что число бобыльских дворов в городе не изменилось по сравнению с данными переписи 1679 г., тогда как количество дворов посадских и их общая численность возросла более чем в два раза. Переписчики не посчитали необходимым выделить группу «нищие», используя другой метод группировки по роду занятий, указывая на низкий уровень благосостояния того или иного двора при помощи соответствующей терминологии.⁸

Как видно из указа от 22 января 1719 г., первоначальным требованием властей было описание состава податного населения в сельской местности, а «о расположении посадских людей указ учинен будет впредь».⁹ Местная администрация Кунгура, проявив инициативу, предвосхитила требования реформаторов. Канцеляристы создали свою систему и классификацию учета населения города, не имея четких указаний о том, каким образом следовало оформить формуляры документов переписи.¹⁰ Возможно, данное начинание было вызвано появлением указа от 17 апреля 1719 г., который предписывал отсылать переписи «всякого чина людей» к бригадиру Зотову до конца года.¹¹

Распоряжение о переписи горожан было артикулировано лишь 16 февраля 1721 г.,¹² через месяц после издания Регламента Главному магистрату. В приложениях к данному нормативному правовому акту впервые появились формуляры «к описанию жителей в городах и оных художеств» и «Генеральной росписи всем в городах Российского государства жителям в 1721 году».¹³ Жителей городов требовалось расписать по следующим группам: «коронные, городские, церковные, школьные служители», «монастырские служители и обыватели», «временные обыватели шляхетных и ученых», «торговые люди», «художники», «фабриканты и ремесленники», «извозчики крестьянские, работ-

ные и иные подлые люди», «шинкари», «старые и немощные люди», «гуляки» и «домашние люди».

Сопоставление классификационных сеток переписной книги Кунгура 1719 г. и формуляра генеральной росписи, содержащейся в регламенте, показывает серьезные различия между ними. В первую очередь следует отметить наличие категории пашенных крестьян и бобылей в структуре города. Классификация посадских была произведена очень условно. Появление формуляра и Кунгурской ратуши (1721 г.) не смогло коренным образом изменить ситуацию с учетом и систематизацией населения.

Согласно переписной книге 1721 г., дополнявшей данные 1719 г., в Кунгуре были учтены также разночинцы. В их число попали представители региональной администрации, канцеляристы, «запленных дел» мастер, служилые люди по прибору (пушкари и стрельцы) и солдаты, как отставные, так и на действительной службе.

Обратимся к анализу этих социальных категорий. Как и все прочие социальные группы, представители администрации разного уровня были учтены вместе с иными лицами мужского пола, составлявшими их семью или жившими в их дворах. В отличие от предыдущей переписной книги данные о состоятельности дворохозяйства в новой переписной книге не приводятся, но принцип записи по дворам продолжает действовать. Запись начинается с указания главы семейства (имени должностного лица или канцеляриста), после чего перечисляются дети, братья, отцы, а также работники и иные лица, находившиеся в услужении. Среди работников мы можем встретить как русских, так и «инородцев», как лично свободных, так и крепостных.

Отдельной фиксации подверглись данные о солдатских детях, не указанных ранее в документах. Многие солдаты проживали в Кунгуре самостоятельными дворохозяйствами, а не в гарнизоне. Они были зарегистрированы во главе групп, состоявших из их сыновей, братьев и отцов. В ряде случаев напротив имени и возраста указывались данные о состоянии здоровья детей, требовавшиеся, по всей видимости, для оценки потенциала возможных солдат регулярной российской армии. Действительно, в переписной книге встречаются солдаты во втором поколении, а также прослеживаются родственные связи между солдатами и солдатскими детьми.

В переписных книгах была сделана попытка разграничения группы отставных солдат, пушкарей и стрельцов от тех, кто находился на службе. Они были объединены в одну группу, вне зависимости от того, являлись ли они служилыми по прибору или входили в состав регуляр-

ной армии. Источник показывает, что среди служилых по прибору в Кунгуре сохранилась лишь категория пушкарей, в том числе пушкарей, состоявших у «горных дел». К началу 1720-х гг. солдаты превратились в стабильную социальную группу, которая была занята не только на службе в гарнизоне и за его пределами. Отставные солдаты были заняты на разнообразных работах, как в самом Кунгуре, так и вне города.¹⁴

Из сказанного выше видно, что в переписные книги попала значительная часть населения, не подлежащего податному обложению. Вторая перепись увеличила численность населения Кунгура до 1221 душ м.п. Ревизия 1722–1723 гг. увеличила количество жителей города до 1450 душ м.п., проживавших в 489 дворах. Классификация, использованная переписчиками, была проще той, что предлагалась Регламентом Главному магистрату 1721 г. Все население было поделено на «города Кунгура посадских людей», «нищих, которые живут в богадельне», «нищих-ж» и «явившихся». Кроме того, были учтены посадские, обретающиеся в работах на железоделательных и соляных заводах в Невьянске, Соли Камской и на Уктусе.¹⁵

Изучение социальных классификаций, использовавшихся в переписных книгах, показывает, что у местных администраторов Кунгура, осуществлявших учет населения в первой четверти XVIII в., возникали сложности с установлением четких критериев для выделения социальных групп, проживавших в городе и примыкавших к нему деревнях. Что же представляет собой социальная структура, реконструируемая по дошедшей до нас статистике обращений в судебно-административные органы Кунгура первой трети XVIII в.?

Анализ данных описи дел судебно-административных учреждений уезда¹⁶ показывает, что в течение всего времени их существования наиболее активно часто в качестве истцов и ответчиков в судебных канцеляриях проходили крестьяне (от 18 до 76% в разные годы на промежутке с 1707 по 1728 гг.). Второе и третье места (в среднем около 10%) делили между собой посадские и представители нерусских народностей (татар, черемис, башкир, вотяков и др.). Во многих случаях при упоминании представителей этих социальных групп называется не их статус – показатель принадлежности к сословию, а должность / принадлежность к государственному учреждению или этническая принадлежность. Данное обстоятельство говорит о некоторой дисперсности данных социальных общностей, где большее значение имели позиция во власти или этническое происхождение.

Все остальные категории населения встречаются в качестве участников судебных процессов гораздо реже (от 1 до 5%). Среди них – пред-

ставители администрации (должностные лица и канцеляристы), служилые люди по прибору (стрельцы, пушкари и казаки), солдаты и рекруты, иностранные специалисты и военнопленные Северной войны, купцы гостинной сотни, работники и крепостные, бобыли, монахи и церковнослужители и др.

Следует отметить, что в процентном соотношении количество истцов и ответчиков, представивших указанные выше социальные группы, распределено по годам очень неравномерно. Более или менее стабильно участвуют в судебных разбирательствах представители администрации или канцеляристы и солдаты. Чаще всего подьячие и должностные лица местного аппарата управления выступали в суде в качестве истцов, жалуясь на обвинения в бое, брани и не отдаче долгов. Солдаты, как отставные, так и на действительной службе, также как минимум раз в год становились истцами или ответчиками.

Солдаты становятся устойчивой социальной группой, которая начинает принимать активное участие в жизни города. Наибольшее количество дел с их участием касалось конфликтов-бесчестий. Солдатам и их родным (в первую очередь – солдатским вдовам) еще требовалось влиться в городское сообщество, еще плохо понимавшее их положение, не имевшее специальных сословных обозначений.

В отличие от солдат участие в процессах служилых по прибору менее стабильно. В частности, если в первое пятнадцатилетие XVIII в. стрельцы время от времени в качестве истца или ответчика, то впоследствии упоминание данного социального статуса исчезает из судебно-следственных документов. По всей видимости, прекращение жалований в стрельцы привело к прекращению идентификации кого-либо из кунгурцев с социальным статусом стрельца. Эту тенденцию подтверждают и переписные книги 1721 г., где статус отставного стрельца был зафиксирован при описании статуса только одного человека.

Несмотря на то, что переписи Кунгура фиксируют значительный процент пушкарей даже на начало 1720-х гг., в судебно-следственных документах они почти не фигурируют. Данное обстоятельство может быть, с одной стороны, связано с занятостью пушкарей по службе, с другой – с постепенным сливанием представителей этой социальной группы с крестьянством и посадскими. Так как часть истцов и ответчиков в описи дел, поступивших в судебно-административные органы города, идентифицированы как кунгурцы, можно предположить, что среди них могли быть и пушкари, которые соотносили себя с местом жительства, а не с местом в социальной иерархии. Пушкари постепенно вытеснялись солдатами регулярной армии, которые были более мобильны и легко перебрасывались с одного места службы на другое.

Иные общественные группы в материалах суда и следствия встречаются редко и со временем перестают в них упоминаться. В частности, категория «гулящие люди» вообще исчезает со страниц судебно-следственных документов, не выступая в качестве активного субъекта процесса. Если в первые годы XVIII в. гулящие время от времени являлись инициаторами судебных разбирательств, то к концу 1720-х гг. они перестают проявлять себя в этой сфере.

Такая группа, как «нищие», упоминающаяся в переписных книгах разных лет, в судебном делопроизводстве вообще отсутствует. Бобыли, по описям составлявшие небольшой процент населения, также не активны в иницировании судебных процессов. Можно согласиться с мнением ряда исследователей о том, что они постепенно включаются в состав крестьянства и посадского сословия.

Таким образом, к концу царствования Петра Великого мы можем увидеть процесс постепенного укрупнения социальных групп, составлявших общество Кунгурского уезда. Определение статусов истцов и ответчиков в судебно-следственных документах является показательным, так как позволяет увидеть наиболее многочисленные и активные в социальном отношении группы. Приведенные данные доказывают, что под влиянием преобразований в стране появляются новые, весьма многочисленные социальные группы, тогда как иные постепенно исчезают. Несмотря на это, в социальной структуре кунгурского общества еще долгое время сохраняются остатки прошлого в лице людей, причислявших себя к «старым» сословиям.

Примечания

¹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.: Издательство Наука, 1982. С. 139.

²¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. Т. 2. СПб.: Издательство Дмитрий Буланин, 2000. С. 2, 76.

³ Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т. 1. СПб., 1911. С. 19; Анисимов Е.В. Податная реформа Петра Великого... С. 40.

⁴ Найденов Н. (ред.). Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1886. С. 1-5.

⁵ Russian State Archive of Ancient Acts (далее – RGADA). Senate, fond 248, op. 1, numb. 17, fol. 50, склейка. Благодарю Д.А. Редина за предоставление копии источника.

⁶ См., напр.: Переписная книга 1710 года подгородных татарских деревень Тобольского уезда переписи тобольского дворянина Степана Никитича Фефилова. – <http://genealogia.ru/archives/1690> (апрель, 2017).

⁷ *Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени; *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. С. 18-58; *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. С. 11-13.

⁸ Кунгур – Переписная книга 1719 года. – <http://zz-project.ru/perepisi-kungura/612-kungur-perepishnaya-kniga-1719-goda> (апрель, 2017).

⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗРИ), 45 томов. СПб., 1830. Т. 5. С. 621.

¹⁰ *Клочков М.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. С. 117; *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I... С. 64 и др.

¹¹ ПСЗРИ. Т. 5. С. 693-694.

¹² *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I... С. 189.

¹³ ПСЗРИ. Т. 6. С. 306-309.

¹⁴ Кунгур – Переписная книга 1721 г. – <http://zz-project.ru/perepisi-kungura/613-kungur-perepishnaya-kniga-1721-goda> (апрель, 2017).

¹⁵ Книга окладная города Кунгура 1722-3 года. – <http://zz-project.ru/perepisi-kungura/614-kniga-okladnaya-goroda-kungura-1722-3-goda> (апрель, 2017).

¹⁶ RGADA, Kungur administrative and judicial establishments, fond 1015, op. 1, RGADA, Kungur provincial office, fond 518, op. 1, numb. 21, fol. 1-24.

ENDRE SASHALMI

The Coronation Medal as a Vehicle of Legitimation

ICONOGRAPHIC ANALYSIS OF THE CORONATION
MEDALS OF FOUR EMPRESSES, CATHERINE I (1724), ANNE
(1730), ELISABETH (1742) AND CATHERINE II (1762)

An important feature of 18th-century Russian History was the advent of female rule, the prelude to which came in 1724, when Peter the Great personally crowned his second wife, Catherine, the Empress of Russia. The coronation was publicized by a novel medium in Russia, coronation medals or coronation jettons. They could be handed over or shown to others easily,¹ furthermore, because of their simple iconography, they could convey a direct message as to the source of legitimacy of this unprecedented event.

Three different coronation medals of Catherine are known to me. The obverse of the first one (1) shows Peter and Catherine as quasi co-rulers with their titles (“*Emperor Peter, Empress Catherine*”) while its reverse depicts Peter’s crowning his wife, and contains the inscription “*Crowned in Moscow*”, as well as the year of the event (1724) at the bottom.

1.

The obverse of the second medal (2) has the inscription, “*Grace by the Most High*”, which explains the imagery: rays of light (divine grace) coming from a cloud (Heaven) fall on a crown, the shape of which corresponds to the

new, imperial crown made for Catherine's 1724 coronation. The meaning is clear: Catherine was crowned from Heaven. The reverse simply states the time and the place of coronation: "*Empress Catherine crowned in Moscow in the year of 1724*". This type of coronation medal was issued unchanged on the occasion of subsequent coronations in 1730 and 1742, with only the name and the date altered on the reverse. Therefore, I call it the "standard coronation medal". The depiction of the crown remained the same, despite the fact that a new imperial crown was made for Anne's coronation which was also used at Elisabeth's inauguration.

2.

How can the message of the two coronation medals of Catherine be reconciled? The solution is provided by the inscription on the obverse of her third coronation medal (3) which reads: "*From God and the Emperor*". This inscription runs around a crown placed on a pillow with a dais underneath, and this image recalls the real scenario of Catherine's coronation ceremony in the Assumption Cathedral Moscow. The sermon preached by Feofan Prokopovich (Peter's chief ideologist) at Catherine's coronation propagated the same message as the inscription did, explaining the unprecedented nature of the event: "Only through God, Feofan repeatedly proclaimed, could something so bold as this coronation sanctioned and understood. God and Peter the Great".² The key to the understanding of the inscription on the coronation medal was also provided in the coronation sermon as the crowd could hear: "*The heart of the Tsar is in the hands of God*".³ This age old premise of tsarist ideology implied that "The tsar's will was God's will".

3.

The 1724 coronation of Catherine can possibly be explained by Peter's intention to make Catherine his successor to the Russian throne, and it might be treated as a consequence of Peter's 1722 law on succession: this statute proclaimed that henceforward the ruler could designate anyone to be the successor. After 1722, *in principle*, the nominated heir could indeed be any person: even a woman, even someone having no ties of blood at all to the ruling family. Of course, the ruler could choose someone from the royal family but blood relation, in contrast to the past when the *right of the eldest surviving son had been observed as a normative principle*, was no longer a source of legitimacy: it was completely replaced by the ruler's will, independent of any restraints. The main effect of Peter's 1722 statute was the uncertainty of succession until 1797, which, in turn, paved the way for the age of the so-called palace revolutions (1725–1762): whatever claims were put forward by the candidates to the throne, it was the imperial guards created by Peter who said the final word on succession. This train of events is well known, and it does not need to be discussed here.

When the wife of Peter assumed power, becoming thereby Catherine I in 1725, she was not crowned again: indeed, her 1724 coronation by Peter was considered as a justification for her rule. With Catherine's accession to the throne a break with tradition occurred on two fronts: a *female ruler was on the throne for first time*, and *her legal claim came from a newly established law, not from right of birth*. Given the uncertainty concerning the principles of legitimation it became vital at each accession to make the claims to throne public, especially in case of female rulers. The solution, as R. Wortman noted, was the act of coronation: "It was regarded as an urgent requirement of rule, and preparations began immediately after the seizure of power."⁴ *This gives, in my view, the real importance of the coronation medals besides the reasons given at the beginning: they became the media of legitimation issued for the occasion which put the seal of legitimacy on each ruler's reign.* 18th-century Russian coronations, as Wortman underlined, "like English coronations of the sixteenth and seventeenth- centuries, confirmed the uncertain claims to the throne"⁵.

The issue of coronation medals created a tradition in the 18th century, and this practice continued in the 19th century as well. *But from being a vital media of legitimation between 1724–1762, they would become simply ceremonial conveniences when the succession was more or less stabilized (1797), and they would no longer have the same importance as before!* In my analysis I do not intend to highlight the circumstances under which the empresses came to power. I just focus on the visual strategy of legitimation conveyed by the coronation medals of three empresses following Catherine I.

The Coronation Medal of Anne

The obverse of her coronation medal (4) shows the portrait of the Empress, and contains an inscription listing her titles: “[By] G[od’s] G[race] (B.M.) Empress and Autocrat (Samoderzhitsa) of All the Russias”. The title *Autocrat* is not just one of the conventional titles here: on the contrary, it bears crucial importance because of the previous attempt to restrict her power by “conditions”. The inscription on the reverse, “By God, by kin and by them” identifies three sources of legitimation. It is eloquent that the text of her coronation album explained the meaning of this inscription,⁶ and to a great extent the iconography of the medal as well.

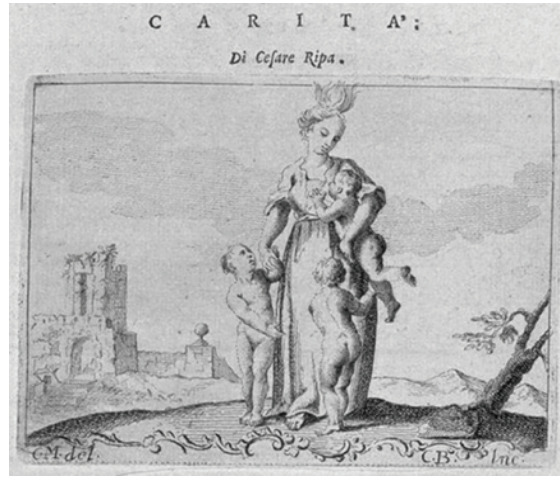
4.

As for the iconography of this coronation medal, two closely related questions arise: *Who are the “by them”?* *How is God-given power reflected in the imagery?* The first question is partly answered by the album as it explains that the three female figures represent *virtues*, i.e.: *Faith, Love, and Hope*.⁷ What it does not say, that they are the *Christian theological virtues*. In the medal they are identified by the cross, a small child, and the anchor respectively. Each of them invests the empress with one of the regalia: the sceptre, the crown, the orb. Charity / Love holds not only the centre position but she is depicted as higher than the other two virtues, and this is the one investing Anne with the crown! I think it is not an accident but a visual reflection of the position of Charity among the theological virtues. “According to the Pauline definition charity is the highest of theological virtues.”⁸ This position of charity was also reflected in Western Art in the Late Middle Ages.⁹

Traditionally in Christian symbolism the cross, the *heart*, and the anchor are the attributes of these three virtues but instead of a heart here we have a *child* in the arm a female figure. The coronation album, however,

mentions two more children beside the woman¹⁰ but these children are not visible either in the medal or in its graphic image given in the album.¹¹ Where did this symbolism come from? I claim that we have to turn to Cesare Ripa's *Iconologia*. In his work (1603) we have more than one allegorical description of Charity: one of them is where a woman is described and depicted (as below) with two other children at her feet (5) – but an alternative description given by Ripa mentions one child only, held in the left arm of a woman (as in the coronation medal).¹²

5.

How is God-given power reflected in the imagery? As for the overall pattern of the position of the three allegorical virtues, I think they are very similar to the canonical Orthodox depiction of the Holy Trinity in icons (represented by three angels), as in Andrei Rublev's famous *Troitsa* (6). If we know that in Western Catholic symbolism there was a strong link between the doctrine of the Trinity and the three theological virtues ("There are historically three steps to the sanctuary, symbolizing faith, hope and love, or the Holy Trinity."¹³), and add the highest position of Charity among the theological virtues which was also reflected in art, then it is understandable that the allegorical representation of these virtues could easily be associated with the Orthodox imagery of Trinity. *For an Orthodox viewer possibly this is the most immediate association coming to one's mind.* So, what we have here is probably the fusion of the canonical Orthodox iconography of Trinity (as represented by three angels) with the Western allegorical imagery of the three theological virtues – a fusion which can possibly be explained by the close association between the Holy Trinity and the three theological virtues in Western theology.

6.

The Coronation Medal of Elisabeth

“Although it is rarely mentioned in literature, she went to considerable length throughout her reign to reassert the matrilinear link and to honour her mother’s memory.”¹⁴ To buttress her position, however, required further measures to be taken. “In the very first days and weeks of Elisabeth’s reign something arose that was unusual for the eighteenth century, a surprising combination of ideas, dogmas, and clichés that could be labelled only one thing: ideology.”¹⁵ This statement, as we shall see, also holds true for her coronation medal (7).

7.

What is important for its interpretation is the choreographing of the *coup d' état* accomplished by the imperial guards: “On the evening of No-

vember 24 1741 Tsarevna Elizaveta Petrovna attended a St. Catherine's Day Mass, knowing full well that, as she knelt in prayer to her late mother's angel, a coup was taking place which would bring her on the throne the following day."¹⁶ Elisabeth prayed for divine providence, and her prayer was heard...

The coronation ceremony of Elisabeth was a clear break with the past: she took the crown from the hand of the officiating prelate and placed it on her own head. This self-coronation was symbolically prefigured by the coronation procession that we know from her coronation album: "Elisabeth's agency, the pictures made clear, was direct, unmediated by clerical or other human powers. A picture above the passageway of the Tver arch, not among the illustrations, showed a hand extending from the heavens to place a crown on Elisabeth's head."¹⁷ Wortman noted that the legend, "the true sovereign is crowned not from earth but heaven", also appeared in her coronation medal.¹⁸ But how should this inscription, "*By divine providence through faithful subjects*" (*Promysl' Bozhii cherez vernykh poddannyykh*) be interpreted? Or, in other words, how could divine providence be reconciled with reference to faithful subjects? What we have here is an idea appearing in Russia in 1613 that *God acts through the people*. The more immediate source of the inscription was possibly not so remote in time. I think it is plausible to see the influence of the work of Feofan Prokopovich, *Pravda voli monarshei* behind this theoretical justification. As for the origins of political government this tract states: "every form of government... derives its origins from an initial agreement among this or that people, in every case at God's volition and *under his wise and active providence* (*premudro deistvuiushchu smotreniiu bozhiiu*)."¹⁹ The word we have here is *smotrenie*, not *promysl'*, and though in case of Elisabeth the question was not the establishment of government as such by a contract, her accession as a result of a successful *coup de' état* accomplished by the guards, could be interpreted that the guards were the "faithful subjects", the vehicle of God's will – divine providence worked through them.

Elisabeth's coronation medal, however, contains also some hidden messages which clearly prove the importance she placed on descent, especially on matrilinearity. If we compare the coronation medal with the right section of the engraving (8) showing her mother's 1724 coronation,²⁰ the parallels are striking.

Elisabeth, similarly to Catherine, is crowned from Heaven: the first by the winged figure of Providence in a cloud, the latter by an unidentified goddess in a cloud, through her agents, two angels. Furthermore, in the right lower section of the medal we see a woman carrying a shield with the coat of

arms of Russia on it, the parallel of which in the engraving is a woman carrying a scroll with the name of Catherine on it and listing the deeds she accomplished for Russia. The two columns are also significant: they come, in my view, from Peter's personal seal. This seal (9) was already in use in 1714 but possibly from 1710–1711.²¹

8.

9.

To conclude: The coronation medal contained not only the principle of direct God-given power but also reflected Elisabeth's efforts to emphasize

her rights as the daughter of Peter the Great and Catherine by iconographic means.

The Coronation Medal of Catherine II

As for Catherine II, two of her coronation medals are known to me. One is a variation of the type I called the “standard type”. (10) The obverse has the inscription, “*For the love of the Fatherland*”, and rays of light coming from a half circle under a triangle which contains an eye. The eye represents “the all-knowing and ever present God”, and, in combination with the triangle, the Holy Trinity.²² This visual representation of the Trinity was a commonplace of Baroque iconography in the West both in churches and outside them: it became closely associated with the unmediated God-given power of secular rulers, and during Peter the Great it became part of Russian political iconography.

10.

The other coronation medal of Catherine II is a more elaborate one. (11) The obverse of it follows the traditional model, while the reverse is in many ways reminiscent of the imagery of Elisabeth’s medal (two columns, a winged figure handing down a crown). This is not surprising as Catherine II’s reign, in many ways, was the continuation of Elisabeth’s.²³ The inscription, “*For the salvation of faith and fatherland*”, shows the importance of the term *Fatherland* (also found in the other medal as we have just seen) which came into wider usage during Elisabeth. And Catherine II very much emphasized her image of *Mother of the Fatherland* (*Mat’ Otechestva*) throughout her reign. Catherine is represented in the reverse of the medal only by the initial letters of her name, which are crowned by Providence, while the other

two female figures are the allegories of Faith (left) and Fatherland (Russia), corresponding to the inscription.

11.

Conclusion

Beginning from Anne *female figures* were prominent in the *coronation medals of female rulers* in Russia which could not be accidental: they clearly served, in my view, to legitimize the given woman on the throne. Coronation by a female figure, as in case of Anne by the allegory of Charity, by a female figure from Heaven, as in case of Elizabeth I and Catherine II (and also in the engraving depicting Catherine's coronation in 1724) set the *iconographic tone for legitimating female rule*, and served as a background for the *female rulers' identification with classical deities*. "By the second half of the eighteenth century, two goddesses were often identified with the figure of the reigning monarch (who were female for most of the period): Minerva and Astraea."²⁴ Elizabeth was referred to as "the Minerva of our years" as early as her coronation (1742) in a poem,²⁵ and the shield in the hand of Divine Providence in Elisabeth's and Catherine II's medal can possibly be interpreted as the shield of Minerva.

There was clearly a *shift in the gender of the iconography of power*. Muscovite "Christo-centric", i.e. male-gendered iconography had to be replaced with a female-gendered one, corresponding to reality, i.e. female rule. Neutral (in terms of gender) representations of divine right, namely through rays radiating from a cloud or a triangle (with or without the all-seeing eye) of course remained crucial, as we have seen the example of the "standard type" of coronation medal. At the same time, divine will had to be personalized so that it could be associated with the gender of the reigning monarch: it was accomplished either by the allegorical representation of theological virtues which conveyed an association with the orthodox image of the Trinity

(1730), or by Divine Providence having some reminiscences of Minerva (1742, 1762).

Notes

¹ The coronation medals were made of different metals (gold, silver and even bronze) and were distributed according to social ranks.

² *Marker, Garry*. Imperial Saint. The Cult of Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2007. P. 198.

³ *Marker*. Imperial Saint... P. 199.

⁴ In the footnote he added: "The coronation of Anna Ivanovna took place just over two months of her accession; Elizabeth's, five months after she had ascended the throne; and Catherine II's three months after her accession. Only Peter III tarried, ignoring the warnings by Frederick the Great, and was overthrown before he had set the date for his coronation." *Wortman, Richard*. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Volume One: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 89, fn. 18.

⁵ *Wortman*. Scenarios of Power... P. 89.

⁶ "1. As [it is given] by none other, but by God".

2. By inheritance (*po naslediiu*) through the parents.

3. By virtues endowed by the most high". – *Opisanie koronatsii Eia Velichestva Imperatritsy i Samoderzhitsy Vserossiiskoi Anny Ioanovny torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuiushchem grade Moskve*. Moscow, 1730. 32.

⁷ *Opisanie...* 32.

⁸ *Rubinstein, Nicolai*. Political Ideas in Sieneese Art. The Frescoes by Ambrogio Lorenzetti and Taddeo di Bartolo in the Palazzo Publico / The Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 21. No. 3 / 4 (Jul. – Dec., 1958). P. 179-207, 185.

⁹ *Rubinstein*. Political Ideas in Sieneese Art... P. 185, fn. 50.

¹⁰ *Opisanie...* 32.

¹¹ *Opisanie...* 33.

¹² *Cesare Ripa*. Iconologia. Rome, 1603. Hungarian translation by Sajó Péter. Budapest, 1997. 95-96.

¹³ *Brackney, William H*. Studying Christianity. London – New York, Continuum, 2010. P. 98.

¹⁴ *Marker*. Imperial Saint... P. 216.

¹⁵ *Anisimov, Evgenii*. Five Empresses. Court Life in Eighteenth-Century Russia. Westport, CT: Praeger, 2004. P. 191.

¹⁶ *Marker*. Imperial Saint... P. 214.

¹⁷ *Wortman*. Scenarios of Power... P. 97.

¹⁸ *Wortman*. Scenarios of Power... P. 97-98.

¹⁹ *Lentin, Antony*. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary. Oxford: Headstart History, 1996. P. 204-205. (Italics are mine. – *E.S.*).

²⁰ Image from Margarita Alekseeva, Graviura petrovskogo vremeni. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 99.

²¹ Image and statement from Robert Collis, The Petrine Instauration. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great. Leiden: Brill, 2011. P. 370.

²² *Ferguson, George*. Signs and Symbols in Christian Art. Oxford: Oxford University Press, 1961. P. 47.

²³ *Wortman*. Scenarios of Power... P. 109.

²⁴ *Baehr, Stephen Lessing*. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 38.

²⁵ *Baehr*. The Paradise Myth... P. 38.

М.А. КИСЕЛЕВ

История понятий как метод изучения социальной стратификации российского общества XVIII века*

Еще в 1992 г. Д. Филд отмечал, что «вопрос о социальной идентификации в дореволюционной России затрагивается в тысячах научных работ, но им непосредственно занимаются главным образом зарубежные историки России».¹ Согласно статье А.Б. Каменского, вышедшей в «Cahiers du Monde Russe» в 2014 г. и озаглавленной «Знаем ли мы состав российского общества XVIII века?», к настоящему времени ситуация в российской историографии принципиально не изменилась.² При этом историк указывает на исследования по истории России XVIII в., в которых было обращено внимание на «прежде игнорируемые социальные группы, такие как преступники и калеки, первые жители Санкт-Петербурга, солдатские жены и дети». Однако, по его мнению, «эти социальные категории изучались как изолированные группы. Взаимодействия между этими и другими группами населения, с учетом их коллективной самоидентификации, еще должны быть изучены как ключи к реальной социальной структуре».³ Далее, после критических замечаний в отношении современной российской историографии, историк демонстрирует предлагаемый им подход – изучение социальной структуры «снизу» – на материалах Бежецка XVIII в. В завершение своей статьи он приходит к выводу, что «социальная история России XVIII века может быть исследована “снизу”»: это является задачей, которую еще предстоит решить». По его мнению, «пытаясь реконструировать реаль-

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (Проект № 14-18-01873) «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

ную структуру России раннего Нового времени и взаимодействия различных социальных групп, мы получаем возможность приблизиться к пониманию, каким было российское общество в это время и существовало ли оно в действительности как единое целое».⁴

Следует отметить, что в монографии О.Е. Кошлевой «Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени» (2004 г.), которую имел в виду А.Б. Каменский, говоря о «первых жителях Санкт-Петербурга», акцент все же был сделан именно на межгрупповом взаимодействии. Первые жители Санкт-Петербурга были такой же социальной группой, как и жители Бежецка. Точнее, и тех, и других можно объединить в некую группу только на основании общности места проживания.

Как показывает О.Е. Кошелева, находившийся в постоянном движении социальный состав обитателей Санкт-Петербургского острова был довольно пестрым и, соответственно, непростым для описания как чиновниками того времени, так и современными историками. В результате своих изысканий историк приходит к следующему выводу: «И бюрократия, и исследователи создавали образ общества, сотворенный и структурированный на бумаге, и лишь отчасти схожий с обществом реальным, так как границы, проведенные пером, в действительности были не только размыты, но и нарушены логикой обыденной жизни... Именно это смешение, столкновение, взаимосвязь людей, наиболее характерное для крупных городов, мало учитывалось в работах по социальной истории, которые рассматривают общество через характеристики отдельных групп: дворяне, купечество, чиновники, крестьяне, разночинцы и проч.».⁵ Соответственно, по мнению историка, «помимо рассмотрения общества в строго формализованном виде, оказывается возможным и другой аспект его изучения, а именно – выявлять, а не сглаживать “нестыковки” в структурированных источниках, рассматривать общество не только в разделенном, но и в “перемешанном” состоянии, обращая внимание и на мелкие, и на “плавающие”, и на маргинальные группы, стремясь, таким образом, к созданию более голографичной, чем схематичной картины города».⁶ Таким образом, можно сказать, что подход, предлагаемый А.Б. Каменским в 2014 г. не особо отличается от подхода, предложенного О.Е. Кошлевой в 2004 г.

Показательно, что и О.Е. Кошелева, и А.Б. Каменский в качестве положительного примера того, как надо исследовать социальную структуру России имперского периода, указывают на работу Э.К. Виртшафтер о разночинцах в Российской империи (английское издание вышло в 1994 г., русский перевод под редакцией и с предисловием А.Б. Каменского – в 2002 г.).⁷ Можно сказать, что и Э.К. Виртшафтер, и О.Е.

Кошелева, и А.Б. Каменский предлагают подход описания социальной структуры «снизу», где, по их мнению, была реальная жизнь, противостоявшая нормам законодательных актов. Не менее показательны и то, что и О.Е. Кошелевой, и А.Б. Каменским фактически игнорируется известная работа Г. Фриза о «сословной парадигме» 1986 г. (русский перевод – 2000 г.).⁸ В этой статье историк с опорой на *Begriffsgeschichte* (историю понятий) поставил проблему взаимосвязи между категориями языка – понятиями и социальными структурами. По нашему мнению, в случае применения истории понятий метафорическая конструкция «верх – низ» теряет значение, так как с социальными понятиями вынуждены жить и вынуждены оперировать как верхи, так и низы. Макросхема, в т.ч. воплощенная в законодательстве, будучи созданной актерами с помощью и через понятия, была результатом микропрактик, т.е. взаимодействия акторов. В ходе изучения создания макросхемы может оказаться, что она могла трактоваться и использоваться по-разному. Более того, одновременно могло сосуществовать несколько макросхем. Таким образом, постулирование существования некоей макросхемы в отрыве от порождающих и поддерживающих ее практик оказывается не более чем искусственным конструктом. Соответственно, и взгляд акторов «снизу», и взгляд акторов «сверху» оказываются разными вариантами видения социального.

По нашему мнению, в качестве метода, который позволит избежать абсолютизации тех или иных фрагментов социальной реальности и позволит наиболее полно проанализировать структуру социального и его стратификацию, можно предложить историю понятий. В ее рамках понятие рассматривается и как свидетельство о структуре, которое при этом может оказаться и частью структуры, и как инструмент, который используется актором в его деятельности. С одной стороны, предлагаемый набор мыслимых категорий, описывающих общественные статусы, задает определенные границы для действия, т.е. выполняет структурно-ограничивающую роль. С другой стороны, тот же ограниченный набор понятий, будучи использован актерами при описании социальной иерархии, превращается в инструмент. Соответственно, необходимо обращать внимание как на структурирующую / структурную роль понятий, так и на инструментальную. Кроме того, следует учесть вариативность смыслов, которые могли быть вложены в то или иное понятие. При этом такая вариативность может быть как синхронной, так и диахронной. Например, в понятие «дворянин» в XVII в. вкладывали другие смыслы, нежели в XVIII в. Однако и в XVIII в. можно было по-разному понимать, кто такой «настоящий дворянин», а кто – «ненастоящий».

Позволю проиллюстрировать свои рассуждения небольшим этюдом о поиске правящей элитой Российской империи универсальных социальных понятий в XVIII в. Впервые на законодательном уровне попытка поставить вопрос о правовой фиксации универсальных социальных понятий была предпринята елизаветинской Уложенной комиссией (1754–1766). В проекте третьей книги Уложения была помещена первая глава «О разном состоянии подданных в Государстве». Она открывалась рассуждениями, что «все подданные в Государстве не могут быть одного состояния, природа их, заслуги, науки, промыслы и художества разделяют их на разныя государственныя чины, из которых каждый чин имеет особливое своему званию приличное преимущество и права, от которых благополучие ево единственно зависит». Понимание «чина», предлагаемое елизаветинской Уложенной комиссией, было весьма широким. Так, по мнению авторов упомянутого проекта, «государственные чины разнятся еще промежду собою и в разсуждении веры, полу, лет, рождения и разума и разделяются для того на православных и на иноверцов, на родителей и детей, на мужской и женской пол, на приспевших до совершеннаго возраста и на малолетных, на разумных и на дураков и на законорожденных и незаконорожденных, а напоследок и на состоящих в вечном Нашем [российского императора. – М.К.] подданстве и на приезжих всякаго чина вольных людей».⁹ Как следует из произведенной схемы классификации, люди, входившие в один большой «чин», могли также принадлежать нескольким другим большим «чинам». Например, подданная российского монарха, православная совершеннолетняя мать, бывшая при этом законнорожденной и «разумной», должна была быть отнесена к шести большим «чинам». Также бывшие частью большого «чина» могли быть и обладателями других, более мелких «чинов». При этом подчеркнем, что в качестве синонима понятия «чин» использовалось понятие «состояние». Для обозначения социальной группы, состоявшей из обладателей наследственного правового статуса, у авторов проекта так и не нашлось особого понятия.

Работа над определением и изобретением обобщающих социальных понятий присутствовала в деятельности Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Как известно, екатерининская Уложенная комиссия имела относительно сложную структуру. Все избранные депутаты составляли Общее собрание. Затем Общее собрание должно было выбрать членов в Дирекционную комиссию. Последняя должна была предложить Общему собранию провести выборы в частные комиссии, которые должны были работать над определенными частями законодательства. Первое заседание Дирекционной комиссии состоялось 20 августа

1767 г. 27 августа ее член гр. З.Г. Чернышев подал записку, в которой предложил разделить работу на четыре части: «1я глава. Права, касающиеся до каждого жительствоващаго. 2я. О движимых и недвижимых имениях. 3я. О суде. 4я. Право криминальное». В то же время ее другие два члена – новгородский митрополит Димитрий и Д.В. Волков¹⁰ – предложили создать 6 и 5 частных комиссий соответственно.¹¹ При этом ни Волков, ни митрополит Димитрий, в отличие от Чернышева, не предусмотрели создания специальной комиссии для рассмотрения прав сословных групп.

28 августа комиссия продолжила работу. Д.В. Волков зачитал «краткое положение плана», который и был утвержден всеми членами. В основу этого плана было положено предложение З.Г. Чернышева. Согласно плану, должны были действовать три частных комиссии, из которых первая «содержит право каждого и всех по преимуществам, как то: духовенства, дворянства, купечества и поселян». Как результат, было подготовлено определение Дирекционной комиссии от 27 августа, которым в т.ч. было решено создать «частную комиссию для рассмотрения Государственных чинов».¹²

5 сентября члены комиссии решили «сочинить для каждой из частей особое определение». Автором таких определений выступил Д.В. Волков. В отношении «частной комиссии для рассмотрения Государственных чинов» он отмечал, что она должна «установить право всем и каждому особо принадлежащее, или разделение Государственных чинов, как то духовной, дворянской, гражданской и земледельческой». По его мнению, такое «установление» было делом «великой важности» и должно было выступать при подготовке Уложения «многим другим частям основанием». Соответственно, это требовало «осторожности, дабы вместо разделения не произвести смешения». По мнению Волкова, опасность такого смешения содержалась уже в предложенном названии комиссии – «Коммиссия рассмотрения Государственных чинов», так как «здесь под именем чинов разумеются различные токмо роды государственных жителей, а не чины, ибо чины следуют уже из родов». В связи с этим утверждалось, что «выходит государственных жителей токмо три различные роды: 1. Дворянской, 2. Средней или мещанской и 3. Поселянской; а из сих производят все чины и состояния». Соответственно, раз в создаваемой комиссии «дело идет не о чинах и их должностях, а только о правах принадлежащим неподвижно каждому роду жителей», то и этой комиссии следовало предписать «разобрать и разпределить роды государственных жителей».¹³ Члены Дирекционной комиссии поддержали такую позицию.

Отметим, что предложение взять в качестве самой крупной социальной единицы понятие «род» оказалось новацией для российского социального лексикона. Однако автором этой новации был отнюдь не Д.В. Волков. Тот, кто предложил использовать «род», просто оказался внимательным читателем Большого наказа Екатерины II. Как показывает И. Ширле, «род с его основным значением “вид” как обозначение социальных групп вошел в *Наказ* Екатерины II (1767)». ¹⁴ В XVI главе «О среднем роде людей» Большого наказа заявлялось, помимо прочего, что «сей род людей ...пользуясь вольностью, не причисляется ни к дворянству, ни ко хлебопашцам». ¹⁵ Фактически члены Дирекционной комиссии приняли понятие «род» вместо первоначального и более привычного для них «чина». Схожим образом комиссией была принята и трехчастная схема деления всего общества на три больших социальных группы вместо намеченных четырех.

Однако даже среди членов Дирекционной комиссии не все до конца были согласны с произведенной заменой «чина» на «род» и низведения «чина» до составной части «рода». По мнению Н.Е. Муравьева «под именем родов или чинов государственных жителей можно разуметь одно». Впрочем, он натолкнулся на возражения других членов, которые объясняли ему, что «под именем чинов иные будут разуметь чины служащих, а под именем родов конечно должен всякой понимать разного звания людей, как то: дворян, купцов, земледельцов и проч.» ¹⁶

Итак, уже 11 сентября состоялось первое заседание Комиссии «о разделении родов государственных жителей». Члены этой комиссии далеко не сразу смогли овладеть предложенной им терминологией. Так, 13 сентября эта комиссия начала свою работу «разсуждением о праве средняго состояния людей или мещан, на сколько классов оно разделено быть может», а 17 сентября – с чтения мнения гр. Я.А. Брюса «о составлении первоначального плана о разборе государственных чинов». ¹⁷ Таким образом, в логике, предложенной Волковым, которая, в свою очередь, следовала концепции Большого наказа Екатерины II, в имперском законодательстве следовало выделять три «рода», которые могли делиться на «чины» и «состояния». Однако далеко не все депутаты оказались способными увидеть разницу между «чином» и «родом», а также между «родом» и «состоянием». Для них они могли оказаться словами-синонимами.

Таким образом, для 1767 г. можно зафиксировать равнозначное употребление понятий «чин», «состояние» и «род» представителями политической элиты России. В то же время именно в этот год была предпринята попытка превратить «чин» в более мелкую единицу соци-

ального изменения с помощью понятия «род». Это было сделано вполне осознанно, чтобы уменьшить эффект «смешения», который мог быть вызван привычным использованием понятия «чин», когда одно и то же понятие могло обозначать разные ступени в иерархии, начиная от более мелких и заканчивая большими, претендующими на объединение и обобщение этих самых более мелких категорий. При этом, как это ни парадоксально отмечать, но в вопросе подбора эффективных понятий для описания больших социальных групп, состоящих из более мелких социальных групп, российские дворяне 60-х гг. XVIII в. не так далеко ушли от российских провинциальных дворян 60-х гг. XVII в. Примерно в 1660 г. представители провинциального дворянства в челобитной на имя Алексея Михайловича написали о «великих и четырех чинах», каковыми для них были «освященныи, и служивыи, и торговыи, и земледельцкой». ¹⁸ То, что дворяне XVII в. пытались определить с помощью понятия «великий чин», дворяне XVIII в. с подсказки императрицы попытались выразить с помощью понятия «род». Как показало время, в отстаивании предложенных категорий не преуспели ни те, ни другие. «Великий чин» так и не вошел в социальный лексикон XVIII в., а в законодательстве XIX в. возобладало использование понятий «состояние» и «сословие». В то же время проблемы определения, описания, вычленения социальных страт, для чего должны были применяться такие понятия, продолжали существовать, побуждая акторов продолжать поиск нужных слов.

Является ли этот небольшой этюд о «чине», «состоянии» и «роде» образцом истории «снизу»? Представляется, что в терминологии классической социальной истории не является. Однако позволяет ли эта история «сверху» сказать, что все представители правящей элиты разделяли некую единую схему социальной стратификации? Едва ли. Вместо единой и четко выстроенной схемы представители правящей элиты имели набор понятий, пусть и ограниченный, с помощью которого они стремились договориться о том, как следует упорядочить социальное. Принимаемое законодательство оказывалось результатом их взаимодействия друг с другом посредством понятий, которые выступали как в качестве структурного ограничения, так и в качестве инструмента. Создававшееся законодательство было таким же результатом, как и категории (само)идентификации населения Санкт-Петербурга или Бежецка. И, соответственно, для изучения истории социальной стратификации и «снизу», и «сверху», вполне можно результативно использовать метод истории понятий.

Примечания

¹ *Филд Д.* Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861–1917: материалы международного colloквиума историков / Ред. В.С. Дякин. СПб.: Наука, 1992. С. 67.

² *Kamenskij A.* Do we Know the Composition of the 18th Century Russian Society? // *Cahiers du Monde Russe* 55. No 1–2. Janvier-juin (2014). P. 138.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 147-148.

⁵ *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. С. 160.

⁶ Там же. С. 161.

⁷ *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002.

⁸ *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. Майкл Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000.

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Фонд 342, Новоуложенные комиссии. Оп. 1. Д. 63. Ч. 2. Л. 5-5 об.

¹⁰ См. о его социальных взглядах и государственной деятельности до 1767 г.: *Киселев М.А.* Казус Д.В. Волкова: «Подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник 3 (2012).

¹¹ РГАДА. Фонд 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 2. Л. 7-7 об.

¹² РГАДА. Фонд 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 2. Л. 10 об.

¹³ РГАДА. Фонд 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 2. Л. 10-10 об.

¹⁴ *Ширле И.* Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 239.

¹⁵ *Чечулин Н.Д.* (ред.) Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. 109.

¹⁶ РГАДА. Фонд 342. Оп. 1. Д. 115. Ч. 2. Л. 35 об.

¹⁷ РГАДА. Фонд 342. Оп. 1. Д. 130. Ч. 1. Л. 1, 3, 4.

¹⁸ *Новосельский А.А.* Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященных памяти Алексея Андреевича Новосельского / Отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1975. С. 312.

О.К. ЕРМАКОВА

Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Начиная с эпохи петровских преобразований экономическое развитие российского государства востребовало значительное количество иностранных специалистов – носителей специальных знаний. В связи с этой потребностью возникла необходимость регламентирования отношений между государством и наемными специалистами, что осуществлялось в форме заключения контракта. В силу масштабности привлечения иностранцев по сравнению с предшествующим периодом (XV–XVII вв.) практика контрактования, процедура составления, согласования и подписания договоров стала гораздо более активно развиваться и совершенствоваться.

Исследования разнообразных аспектов жизни и деятельности иностранцев в России проводятся как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Рассматриваются национальные диаспоры, судьбы отдельных людей, записки и впечатления иностранцев-путешественников о России, оценивается вклад иноземцев во все сферы жизни российского государства и общества. Данная тематика популярна в контексте проблемы определения степени включенности России в общеевропейское пространство.¹ Однако проблема, обозначенная в заглавии настоящей статьи, ранее специально не исследовалась. Между тем, обращение к контрактам с иностранными специалистами очень многоаспектно. Договоры с иностранцами позволяют понять эволюцию юридических норм, служат источниками по социальной истории, если иметь в виду иностранцев как социальную общность, а также обладают широким потенциалом для антропологических изысканий.

Среди приглашенных иностранцев и тех, кто приезжал в Россию по собственному желанию, одной из наиболее востребованных категорий являлись горные мастера, инженеры, механики и другие технические специалисты. Контракты с иноземцами со стороны государства заключались представителями горного ведомства или российскими консулами и послами за рубежом. Инициатива заключения «условия» (контракта) могла исходить как от российского правительства, так и от самих иностранцев. Желая принять на службу иноземцев, российские представители опрашивали потенциальных контрактующих об их профессиональных знаниях и навыках, а также об их ожиданиях относительно условий найма, после чего принималось решение о подписании договора. При осуществлении вербовки происходило предварительное обсуждение условий контрактов: выяснялось, насколько устраивали иноземцев предложенные «кондиции», какие требования они предъявляли со своей стороны. Та же процедура проходила и при продлении контрактов: зачастую иностранцы просили о прибавке жалованья или повышении в чине. Однако если иноземец по собственной инициативе приезжал в Россию и подавал прошение о принятии его на заводы, прежде чем заключить контракт, его знания и умения проверялись на практике, а «пока он в горных делах искусство покажет» ему выплачивалась определенная сумма денег «на пропитание». В случае если мастер оказывался «не искусен», на службу его не принимали.²

В зависимости от численности приглашаемых иностранных специалистов составлялись персональные или коллективные контракты. Если приезжала большая группа иноземцев, разрабатывались общие для всех условия службы с уточнением некоторых различий, например, в размере жалованья для разных должностей или в зависимости от семейного положения иностранцев.³ Содержательное наполнение контракта варьировалось в соответствии с профессиональной квалификацией человека. Соглашения со специалистами высокого ранга отличались более детальной проработкой.

Формуляр контракта, который к середине XIX в. можно считать унифицированным, приобретал свои черты на протяжении длительного периода (начиная с XVIII в.) по мере появления устоявшихся норм и накопления прецедентов, способствовавших складыванию более или менее единого стандарта отношений между государством и наемными иностранными специалистами и юридического регулирования этих взаимодействий. Изначально контракты с техническими специалистами опирались, во многом, на нормы, существовавшие в отношении иностранных офицеров российского морского флота. Довольно регулярно в

«условиях о службе» и других документах, фиксирующих контрактование иноземцев-специалистов, встречаются отсылки к «морскому регламенту».⁴ Например, когда речь идет о содержании иноземцев «когда кто состарится», а также в отношении вдов и сирот, которым, в соответствии с порядком, установленным Морским уставом, выплачивалась часть жалованья иностранца.⁵ Позже эти нормы, в несколько измененном виде, перешли непосредственно в текст контракта, и в XIX в. уже являлись его неотъемлемой частью.⁶ То же касалось условий денежного обеспечения отъезда иностранных специалистов из России, которые устанавливались по аналогии с нормами, действовавшими в отношении иностранцев, служивших на флоте: «российского морского флота обер- и унтер-офицерам иноземцам, которые отпущены будут во отечество с апщитами, давать жалованье на проезд, хотя и в контрактах их не написано, на два месяца по их окладам».⁷ В XIX в. специальные пункты контрактов регулируют данный вопрос. Так, в договоре с Дэвидом Петерсоном 1820 г. прописано: «на проезд его, Петерсона, до Санкт-Петербурга выдать ему на две лошади прогонные деньги». В более поздних «условиях о службе» указывались конкретные суммы таких выплат. По контракту с механиком Ричардом Джаксоном, заключенном в 1846 г., российское правительство обязывалось выдать англичанину 300 фунтов стерлингов на проезд его с семейством и провоз имущества в Лондон.⁸

Вместе с тем, ключевые условия принятия на службу иностранных специалистов вполне определены и составляют неизменную основу контрактов XVIII – первой половины XIX в. К таковым относятся: цель приглашения иноземца (указание должности и / или поручаемых работ), требование о подготовке русских учеников, размер жалованья, обеспечение казенной квартирой, дровами, подводами и прогонными деньгами для проезда к месту службы.

В контрактах прописывались меры поощрения иностранцев. Например, в договоре 1722 г. с братьями Кейзерами специальным пунктом оговорено, что если какие-либо новые изобретения в рудодобывающем деле и «тайные искусства», которые в Германии еще не известны, будут мастерами на российских заводах использованы и принесут выгоду, то иностранцы получают за это достойное вознаграждение.⁹ В контракте с саксонцем Рудольфом Мааке 1751 г. говорится: «когда дальше свои службы покажет то переменою чина оставлен не будет»,¹⁰ бергмейстеру Гейденрейху «по объявлении радательной показанной услуги обещается по достоинству впредь награждение».¹¹ С первой четверти XVIII в. и на протяжении XIX в. использовалась практика особого поощрения за каждого подготовленного ученика. Обучение русских работников явля-

лось одной из главных обязанностей наемных специалистов. Некоторые контракты предусматривали выплату иностранцам определенной суммы сверх жалования за каждого ученика, который будет признан способным самостоятельно выполнять работы.¹²

В контрактах первой четверти XVIII в. прослеживается, что некоторые условия давались на откуп иноземцу. Например, в донесении Сибирского обер-бергамта о бергмейстере Иоганне Готфриде Гейденрейхе сказано: «Оной бергмейстер по вступлении в российскую службу термина сколько лет должен служить в контракте своем не объявил». ¹³ Это послужило поводом к отказу в просьбе Гейденрейха «отпустить его во отечество» в 1727 г., тогда как к этому моменту он уже пять лет отслужил на российских горных заводах.

Как правило, контракты все же заключались на определенный срок, в среднем, от трех до пяти лет. Однако в царствование Елизаветы Петровны в конце 1740-х гг. иноземцев начинают фактически принуждать к подписанию новых контрактов «на вечную службу». В противном случае, по окончании действующих договоров предполагалось отправлять их на родину, что и произошло с частью специалистов.¹⁴ Из России с 1747 г. также выезжали вдовы иностранцев.¹⁵ Вступить «в вечную службу Ее Императорского Величества» пожелали лишь немногие. По сути, такие контракты ничем не отличались от срочных, в них только прописывалось, что иноземец «принят в российскую службу вечно». ¹⁶ Впоследствии практика «вечных контрактов» не использовалась. По желанию иностранец мог вступить в действительную службу, принять российское подданство или же продолжать работать по договору с определенным сроком.

Соглашения, заключенные в первой половине XVIII в., как правило, предписывали «служить на том месте, где нужда будет», указывалось, что иноземец принимается «на казенные заводы», а затем его могли отправлять на разные заводы: от Олонецких до Нерчинских.¹⁷ Традиция отправлять нанятых иностранцев с одного завода на другой в XVIII в. иногда вызывала недовольство специалистов. В этом отношении очень показательна судьба упомянутого выше бергмейстера Иоганна Гейденрейха, служившего в России в 1722–1731 гг.¹⁸ К слову сказать, его история, в целом, является яркой иллюстрацией проблем взаимодействия иностранного подданного (в частности, технического специалиста) и государства, формирования социально-правового статуса иностранца, отношения государства к личности.

Иоганн Гейденрейх в 1727 г., проработав на российских заводах более четырех лет, подал прошение об увольнении со службы и отъезде

«во отечество». Но осуществить свое желание бергмейстеру не удалось. Ответ на его просьбу оказался отрицательным, поскольку его контракт не имел определенного срока, «однако причины к прошению абшида кроме его при флещном деле необыкновения не покажут». ¹⁹ Согласно последовавшему императорскому указу, И. Гейденрейх должен был отправиться на Нерчинский сереброплавильный завод для осмотра руд. С таким решением иностранец категорически не согласился. Вопрос с поездкой бергмейстера в Нерчинск поднимался еще в 1725 г. Тогда начальник уральских горных заводов генерал-майор В. Геннин приказал И. Гейденрейху ехать в Нерчинск, поскольку «он к серебряным рудам искусен». Однако бергмейстер объявил, что он не поедет, потому что он «не в такой силе служит, чтоб по земле бегать». ²⁰ Двумя годами позже это дело приняло более серьезный оборот.

В начале 1728 г., отвечая на объявленный ему указ о командировании в Нерчинск, И. Гейденрейх заявил, что по условиям контракта не обязан туда ехать, и без подписания нового договора, а также без собственных маркшейдерских инструментов на те заводы не поедет. Однако со стороны горной администрации речи о новом контракте не шло, напротив, за слушание иностранца приказано было немедленно отправить в Нерчинск, а если «волею ехать не похочет», приставить к нему в провожатые двух солдат. Кроме того, ему приказано было принять присягу о верной службе императору. ²¹ Но И. Гейденрейх составил в ответ подробную записку в Сибирский обер-бергамт, апеллируя к своему контракту. Во-первых, он настаивал на том, что присягу на верную службу не примет, пока с ним не будет заключен новый контракт. Во-вторых, бергмейстер оспаривал само намерение отправить его в Нерчинск, хотя в договоре и значилось, что он обязуется служить «в том месте, куда высочайше Его Императорское Величество повелит». ²² И. Гейденрейх служил на разных заводах (в частности, на Олонецких), а затем был переведен на Урал. Он беспрекословно переезжал на разные места службы, однако, более не намерен был этого делать, т.к. в контракте ни слова не упомянуто о том, чтобы всегда его «от места на место посылать». Также, чтобы обосновать свое право не следовать более заключенному в 1722 г. соглашению, И. Гейденрейх указывает на то, что один из пунктов контракта не исполнен. Речь идет об условиях вознаграждения за службу. Несмотря на то, что жалованье иностранец получал в установленном размере, выплата его часто происходила с большими задержками. Еще больше его возмущало, что он не получал акциденций, положенных бергмейстеру, хотя в контракте содержалось упоминание о дополнительных доходах, надлежащих такому чину.

Иоганн Гейденрейх неоднократно посылал письма в Сибирский обер-бергamt о своем несогласии ехать в Нерчинск. Несмотря на это, 1 июня 1728 г. была сделана попытка силой отправить туда бергмейстера. Протоколист Феоктист Кузнецов докладывал, что получил приказание вместе с подпрапорщиком Клепиковым явиться в дом к И. Гейденрейху и объявить ему, чтобы он немедленно ехал в Нерчинск. Если же бергмейстер не подчинится, то следует его «взять под руки и посадить в коляску и проводить за город».²³ Вместе с Кузнецовым и Клепиковым к иностранцу были отправлены двое солдат. Когда они пришли к И. Гейденрейху и изложили цель визита, бергмейстер отвечал: «Извольте делать, как вам приказано, токмо я не еду». После этого солдаты открыли ворота во дворе бергмейстера и стали готовить коляску, чтобы запрягать лошадей. Тогда И. Гейденрейх, увидев, что они делают, выбежал во двор и выгнал их. Ф. Кузнецов так описывал поведение иностранца: «Оной бергмейстер, увидя в окно, что мы на двор подводы повели, выбежав он во двор к воротам с великим криком, и подвод на двор ввезть не пустил, и многие слова говорил по-немецки, а какие не знаю, понеже переводчика тут не было <...> токмо по-русски выговорил: до меня де и до двора моего никому никакого дела нет и зачем ходить, и впредь де не почто ходить ко мне, а я де не еду, и ворота запер запором».²⁴ Однако прислушиваться к желаниям иностранца не собирались. Уже через два дня был отдан следующий приказ о посылке его в Нерчинск, который звучал буквально следующим образом: «...для высылки оного бергмейстера в неволю на оные Нерчинские серебряные заводы послать к нему, бергмейстеру, на квартиру вторично лейб-гвардии сержанта Бессонова с шестью человек солдат, которому велеть, взяв подводы и заложив коляску и посадя оного бергмейстера неволю в коляску, выпроводить загород, а понеже во оном доношении (протоколита Ф. Кузнецова. – Е.О.) показано, что оной бергмейстер упрямится и ворота запирает, того ради оному сержанту Бессонову, ежели он, бергмейстер, и от него запирает будет, двери выбить и посадить в коляску всеконечно неволю, и потому ж выпроводить загород».²⁵ Насколько жесткие меры после этого были применены к иностранцу сказать сложно, но совершенно очевидно, что, в конце концов, И. Гейденрейх все же был против воли отправлен на Нерчинские заводы, где он осуществил порученный ему осмотр руд и дал заключение об их истощении.²⁶

В начале 1731 г. Иоганн Гейденрейх, по свидетельствам Сибирского обер-бергамта, «непрестанно требовал себе скорого отпуска во отечество».²⁷ При этом он не отступал в борьбе за собственные права, запрашивая различных компенсаций. Во-первых, он требовал проценты

(*ростовые деньги*) за то, что не всегда вовремя получал жалованье. От этого, однако, в исследуемый период страдал не один И. Гейденрейх, а очень многие иностранные специалисты. Упоминания о несвоевременной выплате жалованья встречаются регулярно.²⁸ Берг-коллегия отказалась выплачивать проценты, аргументировав свое решение тем, что в России немало иностранцев находится на службе, и часто случается, что жалованье им в срок не выдается, однако никто за это «росту» не просит. Во-вторых, И. Гейденрейх вновь требовал акциденций. Он утверждал, что в Германии бергмейстерские акциденции гораздо выше самого жалованья, и считал, что ему полагается в год по 500 рублей дополнительных доходов, что было эквивалентно размеру окладного жалованья. Но и это требование иностранца не было удовлетворено. Берг-коллегия отвечала, что такие акциденции И. Гейденрейх мог сам заработать, выполняя помимо основной службы какую-либо работу или давая консультации на частных заводах, но от казны подобные выплаты не полагается получать.²⁹ В-третьих, иностранец просил Берг-коллегию о «справедливой сатисфакции за учиненные ему в Екатеринбурге ругательства», имея в виду конфликты, в частности, с В. де Генниным, о чем было приказано провести разбирательство. Некоторые просьбы И. Гейденрейха все же были исполнены. Они касались, прежде всего, его отъезда из России. Предписывалось отпустить иностранца на родину без промедления, выдав ему положенные прогонные деньги. Также, не осталась без внимания просьба И. Гейденрейха о награждении его «за трудные поездки, которые он вопреки службы своей в России имел и почти от всего своего стал быть лишен и в немалые долги впал». Обращаясь с этим вопросом, бергмейстер вновь ссылается на контракт, в восьмом пункте которого прописано, что в случае достойной и полезной службы, он будет повышен в чине. Перед отправлением на родину Иоганн Гейденрейх получил чин обер-бергмейстера.³⁰

В начале XIX в. в контракте уже четко определялось место службы иностранца и, если существовала необходимость в поездках специалиста с одного завода на другой, это прописывалось особым пунктом и соблюдалось. Например, в договоре с английским инженером Джеймсом Карром утверждается: «Джеймсу Йозуа Карру, кроме Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, без его собственного согласия, не будет назначено иного местопребывания, как Камско-Воткинский завод».³¹ Постепенно соглашения обрастают новыми пунктами, что очевидно уже в первой четверти XIX в. Появляются такие условия, как: право на отпуск для поездки на родину в течение срока службы (во время такой поездки иностранец обязывался в случае необходимости исполнить за

границей какое-либо поручение от российского правительства, приобрести сведения о новейших западноевропейских технологических разработках);³² дополнительные выплаты и пособия от казны (за обучение русских учеников, переработки); условия оплаты (часть жалованья могла перечисляться родственникам иностранца за границей); освобождение от налогов и рекрутской повинности; права и обязанности относительно перемещений внутри Российской империи; обязательство обеих сторон заблаговременно (за четыре – шесть месяцев) предупреждать о намерении расторгнуть контракт раньше установленного срока; расширенное описание должностных функций. Служебные обязанности также могли быть прописаны в отдельной инструкции, прилагаемой к контракту. В тексте договора разъяснялось, каким должностным лицам и ведомствам подчиняется иностранец. Так, в первом пункте контракта с британцем Е. Вигзелем, назначенным в 1853 г. главным механиком уральских заводов, значилось: «Я, Евстафий Вигзель, обязываюсь вступить в исполнение упомянутых должностей с сего числа и состоять под распоряжением Главного Начальника заводов Уральского хребта, а в отношении управления технической частью Механического заведения, под Дирекцией Начальства Екатеринбургских заводов и Управителя Монетного Двора, как лица имеющего в непосредственном заведовании своем упомянутое заведение».³³ Многие контракты определяли порядок действий в случае смерти иностранного специалиста в течение срока службы в России. Вдове иностранца выплачивалось жалование за текущий период времени, выдавались денежные средства, необходимые для возвращения на родину. Если же иностранец обзавелся семьей уже в России, то его жене и детям выплачивались пенсии. Кроме того, российское правительство оказывало семейству погибшего иностранца различную поддержку: обеспечивало беспрошленный вывоз имущества за границу или способствовало наиболее выгодной продаже имущества иностранца.³⁴

В целом, с начала XIX в. отношение к иностранным специалистам меняется. Условия контрактов соблюдаются, жалоб на невыплату жалованья не поступает. Напротив, наемные мастера обращаются к правительству с просьбами об увеличении и без того высоких окладов и получения дополнительных пособий, принятия на службу их детей с такими же привилегиями и льготами. Даже после окончания контрактов «излишних» иностранцев, которые уже обучили русских работников и не нужны были заводам, а приносили только дополнительные расходы казне, не всегда увольняли, горное начальство старалось найти им применение или устроить на другие места службы, сохраняя при этом их материальное положение и статус на прежнем уровне.³⁵ К середине XIX в. контракты с

иностранными специалистами представляли собой четко структурированные и развернутые документы, включавшие до двадцати пунктов. Происходившее на протяжении XVIII – первой половины XIX в. постепенное усовершенствование формы и наполнение содержания договора о службе позволяло наемным иноземцам в спорных ситуациях легче апеллировать к контракту, т.к. он укреплялся как гарант их социально-правового статуса. В XIX в. гораздо реже наблюдалось нарушение договоров со стороны российского государства, контракт, как юридический документ, приобретал больше значимости, а отношение к личности иностранца характеризовалось тем, что государство было готово к диалогу и признанию гражданских прав иноземных специалистов.

Примечания

¹ См.: *Bartlett R.P.* Human Capital. The settlement of foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Cross A.G.* By the banks of the Neva: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1997; *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2007; *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М.: Древлехранилище, 2004; Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989; Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX в. (*Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle*) / Под ред. А.О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштена, В.С. Ржеуцкого, О.В. Окуновой. М.: ИВИ РАН, 2013.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), Берг-коллегия. Фонд 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 124; Кн. 193. Л. 34; Кн. 194. Л. 153.

³ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО), Канцелярия Главного начальника уральских горных заводов. Фонд 43. Оп. 1. Д. 8; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), Горный департамент. Фонд 37. Оп. 11. Д. 146.

⁴ ГАСО, Уральское горное управление. Фонд 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 1а; РГАДА. Фонд 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 123 об.

⁵ Книга Устав морской: о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Санкт-Петербург, 1778. Кн. 4. Гл. 4. П. 8. С. 131.

⁶ ГАСО. Фонд 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 61–63; Фонд 24. Оп. 32. Д. 782. Л. 2–10; РГИА. Фонд 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 137–139; Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее – ЦГА УР), Камско-Воткинский железодобывающий и сталеплавильный заводы. Фонд 212. Оп. 1. Д. 5592. Л. 14 об.

- ⁷ РГАДА. Фонд 271. Оп. 1. Д. 169. Л. 42.
- ⁸ ЦГА УР. Фонд 212. Оп. 1. Д. 5592. Л. 18 об.
- ⁹ ГАСО. Фонд 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 213 об.
- ¹⁰ РГАДА. Фонд 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 124.
- ¹¹ Там же. Д. 180. Л. 82 об.
- ¹² ГАСО. Фонд 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 213 об.; Фонд 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 61–63; РГИА. Фонд 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 137–139; ЦГА УР. Фонд 212. Оп. 1. Д. 161. Л. 53–59, 73–106.
- ¹³ ГАСО. Фонд 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 56.
- ¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1253. Л. 1–3.
- ¹⁵ *Кортин С.Б., Наймушин А.В., Черноухов А.В.* Немецкие специалисты на Урале в XVIII веке // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 96.
- ¹⁶ РГАДА. Фонд 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 124.
- ¹⁷ ГАСО. Фонд 24. Оп. 12. Д. 33, 193; РГИА. Фонд 37. Оп. 11. Д. 146; ЦГА УР. Фонд 212. Оп. 1. Д. 742, 5591, 5592.
- ¹⁸ Выражаю благодарность Д.А. Редину за указание на комплекс неопубликованных документов о И. Гейденрейхе, хранящихся в фондах Государственного архива Свердловской области.
- ¹⁹ ГАСО. Фонд 24. Оп. 12. Д. 33. Л. 56.
- ²⁰ Там же. Д. 193. Л. 137.
- ²¹ Там же. Д. 33. Л. 70–70 об.
- ²² Там же. Л. 92–92 об.
- ²³ Там же. Л. 132.
- ²⁴ Там же. Л. 132–132 об.
- ²⁵ Там же. Л. 133.
- ²⁶ РГАДА. Фонд 271. Оп. 1. Кн. 169. Л. 40 об.
- ²⁷ Там же. Д. 180. Л. 10–10 об., 79–83 об.
- ²⁸ РГАДА. Фонд 271. Оп. 1. Кн. 1. Л. 23, 41.
- ²⁹ Там же. Л. 80.
- ³⁰ Там же. Л. 82 об.
- ³¹ ЦГА УР. Фонд 212. Оп. 1. Д. 5592. Л. 12.
- ³² ГАСО. Фонд 24. Оп. 32. Д. 782. Л. 5; Фонд 43. Оп. 2. Д. 1347. Л. 4.
- ³³ ГАСО. Фонд 24. Оп. 32. Д. 782. Л. 2.
- ³⁴ ГАСО. Фонд 43. Оп. 2. Д. 1309. Л. 138; Фонд 24. Оп. 32. Д. 782. Л. 3–6.
- ³⁵ ГАСО. Фонд 43. Оп. 1. Д. 8; РГИА. Фонд 37. Оп. 11. Д. 146.

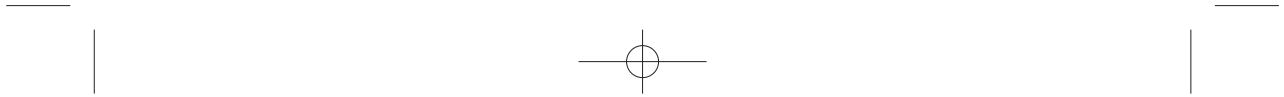
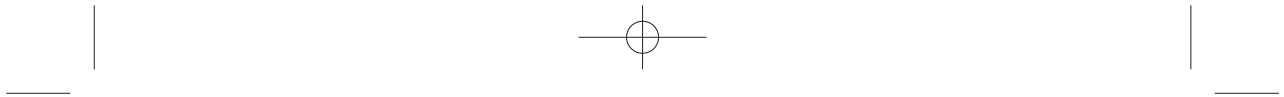

**XIX ВЕК – НАЧАЛО XX ВЕКА
(ДО 1917 ГОДА)**

**19th CENTURY – BEGINNING OF
THE 20th CENTURY
(UP TO 1917)**

ERZSÉBET BODNÁR

**Реагирование русской дипломатии
на кризисные ситуации при решении
шведского и восточного кризиса
в 1801–1815 гг.**

К началу XIX века Россия стала великой державой. В результате внешнеполитических успехов, достигнутых в XVIII веке, России удалось укрепить свои позиции на берегах Балтики, а затем, решив черноморскую проблему, она значительно усилила свое влияние на европейские дела и на восточный вопрос.¹ 24 марта 1801 г. к власти пришел Александр I (1801–1825). Новый монарх и его дипломаты сделали все возможное для того, чтобы избежать участия в европейских конфликтах и поддержать хорошие отношения с европейскими державами. При вступлении на трон Александр I оказался в нелегком положении. Его первые внешнеполитические шаги были направлены на преодоление кризиса, вызванного непродуманными внешнеполитическими маневрами его отца, Павла I (1796–1801), и стабилизацию положения России в системе отношений между великими державами. Главной проблемой было противостояние с Англией и близость английского флота к столице, Санкт-Петербургу. После успешного урегулирования конфликта с Великобританией путем подписания 17 июня 1801 г. англо–русской морской конвенции царь направил своим дипломатам, служившим за рубежом, циркуляр с изложением, сути и принципов своей новой внешней политики. Новая внешнеполитическая программа предусматривала изоляционистскую политику, одной из главных опор которой должна была стать система двухсторонних договоров с европейскими державами, а другим важным элементом программы предполагалось сделать барьер из немец-

ких государств. С его помощью российский кабинет собирался обеспечить свое влияние на европейские дела и восточный вопрос, а также воздвигнуть преграду на пути все более активной французской экспансии. В Центральной Европе в русской европейской политике повысились значение Австрии и Пруссии, на севере – Швеции, а на юге Россия стремилась к сохранению хороших отношений с Османской империей.

Таким образом, с начала 1801 г. целью стало укрепление русско-шведских отношений. Союз, заключенный в 1799 г., был подкреплён присоединением Швеции к англо-русской морской конвенции. Однако с осени 1802 г. русско-шведские связи, казалось, начали слабеть из-за французской ориентации шведской дипломатии. Российский кабинет начал относиться к Швеции с большей подозрительностью. Александр I запросил информацию о француско-шведских отношениях уже не только от послов при европейских дворах, но и от посла России в Константинополе А.Я. Италинского. Он дал ему поручение, согласно которому «нужно, быть может, наблюдение со сношениями миссии шведкой с министерством турецким». ² В Санкт-Петербурге рассчитывали на то, что французский кабинет снова обратится к старой политике «восточного барьера» и привлечет на свою сторону против России Швецию и Османскую империю.

С конца 1803 г. изменилась ситуация в Европе, и вместе с ней изменилась и позиция российского кабинета относительно Швеции. Он снова увидел в Швеции сильного союзника, что было связано с изменившейся тогда внешнеполитической концепцией России. Российскому кабинету стало ясно, что политика самоизоляции, провозглашенная в начале 1801 г., вряд ли может быть продолжена, и перед лицом экспансионистской политики французов Санкт-Петербургу необходимо занять более твердую позицию в европейских делах.

Амьенский мир (25 марта 1802 г.) оказался недолговечным, после 12 мая 1803 г. война между Великобританией и Францией возобновилась. Русская дипломатия начала интенсивные переговоры для создания военного союза с Пруссией и Австрией. Вследствие того, что Россия не смогла разрешить противоречия между двумя германскими странами и не могла надеяться на их совместное участие в антинаполеоновской коалиции, на передний план вышла необходимость укрепления русско-шведского союза.

Провозглашение Наполеона императором, драматические события 1804 года (казнь герцога Энгиенского) и французская политика по отношению к германским государствам вызвали страх и у шведского правительства. Это явствует из записи беседы министра иностранных дел

России А.А. Чарторыйского с послом Швеции в России Карлом Стедингом. Посол осведомился, «может ли его государь рассчитывать на помощь России в случае, если французы начнут свои операции против Померании»,³ и получил удовлетворительный ответ. 14 января 1805 г. Россия и Швеция подписали конвенцию о защите Северной Германии.⁴ Вскоре Швеция присоединилась и к подписанному 11 апреля 1805 г. англо-русскому договору, который лег в основу создания третьей коалиции. Российский кабинет был доволен тем, что ему удалось заручиться союзом Швеции в борьбе с Наполеоном.

В 1804–1807 гг. борьба с Наполеоном занимала центральное место во внешней политике России. После военного поражения третьей (1805), а затем и четвертой (1806–1807) коалиции российский кабинет вынужден был пойти на союз с Францией и взять на себя тяготы этого союза, присоединение к континентальной блокаде. После заключения Тильзитского мира (7–9 июля 1807 г.) возможности маневрирования России на международной арене сузились,⁵ период ее влияния на Центральную Европу кончился. В то же время Александру I представилась возможность защитить и реализовать интересы России на севере против Швеции и на юге против Османской империи. В Тильзите был заключен договор о том, что российское правительство настроит шведов против Великобритании. Однако, несмотря на настойчивые уговоры русской дипломатии, шведский кабинет не присоединился к континентальной блокаде против Англии. Это и было использовано Александром I для оправдания нападения. Война России против Швеции была связана не столько с экономическими проблемами, сколько со стратегической угрозой в Прибалтике, которую шведы могли представлять для России в случае заключения ими союза с Великобританией.⁶ Не сумев склонить Швецию дипломатическими средствами к присоединению к континентальной блокаде, Александр I тем не менее не желал вступать с ней в войну. Российское правительство, воспользовавшись всеми возможными отговорками, оттянуло начало войны до февраля 1808 г.⁷ Русская армия одержала быструю победу над шведами. Российский монарх объявил о присоединении к России Финляндии, которая стала частью Российской империи по Фридрихсгамскому мирному договору (17 сентября 1809 г.).⁸

После заключения мира российский кабинет считал важной стабилизацию отношений со Швецией и закрепление границы между двумя странами в новом соглашении. Этой цели служила русско-шведская конвенция, подписанная 8 января 1810 г. Санкт-Петербург хотел как можно скорее привлечь шведов на свою сторону, с одной стороны, чтобы ослабить давление тильзитской системы на Россию, а с другой сто-

роны, чтобы при поддержке шведов завершить войну с Турцией, длившуюся с 1806 г. Однако согласование деталей переговоров о русско-шведском наступательном и оборонительном договоре затянулось на долгое время, этот договор был заключен лишь 5 апреля 1812 г.,⁹ и был дополнен двумя конвенциями, подписанными 15 июня 1812 г. в Вильно¹⁰ и 30 августа 1812 г. в Або.¹¹

Русская политика в восточном вопросе не изменилась после прихода к власти Александра I, продолжалась «мирная турецкая политика», начатая Павлом I. В инструкции послам при европейских дворах Александр I обосновал свою позицию следующим образом: «Один из принципов моей политической системы будет заключаться в том, чтобы всегда содействовать всеми моими силами сохранить государство, слабость и плохое управление которого являются ценной гарантией безопасности».¹² В соответствии с новой внешнеполитической концепцией акцент в русско-турецких отношениях был сделан на закреплении ранее достигнутых результатов, прежде всего на возобновлении союза и соглашения о проливах 1799 г., а также на защите и сохранении территориальной целостности Османской империи в противовес растущему французскому влиянию. Принятый политический курс определял поведение русских дипломатов в Турции в 1801–1805 гг., предписывая сглаживать острые углы, откладывать решение спорных вопросов, искать компромиссы.¹³

Русская дипломатия считала более тесный союз с Турцией залогом успешного противодействия усиливающемуся французскому влиянию при турецком дворе. В соответствии с этим, она стремилась прежде всего решить болезненный для русско-турецких отношений вопрос, урегулировать статус Дунайских княжеств, занимавших центральное место в балканской политике России и имевших важное стратегическое значение. В первой половине 1802 г. посол России в Турции В.С. Томара от имени русского правительства направил Порте ряд нот протеста с требованием восстановить нарушенные права княжеств.¹⁴ Этой же цели служило письмо Александра I султану Селиму III.¹⁵ Русский кабинет грозил и возможным введением войск в княжества и добился подписания Портой 24 сентября 1802 г. соглашения о новом статусе Молдавии и Валахии. В конвенции устанавливался семилетний срок правления господарей, которые не могли смещаться без согласия российского монарха.¹⁶

Франция поспешила воспользоваться отрицательной реакцией Порты на заключенную конвенцию, чтобы внести разлад в русско-турецкие отношения и ослабить позиции России на Балканах. Ссылаясь на франко-турецкий мирный договор 1802 г., Наполеон выступил в ро-

ли покровителя Османской империи и в течение короткого времени добился усиления франкофильской линии Дивана. Его чрезвычайные послы в Константинополе убедили султана в том, что Франция является истинным другом Турции.¹⁷ Новый посол А.Я. Италинский с тревогой сообщал из Константинополя, что Франция толкает Турцию на войну с Россией.¹⁸ В письме от 18 октября 1803 г. канцлер А.Р. Воронцов описывал возможность распада Османской империи в результате французской экспансии на Ближнем Востоке.¹⁹ Он советовал готовить Россию к войне с Францией.

К 1804 году стало ясно, что в случае разрыва русско-французских отношений основные военные события развернутся в Европе, и в своих антирусских планах Наполеон учитывает и значение Османской империи. В соответствии с этим необходимо было заново продумать русскую внешнюю политику в европейских делах и в восточном вопросе. Санкт-Петербург не мог допустить заключения договора между Францией и Портой, направленного против России. Русской дипломатии предстояло вести в Константинополе серьезную борьбу.

Готовясь к войне с Великобританией и Россией, Наполеон попробовал дипломатическим путем вынудить у Порты уступки. Он потребовал от Селима III признания своего императорского титула. Чувствуя за собой поддержку России и Англии, султан отказал Наполеону, вследствие чего в ноябре 1804 г. французские дипломаты покинули Константинополь. В этой дуэли русской и французской дипломатии победительницей при значительной поддержке англичан оказалась первая.²⁰ В начале декабря 1804 г. Порта, опасаясь нападения французов, обратилась за помощью к России. После затянувшихся переговоров был обновлен союзный договор 1799 г., подписанный 23 сентября 1805 г., предоставивший русским военным кораблям возможность проходить через проливы.²¹ Этот договор оказался недолговечным. После разгрома войск третьей коалиции под Аустерлицем (2 декабря 1805 г.) изменившееся международное положение отразилось и на русско-турецких отношениях. Возросло влияние Наполеона в Европе и на Ближнем Востоке, и это определило союзническую политику все более слабеющей Османской империи. В январе 1806 г. Селим III в письме приветствовал Наполеона и признал его императорский титул. Одновременно с этим турецкий кабинет начал сужать права, зафиксированные в русско-турецком договоре 1805 года. Осенью того же года проливы были окончательно закрыты для русских военных кораблей.²²

С весны 1806 г. в Константинополе продолжилась дипломатическая борьба между русскими и французами. Русская дипломатия прила-

гала безнадежные усилия, чтобы предотвратить заключение союза между Османской империей и Францией. В мае 1806 года в ноте, направленной Порте, Италинский пугал турок тем, что турецкий кабинет обрекает свою империю на гибель, бросаясь в объятия Франции. Он подчеркивал, что «Бонапарте хочет любыми средствами добиться раздела Оттоманской империи, а е. в-во император желает, напротив, сохранения этой империи».²³ В своем донесении в Санкт-Петербург он выразил мнение, что Порту можно принудить к разрыву с Францией только посредством оккупации Дунайских княжеств. В записке от 13 мая 1806 г. Чарторыйский инициировал превентивную войну с Турцией.²⁴ Российский кабинет знал, что Константинополь и Париж ведут тайные переговоры, и цель Наполеона состоит в том, чтобы подтолкнуть султана на войну с Россией.

20 июня 1806 г. в Константинополь прибыл генерал Орас Себастиани, новый посол Франции, которому было поручено заключить антирусский союз с Портой. 22 сентября 1806 г. Италинский обратился к Селиму III с намерением отвратить его от союза с Наполеоном.²⁵ Однако султан послушался не его, а Себастиани.

Турки готовились к войне с Россией. Они неоднократно нарушали русско-турецкие соглашения, сместили без согласия России господарей Дунайских княжеств Константина Ипсиланти и Александра Мурузи в августе 1806 г. Александр I выжидал до середины октября 1806 г., а затем в ответ на действия турок приказал ввести войска в княжества. Царь обосновал этот шаг необходимостью восстановления прежнего положения, русско-турецкого соглашения 1805 г. и автономии Дунайских княжеств. Турецкий кабинет намеревался воспользоваться предоставившейся возможностью и в декабре 1806 г. объявил России войну. Так началась продолжавшаяся более пяти лет русско-турецкая война, которая из-за перерывов, прекращения и возобновления военных действий получила в исторической науке наименование «странной».²⁶

Несмотря на все свои усилия, российский кабинет был вовлечен в войну с Портой. Войны с Наполеоном на европейских полях сражений сковали значительную часть русских вооруженных сил. С армией, находившейся в районе Балкан, затевать крупные операции было бессмысленно, поэтому российское правительство стремилось как можно скорее завершить конфликт с турками. Однако миротворческая миссия К.О. Поццо-ди-Борго в конце мая 1807 г. окончилась безрезультатно. Дипломатические хитрости чрезвычайного посла России не подействовали на Порту.²⁷ Новый султан Мустафа IV отверг русские требования.²⁸ Ряд поражений от Наполеона на европейских полях сражений в 1807 г. затруд-

нил попытки России разрешить восточный кризис дипломатическим путем. К тому же по Тильзитскому мирному договору Россия вынуждена была передать своему новому союзнику Котор и Ионические острова, что ослабило ее позиции в восточном бассейне Средиземного моря, а также принять посредничество французов в русско-турецких переговорах о мире.²⁹ Русско-французский союзный договор 1807 года лишь отчасти давал России возможность реализовать свои интересы в восточном вопросе. Францию тоже интересовали Балканы и проливы, и Наполеон употребил все средства для того, чтобы закрыть для России выход в Средиземное море, а также взять под контроль русскую политику в восточном вопросе. В Тильзите Наполеон заговорил и о плане раздела Османской империи, обсуждение которого состоялось в 1807 и в 1808 годах.

Французское посредничество (Слободзейское перемирие, 24 августа 1807 г.) оказалось безуспешным. Однако эрфуртское соглашение осенью 1808 г. предоставило российскому кабинету новую возможность завершить войну с Турцией.³⁰ Русско-турецкие переговоры, начавшиеся в ноябре 1808 г. в Константинополе, окончились безрезультатно, в марте 1809 г. возобновились военные действия. Русские, несмотря на военные успехи, не смогли принудить турок к заключению мира ни в 1809, ни в 1810 г.

Положение изменилось в 1811 г., когда министр иностранных дел России Н.П. Румянцев добился от Александра I назначения М.И. Кутузова главнокомандующим дунайской армией. Румянцев разделял мнение Кутузова, желавшего принудить Порту к компромиссу решающей победой над турецкими войсками. Вследствие военных успехов, достигнутых Кутузовым (июль – октябрь 1811 г.),³¹ турки сели за стол переговоров, которые велись на основе сформулированной Румянцевым инструкции. Несмотря на то, что русская сторона ограничилась требованием уступки Молдавии и Бессарабии,³² соглашение не было достигнуто. Александр I торопил заключение договора, так как ему было ясно, что Наполеон вскоре нападет на Россию. Весной 1812 г. под нажимом британской и шведской дипломатии турки согласились на продолжение переговоров. 3 апреля 1812 г. с русской стороны было устранено последнее препятствие. Александр I в посланной Кутузову инструкции согласился на смягчение территориальных претензий в Азии и коррекцию русско-турецкой границы.³³ В конце концов мирный договор, столь необходимый и полезный для России, был подписан в Бухаресте 28 мая 1812 г.³⁴ Для столь быстрого заключения мира потребовались согласованное сотрудничество Кутузова, русской дипломатии и готового на компромисс российского каби-

нета, а также поддержка британской и шведской дипломатии. Россия добилась нейтралитета Турции на случай русско-французской войны.

К началу 1812 года умножились разногласия между Францией и Россией по польскому вопросу и из-за континентальной блокады.³⁵ Эта напряженность в конечном итоге привела к войне. Наполеон намеревался быстрой победой принудить Александра I вернуться к условиям Тильзитского договора, однако его поход в Россию окончился провалом. В конце 1812 г. российское правительство могло выбирать между выходом из войны и ее продолжением, участием в освобождении Европы от наполеоновского владычества. В 1813–1814 гг. Россия продолжило борьбу с Наполеоном вместе со Швецией, присоединившейся к шестой коалиции. Заграничный поход русских войск оказался успешным, возросло влияние России на европейские дела, изменился ее статус в европейских международных отношениях.³⁶

В целом можно сказать, что российский кабинет и дипломатия, приспособившаяся к меняющейся ситуации в Европе, успешно справились со шведским и восточным вопросом в 1801–1815 гг.

Примечания

¹ Орлик О.В., Пономарев В.Н. (ред.). История внешней политики России. Первая половина XIX в. М.: Международные отношения, 1995. С. 9.

² Внешняя политика России XIX и начала XX в. (далее – ВПР). Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. I. Т. 1. М.: Гос. изд. пол. лит., 1960. Док. 110; 286.

³ ВПР. Сер. I. Т. 2. М.: Гос. изд. пол. лит., 1961. Док. 21; 56.

⁴ Подробно см.: ВПР. Сер. I. Т. 2. Док. 89; 267–271.

⁵ *Безотосный В.М.* Внешнеполитический выбор России на геополитическом пространстве Европы в эпоху 1812 года // Отечественная история 2 (2008). С. 68; *Троицкий Н.* Александр I против Наполеона. М.: Изд. Яуза, 2007. С. 166; *Lieven D.* Russia against Napoleon: the True Story of the Campaigns of War and Peace. London: Viking Penguin, 2009. P. 96.

⁶ *Hartley J.* Alexander I. London: Longman, 1994. P. 95.

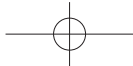
⁷ Подробно см.: *Клинге М.* Международные аспекты финляндской войны // Российская история 3 (2009). С. 82–83.

⁸ ВПР. Сер. I. Т. 5. М.: Гос. изд. пол. лит., 1967. Док. 106; 220.

⁹ Подробно см.: ВПР. Сер. I. Т. 6. М.: Гос. изд. пол. лит., 1962. Док. 130; 324–328.

¹⁰ ВПР. Сер. I. Т. 6. Док. 171; 428–431.

- ¹¹ Там же. Док. 230; 545–556.
- ¹² ВПР. Сер. I. Т. 1. Док. 12; 54.
- ¹³ *Шеремет В.И.* Высокая Порты вновь сближается с Францией // Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997. С. 159.
- ¹⁴ ВПР. Сер. I. Т. 1. Док. 95–96; 250–254.
- ¹⁵ Там же. Док. 104; 276.
- ¹⁶ Там же. Док. 115; 301.
- ¹⁷ *Киняпина Н.С.* (отв. ред.). Восточный вопрос во внешней политике России. М.: Наука, 1978. С. 54.
- ¹⁸ ВПР. Сер. I. Т. 1. Док. 155; 382–383.
- ¹⁹ Там же. Док. 222; 527.
- ²⁰ *Shipp P.* The European Powers and the Near Eastern Question 1806–1807. New York, Columbia University Press, 1931. P. 6; Подробно см: *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М.: Наука, 1966.
- ²¹ ВПР. Сер. I. Т. 2. М.: Гос. изд. пол. лит., 1961. Док. 184; 589–594.
- ²² *Киняпина Н.С.* Восточный вопрос... С. 58.
- ²³ ВПР. Сер. I. Т. 3. М.: Гос. изд. пол. лит., 1963. Док. 32; 100.
- ²⁴ Там же. Док. 63; 171–172.
- ²⁵ Там же. Док. 127; 324–325.
- ²⁶ *Виноградов В.Н.* «Странная» русско-турецкая война (1806–1812) и бухарестский мир // Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997. С. 176.
- ²⁷ ВПР. Сер. I. Т. 3. Док. 249; 604.
- ²⁸ ВПР. Сер. I. Т. 3. Прим. 347; 738–739.
- ²⁹ ВПР. Сер. I. Т. 3. Док. 257; 640; Док. 259; 645–646.
- ³⁰ ВПР. Сер. I. Т. 4. М.: Гос. изд. пол. лит., 1965. Док. 161; 362–363.
- ³¹ ВПР, Сер. I. Т. 6. 131. Прим. 141; 203.
- ³² Там же. Док. 71; 181–182.
- ³³ ВПР. Сер. I. Т. 6. 315.
- ³⁴ Там же. Док. 164; 412–416.
- ³⁵ Подробно см.: *Соловьев С.М.* Император Александр I. М.: Мысль, 1995. С. 279–281; *Безотосный В.М.* Внешнеполитический выбор... С. 69.
- ³⁶ *Рэгсдейл Х.* Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 годах // Отечественная история 3 (2001). С. 21.

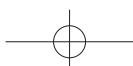

В.Л. ПАВЛОВ

Концепт справедливости в философских и социально-политических взглядах декабристов

Декабристы – передовые представители российского дворянства, подготовившие и осуществившие в 1825 г. восстания против царского самодержавия (14 декабря в г. Санкт-Петербурге и в конце декабря в Киевской губернии), видели свою задачу в том, чтобы кардинально изменить функционирование российского общества и государства. Они преследовали, среди остальных, *две основные цели*, каждая из которых, по их мнению, имела в высшей степени справедливый характер, – утверждение в России вместо монархии республиканской формы правления и отмена крепостного права.

Декабристское движение с момента зарождения в 1816 г. и до последних дней существования в 1825 г. *эволюционировало идеологически и организационно*. Его сравнительно недолгая история связана с функционированием ряда тайных обществ: *Союз спасения* (создан в 1816 г., просуществовал до 1818 г.; имел и другое название – Общество истинных и верных сынов отечества); *Союз благоденствия* (создан в 1818 г., просуществовал до 1821 г.); *Общество первого согласия* (создано в 1818 г., в 1823 г. реорганизовано в *Общество соединенных славян*; просуществовало до 1825 г.); *Южное общество* (создано в 1821 г., просуществовало до 1825 г.); *Северное общество* (создано в 1821 г., просуществовало до 1825 г.). Два первых общества были распущены (точнее, реорганизованы) самими декабристами, а Общество соединенных славян влилось в состав Южного общества.

Об особенностях задач, которые ставило перед собой каждое из декабристских обществ, можно судить по их программным документам. Таковыми являлись: «Устав Союза спасения» (был сожжен декабристами в целях конспирации в 1818 г. при преобразовании этого общества в Союз благоденствия), «Устав Союза благоденствия», «Правила соединенных славян» и «Присяга соединенных славян», «Проект Конституции» Н.М. Муравьева (программный документ «Северного общества»), «Русская Правда» П.И. Пестеля (программный документ «Южного общества»). Названные работы существенно отличаются между собой как в плане содержания, так и объема. Наиболее зрелой и продуманной является «Русская Правда».

Декабристское движение многопланово и разноаспектно. Дворянские революционеры жаждали изменений во всех сферах жизни российского общества и открыто провозглашали *главный ориентир* этих изменений – *справедливость*. Важной *психологической предпосылкой* усиления желания российских солдат и офицеров, участвовавших в Отечественной войне 1812 с войсками Б. Наполеона и в заграничных военных походах 1813–1814 годов, утвердить в России справедливость была тотально заявляющая о себе *несправедливость*. «...Самые ненавидимые злоупотребления тяготят все пространство России»,¹ – отмечал декабрист Н.И. Тургенев. «...Рабство огромного [бесправного] большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол...», – такой увидел послевоенную Россию декабрист М.А. Фонвизин.² Декабрист М.С. Лунин подчеркивал, что «...Тайное общество... обратило... внимание на вопиющую несправедливость рабства [крепостничества. – В.П.] и на неминуемую опасность, проистекающую из всякой несправедливости...».³ О разных проявлениях несправедливости довольно детально говорил декабрист И.Д. Якушкин. Среди главных язв тогдашнего общества он выделял: «закоснелось народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».⁴ Особое недовольство среди крестьян вызывало принудительное насаждение в России военных поселений. О положении людей, живших в них, декабрист Г.С. Батеньков писал: «Военные поселения представили мне страшную картину несправедливостей, притеснений, наружного обмана, низостей – все виды деспотизма».⁵ «...Военные поселения суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластие выдумать могло»,⁶ – вторил ему П.И. Пестель. Не случайно в программных доку-

ментах всех декабристских обществ указывалось на необходимость немедленного уничтожения этих поселений.

О том, что декабристы были активными приверженцами и защитниками справедливости, свидетельствуют программные документы тайных обществ и работы их членов. В «Уставе Союза благоденствия», например, записано, что эта организация «...старается клонить все на сторону справедливости»,⁷ а ее члены являются «...от Союза поставленными блюстителями справедливости».⁸ Декабрист К.Ф. Рылеев писал: «Справедливость должна быть основанием и действий и самых желаний наших».⁹ «Я любил справедливость и ненавидел несправедливость...»,¹⁰ — отмечал декабрист М.С. Лунин. Интересно, что в «Русской Правде» термин «справедливость» используется значительно реже, чем в «Уставе Союза благоденствия» и «Проекте Конституции» Н.М. Муравьева. При этом идея справедливости является ведущей в программном документе Южного общества.

Декабристы в меру своих сил и способностей пытались *теоретически осмыслить* феномен справедливости, понять его природу. Трактовали эту социальную ценность в русле широко распространенной и популярной в их историческое время *концепции естественного права*. Особое внимание обращалось на необходимость «...иметь законы, соответствующие неотчуждаемому праву человека на развитие его *естественного капитала* (выделено. — В.П.), т.е. совокупности его физических и моральных сил».¹¹ Некоторые, из тех, кто искренне верил в Бога, пытались обосновать необходимость присутствия справедливости в жизни людей и общества ссылками на христианское вероучение. Отчетливо заявлял о себе также подход, согласно которому справедливость рассматривалась как атрибут человеческой нравственности. При всем том, что в философско-методологическом плане обозначенные попытки первых российских революционеров были не очень продуктивными, нельзя не обратить внимания на определенную философскую обоснованность программных документов декабристских обществ и их положений, имеющих непосредственное отношение к справедливости.

Интересен в этом плане «Устав Союза благоденствия». Его авторы в самом начале данного документа рассматривают справедливость как *согласие (соотнесенность)* общих целей бытия природы и общества (такowymi соответственно, в их понимании, выступают сохранение существ и соблюдение общего блага) с частными целями.¹² И продолжают мысль: «...Никакая частная цель не может быть справедлива, ежели не согласна с целью блага общего».¹³ Авторы Устава убеждены, что очень часто люди, стремящиеся непременно удовлетворить собственные по-

требности и интересы, нарушают благо других и тем самым продуцируют несправедливость. Чтобы этого избежать, нужны законы, регламентирующие поведение людей и правительство, «...наблюдающее за исполнением и улучшением сих законов».¹⁴ Но законы и правительства бывают разные, поэтому в Уставе говорится о необходимости присутствия справедливости в их функционировании (кстати, об этом писал еще Аристотель). Из сказанного делался интересный вывод: если «...правительство имеет целью благо управляемых, то все законы, клонящиеся к цели правительства, суть справедливы и исполнение оных называется *справедливостью*».¹⁵ Вывод, на мой взгляд, в высшей мере абстрактен и уязвим в плане критики. К тому же, сама справедливость в «Уставе Союза благоденствия» понималась весьма специфично. Акцент делался на соотносительность общего и частного, а она, хотя и имеет отношение к смысловому полю справедливости, не выражает суть этого явления.

Справедливость, по мнению авторов «Устава Союза благоденствия», возможна потому, что многие люди сознательно подчиняют свою волю целям, которые преследует правительство, т.е. «общей пользе». Такое подчинение они называли добродетелью. Традиция рассматривать справедливость как проявление добродетели уходит корнями в античную философию. В программном документе Союза благоденствия добродетель – одновременно основание и условие бытия справедливости.

В методологическом и философском плане заслуживает внимания взгляд на справедливость П.И. Пестеля. Хотя данный термин в его «Русской Правде», как я уже подчеркивал, используется редко, программа Южного общества пронизана идеей необходимости адекватного воплощения этой ценности во всех сферах российского социума. П.И. Пестель широко оперировал понятием, которое, хотя и не тождественно понятию «справедливость», но близко ему по содержанию. Имеется в виду «*благоденствие*». Именно «...возможное благоденствие всех и каждого»¹⁶ объявляется в «Русской Правде» целью функционирования государства. Создание условий для такого благоденствия и утверждение его на практике и означает торжество справедливости. Руководитель Южного общества предупреждал, что представления о благоденствии бывают «...весьма различны и разнообразны...».¹⁷ Согласно его убеждению, истинное благоденствие источником своим имеет Бога. Мысль о связи религиозного и светского, божественного и государственного «красной нитью» проходит через всю «Русскую Правду». Поскольку, по П.И. Пестелю, творцом законов природы также является

Бог, то государство не должно осуществлять действий, наносящих урон человеческой природе. Если это происходит, имеет место несправедливость, противоречащая одновременно и воле Бога, и законам природы. Декабрист утверждал: «...противное человечеству...» одновременно «...противное законам естественным...», а также «...противное святой вере христианской...».¹⁸ Постоянно подчеркивал, что каждый индивид должен получать вознаграждение пропорционально собственному вкладу в общее дело. Он писал: «Все... граждане имеют *равные права* (выделено. – В.П.) на все вознаграждения по мере их услуг и подлежат *равным взысканиям* (выделено. – В.П.) по мере их упущений или преступлений».¹⁹ В этой цитате четко схвачена суть справедливости как социальной нормы и формы общественных отношений.

Следуя существовавшей в истории философии и практике человеческого бытия традиции, декабристы считали, как уже отмечалось выше, что справедливость – образование, в огромной степени зависящее от правовых и моральных законов, по которым живет общество и функционирует государство. «...Справедливость... есть исполнение законов...»,²⁰ – провозглашается в «Уставе Союза благоденствия». В «Русской Правде» последовательно проводится мысль, что Россия нуждается в государственном устройстве, «...которое было бы основано на одних только точных и справедливых законах и постановлениях...».²¹ «...Законы политические должны утверждать и обеспечивать законы духовные и естественные, а не нарушать оных. Сии последние законы должны всегда иметь *перевес* (выделено. – В.П.) перед первыми, ибо они поставлены от бога и природы и суть неизменны; между тем как политические поставлены от людей и часто переменяются».²² Означенная позиция – своеобразный повтор позиции Аристотеля, хотя автор «Русской Правды» об этом не догадывался. Первые российские революционеры стремились «...водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости и разуму...».²³ На тесную внутреннюю связь справедливости и закона указывал декабрист П.Г. Каховский: «Отсутствие закона и справедливости всегда и везде было причиной бедствий народов».²⁴ Важно, чтобы никто «...не нарушал законов природы и нравственности»,²⁵ – указывалось в «Проекте Конституции» Н.М. Муравьева. Обязательным также провозглашалось равенство всех перед законом.

Феномен справедливости в работах декабристов и их личном сознании представлен в той форме, которая в философии обозначается термином «*концепт*». Он используется тогда, когда существует потреб-

ность зафиксировать присутствие в сознании субъектов (индивидуальном, групповом, общественном) духовных образований, в которых внутренне взаимосвязаны чувственное и рациональное, образ и мысль, интуиция и обыденный опыт, идея и стремление ее реализовать на практике. Концепт лишен рациональной четкости и надлежащего теоретического обоснования. В нем разум и чувственность взаимодополняют друг друга.

Справедливость как концепт – не столько знание о том, в чем сущность данной социальной ценности, какие ее основные виды и формы, каковы наиболее распространенные философские парадигмы ее обоснования. Здесь справедливость, прежде всего, – антипод несправедливости. Для декабристов принципиально важно было уничтожить существовавшую в российском обществе несправедливость, которая, по их мнению, наиболее отчетливо проявляла себя в двух сферах: монархии как форме государственного правления и положении крестьян. Для них утвердить справедливость на практике – значит преодолеть, ликвидировать существующее положение дел, т.е. несправедливость. И все! А вот какова мера справедливости, которую предполагалось воплотить в жизнь, насколько она соответствует потребностям людей и социума – дело второе. Вопрос так и не ставился. Важно было решить ближайшие задачи.

В теоретической и практической деятельности декабристов хорошо прослеживается понимание ими тесной *взаимосвязи справедливости, свободы и равенства*. Одним из важнейших оснований и одновременно условий бытия данных социальных ценностей для них было соблюдение законности. Причем не любой, а соответствующей глубинным потребностям людей и потребностям прогрессивного развития общества. «Как не любить свободы или законности, – восклицал Н.И. Тургенев, – ибо это одно и то же, – видя, как она исправляет, возвышает людей и как, напротив, несвобода их портит, унижает!». ²⁶ «...Пока будут люди, будет и желание свободы», ²⁷ – писал П.Г. Каховский. Отмечал, что слово «свобода» неизменно потрясает сердца представителей всех социальных сословий. В.Ф. Раевский считал, что «...свобода делает... [человека. – В.П.] человеком и развертывает его способности». ²⁸

Значительное место собственно философскому контексту свободы уделено в «Проекте Конституции» Н.М. Муравьева. Этот феномен рассматривается здесь в плоскости дихотомии «произвол власти – возможность осуществления субъектами собственной жизнедеятельности на основе имеющихся у них знаний и соблюдения существующих в обществе законов». По мнению автора данного документа, источником свободы является Бог. «Проект Конституции» провозглашал свободу слова, печат-

ти, собраний, вероисповедания, создания различных общественных организаций, участия индивидов в общественном управлении.

Согласно П.И. Пестелю, «личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия».²⁹ Несмотря на то, что декабристы постоянно подчеркивали приоритет общественного перед личным, в вопросе свободы придерживались иной позиции – на первое место ставили именно свободу личности, а не различных объединений людей или общества в целом.

Социальное равенство, для декабристов, – это, в первую очередь, равенство людей перед законом. «Все Русские равны перед лицом Закона»,³⁰ – утверждалось в «Проекте Конституции» Н.М. Муравьева. «...Равенство всех перед законом – ...первейшее, главнейшее и прочнейшее основание государственного благоденствия»³¹ – одно из важнейших положений «Русской правды». «Правосудие, которым люди живут в обществе, которым держатся государства, – отмечал декабрист Н.И Тургенев, – должно быть равно действительно, равно благотельно для *всех и каждого* (выделено. – В.Л.)». ³² В царской России об этом можно было только мечтать. Не случайно А.И. Борисов – один из основателей Общества соединенных славян, обращаясь к власти имущим, писал: «...Законы ваши неправые...».³³ О том, что законы подобного рода являются одной из причин существования несправедливости и неравенства, утверждал еще Аристотель.

С момента возникновения и до последних дней существования декабристское движение последовательно отстаивало идею уравнивания в юридических правах членов разных социальных сословий. В «Русской Правде» декларировалась необходимость уничтожения сословного членения российского общества, подчеркивалась важность обеспечения реального равенства всех людей перед законом. Интересно, что феномены свободы и равенства практически не нашли отражения в «Уставе Союза благоденствия». Связано это, прежде всего, со спецификой данного документа – устав тайного общества.

Нельзя также не обратить внимания на то, что феномен социального равенства в программных документах декабристских обществ и работах их членов в теоретическом плане представлен слабее, чем феномены справедливости и свободы. На мой взгляд, во многом это можно объяснить тем, что передовые представители российского дворянства осознавали невозможность надлежащего воплощения этой ценности в практике общественных отношений современной им России.

Примечания

¹ *Тургенев Н.И.* Из «Дневников» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 207.

² *Фонвизин М.А.* Из «Записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. С. 371.

³ *Лунин М.С.* Общественное движение в России // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 3. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 165.

⁴ *Якушкин И.Д.* Из «Записок» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 101.

⁵ *Батеньков Г.С.* Развитие свободных идей // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 176.

⁶ *Пестель П.И.* Русская Правда // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 2. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1951. С. 112.

⁷ Устав Союза благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 245.

⁸ Там же. С. 273.

⁹ *Рылеев К.Ф.* Пушкину А.С. [ноябрь 1825 г.] // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 550.

¹⁰ *Лунин М.С.* Из «Записной книжки» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 3. С. 183.

¹¹ *Муравьев Н.М.* Мысли о свободе, о богатстве и пр. // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 339.

¹² См.: Устав Союза благоденствия. С. 239.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 240.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Пестель П.И.* Русская Правда. С. 78.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 101.

¹⁹ Там же. С. 151-152.

²⁰ Устав Союза благоденствия. С. 240.

²¹ *Пестель П.И.* Русская Правда. С. 82.

²² Там же. С. 135.

²³ Лунин М.С. Разбор донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 3. С. 161.

²⁴ Каховский П.Г. Из писем // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 501.

²⁵ Муравьев Н.М. Проект Конституции // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 304.

²⁶ Тургенев Н.И. Из «Дневников». С. 212.

²⁷ Каховский П. Г. Из писем. С. 505.

²⁸ Раевский В.Ф. О рабстве крестьян // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 2. С. 365.

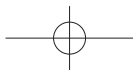
²⁹ Пестель П.И. Русская Правда. С. 148.

³⁰ Муравьев Н.М. Проект Конституции. С. 198.

³¹ Пестель П.И. Русская Правда. С. 105.

³² Тургенев Н.И. О крестьянах // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 1. С. 215-216.

³³ Борисов А.И. Из показаний // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3 т. Т. 3. С. 85.

Л.Г. ЧАПАЕВА

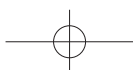
Идеология и язык в русской культурно-языковой ситуации 30–40-х гг. XIX в.

Прежде чем рассуждать о взаимосвязи идеологических установок определенного времени и места и качества национального языка в некой системе взглядов, необходимо уточнить, а что, собственно, подразумевается под идеологией.

Новейший философский словарь предлагает следующее определение: «Идеология – понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций».¹

По мнению М.М. Бахтина, идеология представляет собой область всей духовной, мыслительной жизни, которая реализуется в «идеологических продуктах», или «продуктах идеологического творчества», которыми являются произведения искусства, научные сочинения, религиозные символы и обряды и т.д.² Идеология в данном случае – это состояние сознания, отраженное в общественном учении, которое обычно предполагает непогрешимость собственных представлений и убеждений.

Языковое сообщество обычно неоднородно как по уровню владения общенациональным языком, так и по идеологическим взглядам. Идеологическая неоднородность находит отражение в языке и способствует его идеологической дифференциации. Бахтин утверждал, что «Мировоззрения, верования, даже зыбкие идеологические настроения даны не внутри, не в головах и не в «душах» людей. Они становятся идеологической действительностью, только осуществляясь в словах, в действиях, в одежде, в манерах, в организациях людей и вещей, одним

словом, в каком-либо определенном знаковом материале».³ Идея – это содержание, а слова – форма его выражения.

Связь идеологии и языка может проявляться двояко. Во-первых, в образовании слов-идеологем, а во-вторых, – идеология, т.е. некая система взглядов общественно-политического, исторического характера определяет отношение к национальному языку (его составу, свойствам, формам существования и т.д.).

Лингвокультурная ситуация 30–40-х гг. XIX в. характеризуется полемикой славянофилов и западников. Спецификой дискуссии являлось то, что в контексте философских, социальных и идеологических установок активно обсуждались лингвистические проблемы, при этом материалом для споров служил анализ языка художественных произведений, а оценочность языка определялась своеобразным «отношенческим» фактором. Таким образом, язык становился объектом идеологической борьбы.

Острая полемика затронула все основные вопросы русского литературного языка и сопровождалась взаимными пристрастными обвинениями и литературными спорами. В это время «не было ни одного направления, которое бы не высказало своих претензий к литературной речи, которое бы не требовало ее радикального усовершенствования».⁴ Оппозиция лингвистических установок реализовалась в разном представлении о соотношении и взаимодействии маркированных элементов в составе литературного языка (церковнославянизмы, заимствования и «народный» язык). Все участники культурного диалога 30–40-х гг. XIX в. рассматривают языковую проблему как общую доминанту развития русской культуры.

На этом фоне пристрастных споров и оценок и происходит идеологизация слов с помощью догматических добавок, поскольку «на традиционную семантику слова искусственно накладываются идеологические смыслы».⁵ Получается, что любое слово или составное наименование может включить в свою семантику идеологический компонент, а каждая идеология формирует свое «языковое поле», состоящее из набора идеологем. Таким образом, идеологемы приобретают смысл и значимость в конкретном историческом и политическом контексте, т.е. они становятся знаками, отсылающими к определенному идеологическому дискурсу. Идеологема, скорее, нацелена на то, чтобы маркировать ту или иную идеологию, а не объяснить ее сущность.

Обычно выделяют два вида идеологем: 1) слово, смысл которого по-разному понимается или эмоционально окрашивается оппонентами (например, *славянофил*, *западник*, *прогрессист* и др.); 2) именованная,

которые используются только сторонниками определенных взглядов (например: *соборность*, *московское направление*, *прогресс* и др.). В разных дискурсах подчас используются одни и те же лексемы, получающие разную семантику, социальную маркированность и идеологическую оценочность (например, *народность*).

Наиболее яркими идеологемами стали именованья оппонентов, в нерасчлененном виде выражающие идеологические различия между славянофилами и западниками. Семантическая «история» идеологем *славянофил* – *западник* сопровождается идеологической полисемией, которая возникает как результат различного понимания и узуса одних и тех же идеологем в оппозиционных идеологических дискурсах.

Большинство ученых полагает, что идеологемы *славянофил* и *западник* в современном понимании родились именно в идейной полемике 30–40-х гг. XIX в. Оба названия были даны как именованья противоположного направления, обладавшие отрицательной и / или ироничной коннотацией, а затем стали терминологическими понятиями, утратив ироничность. Любопытно, что семантика именованья *славянофил* – *западник* часто оказывается размытой, а главным содержанием является характеристика от противного. И если именованье *западник* действительно появляется в контексте споров 30–40-х годов, то слово *славянофил* появилось задолго до них и было связано с деятельностью А.С. Шишкова в начале XIX в., выступавшего за сохранение и использование церковнославянского языка и против заимствований. И до конца 30-х гг. как в идеологему *славянофил*, так и в целом в оппозицию *славянофилы* – *западники* (европейцы), вкладывается не столько идейно-политический, философский, сколько культурно-языковой или филологический смысл, который всегда сопровождает ирония. Но уже в начале сороковых годов начинается новая жизнь слова в языке: как писал А.И. Герцен, «возле Станкевичева круга, сверх нас, был еще другой круг, сложившийся во время нашей ссылки, и был с ними в такой же череполосице, как и мы; его-то впоследствии называли славянофилами».⁶ Ориентация на церковнославянский язык, то есть некая лингвистическая установка, сменяется указанием на национально-романтическую идеологию, а затем переносится на обозначение группы единомышленников с определенными общественными и философскими взглядами.

В любом идеологическом дискурсе базовой является оппозиция *свое* – *чужое* (*свой* / *чужой*). И славянофилам, и западникам свойственно членение окружающего мира на *свое* и *чужое*, и антагонизм и оппозиционность проявляются внутри каждого дискурса. По замечанию социолингвистов В.И. Беликова и Л.П. Крысина, «в рамках общности

одного типа индивид всегда делит мир на «наших» и «не наших»; во многих случаях только «наши» признаются «настоящими». ⁷ Историк Б.Ф. Егоров утверждает, что враждебность к *чужому*, признание истинным только *своего* является яркой особенностью русского характера, но полагает, что «больше всего заимствовали от народного мироощущения славянофилы», ⁸ а «менее всего оказались связанными с народным менталитетом либералы-западники с их толерантностью и вниманием к «чужому». ⁹

В каждой идеологеме славянофильско-западнического дискурса скрыта эта базовая оппозиция *свой – чужой*. Конкретные реализации этой оппозиции представляют собой бинарные ряды: *мы – они, наши – не наши, родные – неродные; новое – старое, Запад – Восток, прогрессивное – реакционное*. При этом оппозиции, находящиеся, на первый взгляд, в разных плоскостях (*старое – новое* и *свое – чужое*), могут перекрещиваться и даже синонимизироваться. Например, в качестве *своего* для одних предстает *старое, старинное, исконное*, а *чужим* будет *новое, западное, неисконное*; для других *своим* окажется *новое, общечеловеческое, прогрессивное*, опосредованно связанное с *западным, заимствованным*; или одна оппозиция растворяется в другой и оказывается незначимой. В области литературного языка *свое* и *чужое, родное* и *иноязычное* воспринимаются на уровне идеологической антитезы, а не семантики и стилистики слова. Важно, из какого лагеря исходят те или иные установки: то, что считается правильным, соответствующим литературной норме, по мнению западников, отрицается славянофилами и сторонниками официальной народности не только как порча родного языка, но и как вредное идеологическое средство. И наоборот: лингвистические установки славянофилов, их предпочтения архаичному и славянизированному языку воспринимаются как неприемлемые западниками.

Дихотомическое мышление, строгое различение, а затем и умение повсюду обнаруживать *своих* и *чужих, нас* и *тех* оказывало огромное воздействие не только на развитие исторических событий, на формирование идеологических концепций, но и на восприятие литературы читателем. Белинскому приписывают утверждение политического принципа – **кто не с нами, тот против нас** (заимствованного из евангельского текста) – как принципа эстетического, хотя на самом деле обвиняли его в этом «государственники», сторонники официальной народности (например, Ф. Булгарин). Впрочем, этот принцип использует каждая из сторон, проявляя нетерпимость в отстаивании своего мнения. В 1844 г. появилось стихотворение Н. Языкова которое так и называлось: «К не

нашим».¹⁰ В этом стихотворении антонимическую оппозицию образуют *наши – ваши, наше – чужое, мы – вы (ты)*, при этом «не наши» – *клеветники, изменники, невежды, у них предательские мненья, злость пустая, язык неверный, святотатственные сны*, они сторонники *школы богомерзкой, не русский народ*, так как не ценят ничего *родного*, т.е. *русского*. На противоположном краю антонимической парадигмы с положительной коннотацией находятся лексемы *наши, святой, родной, любовь, народный, божий, святыня, русская земля, Русь святая, русский бог*. Обращаясь к Чаадаеву, Языков обвиняет его в том, что для него *чужда Россия – родимая страна*, он *всего чуждого гордый раб, свое он все презрел. На нас, на всё, что нам священо, В чем наша Русь еще жива*.

Антитеза *своего* и *чуждого*, конкретизированная как *русское – нерусское*, категорично воспринимается славянофилами как *истинное и ложное*: «Как Вам не претит эта пошлость деления на либералов и консерваторов? – писал И.С. Аксаков А.И. Кошелеву. – Это чистейшее западничество <...>. Нет русского «либерального» направления, может быть только истинное и ложное, здоровое и вредное направление, направление русское и антирусское».¹¹

Кроме того, в полемике 40-х годов происходит столкновение двух различных типов философии, по-разному соотносимых с религиозным сознанием. Это создает еще один уровень противостояния, на котором оппозиция *свое – чужое* трансформируется в оппозицию *восточное православие – западное католичество*. Представление о *славянском* у славянофилов синонимично *славяно-христианскому*, так как христианство, а точнее, православие образует мировоззренческое ядро славянофильства (Своеобразно соединяются *святой* и *славянский* в именовании «*святославка*», которым К. Аксаков называл свое верхнее платье типа армяка). Особый тип культуры, в который верили славянофилы, должен строиться на почве православия, а Россия, по мнению А.С. Хомякова, избрана Богом, так как в православии содержится полнота истины и правды жизни и духа:

*Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты силу злую
Слепых, безумных, буйных сил.*¹²

А поскольку оппозиционность мышления неизбежно ведет к тому, что присвоение себе, своему направлению какого-либо качества, свойства означает отсутствие подобного качества или свойства у оппонента,

западники обвиняются в отсутствии религиозных убеждений, в безверии, бездушии.

Определение православия центрального места в русском обществе и русской культуре приводило к тому, что славянофилы не могли полностью отказаться от архаичных церковнославянских элементов в русском языке, эти элементы воспринимаются ими не столько как явления «чужого» языка, сколько как явления «исконного», «славянского» (=древнерусского) и национального начала, которое должно быть выше и ценнее общечеловеческого. Западники оценивают подобные явления негативно как «грубые», «искусственные», «мертвые», «подьяческие», отрывающие Россию от прогрессивных изменений человечества, цивилизации.

Уже в рамках полемики архаистов и новаторов на фоне оппозиции *свое – чужое* и ее конкретизации в антитезе *русский – церковнославянский* рождались некие условные знаки принадлежности к определенному направлению, становившиеся устойчивыми идеологемами. Языковой знак, слово, наиболее адекватно отражающее идеологическую систему, может быть абсолютно случайно выбрано из «разряда наиболее «экзотичных» славянизмов, так как в этом случае сильнее выражается «экспрессия старины и церковности».¹³ Важно лишь то, что «определенные слова, обороты <...> приобретают свойство символа принадлежности говорящего к данной группе».¹⁴ В начале XIX в. такими символами языковой полемики архаистов и новаторов стали служебные слова церковнославянского происхождения *абие* и *ище*, в употреблении которыми новаторы упрекали архаистов. А.Ф. Воейков уже в 1808 году заметил, что «сии слова в русской литературе (*колико, наипаче, поелику, купно*. – Л.Ч.) то же, что орлы, драконы, лилии, изображаемые на знаменах войск; они показывают, к какой стороне принадлежит автор».¹⁵ Эти символы помогали идентифицировать «своих» и «чужих», подчас не передавая адекватно содержания взглядов противостоящей стороны. Новая разновидность подобной «войны» нашла отражение в спорах о книжных местоимениях *сей – оный*; эти споры имели столь же давнюю историю и достигли апогея в 30–40-х годах XIX в.

Интерес к национальному прошлому, в частности, к древнему русскому языку, поиски идеала и образца для подражания в давней истории определяли главную цель славянофилов: «Мы признавали первую, самую существенную нашею задачею – изучение себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных лет утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории

и в крестьянском быте. <...> В этом первобытном русском человеке (крестьянине. – Л.Ч.) мы искали, что именно соответственно русскому человеку, в чем он нуждается, и что следует ему развивать. Вот почему мы так дорожили собиранием народных песен и сказок, узнаванием народных обычаев, поверий, пословиц». ¹⁶ А с точки зрения В.Г. Белинского, «мы, русские, с равнодушием расстаемся с преданиями нашей длиннополой старины и с охотностью <...> принимаем и усваиваем все новое». ¹⁷ Западников славянофилы обвиняли в неуважении к традиции, в стремлении разорвать связь между прошлым и будущим, в отсутствии исторического начала в их концепции развития России. И точкой противостояния стали преобразования Петра I. Западники представляли историю «как поступательное движение человечества», поэтому преобразования, связанные с именем Петра рассматриваются ими как закономерный этап развития Российского государства. А славянофилами вся эпоха после Петра оценивается в целом негативно, как то *новое*, что привнесено с Запада, значит, *неродное, не свое*. И изменения в составе русского языка, начиная с XVIII века, наплыв заимствований оцениваются славянофилами как пагубное явление, прервавшее поступательное движение от древнего русского языка к современному.

Если охарактеризовать оппозицию славянофилов и западников как *сакральную* и *секулярную*, следует учитывать, что в светской, секулярной культуре лингвистическая проблема является одной из многих, а в сакральной, религиозной она оказывается одной из важнейших. В связи с этим лингвистические воззрения славянофилов оказываются достаточно последовательными, а позиции западников, в частности, В.Г. Белинского, кажутся противоречивыми и излишне полемически заостренными.

Идеологический кругозор эпохи, безусловно, не ограничивался проблематикой спора основных участников, принадлежавших к славянофильскому или западническому направлениям. Но своеобразие русской культуры, заложенная в ней антиномия, наглядно проявились именно в противостоянии западников и славянофилов. Знаменитая дискуссия явилась ярким выражением национального своеобразия русской культуры, одним из важнейших этапов отечественной интеллектуальной истории. Чрезвычайно интересно, что впоследствии идеи славянофильства и западничества оказались «переплавленными» в идеологии русского социализма и коммунизма. В современном политическом дискурсе, скорее, коммунисты (в историческом плане наследники Белинского, Герцена и других западников) продолжают линию славянофильства, говоря о национальном своеобразии развития России и неприятии западных идеалов.

Примечания

¹ Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. Грицанов А.А. 3-е изд., испр. Минск: Книжный Дом, 2003.

² *Бахтин М.М.* Тетралогия / Сост., текст. подготовка, научн. аппарат Пешкова И.В; коммент. Махлина В.Л., Бонецкой Н.К. и др. М.: Лабиринт, 1998. С. 110.

³ Там же. С. 114.

⁴ *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: (30–90-х гг. XIX века). М. – Л.: Наука, 1965. С. 26.

⁵ *Купина Н.А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 14.

⁶ *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 9-ти тт. / Под общ. ред. Волгина В.П. и др. М.: Гослитиздат, 1955–1958. Т. V. С. 37.

⁷ *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолнгвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 190.

⁸ Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры, том V (XIX век). М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 65.

⁹ Там же.

¹⁰ *Языков Н.М.* Стихотворения. Том I. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1898. С. 333.

¹¹ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 106.

¹² *Хомяков А.С.* Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. Вячеслава Анатольевича Кошелева. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. С. 221.

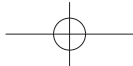
¹³ *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 126.

¹⁴ *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолнгвистика. С. 252.

¹⁵ *Воейков А.Ф.* Мнение беспристрастного о способе сочинять книги и судить о них // «Вестник Европы» 18 (1808). С. 118.

¹⁶ *Кошелев А.И.* Записки // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 90.

¹⁷ *Белинский В.Г.* Полн. собрание сочинений в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. V. С. 127.

А.С. ПАЛКИН

**Отражение европейского влияния
в русской дореволюционной
духовной периодике
в 1860-е – 1917 гг.**

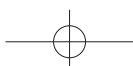
НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ»*

Русская дореволюционная церковная периодика является ценнейшим комплексом источников по истории России, который достаточно успешно используется множеством исследователей. Многообразие форм и содержания духовных периодических изданий обуславливает большое разнообразие сведений, которые можно почерпнуть в них. Можно выделить следующие группы таких изданий: официальные периодические издания органов церковного управления – Св. Синода и епархиальных управлений; издания духовных учебных заведений – академий и семинарий; газеты и журналы отдельных приходов; издания церковных братств; издания обществ – церковно-археологических, просветительских, миссионерских и т.д. Всего, по сведениям К.Е. Нетужилова, в 1821–1917 гг. выходили в свет 363 наименования духовных периодических изданий.¹

В то же время следует отметить тот факт, что потенциал данной группы источников еще не раскрыт в полной мере. В частности, неизученными остаются вопросы о том, каким образом европейские инновации, нормы и модели влияли на материалы, публиковавшиеся в духов-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдичионной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26. 06. 2013 г.

ной периодике. Сталкиваясь с вызовами времени, к которым несомненно можно отнести европеизацию России и проникновение европейских идей в общественное сознание, официальная церковь была вынуждена реагировать на них, в т.ч. и в печати.

В настоящей статье рассматривается отражение европейского влияния в 1860-е – 1917 гг. на примере журнала «Христианское чтение», издававшегося Петербургской Духовной Академией с 1821 г. по 1917 г. «Христианское чтение» было первым официальным периодическим изданием русской православной церкви.² Пореформенный период выбран неслучайно. В первые годы издания и в николаевское время западное влияние практически не находило отражения в журнале, основное содержание которого составляли переводы святоотеческих сочинений на русский язык, «образцы церковного красноречия», а также материалы о «христианском учении» и «назидательных размышлениях».³ Ситуация изменилась в связи с относительной либерализацией общества в период Великих реформ. В этот период происходит усиление влияния западных идей, появляется возможность их критического обсуждения.

В ходе анализа содержания журнала за этот период было обнаружено порядка 500 публикаций, и были выявлены следующие блоки тем, по которым можно проследить европейское влияние.

В первую очередь, хотелось бы отметить многочисленные **обзоры литературы и рецензии** на иностранную философскую, богословскую и историческую литературу. В рассмотренный период было опубликовано более ста рецензий, как на сами работы зарубежных авторов, так и на переводы. Также делались обзоры как целых направлений литературы,⁴ так и трудов отдельных выдающихся ученых.⁵ В «Христианском чтении» публиковались также **заметки** о состоянии богословской науки на Западе.⁶ Таким образом, читатели «Христианского чтения» были осведомлены об актуальной литературе не только на русском, но и на основных европейских языках. Русская наука не противопоставлялась западной, а критика осуществлялась с научной точки зрения.

Подтверждением этого тезиса могут служить **переводы работ западных ученых и богословов**, печатавшиеся журнале. Публикации трудов, где мысли католических и протестантских авторов в достаточной мере совпадали с воззрениями православных редакторов журнала, демонстрировали включенность русской науки и богословия в общемировой контекст, служили дополнительной аргументацией в полемике с конкурирующими философскими системами. Особую ценность в этом плане имеют **апологетические труды иностранцев, принявших православие**. например, И.И. Овербека.

Важное значение имеют материалы, в которых ведется богословски и философски аргументированная полемика с новыми на тот момент социальными и философскими идеями. Основной аудиторией этих материалов были учащиеся и преподаватели духовных, и в определенной мере, светских учебных заведений, а также представители интеллигенции. Основной целью этих материалов, было недопущение распространения в образованном обществе идей атеизма, материализма, социализма и коммунизма.

В материалах, посвященных атеизму, выражалась мысль о том, что его происхождение обусловлено, с одной стороны, развитием католической и протестантской теологий, отгородившихся от мира, и ведших борьбу с научным прогрессом на протяжении веков. С другой стороны, автор отмечал многократно возросший в XIX в. поток научных открытий и информации, связанный с развитием европейской науки, которая, как казалось, могла объяснить все явления нашего мира, не прибегая к религии. Автор, обвиняя в таком положении вещей католичество и протестантизм, тем не менее доказывает необходимость не только православия, но и христианства вообще во многих сферах жизни общества.⁷ В одной из публикаций сообщалось, что атеизм, наряду с западным влиянием вообще, явился одной из главных причин распространения социалистических и коммунистических идей на русской почве.⁸ Полемика по этим вопросам могла носить довольно своеобразный характер. Так, например, в одной из статей, посвященных истории коммунизма, автор противопоставляет его идеям, используя цитаты из Священного Писания.⁹ Ряд публикаций был посвящен описанию и опровержению материалистических учений.¹⁰

Помимо общих работ по критике новых (или относительно новых) течений, в журнале имеется немало материалов, в которых анализируются работы ученых, писателей, философов и богословов Нового времени. Так, например, несколько статей посвящены исследованиям философии Джона Локка,¹¹ Вольтер упоминается в контексте борьбы с атеизмом.¹² В 1868 г. вышло обстоятельное (ок. 200 страниц) сочинение, в котором критиковались работы известного сторонника и популяризатора материализма Людвиг Бюхнера.¹³ Критика могла принимать различные формы. Как пример с одной стороны можно привести взвешенную и спокойную критику теории эволюции¹⁴ в 1881 г., с другой стороны в 1912 г. вышла экстравагантно названная статья «Современный антихрист Эрнст Геккель»,¹⁵ где критиковались монистические взгляды Геккеля.

Однако богословского и философского опровержения новых идей было недостаточно. Для укрепления положения христианства в интеллектуальной среде необходимо было показать его **применимость в со-**

временных условиях. Так в 1912 г. был опубликован материал, посвященный описанию философской концепции лауреата Нобелевской премии по литературе Рудольфа Эйкена, который пытался примирить современную ему интеллектуальную мысль с религией.¹⁶ Ту же цель преследовал и критический анализ религиозной философии Рудольфа Лотце, которого автор материала называет «самым выдающимся философом девятнадцатого века».¹⁷ Также редакцией журнала предпринимались попытки совместить новейшие научные открытия (например, закон сохранения энергии) с христианскими воззрениями.¹⁸

Множество статей посвящены ответам на актуальные вопросы. Так, например, в целом ряде статей ставился вопрос о соотношении веры и естественнонаучного знания. В этих публикациях проводилась идея о том, что наука не всегда может во всей полноте описывать окружающую действительность.¹⁹ В одной из статей, посвященных отношению христианства к прогрессу, автор пытается снять противоречия между этими явлениями. По его мнению, христианство – есть прогресс и источник истинного прогресса, основа европейской цивилизации, ложный же прогресс – атеистический и материалистический – до добра не доведет.²⁰

В «Христианском чтении» можно отыскать также публикации в отношении к таким заимствованным явлениям как вегетарианство, в поддержку которого приводится христианская аргументация,²¹ и дуэли, которые осуждаются с использованием аргументов немецкого профессора И. Экштейна.²²

Значительное место в «Христианском чтении» занимают и материалы по истории. Например, интересна статья 1889 г., посвященная Великой французской революции. Автор положительно оценивает изменения, произошедшие с 1789 по 1791 гг., когда революция не затрагивала христианство, а антирелигиозный период 1792–1799 гг. осуждает, утверждая, что отрицание религии ввергло страну в хаос и поставило на грань разрушения.²³ Статья несла мысль о том, что революции, готовящиеся социалистами-атеистами, приведут к полному краху государства.

Стоит отметить множество материалов, посвященных истории западных религиозных течений: католицизма, лютеранства, англиканства и так далее, а также некоторых философских течений (прежде всего, масонства).

Помимо исторических материалов в журнале имели место многочисленные публикации, касающиеся хроники событий современной религиозной жизни на Западе. Наибольшее внимание авторов «Христианского чтения» привлекал раскол старокатолицизма, произошедший в

1870-е гг.; высокий интерес в журнале вызывали интенсивные контакты с англиканской и американской епископальной церковью, с которыми обсуждались вопросы соединения церквей (закончившиеся, впрочем, безуспешно, что было обусловлено нежеланием и невозможностью русской православной церкви идти на компромисс). Интересно отметить, что русская православная церковь не только испытывала западное влияние, но и в ряде случаев сама пыталась влиять на Запад. Так, в 1901 г. была опубликована рецензия на перевод на английский язык благодарственного богослужения русской православной церкви. Перевод этот был посвящен президенту США, призывающему свой народ на благодарственную молитву в День Благодарения. Издание (как и катехизис Филарета) было выпущено с целью миссионерской работы на территории США, и высоко оценено рецензентом.²⁴

Подводя итоги, можно отметить, что западное влияние воспринималось в журнале «Христианское чтение» неоднозначно. Естественно, в журнале содержится множество материалов критического содержания, направленных как против давних «противниц» православного богословия – католической и лютеранской теологий, так и против новых философских направлений, связанных с распространением рациональных научных знаний.

В то же время – журнал не был закрыт для всего западного, о чем свидетельствуют публикации иностранных авторов, точки зрения которых были близки редакции журнала. Такие публикации использовались для усиления позиций, занятых редакцией в полемике с атеистами, материалистами и др. При этом особое внимание уделялось свидетельствам ученых, изучавших естественнонаучные дисциплины. Многочисленные обзоры и рецензии, печатавшиеся в журнале, включали российскую богословскую и церковно-историческую науку в общемировой контекст. Западное влияние стимулировало богословскую и философскую мысль, которая искала пути встраивания и применения православных ценностей в ситуации второй половины XIX – начала XX вв.

Примечания

¹ *Нетужилов К.Е.* Церковная периодическая печать в России XIX столетия. Санкт-Петербург, 2007. С. 190-218.

² *Карпук Д.А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии. К 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение 6 (2011). С. 41-89.

³ Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать... С. 75.

⁴ См., напр.: Болотов В.В. Немецкая богословская литература // Христианское чтение 9–10 (1881). С. 514-574.

⁵ Ловягин Е.И. Константин фон Тишендорф и ученые труды его // Христианское чтение 1 (1875). С. 77-84.

⁶ См., напр.: Рождественский Н.П. Очерк истории апологетики и современно-научной постановки ее в западной богословской литературе // Христианское чтение 9 (1873). С. 89-134; 10 (1873). С. 201-266.

⁷ См.: Предтеченский А.И. Атеизм и народное развитие // Христианское чтение 3–4 (1881) 4. С. 396-429.

⁸ Неверие и социализм // Христианское чтение 7 (1875). С. 136-147.

⁹ Хойнацкий А.Ф. Коммунизм, его история, воззрения и задачи // Христианское чтение 5–6 (1879). С. 711-738.

¹⁰ Светилин А. Умеренный материализм // Христианское чтение 3–4 (1878). С. 61-584; Скворцов И. Нравственные и житейские идеалы современного материализма // Христианское чтение 7–8 (1880). С. 138-167 и др.

¹¹ См., напр.: Серебrenиков В.С. Речь, произнесенная пред защитой магистерской диссертации «Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности. Опыт установки Локкова учения на основании историко-критического исследования и рассмотрения его в связи с христианским учением об образе Божиим» // Христианское чтение 5–6 (1892). С. 487-492; Успенский В.В. Индивидуализм в педагогическом учении Локка // Христианское чтение 2 (1904). С. 197-213; 6 (1905). С. 833-851; 7. С. 20-44.

¹² Митякин А.П. Вольтер как глава и тип французского неверия // Христианское чтение 1–2 (1895). С. 119-141; 11–12. С. 489–503.

¹³ Рождественский В.Г. Материализм Бюхнера // Христианское чтение 3 (1868). С. 400-415; 4. С. 518-556; 7. С. 121-150; 8. С. 191-203; 10. С. 477-524; 11. С. 645-690; 12. С. 830-870.

¹⁴ Идея творения и теория эволюции // Христианское чтение 5–6 (1881). С. 667-702.

¹⁵ Бронзов А.А. Современный антихрист Эрнст Геккель // Христианское чтение 1 (1912). С. 3-46; 2. С. 137-156.

¹⁶ Беляев В.А. Философия Рудольфа Эйкена // Христианское чтение 3 (1912). С. 383-399.

¹⁷ Соколов В.В. Религиозная вера и религиозная философия: критический обзор религиозной философии Лотце // Христианское чтение 1 (1904). С. 122-142; 2. С. 287-305.

¹⁸ Цветков В.И. Естественнаучный закон сохранения энергии в применении к защите религиозной истины бессмертия человеческой души // Христианское чтение 11 (1910). С. 1401-1411; 12. С. 1525-1536.

¹⁹ Напр.: Вера и знание // Христианское чтение 11–12 (1887). С. 523-548 и др.

²⁰ Христианство и прогресс // Христианское чтение 1–2 (1878). С. 117-135.

²¹ *Бронзов А.А.* Вопрос о безубойном питании человека, решаемый с христианской точки зрения // Христианское чтение 4 (1904). С. 516-533; 5. С. 687-715.

²² *Бронзов А.А.* К вопросу о дуэли: Оригинальное мнение о ней современного немецкого профессора и оценка его // Христианское чтение 12 (1897). С. 785-794.

²³ *Скалцуни И.* Христианство и французская революция // Христианское чтение 1–2 (1889). С. 66-94; 3–4. С. 322-337; 5–6. С. 606-637.

²⁴ *Лопухин А.П.* Thanksgiving Service of the Orthodox Church (Благодарственное молебствие св. православной церкви). Сан-Франциско, 1901 // Христианское чтение 6 (1901). С. 1000.

SZABOLCS SUHAJDA

Образ России в венгерских газетах (1841–1844 гг.)

Вступление

До подавления польского восстания в 1831 году венгерское общество редко обращало внимание на Российскую империю. Но после этого события критика в адрес России зазвучала гораздо чаще. Эта критика в основном касалась самодержавия, возможности российской военной экспансии в Восточной Европе и угрозы панславизма.¹ В настоящей статье я хотел бы продемонстрировать, как появлялись критические материалы в венгерских газетах незадолго до российской интервенции в Венгрию в период венгерской революции 1848–1849 годов.

Венгерские газеты дают хорошую возможность для изучения этого вопроса, поскольку в начале 40-х гг. XIX века венгерская журналистика бурно развивалась.² Несмотря на цензурные ограничения,³ статьи, выражавшие мнение общества о Российской империи, появлялись намного чаще, чем раньше. При этом в венгерских газетах нередко публиковались статьи о России, полученные от английских, французских и особенно немецких газет. Они сильно влияли на мнения венгров.

Я изучил три газеты, имевшие разную политическую направленность. В либеральной (*Pesti Hírlap*) и в консервативной газете (*Világ*) подробно и часто субъективно сообщалось о России; в умеренной газете (*Jelenkor*) редко публиковались субъективные мнения. В ней обычно появлялись только новости о России без комментариев. Несмотря на разные политические взгляды, консерваторы и либералы нередко одинаково критиковали Россию.

В венгерской прессе редко сообщалось о внутренней политике Российской империи; исключение составлял польский вопрос. Если в газетах писали об экономическом, общественном и культурном состоя-

нии России, то обыкновенно проводилось сравнение с Венгрией.⁴ Наряду с польском вопросом и внешней политикой России на Балканах, венгерское общество уделяло внимание прежде всего связям России с другими славянскими народами. Эти вопросы и будут предметом моего рассмотрения.

Польский вопрос

После польского восстания венгерское общество часто обращало внимание на поляков. Вероятно, о Царстве Польском в указанных газетах размещалось больше статей, чем о других территориях Российской империи. Чаще всего пресса сообщала о раскрытии заговоров польских эмиссаров, о репрессиях против бывших повстанцев (о конфискации их имущества, ссылке поляков в Сибирь) и русификации на территории Царства Польского. В связи с русификацией венгерские газеты подчёркивали прежде всего распространение русского языка и православной религии.⁵

Многие говорили о том, что после полной ассимиляции поляков экспансия российского самодержавия будет угрожать Венгрии, поэтому этим вопросом занимались и в венгерской внутренней политике. Депутаты обсуждали польское восстание на комитатских собраниях и пытались добиться, чтобы австрийский император ходатайствовал за поляков.⁶

Хотя журналисты сильно критиковали Россию за репрессии против поляков, на самом деле они считали, что восстановление Польши или самоуправления Царства Польского невозможно.⁷ Кроме русификации в венгерской прессе часто писалось о том, что поляки начинают мириться со своей судьбой, что экономика и торговля на их территории развиваются.⁸ Многие считали, что западная критика России, связанная с положением поляков, зависит от характера международной, особенно французской и английской политики. Об этом часто писали с иронией. По мнению авторов статей, западные страны критикуют Россию только тогда, когда их отношения с ней обостряются.⁹

Публикации, передовые статьи о Царстве Польском часто отдалялись от конкретных событий 40-х годов. Журналисты пытались использовать польский вопрос для выражения своих политических взглядов, поэтому либералы и консерваторы относились к событиям Ноябрьской революции и положению поляков по-разному. В связи с польским восстанием либералы больше подчёркивали отмену конституции и укрепление русского самодержавия.¹⁰ Они однозначно возлагали ответственность за революцию на угнетающую политику и репрессии русских

властей. Они часто сравнивали положение и историю поляков с положением и историей Венгрии. Их вывод сводился к тому, что Россия угрожает не только Венгрии, но и всей Европе.¹¹ Напротив, консерваторы сравнивали положение в Венгрии и Польше редко. Они возлагали ответственность за судьбу Польши на польское дворянство. Они считали, что в XVII в. польское дворянство чрезмерно укрепилось за счёт ослабления центральной власти. Поэтому они подчёркивали, что дворянам нельзя давать слишком много привилегий.¹² В то же время у консерваторов тоже появляется критика в адрес России. Их не смущала отмена конституционных свобод, их недовольство вызвали репрессии против польских католиков. Они осуждали либералов за то, что те не обращают должного внимания на проблемы католиков Царства Польского.¹³

Восточный вопрос

В 1840-х годах в венгерской прессе публиковались статьи о внешней политике России. Прежде всего, интерес к Российской империи у венгров вызывали события 1842–1843 гг. в Сербии и Валахии. В Сербии сторонники Александра Карагеоргиевича свергли власть Обреновичей, а в Валахии был отстранен от должности господарь Александр II Гика. В Венгрии многие считали, что российская дипломатия очень сильно повлияла на эти события. По мнению авторов газетных статей, новые правители на Балканах на самом деле будут служить интересам внешней политики России, которая грозит Европе, в том числе Венгрии.¹⁴ Появление этого вопроса в венгерской внутренней политике наряду с польским вопросом свидетельствует о том, как велика была боязнь российской экспансии.¹⁵

Однако комментарии в статьях часто отдаляются от конкретных событий на Балканах. По поводу восточного вопроса журналисты нередко высказывали свои собственные мнения о политике и истории России. Они отмечали, что историческое развитие России отличается от развития Европы, в том числе Венгрии.¹⁶ Многие думали, что Россия отделилась от Европы во время великого раскола христианской церкви и стала примитивной, деспотической и милитаристской страной.¹⁷

Несмотря на эти критические замечания и предрассудки, журналисты иногда писали и о том, что в истории России православная религия играла более важную роль, чем религия в истории других европейских стран. Они иногда упоминали о том, что во время татарского ига и вторжения поляков в XVII в. религия спасла русский народ от гибели и

помогла Романовым прийти к власти. Удивительно, что эти мнения выражали либералы, которые в принципе отрицательно относились к России.¹⁸ Кроме этого они считали, что православие, особенно на Балканах, существенно помогает российской дипломатии привлекать на сторону России православные народы.¹⁹ Журналисты указывали, что со времени Петра Великого российская дипломатия рационально и целеустремлённо действует в интересах осуществления главной задачи России, завоевания Константинополя. Часто наличие экспансионистских устремлений России доказывалось разделами Польши и подавлением Ноябрьской революции.²⁰

Некоторые журналисты старались иначе определить особенности российской внешней политики. Они писали, что в 40-е гг. цели и принципы Священного союза уже не играли важной роли в международной политике. Особенно либералы подчёркивали, что с начала Великой французской революции Россия выступает против либеральных и национальных движений и революций в своих великодержавных интересах. Она лишь хочет распространить своё влияние на Европу, и ей не так важно сохранение консервативных ценностей в Европе. Поэтому либералы критиковали не только Российскую империю, но и консерваторов, симпатизирующих России.²¹

Либеральные журналисты гораздо чаще остальных занимались вопросами дипломатии, но страх экспансии России появился и в других газетах.²² Многие считали, что Россия продолжит экспансию, поскольку Османская империя скоро распадётся, и после наполеоновских войн Россия ещё не достигла своих целей. Поэтому европейские страны не смогут избежать войны с Россией.²³ Авторы статей полагали, что эта война скорее всего начнётся на территории Балкан или в Венгрии, поэтому венграм надо подготовиться к нападению России.²⁴

Часто отмечалось, что Россия играет такую же роль в истории Европы, как татары и турки в прошлом. В связи с этим Венгрия часто появлялась на страницах газет как защитница Европы и христианства от азиатского варварства.²⁵ Высказывалось мнение, что венграм надо стараться сблизиться со странами Западной Европы, особенно с немецкими государствами.²⁶

В газетах иногда высказывались конкретные соображения о подготовке к защите от русской экспансии. Например, в связи с развитием сети венгерских железных дорог, журналисты отмечали, что строительство таковых в Трансильвании должно служить цели мобилизации войск в случае войны и обеспечения резервов для балканского фронта.²⁷ В длительной перспективе предел российской экспансии могло бы по-

ложить распространение влияния Габсбургской империи на Сербию и Дунайские княжества, или же в будущем эти народы должны были бы добиться независимости от Османской империи без влияния России и западноевропейских стран.²⁸

На самом деле венгерские страхи в связи с экспансией России в 1842 году были преувеличены и нереальны. По сравнению с греческой войной за независимость и русско-турецкой войной 1828–1829 гг. сербский переворот и отстранение валашского господара не играли важной роли в истории восточного вопроса. Эти события не вызвали серьёзного столкновения между Россией и западноевропейскими державами и Османской империей. В ходе событий постепенно становилось очевидным, что Российская империя не поддержала сербского переворота.²⁹ В газетах сообщалось, что российская дипломатия постоянно подчёркивала, что она признаёт только легитимных государей и не поддерживает нового сербского князя. Россия признала власть Александра Карагеоргиевича только в сентябре 1843 года.³⁰

Несмотря на эти факты, отношение венгерских газет к внешней политике России значительно не изменилось. Они по-прежнему критиковали Россию за вмешательство во внутреннюю политику балканских княжеств. Хотя журналисты признавали, что не знают, какие конкретные интересы имеет Россия на Балканах, они были уверены в том, что в будущем Россия распространит свое влияние прежде всего на территории Турецкой империи.³¹

Славянские народы и угроза российской экспансии

Кроме польского и восточного вопроса в газетах часто появлялись статьи об угрозе панславизма. Многие думали, что Россия оказывает сильное влияние на национальные движения славянских и православных народов, живущих в Венгрии, чтобы способствовать распаду Габсбургской империи, в том числе Венгрии.³² Такие страхи появлялись во всех газетах, особенно либеральных. Споря со славянами, либералы всегда обвиняли их в симпатии к России и панславизму.³³

Однако различные авторы относились к угрозе панславизма и связи славянских народов с Россией по-разному. В целом, их мнения расходились в том, в какой степени интересы внешней политики России связывались со славянскими национальными движениями. Многие считали, что цели славян полностью совпадают с интересами России. Российская империя не только поддерживает эти национальные движения,

но и вызывает их. Согласно этим мнениям, национальные цели этих народов так или иначе служат экспансии Российской империи. Журналисты и политики пытались доказать свои утверждения не конкретными действиями российской дипломатии, а прежде всего сходством между славянскими языками, а также культурными и религиозными связями славян с русскими.³⁴

Согласно другой точке зрения, не имеет существенного значения, в какой степени Россия стоит за национальными движениями славян. Сторонники этой точки зрения подчёркивали, что славяне закономерно волеются в единственную независимую славянскую страну, Россию.³⁵ Поэтому в этом смысле цели внешней политики России не играют важной роли.

Были и такие, кто попытался охарактеризовать отношения между Россией и венгерскими славянами, исходя из тезиса об отсталости России.³⁶ Они считали, что в случае вооружённой экспансии Россия не смогла бы ассимилировать этих славян. Согласно этому мнению, одного языкового, культурного и религиозного сходства недостаточно для утверждения влияния России на другие славянские народы, ведь во многих других отношениях эти народы отличаются от русских.³⁷ Не отрицалось также, что в Венгрии есть стремление распространить венгерский язык среди славян. Однако отмечалось, что в деспотической России эти народы никогда не получали бы таких либеральных свобод, которыми они пользуются в Венгрии.³⁸ Нередко в качестве антироссийских аргументов фигурировало подавление польского восстания и репрессии против поляков в Царстве Польском. Например, в споре с хорватами-католиками подчёркивалось угнетение католиков в России.³⁹ Журналисты часто делали вывод, что экспансия России угрожает не только Венгрии, но и славянским народам.⁴⁰

Консерваторы иногда писали о том, что славянские национальные движения не зависят от внешней политики России. Они считали, что в действительности Российская империя не оказывает влияния на цели славянских народов и рассматривали национальные движения славян похожими на национальное движение венгров.⁴¹ Иногда признавалось, что стремление венгров к ассимиляции славян усиливает славянские национальные движения и симпатии славян к России.⁴² Однако такие мнения не были характерными в этот период времени.

Хотя Россия считалась отсталой страной, в газетах со страхом писали о ее экономическом, торговом и культурном развитии. Журналисты считали, что по мере своего развития Россия сможет эффективнее влиять на славянские народы. В связи с развитием торговли в России чаще всего

появлялись статьи о городах, находящихся на берегу Чёрного моря. Венгерские журналисты считали, что эти города, особенно Одесса, стали главными конкурентами для венгерской внешней торговли.⁴³

Вопрос развития российской культуры был единственным, который иногда вызывал в венгерской печати положительные отклики. В газетах подчёркивалось, что в Российской империи культурные и научные учреждения, а также учебные заведения пользуются большей поддержкой, чем в Венгрии.⁴⁴

Страхи, связанные с экспансией России, распространявшиеся во внутриполитической жизни и в печати, часто служили поводом к ассимиляции славянских народов и распространению венгерского языка. Угроза экспансии России иногда использовалась во внутренней политике. Например, возможность экспансии России обсуждалась в связи с вопросом о присоединении Трансильвании к Венгрии или в связи с отношением венгров к Габсбургской династии.⁴⁵ На самом деле журналистам было важнее подкрепить свои политические аргументы посредством критики России, чем объективно оценить Россию и российскую политику.

Выводы

На основании статей венгерских газет можно сказать, что в первой половине 40-х гг. подавление Ноябрьской революции ещё влияло на образ России в Венгрии. Однако значение польского вопроса постепенно отодвигалось на задний план. На самом деле венгерское общество не видело возможности восстановления Царства Польского. Представители различных политических направлений использовали этот вопрос, прежде всего, для того, чтобы подкрепить свои взгляды.

Более важную роль в этот период времени играли восточный вопрос и страх перед национальными движениями славянских народов. В венгерской печати, как правило, подвергалось критике русское самодержавие, а также высказывались опасения в связи с экспансией России и распространением её влияния на национальное движение славянских народов. Однако появлялись и подробные статьи об истории и политике России по поводу восточного вопроса. В статьях о связях славянских народов всегда повторялись одни и те же страхи и стереотипы о России. Хотя критика России появлялась и в консервативной прессе, в конечном итоге в это время более отрицательно к России относились либералы.

Примечания

¹ Например: *Kossuth L.* Országgyűlési tudósítások. II. Kelet-Európai Tudományos Intézet Történettudományi Intézetének Munkaközössége, s. a. r. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1949. P. 400-411, 416-419, 423-427, 432- 436, 441-449.

² *Kosáry D.* Az új politikai sajtó // A magyar sajtó története. I. 1705–1848. *Kókay Gy.*, szerk. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. P. 660-664.

³ *Mályuszné Cs. E.* szerk. Megbíráltak és bírálók: a cenzúrahivatal aktáiból, 1780–1867. Budapest: Gondolat, 1985. P. 27-28.

⁴ Pesti Hírlap 1842. 110. Q. H.: Triesti levelek, 1842. 159. Fiumei levelek 1; Világ 1841. 99; 1842. 41; Vasutak IV, 1842. 94; Kereskedés III.

⁵ Pesti Hírlap 1841. 4, 46, 57, 98, 248; 1842. 101, 116, 136, 167, 203; 1843. 222, 248. Világ 1841. 4, 32, 97; 1842. 8, 14, 67, 71, 73, 91; 1843. 14, 18, 27, 30, 34, 54, 75. Jelenkor 1841. 5, 51, 71, 85, 97; 1842. 34, 44, 65; 1843. 42. 55. 78; 1844. 85.

⁶ Pesti Hírlap 1843. 214; Jelenkor 1843. 21, 28.

⁷ Pesti Hírlap 1841. 100: Váltás; 1842. 163. A. B.: Magyarország és népei. Világ 1841. 34: Milyen a kilátás? 1841. 52.: 1741 és 1841. 1842. 5, 97.

⁸ Pesti Hírlap 1841. 83, 154. Világ 1841. 42; 1842. 36, 45, 51, 71; 1843. 8, 18, 43. Jelenkor 1841. 44; 1842. 53; 1843. 36.

⁹ Világ 1843. 19. Jelenkor 1842. 8.

¹⁰ Pesti Hírlap 1842. 164. A. B.: Magyarország és népei II; 1842. 196. H. I.: Magyarország és a keleti kérdés II.

¹¹ Pesti Hírlap 1841. 30. Erdély és az unió, egység a magyarnak; 1842. 179. Vámszövetségi kilátások.

¹² Világ 1842. 57. Élet és hisztéria.

¹³ Világ 1842. 99. Bánat és részvét.

¹⁴ Pesti Hírlap 1842. 178, 179. Világ 1842. 76, 86.

¹⁵ Jelenkor 1842. 96; 1843. 28.

¹⁶ Pesti Hírlap 1842. 164. A. B.: Magyarország és népei II; 1842. 184. Igénytelen nézetek.

¹⁷ Pesti Hírlap 1842. 164. A. B.: Magyarország és népei II.; 1842. 200. H. I.: Magyarország és a keleti kérdés III.

¹⁸ Pesti Hírlap: 1842. 196. H. I.: Magyarország és a keleti kérdés II.

¹⁹ Pesti Hírlap: 1842. 196. H. I.: Magyarország és a keleti kérdés II.

²⁰ Pesti Hírlap 1842. 194. Kossuth L.: Duna és Fiume.

²¹ Pesti Hírlap 1842. 200. H. I.: Magyarország és a keleti kérdés III.

²² Világ 1841. 34. Milyen a kilátás? 1841. 40. Fiókgyűlések; 1842. 69. Gr. Szécsén A.: Nemzetiség. 1842. 92. Kereskedésünk II.

²³ Pesti Hírlap 1842. 195. H. I. Magyarország és a keleti kérdés I. 1842. 164. A. B.: Magyarország és népei II. Világ 1841. 34. Milyen a kilátás?

²⁴ Pesti Hírlap 1841. 155. Visszapillantás a szláv mozgalmakra, Világ 1841. 34. Milyen a kilátás?

²⁵ Pesti Hírlap 1841. 30. Erdély és az unió, egység a magyarnak. Világ 1841. 41. Honvédelem.

²⁶ Pesti Hírlap 1842. 178. Vámszövetségi kacsingatások. 1842. Világ 1841. 40. Fiókgülések.

²⁷ Pesti Hírlap 1842. 195, 1842. 201. Fiumei vasút.

²⁸ Pesti Hírlap 1842. 200. H. I.: Magyarország és a keleti kérdés III.

²⁹ Pesti Hírlap 1843. 248. Világ 1842. 102.

³⁰ Pesti Hírlap 1843. 283. Világ 1843. 76.

³¹ Pesti Hírlap 1843. 276, 279. Jelenkor 1843. 75.

³² Pesti Hírlap 1842. 164. A. B. Magyarország és népei; 1842. 155. A. B.: Visszapillantás a szláv mozgalmakra.

³³ Pesti Hírlap 1841. 21. Zay K.: Néhány szó a Pesten felállítandó reform. főiskola ügyében; 1842. 176. Egyesületi pont.

³⁴ Pesti Hírlap 1841. 22. Nyáry P.: Unió. 1841. 183. Pulszky F.: A szlávok literáriai viszonzásáról. 1842. 203. A pánszlávok új mozgalmai. Világ 1841. 40. Fiókegyesületek.

³⁵ Pesti Hírlap 1842. 163. A. B.: Magyarország és népei.

³⁶ Pesti Hírlap 1841. 98. R. S. T.: Protestantismus, magyarismus, slavismus; Világ 1843. 8.

³⁷ Pesti Hírlap 1842. 163. A. B.: Magyarország és népei.

³⁸ Pesti Hírlap 1842. 164. A. B.: Magyarország és népei II. Világ 1841. 97.

³⁹ Pesti Hírlap 1842. 175. Világ 1842. 99. K. I.: Bánat és részvét, 1842. 87. Egy könyvecske.

⁴⁰ Pesti Hírlap 1842. 163. Magyarország és népei. Világ 1841. 97.

⁴¹ Világ 1842. 50. Horváthoni viszonyok II.; 1843. 2. Gr. Szécsén A.: Nemzetiségi törekvések és a szláv mozgalmak.

⁴² Világ 1841. 78. A Pesti Hírlap és a Kelet Népe közti vitály; 1842. 96: Egy szó a lipótszentmiklósi kalendárium ügyében.

⁴³ Pesti Hírlap 1842. 159. Fiumei levelek I. Világ 1842. 41. Vasutak IV.

⁴⁴ Pesti Hírlap 1841. 5. Világ 1843. 4.

⁴⁵ Pesti Hírlap 1841. 30. Erdély és az unió, egység a magyarnak. 1842. 179. Vámszövetségi kilátások.

ZSÓFIA MÉSZÁROS

**Развитие концепции женской
эмансипации в творчестве
Дмитрия Писарева**

В условиях «оттепели», наступившей в России 1850–60-х гг., в царствование Александра II, началось стимулированное импульсами извне оживлённое обсуждение вопросов, затрагивавших жизнь российского общества. Одной из наиболее спорных была тема женской эмансипации. В это время в женщинах из высших и средних слоёв общества пробудилось сознание своего неравенства. Это произошло благодаря публицистическим статьям, написанным главным образом мужчинами, но всё чаще их авторами становились женщины, писавшие для женщин.¹ Стимулирующее влияние оказывали и переведённые на русский язык материалы дискуссии, уже начавшейся на Западе, например, романы Жорж Санд.²

Согласно концепции Ричарда Стайтса, считающегося авторитетным исследователем женского вопроса в России, начиная с 1850-х гг. сложилось три определяющих течения, возникших одно за другим и отчасти одно из другого. К первой группе относились феминистки, которые не ждали коренных перемен и скорее искали решений в рамках существующей системы. Наибольшее внимание они уделяли, с одной стороны, появлению женщин в системе высшего образования и на рынке рабочей силы, а с другой стороны, созданию возможностей для благотворительной деятельности.³ Типичным полем соединения этих двух сторон деятельности было медицинское образование для женщин.⁴ Образование должно было способствовать достижению интеллектуального равноправия женщин, а благотворительность (прежде всего, в пользу нуждающихся женщин)⁵ была формой проявления их общественной роли.

Вторую группу составляли нигилистки. Для них тоже были важны вопросы образования и трудоустройства.⁶ Однако это было лишь средством освобождения от семейных и супружеских обязанностей, а также от всех общественных конвенций, которые, по их мнению, угнетали женский пол в целом и всех женщин как отдельных индивидов.⁷ В интересах женского равноправия они часто отказывались от женственности во внешности и поведении, стремясь таким образом смыть границы между полами.⁸

Группа радикалов смотрела на проблему женской эмансипации сквозь призму социального развития. Они считали, что, добившись высшего образования для женщин, можно будет достичь лишь эмансипации женщин из привилегированного слоя населения. Для осуществления равноправия крестьянок и работниц необходимо улучшить общее положение этих классов путём радикальной перестройки политической и социальной системы, возможно даже и посредством революции.⁹

В публицистике дискуссия о женской эмансипации началась в 1859 году со статьи «Парижские письма» Михаила Михайлова, который занимался этой темой почти во всех своих публицистических работах.¹⁰ В этой статье Михайлов дал критический разбор работы Прудона «О справедливости в революции и церкви» и социологического этюда Мишле «Любовь».¹¹ Он высказал мнение, что уравнивание женщин в человеческих и гражданских правах необходимо для создания морально стабильной семьи и воспитания новых, здоровых поколений.¹² По классификации Стайтса позиция Михайлова была ближе к позиции феминисток, хотя сам Михайлов принадлежал к лагерю революционных демократов.¹³

Революционные демократы во главе с Н.Г. Чернышевским одинаково представляли группы радикалов и нигилистов. В своих публицистических произведениях Чернышевский высказал мнение, что вопрос женской эмансипации неуместен до тех пор, пока составляющие большинство женщин – крепостные крестьянки – не будут освобождены вместе со всем их классом. Когда все русские люди будут жить при общественном строе, воплощающем равенство, можно будет говорить и о равенстве полов.¹⁴

Однако в своей собственной жизни и во взглядах, выраженных в романе «Что делать?», Чернышевский придерживался иной системы ценностей. Главной героиней романа является Вера Павловна, которая в своем личном развитии демонстрирует этапы женской эмансипации: освобождение от семейных уз и обязанностей посредством заключения брака, полное равноправие в браке, право на труд путём организации

швейного кооператива, свободу сердечной привязанности с помощью второго брака и интеллектуальное равноправие, выражающееся в изучении медицины,¹⁵ что в значительной степени походило на устремления нигилистов.

«Рассвет»

В этой интеллектуальной среде начал в 1859 году свою писательскую деятельность в журнале для девиц «Рассвет» Дмитрий Писарев.¹⁶ Этот журнал придерживался либеральной направленности. Его название указывало на необходимость духовного пробуждения женщин, но в то же время он был достаточно осмотрительным, так как его редактор желал показать читателям, что современные идеи согласуются с христианским учением.¹⁷ Писарев писал публицистические и литературные рецензии в духе направления журнала.

Его мнение о роли женщин было прогрессивным, поскольку, реагируя на множество статей того времени, он выступал за право женщин на образование и труд.¹⁸ Полемизируя со статьёй Аппельрота о женском образовании, в которой утверждалось, что, учитывая духовные особенности женщин, женское образование должно быть направлено только на выполнение ими домашних обязанностей, Писарев одним из первых сформулировал необходимость равноправия полов в области образования.¹⁹ Писарев с восторгом воспринял «Парижские письма» Михайлова. Из осторожности он рекомендовал их не молодым девушкам, а их воспитательницам. Он подчеркнул, что, по мнению Михайлова, эмансипация женщин может быть достигнута только с помощью серьёзного женского образования, и только так можно будет разрушить связанные с женщинами предрассудки. Писарев не высказал собственного мнения, но, видимо, лишь потому, что был согласен с Михайловым.²⁰

Писарев решительно ответил на отвергающую женский труд статью Пальховского. Так как женщины исключены из различных областей образования, для них закрыты такие сферы деятельности, как наука, искусство или торговля, а между тем они могли бы принести большую пользу обществу. Писарев не согласен с тем, что деятельность женщин должна ограничиваться семейной жизнью, он видит в этом незаконное посягательство на разумную свободу личности. Равноправие супругов должно обеспечиваться трудом женщин. Этого достаточно, и поэтому нет необходимости в «пустом нарушении безвредных условий общест-венности».²¹

Разбирая роман «Обломов», Писарев однозначно советует молодым девушкам прочитать его, чтобы взять пример с Ольги. Она – мерило женской эмансипации: «вся жизнь и личность Ольги составляют живой протест против зависимости женщины». От обыкновенных женщин её отличает присутствие сознания и естественность.²² В статье о «Дворянском гнезде», напечатанной в следующем номере журнала, Писарев противопоставляет непрерывное самоподчинение Лизы чужому авторитету, сопутствующее её женственности, образу Ольги, в которой женственность совмещается со смелостью мысли и умственной самостоятельностью. Лиза идёт по ложной дороге, она – вечная мученица, не стремящаяся к нравственному совершенству. В этом повинно и её воспитание, поскольку в ней развивали чувства, а не умение мыслить.²³ Из этого следует невысказанное мнение, что женщины могут стать лучше, если усвоят в ходе воспитания качества, считающиеся мужскими. В то же время в заслугу Писареву можно поставить то, что он не видит никаких препятствий для этого, ведь женщины по своим врожденным способностям не отличаются от мужчин, просто нужно реформировать воспитание женщин, научить их самостоятельно думать.²⁴

Нигилизм и индивидуализм

1859-й год внёс в жизнь Писарева коренную перемену. Он боролся с серьёзными душевными проблемами и пережил так называемый «нигилистический» перелом, в ходе которого поставил под сомнение все свои прежние мнения, всё мировидение и вынужден был заново выстроить своё мировоззрение.²⁵ На практике это означало, что он порвал с «Рассветом» и в 1860 году начал работать в журнале «Русское слово».²⁶ В лагере называемых нигилистами революционных демократов этот журнал был более отрицательным по духу, чем «Современник», имел социально менее конструктивную, более индивидуалистическую направленность.

До заключения в тюрьму в 1862 году Писарев гораздо реже прежнего отводил в своих статьях главную роль женскому вопросу, который, однако, нередко появлялся у него в качестве побочной линии. Женское равноправие уже в гораздо большей степени рассматривалось им с социальной точки зрения. Он считал, что женщины находятся в плену у устаревшей общественной морали. В одной из статей 1861 года он сочувственно писал о страданиях женщин: «Пора, мне кажется сказать решительно и откровенно: женщина ни в чем не виновата. Она по-

стоянно является страдальцею, жертвою, или, по крайней мере, страдательным лицом».²⁷

Большее внимание Писарев уделял тому, что, как он считал, женщины не невежественны, их положение консервируется обществом, единственными деятельными членами которого являются мужчины, которые и несут всю ответственность. Деспотизм семьи и общества подавляет потенциальные возможности и устремления женщин. Произнося красивые фразы, мужчины немедленно начинают критиковать своих жён, если замечают в них хотя бы слабые ростки самостоятельности.²⁸ В процессе воспитания женщинам внушают идеи, которые они не могут усвоить, что делает невозможным развитие женской личности. Поэтому всем приходится стать скептиками, чтобы уничтожить в себе всё то, что было внушено воспитанием.²⁹ Из этого видно, что Писарев, хотя и оказал большое влияние на формирование женского индивидуализма,³⁰ но считал важным и эмансипацию личности независимо от половой принадлежности.³¹

Писарев и в этот период писал о женских образах Гончарова и Тургенева, но на пьедестал здесь возводится уже отнюдь не Ольга, а Вера Николаевна Тургенева, которая, не обращая внимания на мужа, умершую мать и на сформированные воспитанием упрёки совести, уходит к любимому мужчине. К сожалению, Вера – трагическая героиня, поскольку воспитанное в ней сознание своих обязанностей укоренилось в ней столь глубоко, что она не может жить, нарушив их, и умирает.³² Мораль означает здесь прямое насилие над природой. Единственный недостаток героини Тургенева состоит в том, что у неё нет сил плыть против течения, и поэтому ей приходится страдать.³³

Радикализация

Реакция 1862 года, тюремное заключение друзей привели Писарева в отчаяние. Он написал прокламацию против Шедо-Ферроти, в которой открыто говорил о гибели царской семьи и необходимости революции. За эту прокламацию он был заключён в Петропавловскую крепость, где провёл четыре с половиной года.³⁴ Годы, проведённые в крепости, сильно подорвали его здоровье и одновременно привели к радикализации его взглядов. С этого времени и до смерти в 1868 году его воззрения постепенно становились всё менее индивидуалистическими. По его собственному признанию, в крепости он начал сочувствовать «голодающим и отверженным».³⁵

Это выразилось и в той манере, в которой он писал в то время об эмансипации женщин. Эта тема в ещё большей степени потеряла для него своё значение, и лишь некоторые упоминания позволяют догадываться, что он о ней думал. Он считал, что группа, которая встанет во главе социальных изменений, – есть люди «нового типа», которые выйдут из мыслящих членов образованного класса. Конечная цель всей их деятельности и умственных занятий должна состоять в окончательном решении проблемы голодных и раздетых людей, на что потребуется, по крайней мере, сто лет.³⁶ В этом контексте проблема женщин не считается жгучим вопросом и поэтому не входит в круг важнейшей деятельности людей «нового типа». Полное равноправие может быть осуществлено только после главных перемен.

В опубликованной в 1864 г. статье «Реалисты» Писарев пишет о разговорах между Одинцовой и Базаровым, которые в его интерпретации могли дать обществу мыслящую женщину и мужчину с рабочими силами, удесятерёнными счастьем любви, что в итоге «пошло бы целиком на пользу общему умственному капиталу всего человечества». К сожалению, в таком прочтении акцент сделан на деятельности мужчины, а не женщины. Базаров не показывает своих чувств, а говорит с женщиной о химии и ботанике «как с умным мужчиной». Трагедия этих двух людей состоит в том, что Одинцова, хотя и быстро развивается под влиянием этих разговоров, всё же в интеллектуальном отношении стоит ниже Базарова.

В свете всего этого женщины тоже должны становиться реалистами, чтобы достичь уровня мужчин. По мнению Писарева, к этому нет никаких физических препятствий, зато воспитание и общественное положение женщин создают такие трудности, которые могут преодолеть лишь самые интеллигентные женщины и к тому же при счастливых обстоятельствах, например, благодаря встрече с умным мужчиной. Встреча реалиста и реалистки, которые трудятся в одинаковом направлении и чувствуют симпатию и уважение друг к другу, неизбежно должна привести к гармоничной взаимной привязанности, которой не грозит охлаждение. Заключённый таким образом брак послужит на пользу всему обществу.³⁷

В 1865 году Писарев с одобрением отозвался о Леночке Помяловского. Она не мыслящая женщина как Ольга, и не бунтарка как Вера Николаевна, а просто живой и здоровый организм, который, если научить его мыслить, будет ещё сильнее стремиться к мировой жизни, которая и так заложена в нём. У такой женщины больше сил, а её чувства чище, чем у недавно получившего образование мужчины, и она стоит

выше его потому, что может внести в жизнь окружающих свет и теплоту.³⁸ Так простая, необразованная женщина превращается в идеал, который можно формировать, становится пассивным объектом эмансипации.³⁹ Хотя наибольшее счастье мыслящему мужчине может дать только мыслящая женщина, умных женщин немного, поэтому мужчинам надо обратиться к женщинам, подобным Леночке.⁴⁰

В одной из статей 1867 года Писарев описывает брак двух бедных людей как акт купли-продажи, когда обоих продают, предопределяя им бедность на всю жизнь. Интересен фокус наблюдения, ведь речь идёт о девушке из обедневшей семьи, и акцент делается на социальном положении. Писарев отличает такие браки по расчёту от браков по расчёту в высших слоях общества, так как в последних «обе стороны по-своему остаются в выигрыше».⁴¹ Из этого также видно, что в рассматриваемый период для Писарева эмансипация строится не на противоречии мужчины и женщины, а на противоречии бедности и богатства.

* * *

Творчество Дмитрия Писарева интересно потому, что в нём можно обнаружить все неконсервативные идейные течения эпохи, сменявшие друг друга по мере того, как из более или менее либерального интеллигента критик превращался в радикала. В связи с этим и его мнение об эмансипации изменялось, проходя через те категории, которые предложил в своей книге Стайтс. Из многообразия тем и мнений вырисовываются как разница между тремя упомянутыми выше течениями, так и связь между ними.

Сотрудничая в «Рассвете», Писарев, подчёркивая роль образования, представлял феминизм. В «Русском слове» он стал рупором нигилистов и в своих статьях призывал женщин к отрицанию существующего социального строя. Он понял, что беда не в образовании, а в общественном строе, который находит воплощение в образовании и воспитании. После выхода из крепости Писарев выражал мнения радикалов, представляя женщин как вспомогательную силу движения, нацеленного на изменение общественного строя, и подчинив женский вопрос вопросу политической и социальной перестройки. Здесь эмансипация женщин уже не вопрос индивидуальных устремлений и индивидуального бунта, а совместное общественное дело. Прогрессивные женщины должны с некоторой помощью вырасти до уровня прогрессивных мужчин, чтобы общими усилиями исправить общество и осуществить полную эмансипацию, независимую от половой принадлежности людей.

Примечания

¹ Кустюкевич Л.П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли: I половина XIX века. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2003. – <http://www.dissercat.com/content/zhenskii-vopros-v-russkoi-filosofii-i-obshchestvenn-oi-mysli-i-polovina-xix-veka> (апрель, 2015).

² Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 20-23.

³ Ibidem. P. 61.

⁴ Ibidem. P. 86.

⁵ Ibidem. P. 65.

⁶ Поэтому в начале 1860-х гг. между нигилистками и феминистками часто не было четкой границы (Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 65-66).

⁷ Ibidem. P. 101.

⁸ Ibidem. P. 103-104.

⁹ Ibidem. P. 123.

¹⁰ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60 гг. XIX в. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 79.

¹¹ Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 38-45.

¹² Тишкин Г.А. Женский вопрос в России... С. 82.

¹³ Нужно отметить, что, хотя по утверждению Н.В. Шелгунова его товарищ, Михайлов, считал себя законным руководителем женского движения, так как открыто занимался темой эмансипации на страницах «Современника» (Тишкин Г.А. Женский вопрос в России... С. 75), в прокламации «К молодому поколению» он предполагал решить женский вопрос только после осуществления революции (Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 46).

¹⁴ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России... С. 75-77.

¹⁵ Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 92-93. По мнению Чернышевского, степень свободы женщин является показателем общей свободы в обществе (Тишкин Г.А. Женский вопрос в России... С. 100), поэтому он попытался показать процесс эмансипации на примере женщины (Lukács Gy. Csernisevszkij // Mit tegyünk? Budapest: Új Magyar Könyvkiadó, 1954. P. 381-382).

¹⁶ Lampert E. Sons Against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1965.

¹⁷ Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 37.

¹⁸ Правда, с другой стороны, во многих его статьях чувствуется несколько пренебрежительное отношение к женщинам, например, когда он предлагает вниманию дам путевые письма Бабста, подчеркивая, что они не имеют отвлеченного ха-

рактера и поэтому доступны всем читательницам. (Писарев Д. Три месяца за границей И. Бабста. – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1858_ateney.shtml (май, 2015).

¹⁹ Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 34.

²⁰ Писарев Д. «Парижские письма» М.Л. Михайлова. Письмо V. – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1859_sovremennik.shtml (апрель, 2015).

²¹ Писарев Д. Еще о женском труде. По поводу журнальных толков об этом вопросе А.М. Пальховского. – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1858_ateney.shtml (апрель, 2015).

²² Писарев Д. Роман И.А. Гончарова «Обломов». – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0060.shtml (апрель, 2015).

²³ Писарев Д. «Дворянское гнездо». – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0040.shtml (апрель, 2015).

²⁴ Писарев Д. «Дворянское гнездо».

²⁵ Lampert E. Sons Against Fathers... P. 277.

²⁶ Ibidem. P. 279.

²⁷ Цит. по: Тишкин Г.А. Женский вопрос в России... С. 99.

²⁸ Писарев Д. «Стоячая вода». – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0110.shtml (апрель, 2015).

²⁹ Писарев Д. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0080.shtml (апрель, 2015).

³⁰ Stites R. The Women's Liberation Movement... P. 125-126.

³¹ Lampert E. Sons Against Fathers... P. 304.

³² Писарев Д. Женские типы...

³³ Писарев Д. «Стоячая вода».

³⁴ Lampert E. Sons Against Fathers... P. 285.

³⁵ Ibidem. P. 293-294.

³⁶ Писарев Д. «Реалисты». – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml (апрель, 2015).

³⁷ Ibidem.

³⁸ Писарев Д. Роман кисейной девушки. – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0380.shtml (апрель, 2015).

³⁹ Так же считает и Тишкин, хотя он и не объясняет, почему именно (Тишкин Г.А. Женский вопрос в России... С. 99.)

⁴⁰ Писарев Д. Роман кисейной девушки...

⁴¹ Писарев Д. Погибшие и погибающие. – http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0190.shtml (апрель, 2015).

Д.О. СЕРОВ

Образовательный ценз для судебного ведомства России (1860–1868 гг.)

Проблема образовательного уровня должностных лиц органов юстиции Российской империи донныне почти не привлекала внимания ученых. Исключением явились лишь приведенные в литературе разрозненные сведения об образованности некоторой части судей, губернских прокуроров и старшего канцелярского персонала Правительствующего Сената в XIX в.¹ Между тем, по верному суждению Р. Уортмана, сложившаяся в России после судебной реформы 1864 г. правовая специализация (*legal professionalization*) была радикальным нововведением,² которое привело к складыванию в империи юридической профессии (*legal profession* или *law profession*).³

В свою очередь, представляется неоспоримым, что в деле формирования правовой специализации ключевую роль сыграло введение в российском судебном ведомстве правового образовательного ценза. История складывания этого ценза являет собой, однако, очевидный историографический пробел. В настоящей работе речь пойдет как о нормативном оформлении образовательного ценза, так и о практическом воплощении соответствующих правовых предписаний в первые пореформенные годы.

Прежде всего, необходимо отметить, что до начала 1860-х гг. высшее руководство России не уделяло надлежащего внимания проблеме укомплектования государственного аппарата юридически образованными лицами, не побуждало ведомства проводить соответствующий отбор кадров (общеизвестным исключением здесь стало основание в 1835 г. Императорского Училища правоведения). Помимо разнообразных сведений, приведенных в литературе,⁴ в этом отношении весьма показательны данные о назначениях в состав Правительствующего Сената, осуществленных в последнее десятилетие перед судебной реформой 1864 г.

Как удалось установить, на протяжении 1853–1863 гг. на должность сенатора были определены 103 человека,⁵ из которых высшее юридиче-

ское образование имели лишь семеро (6,8 %). Для сравнения уместно заметить, что в соседнем Королевстве Пруссия наличие юридического образования для судей судов высшего звена стало обязательным в 1713 г., а для остальных судей – в 1737 г. Кроме того, в первой половине 1750-х гг. в Пруссии для претендентов на занятие должностей в органах правосудия были введены особые квалификационные экзамены.⁶

Далее необходимо коснуться вопроса о состоянии юридической подготовки в дореформенной России. По состоянию на 1860 г. в империи функционировали шесть юридических факультетов (Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского, Дерптского университетов и Университета св. Владимира), юридическое отделение Одесского Ришельевского лицея, а также четыре специализированных учебных заведения юридического профиля – Демидовский юридический лицей в Ярославле, Лицей князя Безбородко в Нежине, состоявшее в ведомстве Министерства юстиции упомянутое Императорское Училище правоведения и состоявшее в ведомстве Военного министерства Аудиторское училище.⁷ Проблема заключалась, однако, не в количестве образовательных учреждений юридического профиля, а в количестве их выпускников.

Так, юридический факультет расположенного в Киеве Императорского университета св. Владимира за 20-летие 1840–1859 гг. окончило 345 человек⁸ (в среднем по 17 чел. в год). За те же два десятилетия Императорский Санкт-Петербургский университет выпустил 830 юристов⁹ (в среднем по 42 чел. в год). В Императорском Харьковском университете на выпускном 4-м курсе юридического факультета в 1840 г. обучалось 34 студента, а в 1854 г. – 26.¹⁰

Лицей князя Безбородко за 17-летие 1843–1859 гг. подготовил 330 юристов¹¹ (в среднем по 19 чел. в год), Аудиторское училище за 1840–1859 гг. – 271¹² (в среднем по 14 чел. в год). В свою очередь, юридический факультет Императорского Дерптского университета (*Kaiserlichen Universität Dorpat*) за 10-летие 1840–1849 гг. выпустил 182 специалиста¹³ (в среднем по 18 чел. в год). Юридический факультет Императорского Казанского университета в 1850 г. окончило 16 человек, в 1856 г. – 17.¹⁴

Количество выпускников привилегированного Императорского Училища правоведения составило за 1840–1845 гг. 130 человек¹⁵ (в среднем по 22 чел. в год). Юридический факультет Императорского Московского университета за 18-летие 1836–1854 гг. подготовил 802 дипломированных специалиста¹⁶ (в среднем по 46 чел. в год). В 1861 г. общее количество выпускников-юристов составило в нашей стране 328 человек.¹⁷ Если учесть, что в конце 1850-х гг. на государственной гражданской службе в России ежегодно открывалось в среднем около 3000

вакансий,¹⁸ незначительность выпуска специалистов в области юриспруденции в 1840-е–1850-е гг. представляется очевидной. Тем самым, следует констатировать наличие в предреформенной России дефицита лиц с высшим юридическим образованием. Подобный дефицит весьма затруднял возможность в сжатые сроки образовывать из дипломированных юристов полноценный кадровый резерв для любого ведомства, препятствовал введению правового образовательного ценза.

Для характеристики уровня образованности должностных лиц до-реформенных органов юстиции представляется уместным привести данные об образовательном уровне судей и прокуроров регионального звена в 1851 г. Как явствует из официального «Списка чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции», по состоянию на февраль 1851 г. из 57 губернских и областных прокуроров России высшее юридическое образование имели только 27 (47,3 % состава), а 21 региональный прокурор (36,8 %) не получил вообще никакого образования. Даже в прокуратуре Правительствующего Сената из 13 обер-прокуроров дипломированными юристами являлись лишь восемь человек (61,5 %).¹⁹

В том же 1851 г. из 88 председателей губернских палат уголовного и гражданского суда и председателей губернских судов среднее и высшее образование имело 49 человек (55,6 % состава). Дипломированных юристов среди председателей судов насчитывалось 24 человека (27,2 %), еще девяттеро имели непрофильное высшее образование (духовное, медицинское, филологическое, педагогическое). Соответственно, 44,4 % руководящих должностных лиц российских органов правосудия в 1851 г. не получило вообще никакого систематического образования. Да и среднее образование, полученное 16 председателями судов (кадетские корпуса, пансионы при университетах, уездные училища, гимназии), создавало явно недостаточные предпосылки для успешного занятия отправлением правосудия.

Впервые в истории государства и права России образовательный ценз для должностных лиц органов юстиции был введен в 1860 г. в связи с основанием института судебных следователей. Согласно ст. 3 Закона «Учреждение судебных следователей» от 8 июня 1860 г. к кандидату на должность следователя было предъявлено квалификационное требование о наличии у него высшего или среднего образования.²⁰ Осторожность, с которой законодатель подошел в 1860 г. к формулировке образовательного ценза для судебных следователей, имела очевидные основания. Учитывая обрисованный выше дефицит в стране дипломированных юристов, требование об обязательности для следователей юридического образования было бы заведомо неисполнимым на практике. Особенно если

принять во внимание, что Министерству юстиции предстояло в сжатые сроки заполнить свыше 900 следовательских вакансий.

Однако введение даже столь смягченного образовательного ценза встретило непонимание в регионах. Уже в 1860 г. Министерство юстиции столкнулось с попытками губернских властей продвигать на должности следователей лиц, не имевших даже среднего образования, преимущественно из числа бывших полицейских чиновников. В ответ Министерство заняло достаточно жесткую позицию, предписав губернаторам предлагать на следственные должности лиц, «преимущественно кончивших курс наук в высших юридических заведениях»²¹ (что меняло в сторону ужесточения требования к кандидатам на должность следователя, закрепленные в ст. 3 «Учреждения судебных следователей»).

В ходе подготовки судебной реформы 1864 г. законодатель сохранил осторожный подход к введению образовательного ценза. С одной стороны, в ст. 66 «Основных положений преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г. (первой российской концепции судебной реформы) было внесено законодательное предположение о введении для судей, прокуроров, следователей и секретарей судов квалификационного требования о наличии у них высшего юридического образования. С другой стороны, в ту же статью была вписана оговорка, что в качестве альтернативы на соответствующие должности могут быть назначены лица без образования, а просто «доказавшие по службе свои познания по судебной части».²²

В ходе выработки Судебных Уставов приведенная формулировка ст. 66 Основных положений вызвала дискуссию.²³ Часть кодификаторов настаивала на факультативности образовательного ценза для судебного ведомства. В качестве доводов указывалось на дефицит дипломированных юристов, имевших необходимый опыт практической работы, а также приводилось соображение о том, что на службе в ведомстве состояли и такие лица, которые «хотя и не посещали курса юридических наук, но продолжительной службой в судебном ведомстве, при старании изучать законы, приобрели основательные познания по судебной части».²⁴ Сторонники безальтернативного введения правового образовательного ценза резонно указывали, что дефицит дипломированных юристов – это явление временное, в то время как обсуждавшаяся норма будет иметь постоянный характер.

Окончательное нормативное оформление образовательного ценза для должностных лиц судебного ведомства России произошло в связи с изданием Судебных Уставов от 20 ноября 1864 г. При утверждении их проектов законодатель склонился, в конце концов, к факультативности

образовательного ценза. Согласно ст. 202 «Учреждения судебных установлений» (кн. 1 Судебных Уставов), для замещения должностей судей судов общей юрисдикции, прокуроров, судебных следователей и старших канцелярских служащих судов вводилось квалификационное требование о наличии у претендентов высшего юридического образования. Соответственно в качестве альтернативы оговаривалась возможность назначения на эти должности лиц, «доказавших на службе свои познания по судебной части»²⁵ (что явилось почти дословным воспроизведением приведенной выше формулировки ст. 66 Основных положений).

Остается добавить, что Министерство юстиции (возглавлявшееся в 1862–1867 гг. реформаторски настроенными Д.Н. Замятиным и Н.И. Стояновским) и после 1864 г. продолжило линию на комплектование судейского и прокурорско-следственного корпуса лицами с высшим юридическим образованием. В этом отношении весьма характерно в частности циркулярное распоряжение министра юстиции № 8535 от 15 октября 1865 г., в котором предписывалось рассматривать в качестве кандидатов на должности судебных следователей, прежде всего, лиц, «получивших если не юридическое, то высшее образование».²⁶ Подобная кадровая политика Министерства принесла свои плоды.

Согласно «Списка чином Правительствующего Сената и Министерства юстиции» за 1866 г., численность следственного корпуса Российской империи составила тогда 1063 человека (включая 100 временных судебных следователей).²⁷ Из этого числа 56 лиц занимали должности в открытых в апреле 1866 г. Санкт-Петербургском и Московском окружных судах, а остальные 1007 состояли в органах правосудия дореформенного устройства («старых судебных местах», как они именовались в делопроизводстве Министерства юстиции). Среди следователей окружных судов лица с высшим юридическим образованием составляли подавляющее большинство. В Санкт-Петербургском окружном суде из 25 следователей первого состава дипломированными юристами являлись 23 человека (92,0 %), а в Московском окружном суде – 26 из 31 (83,9 %).²⁸

Ситуация с образовательной подготовкой 1007 следователей, состоявших в штатах дореформенных судов и прикомандированным к ним, была в 1866 г. не столь благоприятной. Из числа этих лиц высшее образование имели 538 человек (53,5 % состава), в том числе высшее юридическое – 497 (49,4 %). Тем самым, общая доля дипломированных юристов среди судебных следователей России составила в 1866 г. 51,4 %. Вместе с тем, в следственном корпусе тогда насчитывалось всего 11 лиц, не получивших никакой образовательной подготовки (1,03 % состава). Остальные судебные следователи имели общее и среднее специальное

образование, полученное в губернских гимназиях, уездных училищах, духовных семинариях, кадетских корпусах и иных подобных заведениях.

Юридически образованные следователи распределялись по следственным участкам «старых судебных мест» достаточно неравномерно. Наибольшее число таких следователей оказалось в 1866 г. сосредоточено главным образом в тех губерниях, в которых располагались образовательные учреждения, готовившие юристов. Так, высшее юридическое образование имели 19 из 20 судебных следователей Ярославской губернии (95,0 %), в которой размещался Демидовский юридический лицей. Дипломированными юристами являлись 17 из 20 следователей Херсонской губернии (85,0 %), на территории которой находился Одесский Ришельевский лицей с его юридическим отделением.²⁹

Что касается образовательного уровня прокурорского корпуса состава 1866 г., то, прежде всего, следует отметить, что среди 13 оберпрокуроров Сената лиц с высшим юридическим образованием насчитывалось тогда 12³⁰ (92,3 %). Высшее юридическое образование имели все четверо прокуроров реформированных органов правосудия – Санкт-Петербургской и Московской судебных палат и окружных судов. К тому времени заметно улучшилась образованность и региональных прокуроров – несмотря на то, что в ходе проведения судебной реформы 1864 г. территориальные органы прокуратуры подлежали постепенной ликвидации, и что на губернских прокуроров *de jure* не распространялись требования образовательного ценза из ст. 202 «Учреждения судебных установлений». По состоянию на июль 1866 г. из 60 губернских и областных прокуроров России высшее образование имели уже 53 человека (88,3 % состава), из них высшее юридическое – 44 (73,3 %). При этом среди них оставалось двое лиц, не получивших никакого образования (3,3 %).

Подводя итог изложенному выше, возможно констатировать, что в предреформенный период, до самого начала 1860-х гг. высшее руководство Российской империи не уделяло должного внимания привлечению на государственную гражданскую службу юридически подготовленных лиц, не заботилось о формировании кадрового резерва из специалистов в области юриспруденции. Осознавая отсутствие такого резерва, законодатель все же решился в 1860–1864 гг. – впервые в истории российского государства и права – ввести для должностных лиц органов юстиции и прокуратуры образовательный ценз, хотя и не закрепил в нем безальтернативности высшего юридического образования.

Со своей стороны Министерство юстиции России в начале 1860 х гг. решительно взялось за увеличение доли дипломированных юристов среди прокуроров и судебных следователей. Особое внимание

Министерство уделило привлечению юридически подготовленных лиц на прокурорско-следственные должности в реформированные органы правосудия и в прокуратуру Правительствующего Сената.

Не вызывает сомнений, что Министерство юстиции сумело в сжатые сроки добиться впечатляющего успеха в деле обеспечения юридически образованными кадрами как верхнего и среднего звеньев органов прокуратуры, так и корпуса судебных следователей. Тот факт, что в 1866 г. в России высшее юридическое образование имели все прокуроры реформированных судов, 92 % обер-прокуроров Сената, семь из каждых десяти губернских и областных прокуроров, а также каждый второй судебный следователь, представляется результатом, максимально возможным в тогдашних исторических условиях.

Примечания

¹ *Wortman R.* The development of a Russian legal consciousness. Chicago, 1976. P. 219, 221-222, 264; *Морякова О.В.* Система местного управления при Николае I. М., 1998. С. 96, 99-100, 119, 172; *Серов Д.О.* Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России 10 (2013). С. 79-80.

² *Wortman R.* The development of a Russian legal consciousness. P. 4.

³ О юридической профессии в пореформенной России наиболее подробно см.: *Levin-Stankevich B.* The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // *Russia's Missing Middle Class. The professions in Russian History* / Ed. by H. Balzer. Armonk – N. Y., 1996. P. 223-249.

⁴ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 137-139, 160-161, 170-173; *Wortman R.* The development of a Russian legal consciousness. P. 55-59, 65-67, 73-78.

⁵ Подсчитано по: *Мурзанов Н.А.* Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий. СПб., 2011. С. 19-510.

⁶ *Friedrich G.* The Continental Tradition of Training Administrators in Law and Jurisprudence // *The Journal of Modern History* 11 / 2 (1939). P. 140.

⁷ Подробнее см.: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010. С. 29-193.

⁸ Подсчитано по: *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского университета св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1. Приложения. С. XXXVIII.

⁹ Подсчитано по: *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. Приложения. С. LXXVII-CVI. Без учета выпускников камерального и административного отделений юридического факультета.

¹⁰ Подсчитано по: Список студентов Императорского Харьковского университета на 1840 / 41 академический год. [Харьков, 1840]. С. 19-20; Список студентов Императорского Харьковского университета на 1854–1855 академический год. [Харьков, 1854]. С. 14-15.

¹¹ Подсчитано по: Список студентов, окончивших курс в Лицее князя Безбородко со времени преобразования его из математического факультета в юридический / Сост. Н.В. Гербель // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд. СПб., 1881. Приложения. С. CXLVI-CLXXXVI.

¹² Пятьдесят лет специальной школе для образования военных законоведов в России. 1832–1882 / Под ред. П.О. Бобровского. СПб., 1882. С. 156-157.

¹³ Подсчитано по: Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / Bearh. von A. Hasselblatt, G. Otto. Dorpat, 1889. S. 249-360.

¹⁴ Отчет о состоянии Императорского Казанского университета в 1849–1850 академическом году. Казань, 1850. С. 33-34; Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1855–1856 учебный год. Казань, 1856. С. 17-18.

¹⁵ Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1846. СПб., 1846. С. 139.

¹⁶ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета. 1755–1855. М., 1855. С. 574.

¹⁷ *Захаров В.В., Ильина Т.Н.* Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX века: Монография. М., 2013. С. 29.

¹⁸ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России... С. 34, 67, 69.

¹⁹ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1851. СПб., 1851. С. 9-129, 259-386.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 35, отд. 1. № 33890.

²¹ Отчет Министерства юстиции за 1860 год. СПб., 1862. С. 64.

²² Основные положения преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 23.

²³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд. СПб., 1867. Ч. 3. С. 134-136.

²⁴ Там же. С. 136.

²⁵ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года. СПб., 1864. С. 27.

²⁶ Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции. С 1 января 1865 по 1 мая 1870 года. СПб., 1870. С. 15.

²⁷ Подсчитано по: Список чинам Правительствующего Сената и Министерства юстиции. 1866. СПб., 1866. С. 141-342.

²⁸ Там же. С. 99-101, 120-122.

²⁹ Там же. С. 323-324, 334-335.

³⁰ Там же. С. 5-59.

GÁBOR KECSKEMÉTI

The Historical Roots of Liberal Russophobia in Hungary

Introduction

In this paper I would like to present you the historical roots of the liberal Russophobia in Hungary, during the 19th century. In a nutshell I would like to show what kind of image the Hungarian liberals had of the Russians and Russia in the 19th century, and which stereotypes and fears formed against the Tsarist Russia. In the first part I would like to shortly define the concept of phobia and the characteristics of Hungarian liberalism in the 19th century, then I will talk about the question, whether the Hungarian liberals were Russophobe in this century. Finally I will talk about the “Russophobe Encyclopaedia” of the Hungarian liberals.

The Definitions of 19th Century Liberalism and its Characteristics of Hungary

Before defining Hungarian liberalism, I would like to discuss the basic concepts I set up to analyze Russophobia. Phobia: a Greek word, meaning a pathological fear of something. Russophobia exists in psychology also. This phobia can be considered as an illness, only in the minority of the cases. So, here if I talk about Russophobia, I consider it, as socio-psychological phenomenon. So it means: that the majority of the cases shouldn't be treated psychologically, it is rather an area of social sciences. In my opinion if we talk about prejudice or negative image, we should call it a stereotype. In this case, the members of a group – Russians – or a type of political formation – the Tsarist Russia –, or a definable person – the Russian Tsar – creates a specific impression or fear of other people.

The liberal state theory is based on the concept of freedom, but the liberals did not aim to reach this by isolating the individual and the state, but on the contrary, by creating closer relations between the two and subordinating the power to the society.¹

In Hungary, the establishment of the liberal public opinion can be associated with earl István Széchenyi. He intended to promote its establishment on social meetings or attending clubs in the 19th century, which hadn't had any underlying political intentions before.² He believed that after a while the power of public opinion would be enough to influence political power.³

It is important to mention that most of the Hungarian liberal intellectuals and politicians were jurists before and after 1848, so their main interests were legal theory, public law and state structure, hence other important topics, like social questions were neglected.⁴ It is interesting that in the 1830s and 1840s those groups, which were considered to be socially radical at that time (in topics like abolition of serfdom), were radical in their approach of minorities as well. They had intolerant views of ethnic groups in Hungary.⁵ Most of the Hungarian liberal politicians and thinkers were from noble families as the Hungarian middle class did not possess enough power or opportunity to represent itself in politics. These lesser nobles were between the destitute masses and the opulent nobles just like bourgeoisie between feudal aristocrats and the working class in other countries so they can be considered a type of middle class.⁶

The 1848 / 49 revolution is an important turning point in the history and evolution of Hungarian liberalism. Before 1848, Hungarian liberalism was diverse, but as I mentioned earlier, it dealt with social questions rather than minority issues.⁷ These early liberals represented national interests as they were in opposition to the “conservatives” who were loyal to the royal Court of Vienna.⁸ Furthermore, this political group was willing to start an uprising to protect the institutional and civil development and freedom. The liberals of the reform era truly believed that the emergence of the middle class and capitalism will become appealing for the Hungarian minorities and will attract their counterparts (Serbs, Bosnians, Romanians) from the Balkans.⁹ During the century, the liberals gradually became less and less able to cope with changes of the notion of “natio”. Earlier it possessed political meaning and was first replaced by religious identity and in the 19th century by national (minority) identity.¹⁰

In the beginning of the 19th century the fear of “death of the nation” appeared, this was first reported by a German, Johan Gottfried Herder. In the Hungarian aspect it meant that in one or two centuries, Hungary would disappear from the map of European nations as it would merge with the Slavic-

German “sea” that surrounds it. For the Hungarian liberals – and for other political forces – this prediction seemed to be realistic so the liberal literature and works were heavily influenced by the fear of Germanization and Pan-slavism and affected the mindset of the century.¹¹

Were Hungarian Liberals Russophobe in the 19th Century?

The fear of pan-slavism had a huge impact on the – mostly liberal – Hungarian reformers' ideas of foreign policy that resulted in a desire to create a middle class nation-state.¹² The crush of the Polish revolution in 1831 and the abolition of Polish autonomy were experiences of paramount importance for the generations of the reform era. In 1832, by the time the Hungarian parliament convened, the Polish uprising had been crushed by the tsarist army. However, a political movement started to help the Polish, furthermore a whole group of liberal noble members of the parliament did something unprecedented: they addressed the monarch in foreign policy matters. According to some authors, one of the counties' petitions contained rather liberal views.¹³

The members of the parliament realized that this step of the Tsarist Russia – which wasn't a classical military expansion, only an act of termination of the Polish autonomy – was not only a question of borders, but a political system – in this case the growth of an autocratic and extremely centralized military state.¹⁴ This generation of the reform era realized that a Hungarian social change (from a feudal system to a modern middle class state) was threatened by this act and as the royal court of Vienna denied any kind of discussion about the Polish situation, the anti-Russian political movement could blend with anti-Habsburg atmosphere.

Apart from the Polish events, contemporaries perceived how the Tsarist Empire stabilized its positions in the Balkans, along the eastern and southern borders of the Hungarian Kingdom.¹⁵ Their fear of the Slavs' cultural movements was not groundless and they assumed correctly that this would eventually result in a political movement, which would search alliance with the only independent Slavic state – the Tsarist Russia – to reach their goals. This would result in a threat on the regional unity of Hungary. They witnessed the development of the Croatian Illirian movement in the 1840s, which went beyond language rights and promoted the unity of southern Slavic peoples.¹⁶ The claim to make the Balkans a Habsburg-led ally instead of letting it become influenced by the Russians appeared.¹⁷

The revolution and the war for independence brought along a fundamental change in the history of Hungary and in the Russian-Hungarian relationship. The Habsburg monarch, Franz Joseph sought the Russian Tzar's help, who did not hesitate to send his armies against Hungary in the summer of 1849. This intervening army was huge (120.000 soldiers), but the Russians lost more soldiers due to illnesses than the fight itself. The Russian invasion was a turning point in the historical context of the two nations, and in spite of the previous examples the negative reputation of Russians gained strength.

László Teleki, who was one of the leading politicians of the liberals before the revolution, published his work in 1849 about the Russian intervention („Die russische Intervention, nebst diplomatischen Actenstücken, von Graf Ladislaus Teleki, ungarischem Gesandten bei der französischen Republik. Originalausgabe für Deutschland.” Hamburg, Hoffmann und Campe. 1849.) His writings of the tsarist authorities are colored with fear and Anti-Russianism: “I only want to prove one thing: The holy mission of Russia is nothing else, but a crusade against civilization.” He was suspicious about a conspiracy on the Russian side, he thought a new alliance was being formed: “The first one threatened only the freedom of people but this one, which is fully organized in a Cossack manner, is intended to push us back into the darkness of the barbarian centuries.”¹⁸

It is important to note that during the revolution and war for independence, the expectations of Hungarian liberals weren't met. As a result of more freedom the minority movements strengthened (Croatians, Serbs, Romanians, Slovaks) and aimed at more than linguistic rights and freedom of religion. They demanded political-administrative autonomy. This was rejected by Hungarian politics and it resulted in an ethnic insurgency against the Hungarian Government. The writings of Lajos Kossuth, who was one of the most influential politicians of the time that governed Hungary in 1849 for months, reveal that contemporary people believed that the insurgency was a plot of the Habsburgs and the Pan-Slavs – the Russians.¹⁹ Kossuth's writings reflect notable Russophobia, but we shouldn't forget that his aversions were strengthened by the crush of the Polish and the Hungarian revolutions. Therefore it is not a coincidence that he believed in Russian conspirators against Hungary until his death and that he even made up some theories himself.

As I have already mentioned, when considering the Hungarian liberals' views of Russia and the Russians we should bear in mind that in 1849 a foreign state crushed the hard-gained national independence and many important aspects of constitutionalism. During the Austrian absolutism that followed the Russian intervention, the political-institutional forums of the public were eliminated.²⁰

In the second part of the 19th century, there were no real liberal democratic views because the whole century was pervaded by the feeling of being threatened by minorities for which the centralizing and Germanizing aspect of the central (absolutist) power called forth the reflections of old patrician resistance.²¹ Those, who stayed in politics, tried to offend the centralizing Austrian power.

The weakening Ottoman empire and the strengthening Austro-Jugoslavism made the Hungarian liberals more pro-Turkish and anti-Slav as they were afraid that after the Turkish rule the less populous Slavic peoples in the Balkans could be incorporated by the absolutistic Austrian state.²²

Baron Zsigmond Kemény, who was one of the intellectual leaders of Hungarian liberals along with József Eötvös, thought that the Habsburg empire would be important in the 1850s to countervail Russian interests and expand the Western civilization to the Balkans and the East but wanted to avoid if this expansion would turn into Germanization.²³ He considered it to be the duty of the Hungarians to play sort of a mediator role, which could help the Germans (the Austrians) to avoid conflicts with the Slavs. Kemény concluded that Austria and Hungary depended on each other.²⁴ The political groups that formed after 1848 / 49 considered the Russian expansion a serious threat and foresaw two possible possibilities: 1, integration into the Habsburg Empire to offset outer (the Russian expansion) and inner (strengthening resistance of minorities) forces that threatened the existence of the country; 2, the dissolution of the Habsburg Monarchy was seen to be unavoidable as it could a serious impact on Hungary as well, so it was important to find a way to conciliate the minorities and get on the path of democratization.²⁵

Russophobia in connection with liberalism, which primarily meant a deep fear of tsarism, is not a unique Hungarian attribute, it was common in Europe at that time, because constitutional states considered the Tsarist Empire their natural enemy.²⁶ Furthermore, the Hungarian liberals emphasized that the Tsarist Russia, which was considered to be based on the monarch's unrestricted rule and expansion, was a state that threatened the existence of Hungarian statehood. Nevertheless they did not find the annexation of Hungary likely, but an attack against the territorial integrity of the country – especially in the areas neighbouring the Balkans – was considered very probable.

The “Russophobe Encyclopaedia” of Hungarian Liberals

During my research, I found a book, published in 1878, which could be called the “Russophobe Encyclopaedia” of Hungarian liberals of the 19th

century.²⁷ The date of publication is not accidental. The last Balkan war (1877–1878) can be considered the culmination point of Hungarian Russophobia: during this war the Russophobic feelings became more emphasized in Hungary. Most of the society and the political forces were against the Russians and pro-Turkish. One of the reasons was the proximity in time of the Russian intervention of 1849, the other was the hype of the Turkish-Hungarian brotherhood. Processions were organized against the Russian aggression, they blessed the Turkish generals and they wore black after Russian victories. During the war many Turkish delegates came to Hungary and the society emphasized their support for the Turkish. Because of the hysteria the Hungarian people were more and more afraid that the Russian armies would march to Turkey along the Hungarian borders. They thought this could have led to the uprising of the Hungarian Slaves and the treason of the Romanian.

The author of the book was a medic so by no means can he be considered knowledgeable of the politics or history or Russia. Nevertheless, he wrote about international politics in a quite well-informed way, but he altered and showed the available sources without criticizing and he did not hide his russophobia. This is quite surprising, considering that it is obvious that he was a committed liberal democrat, furthermore he even mentioned that being an enlightened liberal, he opposed any type of discrimination based on religion or race.

The book's depiction of Russia is quite oversimplified: a country of 80.000.000 slaves and the Tsar, who rules them, where the only way to maintain peace is military intervention. The country is only characterized by empty plains and the icy snowfields of Siberia. The author blames the Russians for ignoring of the international law and uses the Ottoman Empire as a contrasting example, which he considered a developing institutional state, where even the incompetent South Slavic people were involved in the creation of the empire.²⁸

There is an interesting twist in one of the chapters of the book: the author writes about a secret alliance of the Germans and Russians and he discusses how these two anti-freedom states plot to divide Europe to Pan-Germania and Pan-Slavia.²⁹ For him, their roles were simple: the Germans had attacked the French and the Russians had subjugated the Polish. These were preparatory attacks to let the Tsarist Empire concentrate only on settling the eastern question once and for all.³⁰ The book is full with the common and typical anti-Russian stereotypes of the era, but the author blames the ethnic minorities in Hungary too, calling them traitors in spite of Hungarian hospitality and noble treatment.³¹

This book describes every aspect of the Hungarian liberals' russophobia, mentions international Russian conspiracies and blames them for the lack of

a liberal rule of law. He gives an obviously exaggerated description of the Russian society, which he finds inferior, while continuously criticizing the Pan-Slavs.

Summary

In the foregoing I briefly summarized the general opinion of Russia and the Russians of the Hungarian liberals of the 19th century. Due to the short time available, the introduction of some important liberal individuals was not possible, but nonetheless I hope I could give an appropriate overview in the topic. It is not possible to give an exact answer to the question if the Hungarian liberals were unequivocally Russophobes but based on my research into the related sources and literature I would state the following: the liberals looked down on Russians culturally and socially and their emotions towards the Tsarist Empire were mixed with fear and grievance as they considered it the biggest threat of their politics and of the existence of the Kingdom of Hungary. History has proved it since then that the Hungarian liberals perceived the dangers that threatened the Austro-Hungarian Monarchy but the cause of these was not the dreaded Pan-Slavism but the narrow-minded politics of the reigning classes.

Notes

¹ *Veliky János*, “Liberális közvélemény értelmezések Magyarországon a 19. században” in *Forradalom után – kiegyezés előtt*, edited by Németh G. Béla (Budapest, 1988), 313.

² *Veliky*, “Liberális közvélemény...”, 317.

³ *Veliky*, “Liberális közvélemény...”, 317.

⁴ *Miru György*, “A magyar liberálisok eszmei és politikai útkeresése 1849 után” in *Emlékkönyv L. Nagy Zsuzsa 70. születésnapjára*, edited by Angi János and Barta János (Debrecen, 2000), 166.

⁵ *Niederhauser Emil*, “A nemzeti kérdés Magyarországon” in *Nemzet és kisebbség. Válogatott tanulmányok* (Budapest, 2001), 283.

⁶ *Szabó Miklós*, “A magyar nemesi liberalizmus 1825-1910” in *Szabadság és nemzet: liberalizmus és nacionalizmus Közép- és Kelet-Európába*, edited by Dénes Iván Zoltán (Budapest, 1993), 153.

⁷ *Miru*, “A magyar liberálisok...”, 157.

⁸ *Dénes Iván Zoltán*, “A magyar liberálisok szellemi horizontja és értékvilága 1830–1848.” in *Szabadság és nemzet: liberalizmus és nacionalizmus Közép- és Kelet-Európában*, edited by Dénes Iván Zoltán (Budapest, 1993), 128.

⁹ *Ress Imre*, “A magyar liberálisok és a Szerb Fejedelemség az 1860-as években” in *Forradalom után – kiegészítés előtt*, edited by Németh G. Béla (Budapest, 1988), 498.

¹⁰ *Miru Gyögy*, “Szabadság és politikai közösség – Kossuth Lajos politikai alapfogalmai” (Budapest, 2011), 192.

¹¹ *Dénes*, “A magyar liberálisok...”, 128.

¹² *Ress*, “A magyar liberálisok...”, 496.

¹³ *Gerő András*, “A gondolkodás polgárosodása. A lengyel felkelők melletti érvek az 1832–1836-os országgyűlésen” in *Magyar polgárosodás*, edited by Gerő András (Budapest, 1993), 61.

¹⁴ *Gerő*, “A gondolkodás polgárosodása...”, 62.

¹⁵ *Ress*, “A magyar liberálisok...”, 496.

¹⁶ *Ress*, “A magyar liberálisok...”, 496.

¹⁷ *Ress*, “A magyar liberálisok...”, 495.

¹⁸ *Teleki László*, “Az orosz intervenció Magyarországon : diplomatai okmányokkal bővítve” (Pest, 1861), 29.

¹⁹ *Miru*, “Szabadság és politikai közösség”, 205. – note: Kossuth disavowed the federal transition of Hungary even in exile. He would give rights to ethnic groups based on religious autonomy (associations, schools, religious communities). This attitude changed only at the beginning of the 1860s when he made the plans of the Danubian Federation for an Italian government official Canini.

²⁰ *Veliky*, “Liberális közvélemény...”, 324.

²¹ *Miru*, “Szabadság és politikai közösség”, 162.

²² *Ress*, “A magyar liberálisok...”, 505.

²³ *Miru*, “Szabadság és politikai közösség”, 168.

²⁴ *Miru*, “Szabadság és politikai közösség”, 169.

²⁵ *Miru*, “Szabadság és politikai közösség”, 172.

²⁶ *Ress*, “A magyar liberálisok...”, 509.

²⁷ *Héya Mihály*, “A keleti-kérdés leálcázva és Lengyelország” (Budapest, 1878).

²⁸ *Héya*, “A keleti-kérdés leálcázva és Lengyelország”, 22.

²⁹ *Héya*, “A keleti-kérdés leálcázva és Lengyelország”, 6.

³⁰ *Héya*, “A keleti-kérdés leálcázva és Lengyelország”, 26.

³¹ *Héya*, “A keleti-kérdés leálcázva és Lengyelország”, 75.

SZILVIA NAGY

Причины участия русских женщин в революционном движении в России в свете новейшей историографии

Вряд ли можно сомневаться, что вошедшая в моду гендерная тематика сохранит свою популярность и в русистике XXI века, поэтому я выбрала для сегодняшнего сообщения тему роли женщин в освободительном, террористическом движении в России в исторических исследованиях последнего времени.

25 января 1915 г. французский посол в России Морис Палеолог записал в свой дневник: *«Русские романисты, прежде всего Тургенев, часто отмечали, что русские женщины превосходят мужчин, по крайней мере в том, что касается характера, решительности и воли. В личной жизни тоже инициатива всегда исходит от женщин, женщины наступают, провоцируют, побуждают, направляют и решают, приказывают и господствуют. В своей личной жизни и подрывной политической деятельности они ведут себя одинаково»*.¹ Эти слова жившего в России дипломата иллюстрируют реальное историческое явление: важную роль, которую сыграли женщины в русском освободительном движении второй половины XIX – начала XX века.

Особый интерес представляет изучение важной роли женщин в политическом терроризме как крайней форме антисистемной борьбы в своеобразных российских условиях. Правда, они редко играли «руководящую» роль, однако, они были активными участницами подготовки и осуществления террористических актов.

Прежде всего, здесь встает неизбежный вопрос: что толкало многих женщин на участие в освободительном движении? Какие факторы повлияли на вынесенное ими решение? Почему некоторые женщины брались за бомбы и револьверы? Какие ответы на этот вопрос даются в

работах по этой теме? Я использовала недавние исследования таких авторитетных ученых, как Олег Будницкий, Эми Найт, Роберт Х. Макнил и Анна Гейфман.

Можно отметить, что проводился в жизнь принцип равенства, поскольку женщины участвовали в освободительном движении наравне с мужчинами. По мнению американского ученого Роберта Х. Макнилла, этот замечательный факт объяснен применением универсальных предписаний демократических принципов в русском радикальном движении. Другие демократические или радикальные движения того времени не допускали участия женщин в подпольном движении в такой степени, как это делали русские радикалы в шестидесятые и семидесятые годы. Отличительной особенностью российского радикализма ученый считает тот факт, что большинство женщин, которые хотели присоединиться к подпольному движению, относились к образованному дворянству.²

Реализация принципа равенства дала возможность русским женщинам принять участие в освободительном движении. Обратим внимание на их мотивы. К причинам социальным, политическим и психологическим прибавлялся и специфический, половой фактор – стремящихся к самоутверждению девушек и женщин становилось все труднее удерживать дома, доступ к высшему образованию был для них ограничен, их профессиональная карьера была ограничена только сферой преподавания и медицины, места в политической жизни им не было. Это привело многих из них в ряды радикалов, где среди их соратников-мужчин они встречали большее уважение, чем в любых традиционных слоях общества.³ Таким образом, женщинам предоставлялись широкие возможности самоутверждения путем участия в подобных организациях и сопряженных с опасностью действиях.

В контексте упомянутого выше, мотивы участия женщин в освободительном движении, в общем, понятны. Однако, что толкало некоторых женщин братья за бомбы и револьверы? Для понимания феномена «женского терроризма» обратим внимание на подсчеты американской исследовательницы Эми Найт, работы которой служат точкой отсчета как для Анны Гейфман, так и для Олега Будницкого. Она проанализировала биографические данные 44 эсерок-террористок, опираясь на Биографический справочник 1934 года, и установила, что из 40 террористок, чье социальное происхождение удалось определить, 15 были дворянками или дочерьми купцов, 4 происходили из среды разночинцев, 11 – из мещан, одна была дочерью священника и 9 родились в крестьянских семьях. Эми Найт пришла к выводу, что *«Реально большинство из них принадлежало к тому слою русского общества,*

который принято определять термином “интеллигенция”». ⁴ Их отличает более высокое социальное происхождение и более высокий образовательный уровень, нежели их товарищей-мужчин, таким образом, женщины, вставая на путь террористической борьбы, возможно, более эффективно выполняли один из заветов П.Л. Лаврова: «вернуть долг народу». ⁵ Исследовательница подменяет один вопрос другим, ведь, если принять ее объяснение, то логично спросить, чем же объяснить это повышенное внимание женщин к заветам Лаврова?

Заинтересовавшись явлением женского терроризма и его причинами, Эми Найт, Анна Гейфман и Олег Будницкий в согласии друг с другом отметили, что в национальном составе эсерок-террористок преобладали русские (22 %) и еврейки (13 %). Высокий процент евреек среди женщин-террористок, по мнению ученых, нельзя объяснить только вообще активным участием евреев в русском революционном движении. ⁶ Их готовность к терроризму может частично быть объяснена тем, что, становясь революционерками, они порывали со своими семьями и культурными традициями на более глубоком уровне, чем мужчины. Вступая в революционное движение, еврейская девушка не только отрекалась от политических взглядов своих родителей, но и отвергала одну из фундаментальных основ еврейского общества, предписываемую ей традицией роль матери семейства. ⁷ В данном объяснении не совсем понятно, почему еврейская девушка, не желающая жить в соответствии с традиционными ценностями и отвергающая навязываемую ей роль жены и матери должна обратиться именно к революционному движению, тем более к его экстремальной форме, терроризму.

Участие в революционной борьбе – во имя равенства и справедливости предполагало принесение в жертву личного счастья и личных интересов. Жертвенные мотивы прослеживаются особенно отчетливо. В литературе уже обращалось внимание на религиозные основы психологии революционеров-народников и их преемников – эсеров. Изменился объект, но не изменилась структура религиозного чувства. Место Бога занял народ. Религиозный (или квази-религиозный) момент в особенностях прослеживается в психологии революционеров. ⁸

Наконец, ученые обращают внимание на психическо-девиантные мотивы, сопровождавшие террористические акты. По мнению Эми Найт и Анны Гейфман, возможно, многие террористки имели психические отклонения и их участие в террористической борьбе объяснялось тягой к смерти. Во всяком случае, уровень психических отклонений и заболеваний среди террористок был очень высок. (Значительное число активных российских террористов еще до 1905 года совершали попыт-

ки самоубийства.) Была ли их психическая нестабильность причиной прихода в террор? Как отмечает Найт, *«склонность к самоубийству была частью менталитета террористов, поскольку террористический акт часто был и актом самоубийства»*.⁹

Я считаю, что в данном случае историк вступает на очень зыбкую почву и должен быть очень осторожным, пытаясь точно определить и проанализировать истоки психологического поведения отдельных террористок. В таком контексте часто упоминается судьба Татьяны Леонтьевой, видимо, действительно страдавшей психической болезнью, на основании чего Борис Савинков даже отсоветовал ей заниматься террором и предлагал лечиться. Как известно, в итоге Леонтьева по ошибке убила миллионера Шарля Мюллера, которого она приняла за министра внутренних дел Дурново, и умерла в психиатрической больнице. Однако, насколько известно, душевная болезнь появилась у нее лишь после заключения в Петропавловской крепости. В целом же Савинков писал о ней так: *«В Леонтьевой было много той сосредоточенной силы воли, которую была так богата Бриллиант. Обе они были одного и того же – “монашеского” типа. Но Дора Бриллиант была печальнее и мрачнее; она не знала радости в жизни, смерть казалась ей заслуженной и долгожданной наградой. Леонтьева была моложе, радостнее и светлее. Она участвовала в терроре с радостным сознанием большой и светлой жертвы»*.¹⁰

Подводя итоги, можно сказать, что исследователи, занимающиеся судьбой женщин-революционерок, часто встречаются с утверждением, что большое число женщин, участвовавших в революционном движении во второй половине XIX и начале XX века, объясняется их социальным происхождением и вытекающим отсюда высоким образовательным уровнем, а также своеобразным половым фактором. В специальной литературе, с которой я познакомилась, я не нашла конкретных ответов на вопрос о мотивах участия женщин именно в террористической деятельности, чаще всего речь идет об освободительном движении в целом. В то же время очень интересен поставленный учеными вопрос о психологических и моральных мотивах, которыми руководствовались женщины, присоединявшиеся к террористам. Первой это сделала Эми Найт в опубликованной в 1979 г. статье “Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party”. Позже ее тезис использовали Анна Гейфман и Олег Будницкий. Быть может, женщины присоединялись к террору и приносили в жертву свои жизни благодаря своему душевному, психологическому состоянию? – ставит вопрос Эми Найт. Нужно сказать, что подобные факторы с трудом поддаются историче-

скому изучению. Необходимо обратиться к более подробному и всестороннему изучению источников. Такова очередная задача, стоящая перед учеными-русистами XXI века.

Примечания

¹ Палеолог М. Дневник посла. – <http://istmat.info/node/25187> (май, 2015).

² McNeal R.H. Women in the Russian Radical Movement. – <http://jsh.oxfordjournals.org/> (май, 2015).

³ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – <http://www.kouzdra.ru/page/texts/geifman/1.html> (май, 2015).

⁴ Knight A. Female Terrosits in the Russian Socialist Revolutionary Party. – http://astro.temple.edu/~dmg33/Terrorist_files/knight.pdf (май, 2015).

⁵ Там же.

⁶ Будицкий О. Женщины-террористки России. Бескорыстные убийцы. – <http://www.e-reading.club/book.php?book=1005637> (май, 2015).

⁷ Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917.

⁸ Knight A. Female Terrosits in the Russian Socialist Revolutionary Party. – http://astro.temple.edu/~dmg33/Terrorist_files/knight.pdf (май, 2015).

⁹ Там же.

¹⁰ Савинков Б. Воспоминания Террориста. Предисловие Феликса Кона к изданию 1928 года. М., 1928. С. 81.

GYÖRGY BEBESI

Забытый дипломат Сергей Юльевич Витте (1849–1915)

В 2008 г. в Российской Федерации на экранах шла интересная телепередача под заглавием «Имя Россия». После третьего раунда на первое место вышел Александр Невский, а второе место занял Петр Столыпин, один из политических идеалов современной России.¹ Его второе место вполне понятно, но более, чем странно то, что имя Сергея Юльевича Витте даже не фигурировало среди кандидатов в этот список. Политическая деятельность Витте по своему значению сравнима с деятельностью Столыпина. Он был гениальным министром финансов и путей сообщения, выдающимся экономистом, он выработал первую русскую конституцию, заключил Портсмутский мир, а его реформы в значительной степени подготавливали почву для деятельности его известного преемника, Столыпина. В своем выступлении я ставлю перед собой цель коротко набросать портрет несправедливо обойденного политического деятеля.

Витте родился на Кавказе. Его предки по материнской линии были богатыми дворянами, по отцовской же линии – выходцами из Голландии. Они обосновались на территории Балтии, поначалу сохранили свое лютеранское вероисповедание, но со временем перешли в православие. После того как Витте окончил математический факультет Одесского университета, тогдашний министр путей сообщения, граф Бобринский уговорил его поступить на государственную службу. Так молодой Витте устроился на работу на Одесскую железную дорогу и вскоре стал директором железных дорог.

Первый значительный политический шаг Витте связан с убийством императора Александра II. Узнав в Киевском театре об убийстве, он в возмущении составил проект и доставил его императорскому двору. В этом документе он доказывал, что дворяне должны такими же ме-

тодами покончить с анархистами, какими последние выступают против государственной власти. Его слова попали на хорошо подготовленную почву. Под руководством министра Воронцова-Дашкова была создана тайная дворянская организация (Святая дружина – как ее называли современники) с целью ликвидации народовольцев² и защиты жизни Государя любым способом.³

Вскоре после этого Витте был назначен директором Южных железных дорог. В этой должности он имел непосредственные контакты с императором Александром III, часто сопровождал его в поездках. В таких случаях на него возлагалась ответственность за безопасность железной дороги и Государя. Этот личный контакт привел к тому, что меньше чем через год Витте был назначен министром путей сообщения. Александру III решительно нравился верный и целеустремленный министр с его резкими манерами, не державший язык за зубами.

Одно из самых сложных поручений Витте получил в 1892 году, когда на территории Российской империи свирепствовала холера. Так как система здравоохранения не смогла справиться с эпидемией, император решил послать в Поволжье своего личного доверенного в лице самого молодого министра, Сергея Витте. Молодой Витте строго соблюдал правила гигиены, благодаря чему ему удалось избежать заражения этой смертельной болезнью.⁴ По всей вероятности, его смелость и откровенный тон доклада сыграли значительную роль в том, что он был назначен министром финансов. Неожиданная смерть относительно молодого императора Александра III поставила Витте в сложное положение, так как с наследником престола он не мог наладить такие хорошие отношения, как с его отцом, и считал его неподготовленным к царствованию.

Общеизвестно, что царствование Николая II началось с кровавой трагедии, с *давки на Ходынском поле* во время торжеств по случаю коронации.⁵ Витте очень критически пишет об этом событии, потребовавшем много жертв, и с презрением упоминает в своих мемуарах о том, что вечером того же дня императорская чета присутствовала на балу у французского посла и не только присутствовала, но даже открыла бал, как будто бы ничего не случилось.⁶

Во время царствования Николая II в 1890-е годы Витте принимал участие в ряде акций внешнеполитического характера. Это вытекало из его должности во главе министерства финансов и из статуса действительного тайного советника.⁷ Одним из выдающихся моментов его внешнеполитической деятельности было то, что во время открытия Гаагской конференции 12 августа 1898 г. он уговорил Государя и руково-

дителей российского МИД-а поднять вопрос об ограничении вооружений. Он писал об этом: «Со своей стороны, самое крупное благодеяние для Европы и всего мира я видел бы в упразднении гонки вооружений».⁸ Его мысли об ограничении вооружений, о разоружении, о мирном сосуществовании оставались больше чем актуальными и в XX веке.

Витте относился к своему окружению с жесткой откровенностью и прямоотой. Своими манерами он приобрел немало врагов в жизни. Его незаурядная подготовленность и уникальные способности были признаны и императорским двором, и современниками. Об этом говорит тот факт, что он был вовлечен в воспитание великого князя Андрея Владимировича, и брата императора, великого князя Михаила Александровича. Витте преподавал экономику и государственную экономику молодым членам императорского двора с 1900 по 1902 г.

В экономической политике Витте выдвинул целый ряд смелых и новых мыслей и проектов реформ. Министром финансов он стал после страшного голода 1891 г. С точки зрения урожая этот год был самым плохим за последние 50 лет. На зарплату государственных служащих не хватало денег. В этой ситуации Витте неожиданно решил выпустить аккредитив в размере 20 миллионов рублей. Выпуск денег без золотого или серебряного покрытия удивил специалистов того времени.

Также с именем Витте было связано введение государственной монополии на алкоголь, что вызвало недовольство со стороны современников, но в исторической перспективе оказалось весьма продуманным шагом. Частные спиртовые заводы с этого времени работали только на государство, ибо только оно имело право торговать спиртными напитками. Практика продажи спиртных напитков в бутылках началась именно с того времени. Витте внес значительный вклад и в создание единой государственной железнодорожной сети. По его инициативе начался выкуп частных железнодорожных предприятий. Витте стремился к тому, чтобы в дальнейшем только казна могла строить новые линии. Как на посту министра путей сообщения, так и во главе финансовых дел он решительно поддерживал строительство транссибирской железной дороги, которая связывала выходы к теплым и холодным морям. Трудно переоценимой исторической заслугой Витте является переход к золотому рублю в 1896 г., в начале царствования Николая II. Обеспечение рубля золотом вместо серебра привело к тому, что рубль стал успешной и востребованной валютой на международном рынке, после его введения один золотой доллар равнялся двум золотым рублям. Витте был одним из первых министров, кто осознал важность народного образования, он был весьма плохого мнения о крестьянстве

Российской империи.⁹ Однако решение этого вопроса он видел не в введении обязательного государственного образования, а в приходском обучении на религиозной основе.

В отличие от своих современников он имел особую точку зрения по одной из самых сложных проблем империи, по еврейскому вопросу. По просьбе Александра III, он заявил, что решение еврейского вопроса он видит в отмене особых ограничительных еврейских законов и необходимости обеспечения для евреев равноправия.¹⁰ В этом отношении Витте опередил свою эпоху, его замыслы трудно было осуществить даже в следующем веке.

Может оказаться любопытным мнение этого государственного деятеля о политических партиях после первой русской революции. Как он пишет, «...в левых партиях, если и имеются негодяи, большинство из них работает по идейным соображениям... по убеждению... Большинство правых такие негодяи, которые являются правыми, и делают вид, что они руководствуются высоконравственными консервативными принципами, но на самом деле они имеют ввиду только свою личную пользу».¹¹

С точки зрения отправления власти имеет важное значение то обстоятельство, что Витте очень рано и проницательно осознал дурное влияние мистиков и шарлатанов на императорский двор. Он четко видел, что в центре этих событий стоит императрица, которая берет под свое покровительство святых чудаков и защищает их перед мягким и слабохарактерным государем. А это было еще задолго до Распутина!¹²

Витте был убежденным сторонником монархии, он считал, что Российская империя не может существовать в рамках другого государственного строя, но именно из-за вышеупомянутых аномалий он не скрывал своих сомнений. Как он пишет: «В России... наилучшей формой правления является абсолютная монархия, но при условии, что во главе государства стоит наследственный монарх-самодержец, кто, если и не гений, но его способности превосходят обычный уровень».¹³ Но так как Николай II явно не соответствовал этим требованиям, Витте пришел к выводу, что «нет другого выхода, чем разумное ограничение самодержавия и направление его в широкое русло».¹⁴

За год до начала русско-японской войны¹⁵ Витте был уже опальным человеком. Он был председателем комитета министров. Это было звучной, но чисто формальной должностью, поэтому назначение Витте на этот пост можно считать почетной отставкой. Но, несмотря на это, когда в июне 1905 г. президент США Теодор Рузвельт предложил свое посредничество в урегулировании русско-японского конфликта, на пост

главы российской делегации сразу была выдвинута кандидатура Витте. Витте уехал в Америку 6 июля 1905 г. В своих мемуарах он с огорчением описывает, при каких недостойных обстоятельствах он был вынужден представлять Россию на этих переговорах: «Японцы... победили не Россию и не русскую армию, а нашу систему, точнее тот детский метод управления, с которым в последние годы правили 140 миллионным населением империи».¹⁶

Его гениальная стратегия на переговорах заключалась в том, что он делал вид, будто Россия вовсе не была коренным образом заинтересована в заключении мира, а просто решила покончить с войной под влиянием международного давления. Осознав влияние американской прессы, он дружелюбно принимал журналистов, давал интервью. С точки зрения истории техники дипломатии небезынтересно, что он был первым дипломатом, который дал интервью по радио английскому журналисту Диллону, корреспонденту «Дейли Телеграф». Трансляция шла с середины океана. Аристократический и уверенный стиль Витте в ведении переговоров ставил японцев в трудное положение. Глава японской делегации, Комура однажды с досадой отметил: «Вы последовательно ведете себя так, как будто Вы были победителями».¹⁷ Витте был готов только к минимальным территориальным уступкам и категорически отказался от выплаты репараций. Его точка зрения восторжествовала, и Комура на основе полученного от Микадо полномочия, вопреки своему убеждению, подписал мирный договор. Витте одержал победу, ее праздновали и в России, и по всему миру, он получил от императора графский титул, и ему было предложено занять пост премьер-министра. Однако он скоро опять попал в опалу...

Вернувшись из Америки 16 сентября 1905 г., Витте оказался в середине российских политических волнений. Было совершенно ясно, что если Россия, охваченная революционной бурей, не хочет утонуть в хаосе, то она нуждается в конституционных преобразованиях. 17 октября в России вышел в свет манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором Николай II дал конституцию жителям своей империи.¹⁸ Основные принципы манифеста были выработаны Сергеем Витте и его сотрудниками менее чем за один месяц, так как, как он писал, «успокоить Россию иным путем было невозможно».¹⁹ В манифесте было обещано «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».²⁰ Были объявлены выборы в Государственную думу, и манифест гарантировал, что «никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы».²¹ Витте

заявил, что задачей его правительства по сути дела является установление правопорядка в России.²²

Витте стал первым конституционным премьер-министром России при очень нелегких обстоятельствах. В университетах ежедневно проходили революционные собрания, на заводах рабочие бастовали, на улицах шли бои между левыми и монархистскими силами, в некоторых крупных городах дело дошло до кровавых погромов.²³

Во главе правительства Витте прежде всего хотел предотвратить банкротство страны, так как в условиях банковской паники из сберегательных касс населением было изъято более 150 миллионов рублей. Как писал сам Витте, ему «пришлось брать в руки руководство без денег и без армии».²⁴ Для разрешения кризиса он принял целый ряд конкретных мер, сократил срок службы в армии, прекратил тайную перлюстрацию писем, обеспечил свободу прессы и собраний, заботился об открытии закрытых раньше университетов. Но одной из самых первых и важных его задач оказалась разработка избирательного закона, который был обнародован 12 декабря. Не менее важным было объявление амнистии. В революционных условиях он работал ежедневно в непосредственной смертельной опасности. На кареты многих министров его правительства были брошены бомбы, или они были убиты террористами другим способом. Автор крупной монографии об истории России характеризовал его следующим образом: «...премьер-министр отнюдь не был либералом, но был таким государственным деятелем, кто понимал, что в России одновременно нужны срочные реформы и обеспечение прочной власти».²⁵

Витте и его правительство подвергались нападкам не только со стороны левых партий, против них не только протестовали на уличных демонстрациях, но они находились под давлением черносотенных, крайне правых организаций и были предметами постоянных придворных интриг.²⁶ Все эти обстоятельства привели к тому, что уже в феврале 1906 г. Витте просил Государя об освобождении от должности, потому что четко осознал, что под двойным давлением камарильи и улицы он не может осуществить программу модернизации России. Однако Николай II уговорил его остаться на своем посту хотя бы до созыва Государственной думы, но главная причина просьбы заключалась в том, что России необходимо было получить кредиты во избежание финансового краха.²⁷ После долгой международной волокиты в конце концов кредит предоставили «христианские» английские и французские банки. После успешного маневра Витте получил следующее письмо от Государя: «Получение кредита является самым выдающимся результа-

том Вашей деятельности. Это большой моральный успех для правительства, залог спокойствия и мирного развития России».²⁸

После этого и после того как его правительство подготовило Основной закон и созыв первой Государственной думы, Витте уже ничто не мешало уйти в отставку. Покинув свой пост, Витте ушел на пенсию и оказался в опале. Он принимал участие только в работе Государственного совета. В январе 1907 г. черносотенцы, которые считали его одним из главных своих врагов за разрушение им самодержавия, совершили на него покушение, старались его убить бомбой, спрятанной в дымовой трубе.²⁹

Каким человеком был Витте? Для характеристики его лучше всего упомянуть слова его жены, которая в мемуарах, цитируя мужа, пишет: «Я не либерал и не консерватор, я всего лишь культурный человек. Я не могу сослать в Сибирь человека за то, что он мыслит по-другому, чем я, и никого не могу лишить политических прав просто потому, что он обращается к Богу не в той церкви, где молюсь я».³⁰

Примечания

¹ A Tizenkét legnagyobb orosz. Szerk. Szvák Gyula. Budapest: Russica Pannonica, 2009. P. 5.

² Народовольцы – члены террористической организации «Народная воля». Своей основной задачей они считали ликвидацию представителей государственной власти и объявили настоящую войну государству.

³ См.: *Bebesi Gy. A feketeszázak*. Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1999. P. 30-49.

⁴ *Vitte Sz. J. Egy kegyvesztett visszaemlékezései*. Budapest: Gondolat, 1964. P. 83.

⁵ См.: *Font M., Szvák Gy., Krausz T., Niederhauser E. Oroszország története*. Budapest: Maecenas, 1997.

⁶ *Vitte Sz. J. Egy kegyvesztett visszaemlékezései*. P. 159-160.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Там же. С. 195.

⁹ Там же. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 224.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Там же. С. 248-251.

¹³ Там же. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 273.

¹⁵ О русско-японской войне и о Портсмутском мире смотри: *Ormos M., Majoros I.* Európa a nemzetközi küzdőtéren. Budapest: Osiris, 1998. P. 183-185.

¹⁶ *Vitte Sz. J.* Egy kegyvesztett visszaemlékezései. P. 324.

¹⁷ Там же. С. 327.

¹⁸ См.: *Бebesи Д.* От безграничного самодержавия к полуконституционной монархии. Манифест 17-го октября 1905 года – первая попытка конституционности в Российской истории // Государства и нации в России и в Центрально-восточной Европе / Ред. Свак Д. Budapest: Russica Pannonica, 2009. P. 233-240.

¹⁹ Придворные круги распространяли сплетни, что Витте уговаривает государя принять конституцию, потому что хочет установить в России республику и намерен сам занять президентское кресло. *Vitte Sz. J.* Egy kegyvesztett visszaemlékezései. P. 422.

²⁰ Там же. С. 409.

²¹ Там же. С. 410.

²² Там же. С. 411.

²³ См.: *Bebesi Gy.* Az orosz pogromtradíciók és az 1905 őszi pusztító tömegrohamok. // Jogfosztás – 90 éve. Tanulmányok a numerus clausuról / Szerk.: Molnár Judit. Budapest: Nonprofit Társadalomkutató Egyesület, 2011. P. 279-291.

²⁴ *Vitte Sz. J.* Egy kegyvesztett visszaemlékezései. P. 468.

²⁵ *Heller M.* Az Orosz Birodalom története. Budapest: Osiris, 2000. P. 594.

²⁶ *Vitte Sz. J.* Egy kegyvesztett visszaemlékezései. P. 528.

²⁷ См.: *Heller M.* Az Orosz Birodalom története. P. 595.

²⁸ *Vitte Sz. J.* Egy kegyvesztett visszaemlékezései. P. 549.

²⁹ Там же. С. 646-647.

³⁰ *Vitte M. I. grofné.* Előszó // *Vitte Sz. J.* Egy kegyvesztett visszaemlékezései. P. 9-10.

Е.В. АЛЕКСЕЕВА

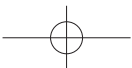
Европейские технологии в России XIX – начала XX в.

ПРОНИКНОВЕНИЕ, АДАПТАЦИЯ,
ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Столетие, лежащее между важнейшими для Российской империи войнами – Отечественной 1812 г. и Первой мировой – ознаменовано рядом фундаментальных технологических инноваций, которые определили облик как самого «века девятнадцатого, железного», так в определенной степени и характер следующего, двадцатого, принесшего, также по словам А. Блока, «машин немолчный скрежет». Среди знаменательных технологических вех выделяются: распространение железных дорог общего пользования, производство литой стали, применение электричества в промышленности и быту, начало топливной (каменноугольной, нефтяной) и коммуникативной (телеграф, радио, телефон) революций. На этот же период приходится неравномерное, но со временем набирающее все более быстрый темп, промышленное развитие Российской империи. Его ход во многом определялся внедрением и адаптацией нововведений, значительная часть которых импортировалась из-за рубежа. Как и сегодня, необходимость использования европейских технологических решений, сам феномен заграничных заимствований, вызывал неоднозначную реакцию российского общества, в том числе и его наиболее сведущей части – технической интеллигенции.

Исследовать очерченный круг вопросов (в данной статье ввиду ограничений объема внимание фокусируется на трех из них: появлении железных дорог, литой стали и национальной реакции на импорт технологий) позволяют технические журналы. Являясь достаточно специфическим типом источников для историков, они, тем не менее, многое дают для изучения истории российских модернизаций, промышленного развития Российской империи. Из почти 11 000 русских периодических изда-

ний 1800–1916 гг. более 420 целиком или преимущественно были посвящены вопросам техники¹. К их числу относится и «Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам к сему предмету относящимся». В Российской империи «Горный журнал» издавался ежемесячно с июля 1825 г. до 1918 г. Он был учрежден Ученым комитетом по горной и соляной части для «распространения сведений и новых открытий по горному делу, а особенно для облегчения способов чиновникам горной службы усовершенствовать свои познания успехами всей ученой Европы».²

Почти каждая опубликованная в «Горном журнале» статья в той или иной мере содержит информацию о создании, передаче, распространении, внедрении инноваций в самых разнообразных областях: производство вооружения; добыча, производство, использование топлива; металлургическое производство; машиностроение и производство различных изделий; транспортное машиностроение; добыча и переработка полезных ископаемых; монетное дело; организация горного производства; судостроение; связь; международные выставки и конгрессы.

Технические преобразования находятся в неразрывной связи с социальными и экологическими. Изменение техники и технологий приводит к модификации повседневной и общественной жизни, природной среды, социальных взаимоотношений, культуры, менталитета, движет модернизацию в целом. Во множестве статей «Горного журнала» рассматриваются разнообразные профессиональные аспекты; развитие науки и образования; социальные вопросы; законодательство; государственная экономическая политика; проблема влияния промышленности на окружающую среду.

Необычайно широка география, охваченная авторами журнальных публикаций. В них представлено состояние различных отраслей горного дела и промышленности в таких зарубежных странах как: Великобритания, Пруссия, Австрия, Чехия, Франция, Испания, Америка, Швеция, Дания, Италия, Бельгия, Венгрия и т.д., что открывает широкие возможности для компаративных исследований. Однако внимание горных инженеров и других авторов статей не ограничивается западным направлением. В целом ряде публикаций освещаются результаты и перспективы развития промышленности на востоке, например, в Японии. Столь же широко представлены и регионы Российской империи: Урал, Поволжье, Алтай, Дальний Восток, Донецкий бассейн и Украина, центральные и северные губернии, Польша, Финляндия и пр.

Привлечение материалов «Горного журнала» для исторического анализа имеет как слабые, так и сильные стороны. Опора преимущест-

венно на один тип источника опасна сужением картины изучаемой действительности, угрожает односторонним восприятием реальности. С другой стороны, обращение к публикациям технического содержания минимизирует возможное искажение отраженных в текстах инновационных процессов, в отличие от других типов источников, написанных зачастую малокомпетентными в технических вопросах и политически ангажированными авторами. Использование статей технических журналов историками открывает возможность воссоздания адекватной картины индустриального прошлого, уточнения ее важных фрагментов и отдельных деталей.

Обращение к материалам «Горного журнала» позволяет акцентировать внимание на характерных особенностях крупных технологических прорывов, например, таких как строительство железных дорог общего пользования. История появления и развития железных дорог в России хорошо исследована,³ но не стоит забывать, что возникновение железнодорожного транспорта в России было сопряжено с основанием совершенно нового типа производства – рельсового. По указанию Николая I, оно должно было основываться исключительно на отечественном сырье. В январе 1842 г. член Комитета для устройства Санкт-Петербурго-Московской железной дороги генерал-адъютант граф А.Х. Бенкендорф объявил всем бывшим в то время в Петербурге владельцам частных горных заводов, что император при утверждении проекта о построении железной дороги между С.-Петербургом и Москвой «благоволил изъявить желание, чтобы все количество железа для этой дороги приобретено было от русских заводов».⁴ Поскольку выделка рельсов была делом новым, собранный из владельцев русских железных заводов комитет принял решение о создании своего рода экспериментального производства – «образцового заведения» и постановил иметь при нем «искуснейшего иностранного техника с полным числом мастеровых и совершеннейших механизмов для изготовления рельсов и научения сему делу русских заводских мастеров».⁵ В августе 1843 г. в Санкт-Петербург прибыл английский инженер Томас Бель, вступивший «в управление по устройству образцового рельсового заведения». Позднее также из Англии были доставлены паровая машина со всеми механизмами для пудлингового и сварочного производств и для выделки рельсов. Как это повелось еще с петровских времен, иностранному специалисту положили большое жалованье – 6000 р. асс. (1600 руб. сер.) в год. Однако, не проработав и года, в конце мая 1844 г. Т. Бель попросил об увольнении.

Члены комитета усматривали в учреждении нового производства дальние перспективы. Они надеялись, что внедрение выделки рельсов приведет к выработке нового способа выделки железа, что позволит его удешевить и «потому больше железа пойдет на домашнюю крестьянскую утварь и на земледельческие инструменты. Последствием всего этого неминуемо должны явиться улучшения в сельском хозяйстве и в самой железной промышленности, которые заметно ослабили в последнее время, а между тем составляют наиболее важные отрасли промышленности в нашем отечестве». ⁶ Предполагалось, что производство рельсов на русских заводах, а не их импорт принесут пользу государству еще и в том отношении, что, таким образом, «должны были сохраниться внутри страны капиталы, которые, в противном случае, ушли бы за границу». ⁷

Однако на практике разворачивание рельсового производства оказалось сопряжено с огромными трудностями. Они объяснялись как частными (дефектами импортированного из Англии оборудования), так и общими причинами – новизною дела и полнейшей, в особенности на частных заводах, «неподготовленностью наших технических средств и знаний для столь трудного по тому времени дела, как изготовление рельсов, когда, за небольшим исключением, в России не было даже puddингования и прокатки сортового железа». В отличие от, например, английского рельсового производства, эффективного в силу компактности территории, использования каменного угля, относительно небольших затрат на доставку сырья и транспортировку готовой продукции морем во все части света, владельцы заводов «в России должны иметь леса на огромном пространстве, а рубку дров, выжиг угля, доставку руд и всех прочих материалов, почти без исключения, производить всегда на дальних расстояниях», что было сложно и затратно, так как все материалы должны были «заготавливаться почти в их полугодовой потребности, а перевозка изделий к местам сбыта возможна только раз в году и обходилась почти в 10 раз дороже, чем, например, фрахт из Англии в Россию». ⁸

После больших трудов, наконец, в мае 1844 г. был изготовлен первый рельс. Однако планы по поставке миллиона пудов их к весне 1847 г. оказались невыполнимы – производство требовало огромных расходов, при крайне низкой производительности, и в результате в октябре 1844 г. образцовое рельсовое заведение было закрыто. Его последующее возрождение связано с именем С.И. Мальцева. Изготовленная под его руководством пробная партия рельсов в 6 т. пуд. оказалась настолько хорошею, «что по отзыву приемной комиссии она нисколько не уступала англий-

ским».⁹ В конце концов, С.-Петербурго-Московская (впоследствии Николаевская) железная дорога была открыта в ноябре 1850 г.

На примере разворачивания нового – рельсового – производства в России, можно зафиксировать несколько типичных (подтверждающихся на других материалах) черт отечественного промышленного развития дореволюционного периода. К ним относятся: импорт технологий из страны – индустриального лидера; стремление государства в возможно большей степени задействовать имеющиеся в своей стране ресурсы (прежде всего, сырьевые); увязывание внедряемой инновации с перспективными интересами национального экономического развития (национально-ориентированная промышленная политика); внедрение инноваций специалистами-иностранцами (чье финансовое вознаграждение многократно превышает жалование русских мастеров); необходимость адаптации западных новшеств применительно к своеобразным русским условиям; пробуксовка начального этапа внедрения инноваций, большие ресурсные затраты с небольшим или отрицательным результатом; сложный баланс государственной и частной инициативы, направленной на достижение успеха внедряемой инновации.

На страницах старейшего из специализированных периодических изданий Российской империи – «Горного журнала» отражена и тесная связь между растущим национальным самосознанием отечественных предпринимателей, промышленников, инженеров, технической интеллигенции и набирающим темпы техническим прогрессом. Эта корреляция прослеживается примерно с конца 1840-х гг. Мощным толчком к росту как патриотических идей, так и национального производства стала Крымская война.

Ограничимся здесь лишь одним примером, связанным с внедрением в России бессемерования. Переход на бессемеровский способ изготовления стали стал качественным скачком в истории металлургии, своего рода сменой парадигмы в древнем производственном процессе. Сам Г. Бессемер так описывал свое изобретение, совершенное в результате нескольких лет упорных опытов. «Бесперывная почти сломка и перестройка печей и трудность ежедневных опытов над большими массами железа готовы были истощить мое терпение, но многочисленные наблюдения, сделанные мною в продолжение этого, мало обещавшего периода опытов, привели меня к принятию нового по этому предмету взгляда, который сам собой представился моему вниманию. Именно, что никакими усовершенствованиями в нынешних печах нельзя произвести такого сильного жара, какого можно достигнуть без этих печей и без всякого топлива, причем не только отстраняется вредное влияние,

оказываемое минеральным топливом на железо, но в то же время избегаются расходы на топливо».¹⁰

Чтобы подтвердить свою теорию, из которой следовало, что «главнейшая необходимость состоит в том, чтобы кислород и углерод привести в соприкосновение таким образом, чтобы наибольшая поверхность подвергалась их взаимному действию; через это можно произвести такой сильный жар, какого до сих пор нельзя было достигнуть в наших самых обширных печах»,¹¹ Бессемер построил железоплавильную печь новой конструкции, при вдувании в которую сильной струи холодного воздуха резко повышалась температура расплавленного чугуна, получалось чистое, без шлаков, окислов и других посторонних веществ железо. Предложенный Бессемером процесс, описывался им как простой и эффективный, сокращавший труд и удешевлявший производство (так как становились ненужными отливка из чугуна свинок, рафинирование, пудлингование, проковывание криц под молотом и прокатывание их). Он не требовал «никакой ручной работы, ни особенного искусства, при помощи одного только работника, от 3х до 5 тонн чугуна превращаются во множество кусков ковкого железа в течение 30-35 минут времени при расходе 1/3 дутья, употребляемого ныне в очистительных горнах для того же количества чугуна и не употребляя другого горючего материала кроме углерода, содержащегося в чугуне».¹² Получаемая литая сталь отличалась от других видов железа совершенной однородностью, отсутствием в ней дефектов, большой плотностью и упругостью сравнительно с цементной сталью, за счет больших объемов получаемой литой стали стало возможным производить крупные отливки.

Прошло лишь около месяца, как сообщение о новой технологии, представленной Г. Бессемером на заседании Британского общества преуспеяния наук в Челтенгаме в августе 1856 г. было переведено на русский язык и опубликовано в «Горном журнале». Современники отчетливо понимали значение новой технологии: «если способ Бессемера увенчается полным успехом, то он должен будет произвести совершенный переворот в металлургии железа, одной из важнейших и необходимейших ветвей промышленности в настоящее время».¹³ Тем не менее, способ Бессемера, разумеется, произвел множество «толков, споров, противоречий и осуждений» как в самой Англии, так и за рубежом, в том числе, и в России, причем здесь он далеко вышел за рамки собственно технической дискуссии.

О росте национального самосознания в 1860-е гг., об утверждении в собственных силах, знаниях и умениях отечественных технических

специалистов свидетельствуют публикации в «Горном журнале», связанные с внедрением новых, передовых технологий в металлургии. В 1863 г. между специалистами-металлургами А. Иоссой и В. Полетикой развернулась полемика на тему: «полезно ли вводить в России Бессемеров способ выделки стали». ¹⁴ В споре о перспективах изготовления стали новым способом, со всей остротой обозначилось противостояние, с одной стороны, сложившейся практики применения европейских технико-технологических инноваций, внедрение их в России с помощью западноевропейских же специалистов и, с другой стороны, растущего осознания собственных сил, способных и должных независимо, самостоятельно развивать технический прогресс в своем Отечестве. «Истинный патриот не может оставаться равнодушным даже при одной мысли, что реформа в железном производстве в России совершится без участия иностранцев. А что же должны почувствовать лица, заинтересованные судьбою Воткинского завода, в котором, с давнего времени иностранцы руководят туземцами по разным отраслям железной специальности? ...В 1835 г. Горное ведомство пригласило англичанина Самуила Пен для введения в Воткинском заводе способа пудлингования чугуна на железо. В 1847 г. начата на Воткинском заводе постройка железных судов под руководством вызванного из Англии англичанина Карр. В 1852 г. англичанин Тальбот устроил в Воткинском заводе фабрику для выделки ствольного железа. В период 1847–1852 гг. вызваны из Англии мастера: котельный, кузнечный, стальные и выписаны отсюда же механические приспособления, а в новейшее время, токарные и прочие станки и паровые машины получены из Бельгии и Пруссии». ¹⁵

Один из участников обсуждения, Д. Леонтьев, подчеркивал, что привлечение иностранцев, закупка импортного оборудования, машин обходились казне в огромные суммы. При этом ясно осознавалось, что только при такой поддержке «Воткинский завод поставлен в возможность выделывать железа, стали, судов, якорей, цепей и прочих дельных вещей до 270 000 пуд. в год, и что по этому разнообразию производительности, ныне он считается наиболее развитым между казенными уральскими железоделательными заводами». ¹⁶

Неудачные пробы бессемерования на Воткинском заводе дали патриотически настроенным инженерам надежду на достижение результата своими силами: «и за успехи по выделке железа мы не дадим ни гроша иностранцам, сами наладимся». ¹⁷ Собственные успехи действительно были: например, многочисленные опыты в Воткинском заводе показали, что «сталь здешняя не уступает в достоинстве английской». ¹⁸ Правда, рафинированная сталь изготовлялась на уральском заводе

опять же по английской технологии (а до введения английского способа – по технологии, введенной штирийским мастером Грибелем).¹⁹

В 1856 г. образцы воткинской стали были розданы штабс-капитаном Савченковым пяти инструментальным мастерам: Роху, Бозе, Гинтерлаху, Канаплю, механику Клифусу и в лавку купца Михайлова, торговавшему сталью оптом.²⁰ Несмотря на подтверждение всеми экспертами высокого качества местной стали, изготовленной по признанной технологии и не уступающей «в достоинстве английской»,²¹ а также осознание насущной необходимости развивать собственное производство, отечественные промышленники наткнулись на «грустное в нашем отечестве сомнение в достоинстве русских произведений и высокое мнение об иностранных». Один из участников проб, мастер Людвиг Рох свидетельствовал, «что у него ни один хирург не купит ни одного инструмента, если узнает, что он приготовлен не из английской стали». ²² Купец Михайлов был готов торговать уральской сталью при условии, что русская сталь одинакового с английской достоинства должна была продаваться, по крайней мере, на один рубль дешевле за пуд (то есть, не за 5, а за 4 рубля). Все отзывы показывали «как в мастерах, так и в торговцах, желание вытеснить по возможности из употребления английскую сталь в пользу русской и освободиться в этом отношении от чужеземной зависимости, которая была особенно тягостна для них в минувшую войну, когда они должны были платить до 17 рублей за пуд стали, которая в мирное время покупается не дороже 7 руб. за пуд». Автор статьи о производстве стали в Воткинском заводе по английскому способу завершал публикацию выражением «искреннего желания возбудить доверие к собственному произведению – доверие, без которого никакое дело не будет иметь успеха». ²³

Таким образом, «Горный журнал» охватывает огромное количество технико-технологических, социальных и профессиональных инноваций в различных отраслях промышленности, преимущественно распространявшихся из большого количества западных стран на значительную территорию Российской империи и является ценным источником по общероссийской и региональной промышленной модернизации, в том числе, по истории горнозаводского Урала и его места в мировой промышленной цивилизации. Материалы журнала позволяют исследовать не только «трансфер инноваций» (который, очевидно, обозначает перенос, импорт нововведений), но намного более широкий процесс – их распространение, применение, адаптацию, обратное воздействие на европейские страны, то есть полномасштабную диффузию технико-технологических и экономико-социальных инноваций в российской

дореволюционной промышленности. Статьи, публиковавшиеся в «Горном журнале» также дают возможность анализировать и разнообразные социальные аспекты промышленной модернизации, в том числе рост национального самосознания в связи с развитием технического прогресса. Они показывают, что укрепление корпорации российских инженерных кадров в ходе многолетнего внутреннего развития, регулярных зарубежных стажировок, с одной стороны, отчетливое осознание опасности зависимости от европейских специалистов, товаров, проявившееся в ходе Крымской войны, с другой стороны, привело к росту национального самосознания, в том числе, в экономической и технико-технологической сферах.

Примечания

¹ *Меженко Ю.А.* Русская техническая периодика, 1800–1916 гг: библиографический указатель. Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 3.

² *Попов И.И.* Семидесятипятое Горного ученого комитета и Горного журнала // Горный журнал. Ч. III. № 7 (1903). С. 2.

³ Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Вып. 1–2. СПб., 1898; История железнодорожного транспорта России и Советского Союза, Т. 1: 1836–1917; Т. 2: 1917–1945. СПб.: “Иван Федоров”, 1994; 1997 и др.

⁴ *Латынин В.* Общество горно-заводовладельцев, учрежденное в 1842 г. с высочайшего соизволения, для выделки рельсов и железнодорожных принадлежностей // Горный журнал. Ч. III. № 7 (1892). С. 98.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ О новом способе обращения чугуна в железо и сталь // Горный журнал. Ч. III. № 8–9 (1856). С. 389–390.

¹¹ Там же. С. 391.

¹² Там же. С. 395–396.

¹³ Новейшие известия о приготовлении железа по способу Бессемера // Горный журнал. Ч. III. № 8–9 (1856). С. 404.

¹⁴ *Леонтьев Д.* Сталь // Горный журнал. Кн. VIII (1863). С. 437.

¹⁵ Там же. С. 439.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 438.

¹⁸ *Котляревский*. Описание приготовления рафинированной стали в Воткинском заводе по английскому способу // Горный журнал. Ч. II. Кн. X (1857). С. 18.

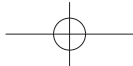
¹⁹ Там же. С. 1.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же. С. 18.

²² Там же. С. 20.

²³ Там же. С. 22.

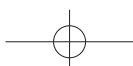
ZSUZSANNA GYIMESI

Взаимодействие естественнонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятий на рубеже XIX–XX веков и его современные аналоги*

Серебряный век, то есть рубеж XIX–XX веков в России, так же как и во всей Европе, отличается интенсивностью интеллектуальной, научной, художественной и общественной жизни. Одна из отличительных черт тогдашней интенсивности – это стремление к синтезу. О стремлении к синтезу принято говорить, прежде всего, по отношению к искусствам Серебряного века (вспомним общеизвестный термин Вагнера из XIX века Gesamtkunst или Gesamtkunstwerk, который стал ключевым понятием новых художественных тенденций рубежа веков). Но интеллектуальная и психическая нужда эпохи в синтезе носила более обширный характер и отражалась в меняющейся картине взаимоотношений и границ между естественными, гуманитарными и художественными изысканиями. Представители этих трех разных, друг от друга четко отделяющихся территорий познания мира стали активно и взаимно учитывать достижения другого, и не только на уровне «продуктов», то есть результатов исследований, открытий и произведений искусства, но и на уровне методики, то есть процессов познания. Эпоха проникнута осознанными стремлениями к целостности понимания мира, притом к такой целостности, которая образуется на основе интердисциплинарности. Естественные нау-

---

* Работа выполнена в рамках совместного проекта (№ 17–21–07001) «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века», поддержанного Фондом за русский язык и культуру в Венгрии (Будапешт) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ, Москва).

ки, гуманитарные науки и искусство стали восприниматься как равносильные варианты творческой познавательной деятельности. Это и есть отличительная черта интеллектуальной сферы рубежа XIX–XX вв.

Что привело к такому оптимальному равновесию трех познавательных начал? В определенном смысле это была реакция на первенство естественных наук и инженерных инноваций второй половины XIX века. Количество и значение эмпирически проверяемой научной информации об окружающей человека среде и технические изобретения не только очаровали людей, но одновременно и давили на них.¹

Известный математик и инженер XX века Никита Николаевич Моисеев (1917–2000) в своих воспоминаниях характеризует дух XIX века следующим образом: «...в науке XIX века с ее стремлением к прозрачным и ясным схемам, с ее глубокой убежденностью, что мир в своей основе прост, человек превратился в стороннего наблюдателя, изучающего мир “извне”. Возникло противоречие – человек существует, но существует сам по себе. А космос, природа – тоже сами по себе».²

Это противоречие порождало интеллектуальное напряжение. А выход из эмоционально-интеллектуальной растерянности вырисовывался через синтетизацию научных, гуманитарных и художественных точек зрения. Прежде чем приводить некоторые конкретные примеры проявления такого синтезирующего мировосприятия, зададим сразу основной вопрос: что дает нам изучение этой проблематики?

Во-первых, формулирование вопроса о взаимодействии естествонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятий очень актуально. В последнее десятилетие подобные вопросы задаются исследователями и учеными всего мира не в историческом, а в современном ракурсе, которые касаются скорее актуального феномена. К примеру, в 2010 году в Массачусетском технологическом институте, в Кембридже создали магистерскую программу по искусству, культуре и технологии³. В этом же университете в 2012 году создали исследовательскую группу по взаимодействию технологии, гуманитарных наук и искусства. В группу пригласили экспертов компьютерной технологии, профессиональных художников и филологов. И два венгерских примера: 7 ноября 2013 года Венгерская академия наук устроила акцию «Праздник венгерской науки» под названием «Отношения и роль разных областей науки в формировании знающего общества»⁴. Суть акции заключалась в том, чтобы предоставить платформу для открытого и непосредственного диалога между естествознанием и гуманитарными науками наших дней. 12–13 марта 2015 года на филологическом факультете Будапештского Университета им. Лоранда Этвеша по инициа-

тиве докторской школы по литературоведению состоялась научная конференция под названием «Диалог 2015». На конференции выступали представители естественных и гуманитарных наук. В центре внимания докладов стояла мысль о том, что в наши дни техника, экономика, культура и общество меняются такими быстрыми темпами, что представители разных дисциплин вынуждены выходить за рамки своей области, чтобы лучше понять свою собственную точку зрения. Для понимания действительности становится необходимым вступать в активный диалог с учеными чужих территорий и задавать друг другу вопросы на собственном научном языке. На конференции присутствовали математики, физики, биологи, литературоведы, социологи, поэты, библиотекари⁵.

Второй пласт актуальности проблематики взаимодействий естественнонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятий – это сходство на уровне эмоционально-интеллектуальной напряженности общества. На рубеже XIX–XX веков источником изумления общества были достижения естественных и политехнических наук⁶, на рубеже XX–XXI веков – достижения компьютерной техники и технологии. В своем выступлении на упомянутом симпозиуме Венгерской академии наук 2013 года выдающийся венгерский академик психологических наук Чаба Плех говорил о том, что натурализация ментальной картины мира породила интеллектуальный и экзистенциальный страх в человеке рубежа XIX–XX веков. (Об этом говорит и Н.Н. Моисеев в приведенной цитате.) Люди захлебывались в огромном количестве и радикально новом качестве информации о мире на основе открытий и изобретений науки. Подобное явление наблюдается в обществе и сегодня, но главным источником напряжений является ускорение процесса снабжения информацией. Появляется новый тип идеального человека – это менеджер. Высшей формой знания становится систематизация информации и стратегическая планировка. А это не первичное знание, а вторичное, это не содержательное знание, а навык – констатировал Чаба Плех в своем докладе.⁷ На рубеже XIX–XX веков тоже появился новый тип идеального человека – это был мастер-инженер-изобретатель. Высшей формой знания стало естествознание, и оно служило примером для других территорий творческой человеческой деятельности. Но естествознание не подавило другие формы знания, а вдохновляло их. Иерархические отношения между разными формами знания стали исчезать, на передний план выходили взаимодействия между ними. Такой процесс оказался очень плодотворным с точки зрения всеобщего интеллектуального развития человека. Эта плодотворность особо ярко видна с позиции конца XX века, в эпоху

бурного развития компьютерной техники и способности человека создавать виртуальное дублирование реальности, корни которой нужно искать в расцвете целостного познания мира рубежа XIX–XX веков⁸.

В следующей ниже таблице сведены некоторые черты интеллектуальной жизни двух рубежей веков для сравнения.

	Рубеж XIX–XX вв.	Рубеж XX–XXI вв.
идеал	мастер-инженер-изобретатель	менеджер
форма знания	накопление первичного знания новыми методами	систематизация информации о мире новыми методами
господство науки	синтез и равновесие разных областей интеллектуальной деятельности	абсолютное первенство компьютерной техники
цель познания	целостная картина о вселенной и в ней роли человека	владение информацией
цель	знание	деньги

Академик Чаба Плех дал своему, упомянутому выше выступлению следующее название: Каким путем приводит презрение филологических наук к презрению знания вообще? Из названия видно, что его выступление – это апология гуманитарного мировосприятия. Чаба Плех полагает, что дорога к диверсификации человеческого знания когда-то основалась на филологических науках. В современной системе получения и передачи знания филология считается бесполезной, ненужной, устарелой. Хотя, – говорит Чаба Плех, – филологическое мировосприятие является необходимой почвой для того, чтобы так называемый «скрытый в человеке потенциал создавать теории» мог расцвести. Без такой почвы нет шанса на развитие математического, физического или технического знания. Позиция Чабы Плева немного радикальна, но это факт, что сегодня филологические науки (в том числе и историческая наука, по крайней мере, в Венгрии) нуждаются в защитниках. И изучение интеллектуальной картины, ценностей и достижений рубежа XIX–XX веков помогает нам в этой миссии⁹.

Красота целостности интеллектуальной картины рубежа XIX–XX веков в том, что естествознание, гуманитарные науки и искусство взаимно черпали друг у друга, они как будто обращались друг к другу за

помощью, за возможными решениями вопросов, за дальнейшей инспирацией. Например, выдающийся физик и изобретатель Константин Эдуардович Циолковский начал писать научно-фантастические рассказы¹⁰, в которых делал свои теории общедоступными и понятными для широкой публики, особенно ориентируясь на молодежь. Этим поступком он первый использовал жанр научной фантастики в целях просвещения. Исследования в области космического полета Циолковского нашли себе, можно сказать, моральную поддержку в философских идеях Николая Федоровича Федорова, опубликованных под названием «Философия общего дела»¹¹. Федоров верил в то, что человек не только полетит в космос, но и заселит его. Федоров вообще верил в то, что человеческая мечта – это двигающая сила научной деятельности.

В синтезирующем стремлении человеческого интеллекта рубежа XIX–XX веков роль художественного мировосприятия была уникальна, особенно в России. Искусство становилось эксплицитно аналитически-интеллектуальной деятельностью¹². Представители нового искусства утверждали, что процесс создания художественного предмета – это познавательный процесс, подобно тому, когда физик, химик или биолог в своей лаборатории планирует и реализует эксперименты, чтобы проверить научные гипотезы или понять наблюдаемые феномены. Такое отношение к художественной работе привело к абстрактному искусству, ведь современная задача художника состояла не в изображении или отражении внутреннего или окружающего мира человека, а в познании его. Самая известная система такого рода художественного мировосприятия – это супрематизм Казимира Малевича, который считал полотно местом для проведения опытов, а геометрические знаки и основные цвета, которыми он пользовался – составляющими научного эксперимента. Супрематические композиции, как он называл свои картины данного периода, были результатами проведенных опытов. Целью таких опытов являлось моделирование пространственного устройства космоса¹³. Подобное мировоззренческое убеждение привело Л. Лисицкого к так называемым проунам, или Владимира Татлина к контра-рельефам и летатлинам, которые можно считать аналогами супрематических композиций Малевича в трех измерениях, то есть выведенными из плоскости в пространство. Композитор и художник Михаил Матюшин оборудовал себе техническую лабораторию в своем доме на Песочном в Санкт-Петербурге, рядом с художественной мастерской, чтобы проводить эксперименты в области оптики и акустики и чтобы раскрыть секрет объективных соответствий между звуком и светом. При этом Матюшин создал научную теорию о расширенном

смотрении¹⁴. Поэты Велимир Хлебников и Алексей Крученых обращались со словом как с акустическим сырьем и, проводив свои поэтические эксперименты, создали беспредметный, отвлеченный язык¹⁵.

Все это показывает, что естественные науки являлись компасом для искусств. Описанные выше явления могут показаться несколько наивными, однако ученые наших дней с удивлением замечают, что в художественных произведениях начала XX века вырисовываются иногда такие концепции, которые получили научное изложение только лет сто спустя¹⁶. Приведу два примера.

Первый – это творчество литовского композитора и художника Микалоюса Чюрлениса. Он занимался живописью всего несколько лет, в начале 1900-х гг. В первую очередь он искал визуальные аналоги музыкальных жанров (симфоний и сонат), а кроме этого его еще волновала тема визуализации космических происшествий и пространств (Цикл «Сотворение мира», 13 картин). Его считают предшественником абстрактной живописи, хотя он сам свои картины не называл абстрактными. Прошло 90 лет и с помощью телескопа Хаббл стало возможным делать съемки в космосе. Первые такие фотографии были опубликованы в 1995-м году. И оказалось, что визии о космическом пейзаже Чюрлениса почти что реалистические, а не абстрактные.

Второй пример – это две картины художника Павла Филонова. Это не самые известные произведения его творчества, зато очень интересные. Это «Козел» (1920-е – 1935?) и «Тварь» («Волчонок») (1930). Животные на картине бросаются в глаза не сразу. Сначала видны одни аморфные цветные кусочки и глаз зрителя должен постепенно привыкать к внутренней организации композиции. А потом, когда фокусирование становится оптимальным, вырисовывается фигура животного. За таким построением картины лежит концепция Филонова о видящем и знающем глазе. По Филонову на картине надо изображать одновременно и то, что мы видим глазами и то, что мы знаем о видимом¹⁷. Правильное фокусирование на картину раскрывает зрителю два аспекта одновременно. В 1990-е годы были модными так называемые магические картины. Они создаются с помощью компьютера. На первый взгляд, эти магические картины выглядят как серии симметрично повторяющихся цветных геометрических мотивов, но если получается правильно фокусировать на плоскость картины, то картина приобретает объем, вырисовывается трехмерная фигуративная композиция. Таким образом, можно сказать, что теории Филонова о двух глазах и об аналитическом подходе к изображению картинами порождали такой подход к зрению, который привел в конечном счете к самой концепции дигитализации.

Третий пример показывает, насколько серьезно относились ученые начала XX века к творческому потенциалу художественных произведений. Советский ученый в области авиации и космонавтики Николай Алексеевич Рынин (1877–1942) издал первый энциклопедический труд по истории и теории реактивного движения и космонавтики. Это были так называемые «Межпланетные сообщения» (выпуски 1–9, 1928–1932)¹⁸. В 1-м выпуске Рынин дал перечень художественных произведений, в которых описываются летучие в космос приборы или способы такого сообщения, начиная с работ Жюль Верна. Эти изображения Рынин подвергал техническому анализу, проделал их типологизацию и подвел свои итоги. То есть первым шагом изучения истории космонавтики для Рынина был анализ концепций, проявленных в художественно-литературных текстах.

Таких примеров конкретного взаимодействия науки, гуманитарного знания и искусства еще очень много. Их системный подбор и типологизация и есть перспективное направление исследований. За последние 20 лет было выявлено две ветви таких исследований. Одна из них задает вопрос о том, какое влияние оказывали естественные науки и развитие технических наук на области искусства. Вторая ветвь изучает, какую роль играли художественные произведения и вообще художественная интуиция в развитии естественных наук. В итоге обе ветви приводят нас к русскому космизму¹⁹.

Примечания

¹ Об этом см.: *Владимирский В.М., Кисловский Л.Д.* Путиями русского космизма. М: Либроком, 2010.

² Цитата приведена в: *Владимирский В.М., Кисловский Л.Д.* Путиями русского космизма. М: Либроком, 2010. С. 31. Далее см.: *Моисеев Н.Н.* Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993. М.: Тайдекс Ко. 2002.

³ Massachusetts Institute of Technology, MA Program in Art, Culture and Technology. – <http://act.mit.edu/about-act/history/> (май, 2017).

⁴ Программу центрального мероприятия см.: <https://www.btk.mta.hu/images/11.07.Meghivo20131107.pdf> (май, 2017).

⁵ Программу конференции см.: https://www.elte.hu/content/dialogus-konferencia_e.4547 (май, 2017).

⁶ См.: *Шлекин С.И.* Русский космизм. Проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества. М.: Либроком, 2013.

⁷ Плех Ч. Каким путем приводит презрение филологических наук к презрению знания вообще? Научный доклад прочитан 7 ноября 2013 г. в 12.30 в Будапеште на конференции ВАН «Отношения и роль разных областей науки в формировании знающего общества».

⁸ См.: Демин В.Н., Селезнев В.П. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. М.: Либроком, 2011.

⁹ Салмина И.Ю. История формирования идей философии космизма в русской культуре. Диссертация. Мурманск, 2005.

¹⁰ Первый его научно-фантастический рассказ «На луне» был написан в 1887 г.

¹¹ Первое издание работ Н.Ф. Федорова под названием «Философия общего дела» вышел в свет в 1906 году под редакцией учеников Федорова В. Кожевникова и Н. Петерсона.

¹² Боброва С.Л. Идея космизма в русской культуре XX века. // Художественные модели мироздания : XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира. В 2-х кн. / Ред. В.П. Толстой, Д.О. Швидковский, А.Н. Шукурова. М.: РАХ, 1999. Кн. 2. С. 43-55.

¹³ См.: Малевич К. Супрематизм. Мир как беспредметность, или вечный покой. 1923–1927.

¹⁴ См.: Матюшин М.В. Закономерность изменчивости цветовых сочетаний». Справочник по цвету. С предисловием Л. Жадовой. М.: Д. Аронов, 2007.

¹⁵ Так называемый заумный язык.

¹⁶ См. работу С.И. Шлекина.

¹⁷ См.: Филонов П.Н. Письмо к Вере Шолпо. Июль, 1928.

¹⁸ Рынин Н.А. Межпланетные сообщения. Ленинград, 1928–1932. – <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/rynin/rynin1/1pdf.html> (май, 2017).

¹⁹ См. работу Демина и Селезнева.

ALEXANDRA MEDZIBRODSZKY

Alexander Bogdanov and the Sociology of Knowledge

“Cells in an organism do not realize the whole to which they belong, this is why contemporary type of individualism is similar to them. We want man to realize fully himself as an element of the great labour whole.”

A.A. Bogdanov. “Engineer Menni”

Alexander Bogdanov’s¹ work more or less fell out of collective memory for a long period of time as a consequence of Lenin’s primacy in Bolshevik leadership. It is a welcome development that Bogdanov’s writings have been rediscovered in post-1989 scholarship, although Bogdanov remains a challenging research topic due to his versatile, but synthesizing thinking. This versatility has been and is being recognized in various fields: for instance, in his contribution to the first manifestations of systems theory and cybernetics, in his research in blood transfusion or in his pioneering role in early Russian science-fiction with his books of “Red Star” and “Engineer Menni”, but the list could be continued. As Kremontsov highlighted, the problem with the majority of the literature on Bogdanov was that they focused on *one* aspect of Bogdanov’s work and they did not investigate the relationship between Bogdanov’s different “personas”² and were not able to show how these different aspects correlated and relied on a firm and original philosophical base.

I agree with Walicki’s claim that Bogdanov was a “systematic thinker” and that “[h]is views on different subjects were always connected with his general theoretical conceptions and, therefore, should be studied with a thorough knowledge of his major philosophical works.”³ It does not mean that Bogdanov’s philosophical ideas can serve as a magic key to all of his writings, but familiarity with these ideas do illuminate certain controversies and do eliminate certain otherwise possible interpretations. This essay will deal

with one particular work by Bogdanov, “The Science of Social Consciousness. Short Course of the Science of Ideology in Question and Answers” (1914)⁴, in which he summarized his ideas about “ideology” clearly with the proletariat in mind as an audience. “The Science of Social Consciousness” has not received much attention in the literature so far. This might be due to the fact that the book is written in a very specific form as it can be already seen in the subtitle: “in questions and answers”. This is clearly the manifestation of Bogdanov’s understanding of education and pedagogy as a *maieutic* activity,⁵ but now, with a present-day mindset, we would also associate it with *propaganda* and it might have been the reason for the negligence of this work. But the work builds on and develops Bogdanov’s ideas about society, economy and the world and by analyzing it, it can actually help us to understand more, how Bogdanov imagined the emergence of a proletarian culture and what role he might have delegated to intellectuals, which remained a controversial topic.⁶

In line with the principles laid down in this introduction, the essay has two main parts: the review of aspects of Bogdanov’s philosophy which are relevant to the social consciousness question, the discussion of ‘ideology’ and the ‘science of social consciousness’ as developed by Bogdanov.

Experience, Objectivity and Sociomorphism

For Bogdanov, the world was the “world known to us”, not just ‘things in themselves’, and this world was “the product of collective human praxis”⁷ that is ‘experience’. The essence of ‘experience’ was labour which meant the ‘interaction of human activity and nature’.⁸ The driving force behind human activity and nature is the idea of *adaptation* [prisposoblenie]: that which does not adapt will die and disappear. This is called ‘selection’ [podbor] and it applies to “all forms of life – plants, animals, people, societies, concepts or ideas.”⁹ In the development of Bogdanov’s philosophy, his reliance and criticism of two important thinkers, Ernst Mach and Karl Marx, played a crucial role. Jensen in his book convincingly argues that Bogdanov did rely on both Marx and Mach, but that he also went *beyond them*. Therefore, it is not correct to consider ‘empiriomonism’, Bogdanov’s philosophy, to be a simply amalgam of the two philosophies of ‘empiriocriticism’ and ‘dialectical materialism’, Jensen argued that it should be regarded as an original philosophy. Bogdanov clearly sympathized with the empiriocritics’ emphasis on ‘experience’ as a way of overcoming the dualism of ‘idea’ and ‘matter’. Bogdanov considered the history of this duality to be the history of *substitutions*: in case, an idealist worldview had to interpret the material, it substituted it to

something 'ideal' and the other way around. Though the worldview of empiriocriticism seemingly present a solution to this duality, in Bogdanov's view, it did not really manage to solve the problem, because there is only a *semantic difference* between a materialism saying that mental processes are nerves processes or a empiriocriticism saying that there is a 'functional dependency' between mental and nerve processes. One of the main criticisms Bogdanov expressed towards empiriocriticism is that it narrowly focuses on the 'experience' of the *individual* and this is why it cannot overcome the idea-matter duality successfully. Bogdanov's proposal was that the difference between the 'spiritual' and 'material', or in other words the 'subjective' / 'objective' or the 'psychical'/'physical' is the *level* of organization: "individually organized and socially organized experience."¹⁰

Bogdanov's relationship to Marx was similar in that sense that he embraced basic tenets of Marx's writings, but he also criticized some of them.¹¹ For Bogdanov, the crucial importance in Marx's thought was "his emphasis on the primacy of social praxis".¹² Marx developed a 'truly active worldview' which Bogdanov supported and embraced, but he believed that Marx's method of explanation, 'dialectical materialism', was not sufficient enough. In Jensen's word, the Marxist dialectic in Bogdanov's work is "presented as a stepping stone to the philosophy of living experience."¹³ Bogdanov also sympathized with Marx's 'objectivity':

Marx for the first time, understood that objectivity does not possess absolute significance but rather social-practical significance. He first ... suggested one should understand reality, 'Wirklichkeit', the objective world as human practice and thus, as social practice.¹⁴

This point permeates *The Science of Social Consciousness*: any time Bogdanov would explain the social and economic organization, the culture and the worldview of an epoch, he would ask such a question:

'Was the concept of "miracle" a simple error [zabluzhdenie]?'

'For the present scientific thought, it is, obviously, not only an error, but simply devoid of any sense or content. But for the authoritarian consciousness, it was useful and rational [tselesoobraznii] adaptation.'¹⁵

Boll also quotes Bogdanov that by the same logic, "spirits and goblins" could still "possess objectivity" if there were no other social groups but "backward peasants" because they could still be "socially harmoniously related to experience."¹⁶ In other words, objectivity is experience that is *socially organized*, disenchantment comes out of changing social and economic relations. Nikitina expressed a similar interpretation when he wrote that

“[e]very world – mythological, metaphysical or positive – has, in A.A. Bogdanov’s opinion, its own ‘fable’ (its principle of construction), in which the last truth of that world resides.”¹⁷

It is clear that Bogdanov built his system on Marx’s axiom that “social being determines social consciousness”, but he developed it further and attempted to explain the mechanism of this relationship. This is where the idea of ‘sociomorphism’ plays a crucial role as he argues that social experience is organized by the help of *cognitive models* and the source of these cognitive models is *collective labour practice*. Cognitive models can include basic words and concepts, causality relations or more complex scientific laws and theories. In Bogdanov’s view, all of these models are *sociomorphic* because they reflect labour and social practice. After the discussion of certain aspects underlying Bogdanov’s worldview such as experience, objectivity and sociomorphism, I will continue reconstructing more specifically what he meant by ‘ideology’ and causality.

Ideology, Causality and Consciousness

For Bogdanov, ‘ideology’ was “literally” the ‘science of ideas’ [nauka ob ideiakh], like psychology the ‘science of the soul’ or biology the ‘science of life’.¹⁸ He explains his understanding of the science of ideas in the beginning of *The Science of Social Consciousness* in the following way:

Question: What is the science of ideology [ideologicheskaiia nauka]?

Answer: It is the science of the social consciousness of people.

Q.: What is ‘social consciousness’?

A.: Every person has his own mental-spiritual [dushevnaia] life: he sees, he hears, he is happy, he suffers, he desires, he strives, he remembers, he imagines... All these impressions, emotions, volitions, ideas create his ‘personal’ [lichnoe] (or ‘individual’) consciousness. But a person always lives in *society*, that is, in connection and in communication with other people. What he ‘cognizes’ [soznaet], what he feels, desires, thinks – he *expresses* in various ways, unintentionally or intentionally; and other people in one way or another *understand* him and in the same way he [understands] them... Researching social consciousness means to research in what ways people express [themselves] and understand [each other].¹⁹

However, “social being determines social consciousness”, and consequently, ideology is not just the sum of ideas belonging to a group, it is a *tool*

of organization, it has a dynamic relationship to collective human activity, to labour and social relations.

For Bogdanov, the first manifestation of ideology was – *language*. He was convinced that language emerged out of so called ‘labour cries’ [trudovoi krik]. ‘Labour cries’ are involuntary voices that accompany labour and these involuntary voices later became the first roots for words. Hence, the most basic and primary form of ideology, language, emerged out of collective labour, out of production.

On the basis of this meaning of ‘ideology’, the social consciousness of people, Bogdanov reviewed human history. He believed that if we wanted to research ideological forms, we have to ask: “whom, that is, which elements of society and in which relationship does [ideology] organize?” and we have to reconstruct the technological and economical situation as “ideology is crystallized [opredeliaetsia] by technology [technika] and economy, because it serves as organizational adaptation for them.”²⁰ Bogdanov differentiates between four epochs: primitive culture, authoritarian culture, the individualistic culture and the collectivistic culture. I reconstruct in a table in a reductionist way, a draft of what Bogdanov thought of all the four epochs concerning the technology-economy-ideology triangle:

	Economy	Causality	Ideology
Primitive culture	Primitive communism	Metaphors	(language)
Authoritarian culture	Patriarchal-patrimonial → feudal	Authoritarian causality	Religious forms
Individualistic culture	Exchange relationships + private property	Abstract causality	Science, philosophy
Collectivistic culture	Mechanistic production	Labour causality	Collectivism

In a nutshell, *primitive culture* does not have a systematic or structured ideology, but the first elements are already in emergence – such as language. In the second epoch, in *authoritarian culture*, we have a strict separation of ‘organizers’ and ‘implementors’ and we can already talk about the ideology of the epoch which is the authoritarian ideology based on *authoritarian causality*. Causality in Bogdanov’s writing is used as “basic law or structuring device of a worldview and the reflection of basic forms of labor organization”²¹ and “understanding causal actions permits us to see, the basic connection between thought and the system of production it reflects and serves.”²² Thus, in the second epoch, everything is ordered according to the authoritarian causality – every phenomenon in the world is the result of a human or human-like will. This is the epoch when religious forms of consciousness

dominate – meaning that the will of God is prevalent. The third epoch, *individualistic culture*, is characterized by the emergence of exchange relationships in economy. The world view for this third epoch is characterized by individualism, ‘abstract causality’ or ‘abstract fetishism’. ‘Abstract causality’ is “necessity which irreversibly brings consequences after their causes; price which rules the exchange of products; pure truth which is independent of people and which rules in cognition [poznanie]...” Although it is a change in relationships, it is not real progress: it simply replaces human agency of the authoritarian causality with ‘impersonal force’. Walicki highlighted that this was “Bogdanov’s way of dealing with the problems which we call today “alienation” and “reification”, and which were totally ignored in the Marxism of Kautsky, Plekhanov, and Lenin.”²³ The fourth epoch, *collectivistic culture*, emerges in the capitalistic system, but Bogdanov treated it separately as it represented a completely new causality emerging out of a new way of production:

‘Which technical condition gave birth to collectivism?’

‘Mechanical production [mashinnoe proizvodstvo]. It gave a new character to human labour, developed a new type of cooperation between workers; and from there emerged a new way of thinking.’²⁴

Collectivistic culture has its own new causality as well: ‘labour causality’. It comes from machine production, from its process of transformation of energy and it means that “for the labour collective any kind of a process of nature serves as a source for getting any other process”.²⁵ It is based on the principle of energy conservation, but it is situated into the framework of human activity (and not an isolated thing-in-itself).

The reconstruction of Bogdanov’s periodization of human history hopefully illuminated how the nodes of the triangle are interrelated: the organization of economy is shaped by technology [tekhnika]; and the organization of ideology is shaped by economy and technology. In comparison to Marx, it is evident that Bogdanov delegated a more important and more active role to culture/ideology than Marx who separated it from the economical base and delegated it into the ‘superstructure’. For Bogdanov, “culture played a real, practical role in society, an organizational role, and until this idea was understood, any analysis of society would remain incomplete.”²⁶

Conclusions

This essay reconstructed some basic aspects of Aleksander Bogdanov’s worldview in order to develop a better understanding of his ideas on ‘ideol-

ogy' and social consciousness. The focus of the essay was on a particular work, *The Science of Social Consciousness*. It must be noted that Bogdanov's use of 'ideology', 'culture', 'consciousness', 'philosophy' or 'world view' is not strictly consistent, or at least are subject to changes in his writings as he developed his ideas throughout the years. I could not reconstruct these changes in this essay in its fullness, as I focused on one work, but I recognize the terminological ambivalence. Therefore, I conclude by pointing out the relevance of Bogdanov's ideas on ideology and social consciousness to another, controversial, issue, the role of intelligentsia in the workers' movement. After reviewing how Bogdanov saw the relationship between technology-economy-ideology, his view of how ideology emerges from collective labour practice, it is impossible not to agree with Walicki's claim, in his criticism to Marot, that "[t]he notion of a consciousness introduced from without was deeply alien to his philosophy, as sanctifying the authoritarian dualism."²⁷ I believe that this is crucial to understand Bogdanov's emphasis on education and pedagogy among workers for the creation of a proletarian culture, in contrast to Lenin's emphasis on the 'vanguard'. Bogdanov could not have believe in the effectiveness of 'simple' forms of indoctrination as he was convinced that knowledge emerges from human practice and struggle with nature. He believed that workers do see or have an access to labour causality which should be the basis of collective – proletarian – culture, but they do not possess the intellectual discipline to create on the basis of that causality an ideology and culture that would be needed to support the organization of a corresponding collective economy and technology. A non-worker intelligentsia could never develop this collectivistic culture as their ideology is based on authoritarian or on abstract causality – they can only help in training workers so that they could organize their experience in a higher, more complex level and create a correspondingly complex culture. It seems that Bogdanov's writings which explicitly or implicitly have an educational edge, such as "The Science of Social Consciousness", could be of service in that 'training' and not 'indoctrinating' process. As "[n]ot until the proletariat grasped the nature of ideology as an organizational tool would the proletariat be able to master it."²⁸

Notes

¹ Bogdanov was a pseudonym, he was born A.A. Malinovskii. For biography see: *Krementsov, Nikolai*. A Martian Stranded on Earth: Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian Science. University of Chicago Press, 2011 or *Zenovia A. Sochor*. Revolution and Culture: The Bogdanov-Lenin Controversy. Cornell University Press, 1988.

- ² *Kremensov*. A Martian Stranded on Earth... P. 4.
- ³ *Walicki, Andrzej S.* Alexander Bogdanov and the Problem of the Socialist Intelligentsia // *Russian Review* 49, no. 3 (July 1, 1990). P. 304.
- ⁴ *Bogdanov, Aleksandr.* Nauka ob obshestvennom soznanii. Kratkii kurs ideologicheskoi nauki v voprosakh i otvetakh. Knigo-iz-vo. Pisatelei v Moskve, 1914.
- ⁵ *Walicki.* Alexander Bogdanov... P. 302.
- ⁶ See *Russian Review* 49, no. 3 (July 1, 1990). A special issue dedicated to Alexander Bogdanov, contributions by John Eric Marot, John Biggart, Zenovia A. Sochor, Andrzej Walicki and Aileen M. Kelly.
- ⁷ *Walicki.* Alexander Bogdanov... P. 296.
- ⁸ *Jensen, K.M.* Beyond Marx and Mach: Aleksandr Bogdanov's Philosophy of Living Experience. Springer Science & Business Media, 1978. P. 83.
- ⁹ *Bogdanov.* Nauka ob obshestvennom soznanii... P. 25.
- ¹⁰ *Walicki.* Alexander Bogdanov... P. 296.
- ¹¹ There are various interpretation on evaluating Bogdanov's overall relationship to Marxism, for instance Biggart believes that Bogdanov's sociology, "complements rather than contradicts that of Marx." In: *Biggart, John.* Alexander Bogdanov and the Theory of a 'New Class' // *Russian Review* 49, no. 3 (July 1, 1990). P. 268.
- ¹² *Gare, Arran.* Aleksandr Bogdanov and Systems Theory // *Democracy & Nature* 6, no. 3 (November, 2000). P. 343.
- ¹³ *Jensen.* Beyond Marx and Mach... P. 98.
- ¹⁴ Boll quotes from Bogdanov's "Filosofia zhiwego opyta". In: *Boll, Michael M.* From Empiriocriticism to Empiriomonism: The Marxist Phenomenology of Aleksandr Bogdanov // *The Slavonic and East European Review* 59, no. 1 (January 1, 1981). P. 51.
- ¹⁵ *Bogdanov.* Nauka ob obshestvennom soznanii... P. 86.
- ¹⁶ *Boll.* From Empiriocriticism to Empiriomonism... P. 51.
- ¹⁷ *Nikitina, N.N.* Filosofia kultury russkogo pozitivizma. Iz-vo: M.: Aspekt Press, 1996. P. 54.
- ¹⁸ *Bogdanov.* Nauka ob obshestvennom soznanii... P. 10.
- ¹⁹ *Ibid.*, P. 9.
- ²⁰ *Ibid.*, P. 33.
- ²¹ *Jensen.* Beyond Marx and Mach... P. 35.
- ²² *Ibid.*, P. 40.
- ²³ *Walicki.* Alexander Bogdanov... P. 298.
- ²⁴ *Bogdanov.* Nauka ob obshestvennom soznanii... P. 177.
- ²⁵ *Ibid.*, P. 187-188.
- ²⁶ *Sochor.* Revolution and Culture... P. 71.
- ²⁷ *Walicki.* Alexander Bogdanov... P. 302.
- ²⁸ *Sochor.* Revolution and Culture... P. 30.

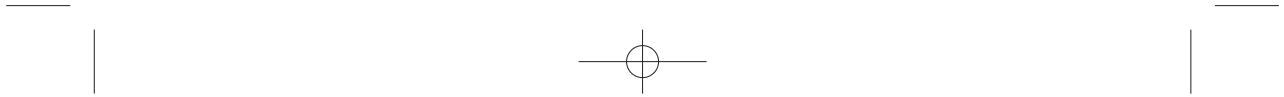
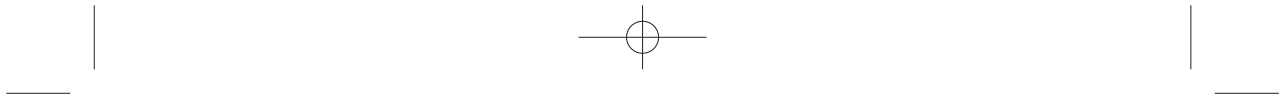

**XX ВЕК – НАЧАЛО XXI ВЕКА
(ДО НАШИХ ДНЕЙ)**

**20th CENTURY – BEGINNING OF
THE 21st CENTURY
(UP TO NOW)**

М.А БЕЗНИН, Т.М. ДИМОНИ

Социализм и государственный капитализм

ПЕРЕПУТЬЯ РУСИСТИКИ
В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ*

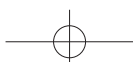
Одним из важнейших дискуссионных вопросов в изучении истории России 1917–1991 гг. сегодня является характер ее общественно-экономического строя. В советское время он однозначно оценивался как социализм и советскими историками, и зарубежной советологией. Отдельные голоса о государственно-капиталистических тенденциях в развитии СССР были, но к ним не слишком прислушивались. Не изменилось кардинальным образом представление о социально-экономическом строе СССР как о социалистическом и в современной историографии, хотя среди его оценок преобладают критические: советский социализм нередко определяется как административно-командный, «сталинизм», «лагерный социализм», «казарменный социализм» и так далее. Что движет историками, не желающими серьезно и без штампов искать ответ на вопрос о характере советской экономики, угадать не трудно. Идеологиемы 1990-х гг., предписывающие порицать СССР без объективного исследования его истории, по-прежнему господствуют и в государственной политике, и в исторической науке.

О понятиях и сомнениях в них

Существует множество представлений о социализме, но нет инкапсуляции всех определений в единое. Даже в СССР в разные истори-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-01-00341а.

ческие периоды трактовки социализма имели свои оттенки. В общих чертах под «социализмом» в советской идеологии понимался общественный строй, социально-экономическая система которого характеризуется общественной собственностью на средства производства, коллективным управлением средствами производства и распределением ресурсов. Считалось, что социализм отрицает рыночность (по крайней мере, в форме свободного рынка) и утверждает обязательность экономического планирования. Кроме того, в доктрине социализма предполагалось уничтожение экономической эксплуатации и социального неравенства.¹ История СССР априори описывалась и описывается в рамках вышеназванных понятий.

История трактовок государственного капитализма гораздо моложе, чем коммунистическая и социалистическая доктрина. Идеи о его роли в истории нашей страны впервые концептуально сформулировал В.И. Ленин. С 1918 г. В.И. Ленин постоянно говорил о неизбежности капитализма в «известной мере»,² о том, что его надо использовать, «особенно направляя в русло государственного капитализма».³ По сути дела, в ленинском понимании начала 1920-х гг. советское государство – это государственный капитализм в сочетании с диктатурой пролетариата.⁴ Без государственного капитализма (этого «преддверия» в материальном, экономическом, производственном плане) Ленин не видел пути в социализм.⁵ Оценивая свое, как теперь говорят, ноу-хау, В.И. Ленин в 1922 г. на XI съезде РКП(б) говорил: «...нет ни одной книги, в которой было бы написано про государственный капитализм, который бывает при коммунизме. Даже Маркс не догадался написать ни одного слова по этому поводу и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам приходится сейчас выкарабкиваться самим».⁶ До середины 1920-х гг. идея о построении госкапитализма в СССР довольно живо обсуждалась, однако, с 1925 г. речь о формировании государственно-капиталистического уклада в экономике советской России была прекращена. Все же, несмотря на изменение фразеологии (построение социализма, а не госкапитализма), от сути изменений социально-экономической действительности уйти было невозможно. Создание крупной, индустриальной, капитализированной экономики с соответствующей социальной структурой оставалось актуальной повесткой дня.

О перерождении советской системы в государственный капитализм стали говорить с середины 1930-х гг. в основном приверженцы Л. Троцкого и зарубежные авторы (Э. Голдман, Т. Клифф, П. Биннс и другие).⁷ Они вкладывали в этот разговор в основном критические

оценки, связывая процесс развития госкапитализма с созданием «нового класса», деформировавшего права трудящихся.

Государственный капитализм как социально-экономическая система, а не отдельные политические декларации, в общественном сознании остался практически неизученным. В самых общих чертах государственный капитализм определяется как строй, в котором государство выступает в роли ведущего предпринимателя, распоряжается прибылью. Многими авторами отмечалось, что госкапитализм – строй, реализующийся в целях ускорения развития страны.⁸ Однако критерии государственного капитализма, его особенности в разных странах, в том числе в СССР, до сих пор не известны.

О капиталах СССР и характере экономики

Проводимые исследования показывают, что магистральным направлением политики советской России было увеличение капитала, прежде всего, индустриального. Несмотря на то, что с 1930-х гг. термин «капитал» в СССР был заменен термином «основные фонды», суть его не менялась – это были затраты прошлого труда, воплощенного в средствах производства. Сохранение экономической сущности капитала при огосударствленной форме собственности подтверждается постоянной заботой государства о капиталовложениях, увеличении производительности труда и т.д. Кроме того, капитал и при «социализме» предопределял общественные отношения, приводя к формированию новых классов, в том числе слоя будущих приватизаторов из управленцев (представлявших эту государственную собственность). Подтверждает характер основного производственного ресурса СССР 1930–1980-х гг. как капитала и то, что он был желаемым ресурсом и объектом покушения. Он виделся классам, стремящимся к полному обладанию капиталом, как объект наращивания благосостояния, в то же время, для «низших» классов, прежде всего пролетариата, капиталы «общественного» хозяйства никогда не рассматривались как свои.

Перейдем к рассмотрению ключевых показателей государственной капитализации СССР. В первую очередь охарактеризуем величины капиталов (Табл. 1).

ТАБЛИЦА 1

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОСНОВНЫЕ ФОНДЫ ВСЕХ ОТРАСЛЕЙ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ И СССР ЗА ПЕРИОД 1913–1977 ГГ.

	1913 г.	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (млрд. руб. в ценах 1973 г.)	27,7	72,14	63,7	91,4	360	581	805
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (1913 = 1)	1	2,6	2,3	3,3	13	21	29

Источники: Статистическая база для расчета экономической эффективности общественного производства (1913–1977). Ч. 1. М., 1979. С. 3-4; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1977. С. 12.

Из приведенных данных видно последовательное возрастание капиталов советской экономики, особенно стремительное в период 1950 – 1970-х годов.

Важнейшими показателями экономического устройства служат данные о соотношении удельного веса основных отраслей в формировании национального дохода и валового продукта. В контексте поставленной проблемы это особенно интересно, так как определяет стадияльное состояния общества: степень «превращения из страны аграрной в страну индустриальную».

В 1923 / 24 гг. по сведениям баланса народного хозяйства СССР валовая продукция сельского хозяйства составляла 54 %, промышленности – 38 %.⁹ Данные, приведенные в 1930 г. в политическом отчете ЦК ВКП (б) XVI съезду партии И.В. Сталиным, свидетельствовали, что в 1928 / 29 гг. доля сельского хозяйства в валовой продукции всего народного хозяйства СССР составляла 51,3%, доля промышленности – 48,7%.¹⁰ В 1934 г. в отчетном докладе ЦК XVII съезду ВКП (б) И.В. Сталин привел сведения, что удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции СССР (в ценах 1926 / 27 гг.) составлял в 1930 г. – 38,4 %, в 1931 г. – 33,3 %, в 1932 г. – 29,3 %, в 1933 г. – 29,6%.¹¹ Таким

образом, по официальным данным в течение 1930-х гг. в структуре валовой продукции страны произошел крупный сдвиг в сторону индустриальной составляющей.

Однако расчеты экономистов и неопубликованные статистические данные не так однозначны. Данные балансов народного хозяйства, подготовленные ЦСУ, и не опубликованные сведения, сохранившиеся в архивах, показывают, что в СССР в 1935 г. чистая продукция сельского хозяйства (с оценкой натуральной части продукции сельского хозяйства по средним ценам товарной части) составляла 32 %, а промышленности – 22 %.¹² В 1937 г. валовая продукция промышленности (с учетом натуральной части продукции по ценам колхозного рынка) составляла 44 % валовой продукции народного хозяйства, а сельского хозяйства – 37 %.¹³

Приведенные выше сведения о доле сельского хозяйства и промышленности в валовом продукте и чистом продукте неоднократно анализировались в научной литературе. Эти проблемы освещались в работах известных ученых-экономистов А.А. Ванштейна, Ю.А. Белика, М.В. Колганова, П. Грегори и других исследователей.¹⁴ Рассматривая обнародованные органами государственной статистики показатели структуры национального (валового) дохода, они отмечали, что к этим данным нужно подходить с осторожностью, так как показатели валового дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, как правило, исчислялись в ценах реализации соответствующих лет, которые, как известно, были до 1953 г. беспрецедентно низкими.

Таким образом, трансформация аграрного общества в индустриальное происходила медленнее, чем это показывали данные официальной статистики. Однако мы, скорее всего, не можем опровергнуть вывод о том, что период, когда экономика СССР приобрела индустриальный характер, относится ко второй половине 1930-х гг. При окончательном ответе на этот вопрос, конечно нуждающийся в серьезных дополнительных исследованиях, необходимо учитывать, что, несмотря на постепенное снижение удельного веса продукции сельского хозяйства в стоимости валовой продукции народного хозяйства, аграрная подсистема достаточно долго сосредотачивала значительную массу рабочей силы (доля сельского населения СССР составила менее 50 % лишь в первой половине 1960-х гг.),¹⁵ была опорой формирования экономической базы страны.

Системы эксплуатации в экономике СССР

Системы эксплуатации в промышленности и в сельском хозяйстве СССР в период массированного первоначального накопления 1930–1950-х гг. коренным образом отличались. Если в промышленности тип эксплуатации с самого начала был экономическим, то в сельском хозяйстве преобладало внеэкономическое принуждение.

Изъятие средств из сельского хозяйства (в первую очередь из колхозов и приусадебных хозяйств) по различным каналам развивалось в 1930 – начале 1950-х гг. в прогрессивной динамике. Для этого была восстановлена система государственных повинностей (по выражению И.В. Сталина «нечто вроде “дани”»), включающих отработочную, продуктовую и денежную формы. Законодательное оформление этой системы относится к 1930-м гг., а «отмирание» повинностей наблюдается с середины 1950-х гг.¹⁶ Повинностный тип эксплуатации сельского хозяйства вкупе с прикреплением колхозников (отсутствием у них паспортов) давал возможность массированной перекачки средств в промышленность. Если в 1929 г. промышленность передала за пределы своей отрасли 14 % произведенной за год продукции в ценовом выражении, в 1937 г. – 13 %, то из сельского хозяйства было изъято за пределы отрасли в 1929 г. – 22 % произведенной за год продукции в ценовом выражении, в 1937 г. – 26 % продукции.¹⁷ В 1946–1953 гг. из сельского хозяйства СССР был изъят продукт стоимостью 298 млрд. руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства стоимостью только 193 млрд. руб.¹⁸

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. ведущим в сельском хозяйстве России, как и в промышленности, становится механизм экономического принуждения к труду. Это был уже не повинностный, а «зарплатный» тип эксплуатации. В 1966 г. была проведена крупномасштабная реформа оплаты труда колхозников: переход на гарантированную ежемесячную фиксированную оплату труда.¹⁹

В то же время уровень эксплуатации при переходе к экономической системе принуждения был порой не ниже, а выше, чем в течение предшествующих периодов, что связано с возросшей капитализацией производства и ростом производительности труда. В 1970–1980-е гг. косвенным путем из сельского хозяйства изымалось и в ходе межотраслевого товарного обмена перераспределялось 30 % и более созданной чистой продукции.²⁰ Конечно, этот показатель был ниже, чем уровень изымаемой из сельского хозяйства продукции в 1930–1960-е гг., шло

постепенное выравнивание условий хозяйствования промышленной и аграрной отраслей, формирование принципов экономических отношений, характерных для капитализированного общества.

Оценка уровня капитализации: о соотношении факторов производства

В качестве важнейшего критерия капитализации и перерождения аграрного общества мы предлагаем рассматривать такой экономический фактор, как доля капитала и «живого» труда в себестоимости продукта. Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от государственного капитализма, была пройдена.

Промышленность СССР изначально выглядела как капитализированное производство. В 1930 г. структура себестоимости товарной продукции промышленности СССР на 66 % состояла из издержек капитала (сырье, вспомогательные материалы, топливо, амортизация) и на 34 % из издержек на рабочую силу.²¹ В 1955 г. от всей суммы затрат на производство продукции промышленности СССР 21 % падал на заработную плату, 79 % на затраты капитала.²² В 1976 г. в структуре затрат на производство промышленной продукции СССР 15 % приходилось на заработную плату, 85 % – на затраты капитала.²³

Сельское хозяйство долгое время оставалось низко капитализированным. Рассчитанное В.П. Даниловым соотношение доли капитала и доли труда в себестоимости аграрного продукта крестьянского хозяйства показало, что в 1925 г. живой труд являлся основной производительной силой крестьянского хозяйства. Доля затрат живого труда в себестоимости аграрной продукции растениеводства в среднем по стране достигала 56–75 % (в зависимости от отрасли).²⁴

Важнейшим индикатором капитализации экономики является капитализация колхозного производства. По нашим расчетам соотношение затрат капитала (материальных издержек) и затрат живого труда в структуре себестоимости продукции колхозов в конце 1950-х гг. составляло 55 % к 45 % в пользу живого труда, что говорит о генетической близости экономики колхозов этого времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества.²⁵ Преодоление пятидесятипроцентной грани, когда капитал становится ведущим фактором производства колхозов, относится к началу 1960-х гг. Произведенные экономистами тех лет подсче-

ты показывают, что овеществленный в капитале труд составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52 % себестоимости сельхозпродукции, в 1965 г. – 57 %.²⁶

Классы капитализированного советского общества

Становление государственного капитализма в России неизбежно повлекло новое социально-классовое размежевание, формирование многоклассового общества. Данный сюжет отчасти развивался рядом ученых, писавших, в основном, о формировании «нового класса» или «номенклатуры» в советском обществе – особого слоя, от имени государства осуществлявшего управление и получавшего определенные материальные льготы.²⁷

Наши подходы существенно отличаются от подходов, предложенных предшественниками. В основе наших предложений по социальному структурированию в СССР лежит градация по занимаемому социальным классом месту в отношениях собственности. Дело в том, что система государственного капитализма строится на использовании отношений разделенного права собственности. Это было важнейшим принципом реализации права собственности периода госкапитализма, позволяющим строить, контролировать и управлять сложной экономикой и при этом не давать полного права собственности ни одному из классов общества, даже высшему, включая все его фракции.

Наше изучение российской деревни показало, что в 1930–1980-х годах в ней сформировались 5 социальных классов: протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия и пролетариат. Границы социально-классового размежевания были видны в разности правового и экономического статуса, места в отношениях собственности, социально-психологических чертах и т.д. Протобуржуазия (председатели колхозов, директора совхозов и МТС) обладала наибольшими в деревне правами собственности на сельскохозяйственные ресурсы; менеджеры (бригадиры, управляющие отделениями и др.) являлись управленцами и распорядителями ресурсов; интеллектуалы (агрономы, зоотехники, инженеры-механики и др.) были собственниками знаний; рабочей аристократией были те, кто переносил в стоимость продукции результаты эксплуатации передового капитала – основы капитализирующейся экономики (трактористы, комбайнеры, шоферы и др.); сельский пролетариат являлся классом, наиболее удаленным от собственности и власти, это были «работники конно-ручного труда».²⁸

Конечно, изучение в целом социальной пирамиды в СССР эпохи государственного капитализма еще впереди и, возможно, оно покажет более сложную классовую градацию общества в условиях процессов капитализации и господства разделенного права собственности.

Некоторые выводы

Таким образом, исследователи, чтобы продвинуться вперед в научном плане, должны выйти за рамки историографических представлений об истории советского общества, господствовавших в XX веке. Система не была социалистической, как это трактовалось ранее. Мы считаем, что в СССР происходила государственная капитализация – единственный в то время способ ускорения модернизационного процесса в России. Специфичность эволюции основных укладов определялась экономическими возможностями страны, ибо сразу перейти к строю с преобладанием имплантированного капитала и наемного труда не позволяли ресурсы. Поэтому как универсальный механизм постепенной капитализации было использовано сельское хозяйство, прежде всего, колхозы и урезанные крестьянские дворы. Тем не менее, главным вектором социально-экономической эволюции страны была капитализация, проводившаяся государством. Переход к государственному капитализму в советской России происходил в 1930–1960-х гг., зрелый госкапитализм был построен в 1970–1980-е гг., что и послужило основой произошедшей в 1990-е гг. политической революции.

Примечания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1979; Socialism // Encyclopedia Britannica. – https://z5h64q92x9.net/proxy_u/en-ru.ru/www.britannica.com/EBchecked/topic/551569/socialism (апрель. 2017).

² Ленин В.И. О продналоге // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 43. М., 1963. С. 229.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 222.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП (б) 27 марта [XI съезд РКП(б)] // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 45. М., 1970. С. 84.

⁷ *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М., 1991; *Goldman E.* My Further Disillusionment in Russia, Garden City – N Y. 1924; *Клифф Т.* Государственный капитализм в России. М., 1991; *Pannekoek A.* State Capitalism and Dictatorship // International Council Correspondence III /1 (January, 1937); *Binns P.* State Capitalism // Marxism and the Modern World, Education for Socialists 1 (March, 1986); *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995 (на англ. яз. – 1942 г.) и др.

⁸ Государственный капитализм // Большая советская энциклопедия/ В 30 т. Т. 7. М., 1972.

⁹ Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года / Под ред. П.И. Попова. Репринт с издания 1926 г. М., 1993. С. 46.

¹⁰ *Сталин И.* Сочинения. Т. 12. М., 1953. С. 265.

¹¹ *Сталин И.* Сочинения. Т. 13. М., 1953. С. 310.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 31.

¹³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 446. Л. 3-4 (в млн. руб. по ценам 1937 г.).

¹⁴ *Белик Ю.А.* Национальный доход СССР. М., 1961; *Ванитейн А.А.* Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика. М., 1969; *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003; *Калганов М.В.* Национальный доход. М., 1959; *Кац В.* Народный доход и его распределение. М., 1932 и др.

¹⁵ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1977. С. 7.

¹⁶ См. подробнее: *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история 2 (2002). С. 96-111.

¹⁷ Рассчитано по: Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929 и 1930 гг. М., 1932. С. 94; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 446. Л. 15.

¹⁸ *Растяльников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1999. С. 281.

¹⁹ Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974). М., 1975. С. 123-124.

²⁰ Чистая продукция сельского хозяйства, ее распределение и использование. М., 1989. С. 13.

²¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. М. – Л., 1932. С. 58.

²² Промышленность СССР. Стат. сборник. М., 1957. С. 29.

²³ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 196.

²⁴ *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 266-267.

²⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1655. Л. 25-33, 49.

²⁶ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971. С. 506.

²⁷ *Джилас М.* Новый класс. Нью-Йорк, 1961; *Восленский М.* Господствующий класс Советского Союза. М. 1991.

²⁸ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х гг., М., 2014; Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социс 11 (2011). С. 90-102; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // Российская история 2 (2010). С. 25-43.

М.В. КОВАЛЕВ

Венгерские историки и русская академическая эмиграция

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ^{*1}

Научные контакты между венгерскими историками и их российскими коллегами, оказавшимися после революции и Гражданской войны в эмиграции, еще не становились предметом специального изучения. Малочисленность российской диаспоры в межвоенной Венгрии способствовала убеждению, что таких контактов вообще не было. И, действительно, Будапешт, в отличие, например, от Праги, Софии, Белграда, не стал интеллектуальным центром Зарубежной России. Мы с трудом назовем имя хотя бы одного крупного русского историка, осевшего и работавшего там. Но, тем не менее, было бы слишком упрощенно отрицать наличие научных связей между русскими историками-эмигрантами и их венгерскими коллегами, особенно, если принять во внимание предшествующий опыт двухсторонних интеллектуальных контактов. Архивные документы (Отделение документации Института истории искусств Чешской академии наук, Собрание рукописей Славянской библиотеки в Праге, Архив Кембриджского университета, Архив Российской академии наук, Отдел рукописей Венгерской академии наук и др.) говорят об обратном; они свидетельствуют о том, что российские и венгерские историки довольно интенсивно общались между собой и даже пытались реализовывать совместные исследовательские проекты.

В 1920–1940-е гг. главным научным центром русской эмиграции стала Прага. Именно там, благодаря поддержке чехословацкого правительства, сложилась развитая сеть русских организаций, которые вели интенсивную исследовательскую работу.² Близкое расположение чехо-

---

^{*} Работа подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации, проект МК-4739.2016.6.

словацкой и венгерской столиц, несомненно, способствовало интеллектуальному обмену. Большую роль в развитии двухсторонних научных связей в межвоенный период играл Семинар (затем – Археологический институт) имени академика Н.П. Кондакова, созданный в Праге в 1925 году. Его участниками были видные русские историки, археологи, искусствоведы, такие как А.П. Калитинский, Г.В. Вернадский, Н.Л. Окунев, Г.А. Острогорский и др. Своей целью Семинар / Институт ставил разработку вопросов истории Византии, кочевого мира Евразии, славян. С ним сотрудничали многие ведущие зарубежные историки, в том числе и венгерские.

Примечательна фигура археолога Нандора Феттиха (Nándor Fettich; 1900–1971), который уже с 1926 г. начал переписываться с русскими коллегами из Праги.³ Он внимательно следил за развитием русской эмигрантской исторической науки, например, за творчеством М.И. Ростовцева.⁴ Но интересен этот археолог еще и тем, что одновременно поддерживал контакты с советскими учеными и даже посещал СССР.⁵ После Второй мировой войны, когда Н. Феттих оказался на обочине научной жизни и был вынужден перебиваться случайными заработками, он не афишировал своих прежних контактов с русскими эмигрантами. Во всяком случае, в его личном фонде в архиве Национального музея писем от российских коллег не сохранилось (за исключением одного послания из СССР от археолога А.А. Захарова, датированного 17 января 1937 г.).⁶ В издаваемой кондаковским институтом серии «Скифика» Н. Феттих в 1929 г. издал по-немецки работу «Бронзовое литье и кочевое искусство по данным венгерских памятников».⁷ В 1931 г. вместе с Дюлой Ре (Gyula Rhé; 1871–1936) он подготовил книгу о двух могильниках времен Великого переселения народов в Венгрии.⁸

Другим видным венгерским историкам, сотрудничавшим с русскими эмигрантами, был византиновед Дюла Моравчик (Gyula Moravcsik; 1892–1972). В одном из писем своему коллеге Д.А. Расовскому он признавался: «Так как я работаю на той области, на которой знание исследований русских ученых больше всего нужно и так как я во время моего пребывания в России в качестве военнопленного имел случай ознакомиться с трудами русского византиноведения, я связан узко с русской наукой».⁹ Д. Моравчик, прекрасно знавший русский язык, вводил русских ученых в круг интересов и достижений венгерской исторической науки. Одновременно он пропагандировал у себя на родине деятельность Института имени Н.П. Кондакова.

Уже упомянутому Д.А. Расовскому Д. Моравчик помогал собирать материалы о евразийских кочевниках. Молодой русский ученый рабо-

тал в начале 1930-х гг. над статьей «Торки и берендеи на Руси и Угрии», и в рамках занятий его интересовала этимология слова «берендеи», которое, как он полагал, имело прямой венгерский аналог. Научные поиски побуждали его искать сотрудничества с коллегами из Венгрии: «Именно мадьяру-тюркологу легче было бы (чем, например, русскому тюркологу, могущему не знать мадьярского языка) рассмотреть этот вопрос. Конечно, я со своей стороны всячески был бы готов помочь в таком случае облегчением для мадьярского ученого получения русского материала (из летописей и др. источников) по берендейским собственным именами...».¹⁰ Тогда Д. Моравчик свел Д.А. Расовского с тюркологом Ласло Рашони Надем (László Rásonyi Nagy; 1899–1984), который также заинтересовался работами русских коллег из Праги. Д. Моравчик побудил Д.А. Расовского изучать венгерский язык, о чем сохранились сведения в одном из писем ученого-эмигранта 1933 г.: «Я еще не чувствую себя готовым приехать в Венгрию: я все еще не знаю мадьярского языка; а мне хочется свободно разговаривать на нем. А времени у меня так мало, чтобы учиться! Мне бы хотелось соединить поездку в Венгрию с поездкой в Болгарию. Ведь только в этих двух странах не равнодушны к кочевниковедению! Может быть вырвусь на будущий год».¹¹ К слову, Д. Моравчик заинтересовал венгерским языком и других русских историков. Живший в США византиновед А.А. Васильев в феврале 1933 г. сообщал в письме, что приобрел «мадьярскую грамматику» и стал ее изучать, в чем ему помогала одна из студенток, венгерка по происхождению.¹²

В истории двухсторонних научных коммуникаций интересны сюжеты, связанные с поездками русских ученых в Венгрию. Известно, например, что Д.А. Расовский, долгое время мечтавший посетить ее, смог осуществить свой замысел в октябре 1934 г., правда, визит оказался скоротечным: «На обратном пути из Болгарии я осмотрел Будапешт и пришел в полный восторг от красоты вашей столицы. К сожалению, у меня было всего 3 часа времени, и не смог навестить Вас».¹³ Известно, что в конце сентября 1935 г. в венгерскую столицу приезжал историк искусства Н.Л. Окунев. Его приглашал туда Имре Лукинич (Imre Lukinich; 1880–1950), видный специалист по истории Центральной и Восточной Европы в Новое время. Целью визита Н.Л. Окунева стало участие в заседании редакционного комитета Федерации историков Восточной Европы, которую возглавлял в тот момент венгерский ученый. В Будапеште русский историк познакомился с Д. Моравчиком, с которым поддерживал деловую переписку.¹⁴

С новейшими венгерскими изданиями Д. Моравчик также познакомил Г.В. Вернадского, в том числе с комментированным изданием

«Тактики» Льва Мудрого, подготовленным византинистом Решё Вари (Rezső Vári; 1867–1940).¹⁵ К Д. Моравчику обращался приезжавший из Страсбурга в Прагу и Будапешт в сентябре 1932 г. А.Н. Грабар, который интересовался греческими иллюстрированными или орнаментированными рукописями.¹⁶

Когда в 1930-х гг., когда Археологический институт имени Н.П. Кондакова столкнулся с материальными трудностями, Д. Моравчик стал его действительным членом и старался регулярно вносить столько необходимые членские взносы. Он также пытался найти спонсорскую поддержку для своих русских коллег в венгерских кругах. Переписка «кондаковцев» с Д. Моравчиком продолжалась с начала 1950-х гг. Примечательно, но в годы Второй мировой войны она велась исключительно по-немецки. В июле 1951 г. А.В. Флоровский, которому суждено было стать последним директором Археологического института, с грустью написал Д. Моравчику в Будапешт: «Институт Кондакова находится в состоянии анабиоза в силу разных обстоятельств».¹⁷ Вряд ли он имел тогда возможность описать венгерскому коллеге все перипетии борьбы за возобновление работы знаменитой научной организации. Несмотря на все усилия А.В. Флоровского и на поддержку научной общест-венности, институт был закрыт.¹⁸

Таким образом, Археологический институт имени Н.П. Кондакова был важнейшим звеном в развитии российско-венгерских научных контактов в межвоенный период. Институционально он сотрудничал с Национальным музеем в Будапеште, журналом «*Archeologia Hungarica*» и др. Он старался привлечь венгерских ученых к сотрудничеству, в частности, приглашал их публиковать свои статьи в знаменитом сборнике «*Seminarium Kondakovianum*». Так, в 1928 г. появилась работа Н. Феттиха о готской серебряной пряжке в собрании Национального музея в Будапеште, в 1931 г. – статья Д. Моравчика о цицакии (парадной одежде византийских императоров); в 1932 г. – работа Ф. Вамоша о лагере и деревянном дворце Аттилы, в 1933 г. – исследование Л. Рашони-Надя о происхождении берендеев, а в 1936 г. – его заметка о названиях племен в «Слове о полку Игореве».¹⁹ Кроме того, в сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» регулярно публиковались рецензии на работы венгерских историков (особое внимание к ним проявлял Е.Е. Мельников), например, на труды Гёзы Фехера (Géza Fehér; 1890–1955), Дюлы Немета (Gyula Német; 1890–1976) и др. Интерес к сборнику проявлял Андраш Алфёлди (András Alföldi; 1885–1981), видный специалист по древнеримской истории и археологии Дунайского бассейна.²⁰

После Второй мировой войны связи между венгерскими учеными и их коллегами из русской эмигрантской среды, как ни парадоксально,

не прекратились. Правда, при этом они приобрели другое измерение, иной ракурс. Многократно упоминавшийся Д. Моравчик продолжал активное общение с Г.В. Вернадским, Н.Л. Окуновым, Г.А. Острогорским и др. Увы, пока неизвестно о дальнейших связях с русскими учеными А. Алфёлди, эмигрировавшего из Венгрии после 1947 г., и Н. Феттиха, фактически изгнанного из науки.

В 1940-е гг. большое внимание к работам венгерских коллег проявлял профессор А.В. Флоровский, видный специалист по истории чешско-русских отношений и истории России в XVIII в. После окончания войны он принял советское гражданство, но при этом остался жить в Праге, где стал ординарным профессором Карлова университета.²¹ А.В. Флоровский еще с конца 1930-х гг. заинтересовался русско-австрийскими отношениями в первой четверти XVIII в. Естественно, он не мог обойти стороной венгерский след в этих связях, особенно в свете отношения России к освободительному движению Ф. Ракоци.

В личном фонде А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге сохранились материалы его переписки 1950–1960-х гг. с крупнейшим венгерским специалистом по истории Центральной и Восточной Европы Йожефом Перени (József Perényi; 1915–1981).²² А.В. Флоровский консультировался с ним по вопросам источниковедения и историографии. Его обращение к Й. Перени было не случайным. Венгерский историк с конца 1950-х гг. работал над составлением сборника документов о дипломатических отношениях между Петром Великим и Ф. Ракоци. В 1960 г. он писал А.В. Флоровскому в Прагу, что у него накопилось уже 60 печатных листов архивных материалов, из которых 85% – документы венгерского происхождения, 10% – русского и 5% – австрийского.²³ Й. Перени часть материалов собрал в фондах Центрального архива древних актов в Москве, то есть, у него была возможность, которой до определенного момента был лишен А.В. Флоровский (он посетит СССР уже незадолго перед смертью). Но и для Й. Перени русский историк представлял большой интерес, поскольку тот был хорошо знаком с материалами Австрийского государственного архива в Вене. Й. Перени регулярно информировал А.В. Флоровского об исследованиях венгерских коллег, например, о важной в тот момент для русского историка статье Яноша Варади-Штернберга (János Váradi-Sternberg; 1924–1992) о посольстве Е.И. Украинцева, направленного Петром Великим к Ф. Ракоци, и умершего во время переговоров в Эгере.²⁴

А.В. Флоровский интересовался возможностью публикации своих работ в Венгрии, в частности, при посредничестве Й. Перени надеялся издать статью о русской оккупации Спиша в 1710 г. Венгерский колле-

га восторженно воспринял эту идею: «Относительно возможности опубликовать у нас, я могу Вам писать только то, что теоретически это не только возможно, но прямо желательно. Однако, из-за недостатка бумаги наши возможности очень ограничены. Но, если Вы можете сократить Вашу статью о занятии Спиша на 1½–2 печ. листа, то мы сразу можем ее издать. И другую статью о вопросе восстания Ракоци в развитии русско-австрийских отношений мы можем опубликовать, если она не выходит слишком отрицательно с точки зрения венгеро-русских отношений».²⁵ А.В. Флоровский представил статью в срок. Ее рукопись сохранилась в личном архиве историка в Праге.²⁶ Однако работа в течение нескольких лет лежала без движения. В 1963 г. А.В. Флоровский писал Й. Перени: «А как обстоит дело с моим очерком о русской оккупации Спиша в 1710 г.? Есть ли какая-нибудь надежда на опубликование его – ведь он у Вас лежит уже скоро пять лет! За сообщение был бы очень Вам признателен».²⁷ Видимо, Й. Перени судьбу статьи так и не смог прояснить, ибо уже в мае 1966 г. А.В. Флоровский был вынужден обратиться за помощью к Д. Моравчику, сетуя, что «за эти потерянные годы... мог бы издать эту работу где-либо в ином месте».²⁸ Лишь после такой «жалобы» Й. Перени ответил А.В. Флоровскому, прислав извинительное письмо. Он сообщал, что предлагал статью нескольким венгерским изданиям, но те неизменно требовали сократить статью. Он смог договориться о публикации работы в полном объеме с академиком Иштваном Книежа (Kniezsa István; 1898–1965), который редактировал журнал «Studia Slavica». Однако, по словам Й. Перени, И. Книежа затерял рукопись среди своих многочисленных бумаг и не мог найти, а в марте 1965 г. он скоропостижно скончался. Обнаружить статью А.В. Флоровского Й. Перени смог только при разборе архива покойного ученого в мае 1966 г. Он предложил своему русскому коллеге подождать ее напечатания все в том же журнале «Studia Slavica».²⁹ Однако А.В. Флоровский до этого момента не дожил – в 1968 г. он скончался в Праге. В результате его работа о русской оккупации Спиша в 1710 г. так и не была опубликована. В рукописях остались и другие его специальные работы о русско-венгерских связях в первой четверти XVIII в.

А.В. Флоровский высоко ценил венгерскую науку и отмечал важность венгерских источников для изучения российской истории, как изданных, например «Archivum Rákócziánium», так и архивных. Так, в переписке со своей коллегой в СССР Е.П. Подъяпольской он говорил о необходимости включения венгерских материалов в готовящиеся к изданию новые выпуски «Писем и бумаг императора Петра Великого».³⁰

Таким образом, можно сделать вывод, что неизвестные архивные документы позволяют сегодня открыть совершенно неизвестные стра-

ницы венгерско-российских отношений. Из них ясно вырисовывается, что такие связи развивались не только по линии сотрудничества с учеными из СССР, но и по русской эмигрантской линии. Во многом они были обусловлены устоявшимися еще до революции научными традициями, а также высоким международным статусом, которым обладала в то время российская историческая наука. Вне всякого сомнения, российско-венгерские научные связи в свете интеллектуальных миграций XX в. нуждаются в дальнейшем аналитическом изучении.

Примечания

¹ Автор сердечно благодарит за помощь в сборе материала и ценные советы в процессе работы над статьей своих коллег Аттилу Шереша, Антала Бабуша, Иштвана Фодора, Пенку Пейковску, Александра Сергеевича Стыкалина. Без их участия статья не могла бы быть написана.

² Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, 2012. С. 37–58.

³ Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR (далее – OD ÚDU), fond «Archeologický institut N.P. Kondakova» (далее – AINPK), KI–30, Fettich N., 1926–192, a b. d., 8, II.

⁴ Cambridge University Library: Manuscripts, MINNS, Add. 7722, box 1, folder F, N. Fettich.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Фонд 5283, оп. 1, д. 61, л. 2; оп. 6, д. 17, л. 48–54, 190; Архив Государственного Эрмитажа. Фонд 1, оп. 5, д. 936, л. 32, 43–44.

⁶ Magyar Nemzeti Múzeum irattára, Nandor Fettich, FE 7, 452.89.1, Ca 14.

⁷ Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler, mit einem Anhang von L. Bartucz, Über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1929.

⁸ Rhé Gy., Fettich N. Jutas und Öskü: Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem Anthropologischen Anhang von L. Bartucz. Prag: Seminarium Kondakovianum, 1931.

⁹ OD ÚDU, f. AINPK, KI–14, Moravcsik G., 1927–1943, 68, II.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye (далее – MTA Könyvtár), G. Moravcsik, Ms. 1233 / 873.

¹³ OD ÚDU, f. AINPK, KI–14, Moravcsik G., 1927–1943, 68, II.

¹⁴ МТА Könyvtár, G. Moravcsik, Ms. 5361 / 340; Ms. 5361 / 341; Ms. 1233 / 695.

¹⁵ Ibid., Ms. 1233 / 879.

¹⁶ OD ÚDU, f. AINPK, KI–14, Moravcsik G., 1927–1943, 68, II.

¹⁷ МТА Könyvtár, G. Moravcsik, Ms. 1233 / 251.

¹⁸ Аксенова Е.П. Институт им. Н.П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А.В. Флоровского) // Славяноведение 4 (1993), С. 63-74.

¹⁹ Fettich N. Eine gotische Silberschnalle im Ungarischen Nationalmuseum // Seminarium Kondakovianum: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. Вып. II. 1928. С. 105-111; Моравчик Ю. Происхождение слова TZITZAKION // Там же. Вып. IV. 1931. С. 69-76; Vámos F. Attilas Hauptlager und Holzpaläste // Там же. Вып. V. 1932. С. 131-148; Rásonyi Nagy L. Der Volksname Берендей // Там же. Вып. VI. 1933. С. 219-226; Eadem. Noms de tribus dans le “Слово о полку Игореве” // Там же. Вып. VIII. 1936. С. 293-299.

²⁰ OD ÚDU, f. AINPK, KI–14, Moravcsik G., 1927–1943, 68, II.

²¹ О его биографии см. подробнее: Аксенова Е.П. Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур XI / 1 (2009). С. 32-47; Досталь М.Ю. Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник 28 (2011). С. 80-87; Афиани В.Ю., Лантева Т.Н. Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) // Исторический архив 3 (2013). С. 149-163; Šaur J. A.V. Florovskij (1884–1968) // Slovanský přehled 1 (2005). P. 131-146 и др.

²² Свак Д. На службе у Клио и у власть предрержащих (этюды по руссиеведению). Будапешт: Russica Pannonicana, 2014. С. 57-67.

²³ Slovanská knihovna v Praze / trezor, A.V. Florovskij, T-FLOR (далее – SK. T-FLOR), krab. XLVIII, korespondence A.V. Florovského odeslaná: osoby, № 9: J. Perenyi A.V. Florovskému, b.

²⁴ Ibid., krab. XLVIII, № 9: J. Perenyiovi (katedra historie vých. Evropy na FF Budapeštské univerzity), g; Váradi-Sternberg J. Ukrainev, Péter cár követe Magyarországon 1708-ban // Századok 2–4 (1959). 233-251.

²⁵ SK. T-FLOR, krab. XLVIII, korespondence A.V. Florovského odeslaná: osoby, № 9: J. Perenyi A.V. Florovskému, b.

²⁶ Ibid., krab. XXIV, Флоровский А.В. Русская оккупация Спиша в 1710 г. (Эпизод из истории Великой Северной войны 1700–1721 гг.).

²⁷ Ibid., krab. XLVIII, № 9: J. Perenyiovi (katedra historie vých. Evropy na FF Budapeštské univerzity), g.

²⁸ МТА Könyvtár, G. Moravcsik, Ms. 1233 / 252.

²⁹ Архив Российской академии наук. Фонд 1609, оп. 2, д. 360, л. 1.

³⁰ SK. T-FLOR, krab. VIII. № 210. Pod’japol’skaja, Jelena Petrovna; Ковалев М.В., Лаптева Т.Н. “В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...”. Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В.Т. Пашуто, А.А. Зиминым и Е.П. Подъяпольской // Исторический архив 4 (2014). С. 66-87.

О.В. РАТУШНЯК

Казачье зарубежье в 1920 г. – начале XXI в.

Казачье Зарубежье как социально-исторический феномен образовалось в результате эмиграции части казачества за границу. Казачество юго-востока Европейской России эмигрировало преимущественно на Запад. Основными странами расселения казаков-эмигрантов стали сначала Турция и Греция, позже Болгария, Германия, Польша, Франция, Чехословакия, Югославия. Представители казачьих войск Азиатской России уходили на Восток. Большая их часть была размещена в Китае, меньшая – в Австралии. Впоследствии небольшие группы казаков и казаки-одиночки переехали в страны Латинской Америки. Всего за рубежом оказалось около 100 тысяч казаков.

Основная причина эмиграции – поражение антибольшевистского движения в России в ходе гражданской войны 1918–1920 гг. Однако мотивы принятия данного решения были различны. Одни казаки стали эмигрантами, боясь репрессий со стороны советской власти. Другие – ушли за границу, поддавшись общему порыву. Третьи – эмигрировали с целью воссоединения со своими родными и близкими.

Не все казачество, ушедшее за границу, было настроено непримиримо враждебно к Советской России. Это подтверждает процесс репатриации (начавшийся буквально вслед за эмиграцией), в результате которого на родину вернулась почти половина казаков-эмигрантов. Отчасти этому способствовала и политика советского правительства, проводившаяся, по отношению к казакам-эмигрантам. Ее суть заключалась в стремлении оторвать большую часть казаков от остальной белоэмигрантской массы и вернуть их на родину. Тем самым советское руководство пыталось ослабить контрреволюционный лагерь.¹

Со временем основными центрами казачьей диаспоры стали Болгария, Югославия, Франция, Чехословакия и Китай. Проживание казаков в каждом из этих государств имело свои отличительные черты. Так, в Болгарии и Югославии находились в основном казачьи воинские под-

разделения. Белград и Прага являлись культурными центрами казачьей диаспоры. Однако, если в Югославии приветствовались монархически настроенные круги российской (в том числе и казачьей эмиграции), то в Чехословацкой Республике наиболее лояльно относились к эмигрантским организациям и лицам, эсеровских воззрений. Это было связано, в первую очередь, с внутривосточной обстановкой в данных странах. Наиболее тяжело пришлось казакам-эмигрантам в Китае. Это объяснялось громадным культурным и языковым различием между казаками и местным населением, а также тяжелыми социально-экономическими условиями их существования в стране.

В большинстве государств казаки трудились в сфере сельского хозяйства. Особенно это было характерно для Чехословакии. В Болгарии труд эмигрантов использовался преимущественно на шахтах, рудниках и в портовых городах, а в Югославии – на строительстве железных и шоссейных дорог. Во Франции, как и в Китае, казаки-эмигранты в сельской местности работали в основном в качестве вольнонаемных сельскохозяйственных рабочих, а в городах их можно было встретить во всех сферах городской инфраструктуры.

Часть казаков в силу целого ряда причин подверглось ассимиляции. Особенно быстрый процесс ассимиляции наблюдался в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польше, что было связано в первую очередь с близким по культуре казачеству славянским населением этих стран. Способствовало ассимиляции и то обстоятельство, что почти 90% казаков-эмигрантов составляли мужчины, многие из которых были холостыми.² Они оседали за границей, женившись на местных уроженках, и постепенно утрачивая свои традиции, перенимали местные обычаи.

За границей казаки создали ряд культурно-бытовых и общественно-политических организаций. Первые способствовали сплочению казаков-эмигрантов, вторые – хотя и выступали за объединение казачьих сил за рубежом – фактически отразили политические разногласия и раскол в среде казачества. Среди казаков, ушедших за границу, были монархисты, кадеты, эсеры различных оттенков. Лидерами и активными членами различных политических казачьих организаций были в основном лица, занимавшиеся активной общественно-политической деятельностью еще до периода эмиграции. Однако, основная масса простого казачества была аполитична и инертна. Этому в большей степени способствовали трудности, сопровождавшие жизнь эмигранта.

Несмотря на трудности эмигрантского бытия и разногласия по политическим вопросам (а возможно, именно, благодаря этим факторам) казаки-эмигранты пытались сберечь вдалеке от родины свою культуру и свои традиции, что позволило им сохранить свою самобытность, не раствориться в среде российской эмиграции и не ассимилироваться с местным населением.³

Новым этапом в развитии российского казачества за рубежом стала Вторая мировая война. За годы войны существенным образом изменились условия существования казаков в большинстве государств. Казачья диаспора пополнилась новыми членами. В большинстве своем это были казаки, покинувшие СССР вместе с отступавшими германскими войсками и оставшиеся впоследствии за рубежом.⁴

Изменилась и география расселения казачества. Многие казаки переехали из Китая в Австралию. В то время как казаки, размещавшиеся в Европе, в большинстве своем переселились в США, Канаду и страны Латинской Америки.

Изменились и целевые установки основной массы казаков-эмигрантов. До Второй мировой войны казаки жили с надеждой вернуться в родные края. Этим объяснялось их стремление разместиться как можно ближе к российским границам, а также стремление сохранить свой уклад жизни. После Второй мировой войны надежда на возвращение на родину фактически перестала существовать. Ее, напротив, сменил страх возвращения в «сталинскую страну Советов». В связи с этим казаки-эмигранты старались перебраться как можно дальше от СССР. Отказавшись от надежды вернуться на родину, казаки стали более активно встраиваться в социальную структуру принимающих обществ. Практически все они приняли гражданство государств, разместивших их. Если до Второй мировой войны большинство казаков пытались сохранить свою культурную идентичность, свой язык, и даже старались обучать своих детей в своих эмигрантских школах, то после Второй мировой войны многие пытались дать своим детям зарубежное образование, хорошее знание иностранного языка и приобщить к культуре принимающих обществ.

Третий этап в истории зарубежного казачества начался в 1990-е гг. Он был вызван социально-политическими и социально-экономическими переменами в СССР и его распаде. Данный этап характеризовался двумя основными тенденциями. Во-первых, сближением зарубежного казачества с возродившимся российским казачеством, налаживанием, в первую очередь, общественно-культурных контактов и связей. Во-вторых, из России начался очередной выезд эмигрантов, в том числе и казаков. Новые эмигранты в большинстве своем стремились быстрее интегрироваться в социальную структуру принимающих государств и порой использовали для этого местных представителей казачьей диаспоры. Порой именно новые эмигранты привели к реанимации ряда общественно-культурных организаций казачества за рубежом. Некоторые из этих организаций стали инициаторами процесса возрождения казачества за рубежом и способствовали налаживанию связей между российским и зарубежным казачеством.

И, хотя после Второй мировой войны казачья диаспора представляется менее спаянной и сплоченной, но все же определенная часть казаков-эмигрантов стремилась поддерживать связь между собой. В значительной степени этому способствовал сохранившийся институт атаманства, а также различные общественно-культурные и общественно-политические организации зарубежного казачества. Именно благодаря наличию и сохранению данных институтов у донских и кубанских казаков им удалось сохраниться как центрам казачьей диаспоры вплоть до настоящего времени.

Рассмотрим более подробно эволюцию и современное состояние основных институтов, способствовавших адаптации казачества за рубежом, сохранению и развитию казачьей диаспоры.

В первую очередь, это сама войсковая организация казачеств России. До революционных событий и гражданской войны (1917–1920 гг.) казачьи войска Российской империи представляли собой уникальную социально-политические и социально-экономические организмы, которые органично были встроены в сословную структуру российской монархии.

Процесс создания казачьих войск был крайне противоречив и неоднозначен. Главное противоречие заключалось в том, что, с одной стороны, казаки часто выступали против российской монархии, с другой стороны, часть казачества выступало в качестве своеобразной пограничной стражи границ Российской империи. Эту противоречивость казачество сохранило на протяжении всего XX в.

Стремление рядовых казаков и атаманов сохранить войсковую организацию казачьего сообщества было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, казачьи сообщества в большинстве своем изначально возникали и развивались в форме войсковой организации и в силу этого войсковая структура в значительной степени была одной из важных составляющих казачьего самосознания. Естественно, что в эмиграции ее значимость еще более возросла. Во-вторых, в среде российской, в том числе и казачьей, эмиграции проявился механизм своеобразной консервации в сознании образа дореволюционной России со всеми ее атрибутами и символикой. И войсковая организация казачества не стала в этом плане исключением. В-третьих, войсковая организация казачьих обществ являлась своеобразным объединяющим началом, объединяющим центром казаков-эмигрантов.

В настоящее время казачьи организации и общества, как в России, так и за рубежом по-прежнему интенсивно используют в своих названиях слова «Войско», «Войсковое». Например, Кубанское войсковое казачье общество, Кубанское войско, Объединение казачьих войск за рубежом и т.п. Однако, в значительной степени данные термины несут другую смысловую нагрузку и использование их обусловлено стремле-

нием сохранить некую преемственность и традиции с прежними войсковыми казачьими структурами. Это же связано и с попытками сохранить, порой пусть и в измененном виде казачью форму, и казачьи чины и звания, как принадлежность именно к войсковой организации.

Неотъемлемой и в тоже время самостоятельной частью казачества был и является институт атаманства. Его важность и значимость в организации казачьего сообщества за рубежом и функционировании в последующем казачьей диаспоры подтверждаются тем фактом, что на протяжении XX в. более жизнеспособными оказались те казачьи войска, которые сумели сохранить данный институт, пусть и в несколько трансформированной форме, за рубежом. Например, Кубанское и Донское казачьи войска. Значимость данного института в жизни казаков-эмигрантов демонстрировала острота выборов атаманов войск за рубежом. Данное событие в той или иной степени затрагивала основную массу казаков-эмигрантов.

В настоящее время институт атаманства в казачьем сообществе сохранил свои основные черты и функции – выборность атаманской должности, руководящую роль атаманов и их представительные функции.

Третий институт характерный для казачьего зарубежья выражался в станичной и хуторской форме организации казаков. Казачьи станицы и хутора за границей создавались преимущественно в местах компактного проживания казаков. В местах наибольшего сосредоточения казаков донцы, кубанцы, терцы, уральцы и др. представители казачьих войск создавали свои отдельные (донские, кубанские, терские, уральские и др.) станицы и хутора. Иногда это были общеказачьи объединения, которые образовывали казаки различных казачьих войск. Кроме того, кубанские станицы, согласно постановлению Кубанской рады, могли включать в себя всех жителей Кубани – как казаков, так и не казаков. А в кубанской станице в Париже, в которую входили казаки, иногородние и горцы, был еще и почетный казак – лейтенант французских войск Р. Пирц. Иногда станицы и хутора образовывались по профессиональному признаку. Таковы различные объединения казаков-студентов. Например, общеказачья студенческая станица в Праге или казачий студенческий хутор при софийской станице.⁵ Первоначально станицы и хутора создавались стихийно. Это также косвенно свидетельствует о важности данного института для жизнедеятельности и адаптации казачества за рубежом. Лишь спустя некоторое время было издано «Положение об управлении станицами и хуторами за границей», утвержденное председателем Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, атаманом Всевеликого войска Донского А.П. Богаевским. В нем подтверждалось, что казачьи станицы и хутора создаются «в целях объединения и сплочения казаков за границей. Основными задачами дан-

ных организаций являются: юридическая и медицинская помощь, забота об инвалидах, одиноких женщинах, детях и безработных, отстаивание интересов казаков за границей и удовлетворение их культурных и бытовых потребностей». ⁶ В целом, данный институт способствовал не только общению, адаптации и взаимопомощи казаков, но и сохранению казачьих обычаев, обрядов и культуры вдали от своей родины.

В настоящее время казачьи станицы и хутора практически повсеместно и, в первую очередь за рубежом, существуют в форме общественных организаций и объединений, а их уставы ориентируются на законодательство тех государств, в которых они зарегистрированы. Этим же законодательством и потребностями казачьих обществ и объединений определены и основные направления их деятельности.

Как уже отмечалось практически все основные и значимые для казачества институты были трансформированы в процессе эволюции казачьего сообщества за рубежом. Определенную трансформацию претерпело и само казачество.

Казачество за рубежом гораздо дольше, чем казачество на родине сохраняло остатки сословных представлений. Это связано в первую очередь с таким психологическим явлением, как своеобразная консервация в сознании представлений дореволюционной России, отмечаемая как современниками тех событий, так и последующими исследователями. Среди части зарубежного казачества приобрела гипертрофированные формы этническая составляющая, которая выразилось не только в самостийных тенденциях и претензиях на самостоятельность казачьих краев и областей, но и в появлении такого социально-политического проекта как создание Казакии – земли-государства казаков.

Необратимы были и другие процессы, так или иначе затрагивающие жизнь эмигрантов. Часть казаков и их потомков, став гражданами других государств, постепенно ассимилировались и утрачивали свою прежнюю идентичность.

Что же представляет собой современное казачество за рубежом? Казачье зарубежье состоит из: потомков казаков, ушедших в эмиграцию в 1920 г., казаков (и их потомков), покинувших родные края в 1943–1945 гг., казаков, выехавших за границу в 1960-е и 1980–1990-е гг. и в начале нового столетия. Его образуют казаки различных казачьих войск. Однако наиболее сплоченными оказались донское и кубанское казачество. В тоже время даже донские и кубанские казаки не смогли создать единый социальный организм за рубежом. До настоящего времени некоторые из казачьих организаций находятся в состоянии конфликта друг с другом.

Процесс возрождения казачества в России вдохнул свежую струю и казачьи организации и общества за рубежом. Наблюдается тенденция к объединению совместных усилий по развитию казачьей культуры,

сохранению казачьих традиций и объединению различных казачьих организаций. При этом можно наблюдать и налаживание контактов с казачьими обществами в России.

Примером такого рода контактов является сотрудничество Кубанского войскового казачьего общества «Кубанское казачье войско», с центром в г. Краснодаре (Россия) и Кубанским казачьим войском за рубежом с центром в г. Хауэлл (США). Так данные казахи объединения не раз обменивались своими делегациями и участвовали в ряде совместных мероприятий. Ими совместно было осуществлено возвращение в Краснодарский край на историческую родину регалий Кубанского казачьего войска, вывезенных в годы гражданской войны в 1920 г. из России. Так же на Кубань были переданы архив и библиотека Кубанского казачьего войска за рубежом. Значимость деятельности Кубанского казачьего войска за рубежом была отмечена и на высшем государственном уровне. Указом Президента Российской Федерации № 266 от 25.03.2013 атаман Кубанского казачьего войска за рубежом А.М. Певнев награжден орденом Дружбы.

Пытаются наладить контакты и взаимодействие казахи объединения за рубежом. Так, по инициативе атамана Всеказачьего союза Чешских земель и Словакии организуется совместная работа казачьих обществ, располагающихся на территории ряда государств Европы.

Цели подобного рода контактов и объединений носят преимущественно культурный характер и призваны способствовать развитию казачьего движения, как в России, так и за рубежом. Основная сложность в налаживании данного сотрудничества определяется такими факторами, как крайняя малочисленность казаков за пределами России, их определенная разрозненность, различие в понимании приоритетных целей и задач казачества. По-прежнему остро стоит вопрос о самоидентификации казаков. Не случайно такая организация как Конгресс казаков Америки заявляет, что: «Реальная и конечная цель Конгресса казаков в Америке является признание казаков народом Организацией Объединенных Наций».⁷

В целом можно констатировать тот факт, что казачье зарубежье, являясь составным элементом российского зарубежья, представляет в то же время отличное от последнего, уникальное явление, как в истории российской эмиграции, так и в истории стран своего пребывания.

Примечания

¹ Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 73-84.

² Казачьи думы // София 16 (1923). С. 20.

³ Ратушняк О.В. Культура казачьего зарубежья (1920–1930-е гг.) // Культурная жизнь юга России 2 (2015). С. 52-56.

⁴ Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии // Теория и практика общественного развития 3 (2013). С. 125-129.

⁵ Ратушняк О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль, 2013. С. 39.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6461, оп. 1, д. 273, л. 14.

⁷ Цель Конгресса казаков в Америке. – <http://kazaksusa.com/node/563> (апрель, 2015).

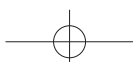
BRIGIT FARLEY

The Fog of War

THE FATE OF A RUSSIAN ARMY CONTINGENT IN
FRANCE DURING THE GREAT WAR, 1916–1918

For the next few years, the world will be marking the centennial of the Great War. The broad sweep of major events and issues has received exhaustive coverage in the decades since the war ended in 1918. It seems therefore most useful during this centennial commemoration to spotlight episodes with which relatively few people are acquainted: for example, the experience of a group of Russian soldiers, a Russian Expeditionary Force, mustered and sent to France in 1916 to help the French hold the line against the Germans. A private in the REF First Brigade, Artem Vavilov, left a memoir that illuminates and personalizes the REF's tumultuous stint in France, which began with a warm welcome in Marseille and ended in what amounted to an internment camp after two revolutions in Russia shattered the REF's cohesion. The following essay will serve as the basis for an introduction to an English translation of Vavilov's memoir, "Zapiski soldata Vavilova". It aims to give an overview of the circumstances under which Vavilov and others went to France, what happened to them when war and revolution overtook Russia, and how they fared after their withdrawal from combat during the fateful summer of 1917. The REF's ordeal well illustrates the consequences of the extreme stress the Great War put on all the belligerent nations and their armies. Tsarist Russia cracked under the pressure in February 1917 and the ensuing revolutions had a seismic effect on both French and Russians fighting half a continent away.

As is well known, the First World War involved the Germans, French and British on the western front, with Tsarist Russia fighting Austria-Hungary, Germany and the Ottoman Empire in the east and south. In the west, the conflict turned into a bloody stalemate after the German invasion of Belgium and France. The British and French stopped the Germans at the first battle of the Marne, wrecking the Germans' Schlieffen plan for a quick cap-

ture of Paris prior to the launch of a campaign against the Russians in the east. Neither side willing to abandon their positions, the British, French and Germans dug deeply into the earth and began to search for ways to break the stalemate. In the east, the conflict remained a war of movement, German, Austro-Hungarian and Russian armies clashing repeatedly across open ground, but proved just as costly.

As the least prepared for a long war among the belligerents, the Russian army began experiencing serious shortages of clothing, weapons, food and munitions in the first few months of the conflict, owing to poor planning and the resulting necessity of ordering from abroad. In his magisterial study of the Russian Revolutions, “A People’s Tragedy”, Orlando Figes notes that since officials confidently expected the war would be over by Christmas, they had made no provisions for the mass production of winter clothing and footwear, with the result that thousands of soldiers were fighting without coats or boots into the winter of 1915.¹ Long before he was dispatched to France, Private Artem Vavilov reported that, despite cold rain and snow in the vicinity of training, “only the most in need of boots and overcoats received them” in his unit.² The munitions problem proved just as difficult, the supply of shells virtually spent by Christmas 1914 and soldiers limited to just ten shots a day. One infantryman lamented, “Our position is bad, and all because we have no ammunition. That’s where we’ve got to, thanks to our ministers of war, making unarmed people face up to the enemy’s guns because we don’t have any of our own.”³

On the western front, the French were experiencing a severe manpower shortage. Having concluded that France had lost the 1870 war with Prussia by through overreliance on defense, the French military had heavily stressed the doctrine of offense, “*attaque à l’outrance*” in its training between 1870 and the outbreak of the Great War.⁴ But going on the attack against 1914 weaponry-machine guns, heavy artillery – in the opening days of the conflict had resulted in terrible losses, totalling almost 400,000 killed or wounded in a matter of weeks. Thus French officials believed that they needed more soldiers, more bodies, if they were to continue to hold their part of the line against the Germans. Bodies were the one thing the Russian army had in abundance, as a Russian general had made clear. Grand Duke Nikolai Nikolaevich famously assured a French official concerned about heavy Russian losses that “We are happy to make such sacrifices for our allies.”⁵ And so, officials in France and Russia began to contemplate the possibility of a deal: French weaponry and munitions for Russian reinforcements on the western front.

This idea did not immediately come to fruition, as some in the Russian military doubted the wisdom of sending forces to France in view of the seri-

ous military situation on the eastern front. Logistics promised to be difficult, too since the overland route from Russia to France constituted one continuous battlefield. Officials faced the challenge of getting Russian troops to a port where they could board transport for France, and then deciding how best to proceed to Western Europe. Nonetheless, after protracted negotiations, it was agreed in December 1915 that the French would supply Russia with half a million rifles and the Russians would send four brigades to France.⁶ This arrangement did not entirely satisfy French officials, who hoped for a much larger infusion of manpower, but at least they would have some additional support, and the dispatch of the weaponry would help maintain Russian forces in the east. "At least in part," wrote Jamie Cockfield in his detailed study of the REF in France, "the French had achieved their goal: the exchange of arms, of which they had plenty, for men, which they did not."⁷

The son of a peasant from Siberia, Artem Vavilov received his draft call and joined the Russian army in May 1915. Shortly after his enlistment, he was surprised to learn that his first action as a soldier in the Tsar's army would come in France, not Russia. He became a member of the REF First Brigade, which drew its members in large part from Moscow and environs. Commanded by General Nikolai A. Lokhvitskii, Vavilov and his comrades left for France via the Russian Far East in February 1916, arriving in Marseille in mid-April 1916.⁸ General Fedor F. Palitsyn led a second brigade, classified in France as the Third Brigade, which left for France in August. An additional two brigades would be redirected to the Salonika front in the Balkans.

At first, the operation went relatively well. The Russian Expeditionary Force's First Brigade arrived to a hero's welcome in Marseille. "Music began playing on the ship and on shore," remembered Vavilov. "We heard shouts of 'hurrah... our hearts were glad', even if 'no one really understood why we had come to France'.⁹ The nature of their mission soon became clear as they proceeded north, to an encampment called Mailly, in the Champagne region. The Russian forces underwent a few weeks of training there, concentrating on the use of their new French rifles, the conduct of operations in the tight spaces mandated by trench warfare and gas mask protocols. The First Brigade went into action in late June, fighting alone and assisting French units in several small engagements through October 1916. Vavilov memorably recalled one of their first experiences in combat: they came under artillery barrage and suffered a direct hit on their observation point, after which there was nothing left of a comrade save a "piece of Russian meat."¹⁰ From all accounts, the Russians fought well, but morale tended low among the troops. Despite their enthusiastic reception, soldiers soon discovered that Russian rank-and-file troops were not free to go into the towns behind the

lines. Vavilov expressed indignation early on that he and his comrades were kept in a fruit orchard, under guard, with the French public gathered outside, looking at the troops “as if we were some northern species of animal in a zoo”.¹¹ Like their French allies, Russian soldiers found living conditions trying both at the front and behind the lines. Vavilov often wrote of damp, cold, grey encampments where there was no shelter from the elements. “A hard rain fell”, he wrote of one bivouac, “and there was no shelter for us. It was a terrible night”.¹² Of greater concern was the perception that French military officials intended to use REF troops as suicide squads, to be sent on especially dangerous missions.¹³ Thus there were some rumblings of discontent in the ranks. Few suspected that there would be much worse to come in the first months of 1917.

Word came slowly of the February revolution in Russia. When it reached the First Brigade in late March, there was both elation and consternation. Soldiers “immediately felt freer”, in Vavilov’s words, omitting titles when addressing their officers and observing their officers treating them with respect born of sudden apprehension.¹⁴ Everyone wanted to know what was happening in Russia and what kind of governing entity the “Provisional Government” would become, and many soldiers wanted to get back to Russia as soon as possible to determine for themselves what had transpired in the Russian capital. In part owing to the late arrival of the news from Petrograd, these concerns did not interfere with the Brigade’s participation in a major offensive spearheaded by the French General Robert Nivelle, one of the heroes of the Verdun campaign concluded just a few months before. Nivelle intended to launch an all-out, coordinated attack on the Germans, with the British taking the offensive in the north, near Arras, and the French on the river Aisne. The First Brigade was to join French forces in an assault against German defenses on a high ridge near the Chemin des Dames, to complement a British operation that would include an attack on Vimy ridge.

While the Canadians achieved notable success at Vimy, almost everything went wrong in the French offensive. The Germans had gotten word of the impending attack, the weather was atrocious and the expected coordination between advancing infantry and artillery was compromised owing to terrain, weather and changes in German troop positioning.¹⁵ The First Brigade fought well in their sector near Courcy, winning praise from both French and Russian military leaders for their bravery against steep odds. However, the operation failed spectacularly and both Russian and French losses were heavy. Disillusion set in early with First Brigade soldiers, especially Vavilov, who recalled an order to attack German trenches heavily fortified with barbed wire, without French artillery support. “It looked to us”, he

wrote, “as if this were done deliberately, sending Russian troops against well defended German positions”.¹⁶ Over 100,000 French soldiers were killed trying to take the Chemin des Dames ridge, where French planners had estimated only 10,000 would perish. Estimates of Russian losses ran as high as 6,000 between the First and Third Brigades.

There were serious consequences for both the Russian and French armies in the aftermath of the Nivelle disaster. In the French army, there occurred numerous instances of “indiscipline”, soldiers protesting against a costly sacrifice of men and materiel only a few months after Verdun. These were not strictly speaking mutinies, but the disturbances proved serious enough that the French military leadership summoned Marshall Henri Petain to quell them.¹⁷ There was trouble in the Russian ranks too, owing to the fall of the Tsar and the emergence of two centers of power in Petrograd. The Provisional Government was comprised largely of members of the Russian Duma, who were determined to honour their commitments and continue the war, while the Petrograd Soviet of Soldiers and Sailors was adamantly anti-war. Accordingly, the Soviet issued its famous Order no. 1 in March 1917. Perhaps the best-known of all the revolutionary proclamations, each point fired another round into the already precarious authority of the Russian commanders in the field, declaring that soldiers should obey the Provisional Government only when its orders did not contradict those of the Petrograd Soviet, creating soldiers’ committees and abolishing titles and distinctions between officers and enlisted.¹⁸ In France as in Russia, Russian army units effectively ceased being a reliable fighting force after this order became known.

True to their urban origins – most were from Moscow, which had witnessed strikes and revolutionary rhetoric in the years after the Russian Revolution of 1905 – many of Vavilov’s comrades in the First Brigade formed “soldiers’ committees” to hash out their reaction to events in Petrograd. They appeared to be taking a hard line against remaining in France, giving their officers short shrift and refusing to swear an oath to the Provisional Government. On the other hand, many soldiers in the Third Brigade, perhaps owing to their peasant background, indicated that they would remain loyal to the new government. Thus one Russian officer raised with General Petain the possibility of retaining one or two battalions of volunteers, comprised of the “best soldiers”, at the front. Petain replied that, to his great regret, he could not permit any units with soldiers’ committees to remain near the front, in view of the revolutionary contagion he believed militant Russian soldiers had already spread in the French ranks. “As you know”, Petain continued, “the fact that committees formed in your army has caused a number of serious breaches of discipline in our army. For the moment, we have resolved them.

But the presence of your forces with committees in any form could lead to further such demands in our army. That I cannot permit".¹⁹ Taking no chances, the French government opted to remove all Russian units from the front and ordered them far behind the lines, to a military camp in the town of La Courtine, in central France.

It was unclear what the fate of the REF would be in the summer of 1917. Ideally, its members would go back to Russia, as many of them wished. The French government almost certainly preferred that they go back, fearing a propaganda bonanza for the Germans in the presence of revolutionary-minded Russian soldiers on French soil. But the Provisional Government understandably did not want an influx of unreliable soldiers in a fast-deteriorating domestic situation in Russia.²⁰ Thus the REF remained at La Courtine, where members of each brigade made known their positions on continuing with the war. Vavilov reported that both brigades gathered to hail the new "free Russia", but could not agree upon what kind of "free Russia" they supported.²¹ As before, Vavilov and most of the First Brigade came out against continuing to fight and demanded to be sent back to Russia. In addition, they balked at laying down their weapons. This was fueled partly by revolutionary ideology, but Vavilov wrote repeatedly that many soldiers simply had no reliable information on the character and makeup of the Provisional Government. Most of the Third Brigade, true to their rural origins, remained loyal to Tsarist Russia's successor government and their officers. Himself a determined First Brigade holdout, Vavilov wrote that the Third Brigade "believed what their officers told them. They were far too trusting and allowed themselves to be led along on a leash".²² Accordingly, most of the Third Brigade left presently with their officers for an encampment nearby in the town of Felletin.

By the end of that summer, French officials had grown impatient with the First Brigade's unresolved status and decided to force a reckoning, in particular with the individuals they believed were responsible for the Brigade's hard line. After luring the latter from camp for a quick arrest, French officials pressured the soldiers to surrender and give up their weapons by withholding food and water. Some First Brigade members, apparently including Vavilov, agreed to give up their arms and agreed to be transported to Bordeaux.²³ At the behest of the French military, who did not wish to be the public face of such an operation, loyal Russian troops laid siege to the camp September 15-18, 1917, killing about a dozen soldiers and taking the rest into custody.²⁴

In December 1917, the French government insisted that REF members remaining in France make one of the following choices: to serve as a front-line soldier or work behind the lines as a trench digger or hospital orderly.²⁵ Those who refused the first two options would go, as noted, under guard to

one of the French North African colonies and work as forced labourers. Vavilov was contemplating taking a position behind the lines, but ultimately decided to flee to Switzerland, where he believed he could find a way back to Russia eventually.²⁶

Those soldiers who ultimately returned to the front – men from both the First and Third Brigade – organized into a new unit, the Russian Legion of Honor. Four battalions strong, they became affiliated with French colonial troops in the famous Moroccan Division and fought in the Operation Michael offensive near Paris in March 1918, suffering heavy losses. They also took part in the fourth battle of the Marne in September and continued in the Allied ranks until mid-1919, doing a stint of occupation duty in Germany. After the war, most of the Russian Legion remained in France, as they were in the main loyal to the Tsar, while others eventually returned to what was now Soviet Russia.²⁷

Beyond Vavilov's memoir and various other documentary materials, one can find evidence of this tragic episode in Russian and Great War history on the landscape of east central France, scene of some of the fiercest fighting of the conflict. The St. Hilaire-le-Grand military cemetery is located in Mourmelon-le-Grand, a Marne Valley town behind the lines famous in the annals of Franco-Russian history. Tsar Nicholas II had reviewed Russian troops there in October 1896 on a ceremonial visit to intended to strengthen the Franco-Russian alliance negotiated by his late father, Tsar Aleksandr III²⁸. Forces of the Russian Expeditionary Force and one of its successors, the Russian Legion, had fought all around the town. Site of the first Russian interments in 1918, St. Hilaire-le-Grand ultimately became the final resting place of 1,000 Russian Expeditionary Force members. They lie in the shadow of the Orthodox Church of the Resurrection, whose style recalls early Novgorod architecture. Its interior is appropriately dedicated to the sacrifices made by Russian soldiers in France between 1916 and 1918.²⁹ The standards of the Russian regional capitals – Kiev, Vladimir-Suzdal, Moscow and Novgorod – greet visitors as they enter, symbolic of the places from which REF members left for France. The interior walls feature frescoes depicting scenes from the life of Christ, who made the ultimate sacrifice on the cross. Above the altar appears the inscription, "Greater Love Hath No Man than He Who Lays Down His Life For His Friends".³⁰ Memorial tablets and the graves outside give convincing testimony of REF members who laid down their lives far from their homeland. The chief architect of the church, Aleksandr Benois, and its chief financial backer, Sergei Rakhmaninov, seemed to feel a kinship with those buried at St. Hilaire. Neither the architect nor the composer lost their lives, but they both lost their homeland in the tumult of 1917.³¹

For many years now, the Russian Expeditionary Corps in France Memorial Association has held commemorations of the dead and missing on Orthodox Pentecost Sunday.³² In 2016, members will gather to honour the soldiers of the REF on the centennial of their arrival in France. It seems likely that, whether they were “heroes or mutineers”, the soldiers will be remembered as victims of a savage conflict that shattered the homeland and world they had known (See Photos 1 – 3).

Photo 1.

Photo 2.

Photo 3.

Notes

¹ *Figes, Orlando*. *A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution, 1890–1924*. New York: Viking Penguin, 1997. P. 262-263.

² *Vavilov, Artem*. *Zapiski soldata Vavilova*. M., 1927. P.. 13.

³ *Figes*. P. 262.

⁴ *Horne, Alastair*. *The Price of Glory: Verdun 1916*. New York: Penguin Books, 1984. P. 18-21.

⁵ “Nous sommes heureux de faire de telles sacrifices pour nos alliés. Quoted in Aleksei Brussilov // *A Soldier's Notebook*. London, 1930. P. 93-94.

⁶ *Deroos, Eric; Gorokhoff, Gerard*. *Héros et mutins: les soldats russes sur le front français, 1916–18*. Paris: Gallimard DMPA, 2010. P. 12.

⁷ *Cockfield, Jamie H*. *With Snow on their Boots: The Tragic Odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I*. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 29.

⁸ *Vavilov*. P. 24.

⁹ *Ibid*.

¹⁰ *Ibid*. P. 28.

¹¹ *Ibid*. P. 25.

¹² *Ibid*. P. 27.

¹³ “К пребыvaniu russkikh voisk vo Frantsii v 1917 g. // Krasnyi Arkhiv 101 (1940). P. 228.

¹⁴ *Vavilov*. P. 29.

¹⁵ This operation is explained well in Norman Stone // *World War One: A Short History*. New York: Basic Books, 2009. P. 126-130.

¹⁶ *Vavilov*. P. 30.

¹⁷ *Keegan, John*. *The First World War*. New York: Knopf, 1999. P. 329-332.

¹⁸ The text of Order no. 1. – http://avalon.law.yale.edu/20th_century/soviet_001.asp (September, 2015).

¹⁹ Russkie soldaty na zapadnom fronte v mirovuiu voinu // Krasnyi Arkhiv 44 (1930–1931). P. 155.

²⁰ *Cockfield*. P. 161-162.

²¹ *Vavilov*. P. 35.

²² *Ibid.* P. 36.

²³ *Ibid.* P. 52-53.

²⁴ Vosstanie russkikh voisk vo Frantsii v 1917 g. // Krasnyi Arkhiv 99 (1940). P. 55-56.

²⁵ *Deroo; Gorokhoff*. P. 113.

²⁶ *Vavilov*. P. 57-58.

²⁷ The fate of the Russian legion is exhaustively chronicled in *Cockfield*. P. 269-304.

²⁸ A brief history of Mourmelon-le-Grand and the Franco-Russian events there at http://www.cndp.fr/crdp-reims/memoire/lieux/1GM_CA/cimetieres/russes/saint_hilaire.htm (September, 2015).

²⁹ *Smirnova, Nataliia*. *Dostoprимichatel'nye russkie khramy i kladbishcha*. Paris: Arkhepiskopiia pravoslavnykh Russkikh Tserkvei v Zapadnoi Evrope, 2010. P. 161.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.* P. 160.

³² The order of service for the 2014 commemoration can be viewed here: http://www.ascerf.com/affiche_2014.pdf (September, 2015).

ÁKOS FÓRIS

The Soviet Prisoners of War and the Hungarian Royal Army 1941–1943

During the Second World War the Axis powers captured about 5.7 million Soviet prisoners. More than 3 million of them died due to the inhuman treatment. In my presentation I examine the POW's policy of Hungary between 1941 and 1943.

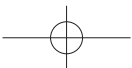

The Hungarian POW's policy wasn't uniform during the Second World War. Although the Hungarian state ratified the Geneva Convention on the Prisoners of War in 1936,¹ and the Soviet Union declared the acknowledgement of this convention by means of Red Cross after the outbreak of world war,² Hungary has failed to comply with the rules of the convention. One part of the Hungarian units got most of their Soviet prisoners of war from the Germans. On the other hand, the Hungarian units committed war crimes also.

Firstly, I distinguish three territories of the POW's policy of Hungary: the politics of the Ministry of Defence, the treatment of the Hungarian occupation forces and the practice of the fighting troops, especially the Hungarian Royal 2nd Army, which was the greatest Hungarian formation in the Eastern Front in the examined period.

Secondly, I examine the issue of prisoners of war in the level of ordinary soldiers and the behaviour of prisoners of war from resistance to collaboration.

In the days following the German attack against Soviet Union, the members of the 21st – so-called prisoners of war – department had already dealt with the issue of Soviet prisoners of war.³ The Hungarian authorities wanted to make arrangements for the Soviet units who had surrendered to the Hungarian frontier-guards in the Sub Carpathian border. Three days after the outbreak of war, the Hungarian authorities had already determined the place of camps.⁴ On 26 June the first Soviet deserters appeared in the Hungarian border.⁵

After the Hungarian entry into the war, thousands of Soviet prisoners of war were captured by the units of the Carpathian Group and the Rapid Corps at the first week of the campaign.⁶ At that time they wanted to handle the masses of prisoners so that, similar to the Germans⁷, they released the Ukrainians against certificate.⁸

At the start of the war against the Soviet Union, the German and Hungarian high commanders agreed that the Hungarians had to hand over the caught soldiers to Germans in the Eastern Front. The Hungarian political and military leadership didn't agree with this decision, because it was damaging for Hungary's international position.⁹

Although the Soviet prisoners of war were not in Hungarian captivity according to the law, the Soviet prisoners arrived at the territory of Hungary several times. Firstly, the Soviet prisoners of war were brought to Hungary by the Hungarian units returning from the Eastern front. Secondly, many Soviet prisoners of war escaped from Ostmark to Hungary due to the forced labour. Some of them escaped during the transportation of Soviet prisoners of war.¹⁰

One of the most important functions of the rear areas was the guarding of the Soviet prisoners of war in 1941. During the Operation Barbarossa the Axis armies took over 2.8 million prisoners. In Ukraine, where the Hungarian units fought in the summer and autumn of 1941, the invaders captured around 770 thousand soldiers in the Uman and Kiev pocket.

According to the 4th order of the Hungarian Occupation Group, the Hungarian troops were responsible for the guarding of the prisoner-of-war camps in the area of Occupation Group. The commanders of the Hungarian units had to contact with the regional commander of Dulag and Stalag. Seven prisoner-of-war camps (Stammlager – Stalag) and two transit camps (Durchgangslager – Dulag)¹¹ officiated here in 1941–1942.¹²

In the Hungarian-controlled camps the prisoners got the quarter of the German ration – approx. 950 calories – by the German model.¹³ According to a Hungarian soldier, Alajos Salamon's diary the prisoners were treated horribly in these camps. Masses of prisoners of war died on account of hunger and epidemics like typhus and gastro-enteritis. According to the Soviet reports, the Hungarian units took part in the death of 24000 Soviet prisoners of war only in Chernigov region.¹⁴

When the Hungarian units were regrouped in February 1942, they transferred the control of camps to the German local authorities, but afterwards they participated in the escorting of the prisoners.¹⁵ For example, the several troops from the 108th Light Division took part in collecting and guarding of Soviet prisoners in the region of Alekseyewka, Tatarowka and Gomolsha in May 1942.¹⁶

Three institutions were responsible for handling the prisoners of war in the 2nd Hungarian Army. The rear battalions and prisoner of war collecting units collected, guarded and waited on the Soviet prisoners. The function of the department 1.b was the interrogation of prisoners of war. The Hungarian military surgeons helped for the prisons in the German camps.

In summer 1942, the Hungarian units took thousands of the Soviet soldiers prisoners. In August – September, 4 prisoner of war camps existed in the area of the 2nd Hungarian Army.¹⁷ According to the files of Lieutenant Károly Lázár's trial¹⁸ the Hungarians did not give sufficient treatment and the prisoners had to bear atrocities as well.

Colonel-general Gusztáv Jány, the commander of the 2nd Army said after the war, that the Hungarians handed the Soviet prisoners of war over to the Germans after the interrogation.¹⁹ Although, this practice regulated by an agreement between the Hungarians and the Germans, the prisons remained under Hungarian supervision.

The work of POW's played an important role in the rear area of the 2nd Army. The Hungarian units suffered from labour shortage, therefore they used the workforce of the prisoners of war and the local population. According to a Hungarian officer, the workforce of the poorly clothed prisoners was not great, but it was greater than the workforce of the Jewish labour servicemen.²⁰ The prisoners had to work, so they were integrated into labour units widely behind the front.²¹ During the forced labour, appropriate supply wasn't provided for the workers, therefore, the defensive works often constructed in the inhuman circumstances.

The Hungarian prisoner officer of Heeresgruppe B asked, that approx. 100 tons food was allocated to some 50-60 thousand prisoners of war. The Germans rejected this request with reference to the difficulty of transport, therefore, they didn't allow the food supply trains.²²

The local commanders didn't get any help from the high commands, therefore, they had to solve the treatment by themselves. Some Hungarian commanders tried to supply the prisoners with help of the local population. Cannibalism turned up among Soviet prisoners in another unit. It was an extra problem for Hungarian soldiers that they often could provide the prisoners of war with food from the expense of the local population.²³

In the end of September 1942, the 18th order of head quartermaster ordered more humane treatment with Soviet prisoners.²⁴ Although the sufficient provision was ordered for prisoners, these orders contained some limitations, and were disregarded.

The hygiene situation of the Soviet soldiers was a general problem for Hungarian troops. The POWs – captured after heavy fighting – were in bad

condition,²⁵ what worsened by the deficient treatment. Although the 2nd Army took the measures – e.g. it ordered supply of prisoners with delousing powder²⁶ –, they couldn't stop the epidemic. Therefore the local population regarded the groups of prisoners as a potential threat to the public health. Several interesting situations developed in the camps. For example, a Jewish doctor treated the prisoners of the camp, because he was not allowed to treat Hungarian soldiers as a result of anti-Semitic politics.²⁷

At the beginning of 1943 more than 4000 Soviets soldiers were in captivity in the territories of the IV. and VII. Corps.²⁸ According to Lieutenant general Marcell Stomm, the commander of III. Corps, his units didn't hand the prisoners over to the Germans.²⁹

After the Soviet advance, the provision of the prisoners collapsed, causing the death of many prisoners of war. The camps were destroyed and the prisons were driven to the rear area. One of the orders of the 7th infantry regiment required that the Jewish labour servicemen and prisoners of war, who were "reluctant" to march, should to be shot to death.³⁰

The Hungarian soldiers had different attitudes toward the Soviet POW's. Most soldiers felt pity for the ragged prisoners of war. Despite of the German prohibition, the Hungarians gave food or scraps of food to the prisoners. Other soldiers spoke about the prisoners stonily and sardonically.

Very important question is whether the Hungarian soldiers considered the Soviet soldiers as comrade. Anti-bolshevik propaganda described the Soviet soldiers as an inhuman, and barbarous foe. The cruel treatment toward the prisoners was influenced by the atrocities against the Hungarian soldiers and the rumours about being a prisoner of war at the Soviet side. For example, a Hungarian soldier, László Pap wrote in his diary: *"In Darnizza 40-45 men are buried daily in the prisoner of war camp. (...) Stalin – supposedly – declared, that prisoners of war didn't exist. There is life-and-death struggle between Christianity and bolshevism."*³¹

The so-called military necessity regulations determined the treatment of the Soviet prisoners of war. In the Eastern Front martial law was often disregarded due to achieve military aims. For instance, a battalion commander had got order to shoot Soviet casualties, because the wounded Soviet soldiers rifled the Hungarian soldiers previously.³² On 13th February 1943 Captain László Hárs, the commander of 23/II Battalion had reported, that 300 Soviet POW were shot by his order. Captain Hárs justified his cruel order on the grounds that his unit did not have enough strength to escort the prisoners while his battalion took part in heavy battle.³³

Unfortunately, we have only sporadic information in the sources about the prisoners who collaborated with the Hungarians and Germans. The Ger-

mans wanted to recruit Ukrainians in Hungary from the group Polish internees by the help of a former tsarist officer in 1942.³⁴ The prisoners of war were used as an auxiliary force – e.g. coachman, driver – in understrength units.³⁵ The auxiliary police companies were set up from Soviet prisoners of war due to the rear area security by the 2nd Army since October 1942.³⁶ The extremist example of collaboration is a Soviet deserter, Sergei Vavilov, who served voluntarily as a soldier of the 47th infantry regiment. He was a soldier in the combats of 2nd Hungarian Army in 1942–1943.³⁷ The Hungarians tried to persuade the enemy by propaganda, but according to the reconnaissance of the 2nd Army *“the Russian crew was afraid of bad and miserable supplying as prisoners of war.”*³⁸

From the start of the war, many prisoners of war escaped due to the bad treatment and weak guarding. Suggested by the OKW's instruction, the Command of Hungarian Occupation Group ordered that the left forearm of the prisoners of war must be marked with cross due to the escapes.³⁹

The orders of the Hungarian occupation forces punished the negligence of the guards⁴⁰ and the illegal use of weapons.⁴¹ The Hungarian soldiers on several occasions wanted to use brutal instruments. In one occasion, the guards of a camp wanted to decimate the prisoners after 18 escapes.⁴² In March 1942 a company of 50/I battalion took 30 hostages in Gaysin, because somebody conspired among the prisoners.⁴³

The greatest escape of Soviet prisoners of war happened between 12. and 15. October 1942, when 1150 Soviet soldiers escaped during railway transport between Nikolajewka and Ostrogoshsk.⁴⁴ The partisans helped to escape the prisoners of war. E. g. in October 1943 a partisan troop attacked a prisoner group. In this incident, they captured a Hungarian soldier.⁴⁵

In December 1942 the Hungarian commanders wanted to transport the Soviet prisoners further from the frontline, because the prisoners of war rebelled in the territory of the Italian 8th Army.⁴⁶ The POW's, who worked at the mine clearance command, made time bomb.⁴⁷

* * *

All things considered, in the activity of the Hungarian POW's policy, we could differentiate 3 parts.

The 21st department of Ministry of Defence wanted pursue independent policy related to Soviet prisoners, but the Prisoner of War Department couldn't implement it.

The Hungarian Occupation Forces had an auxiliary role in the German POW's policy. These Hungarian units had no POW's policy because their

activity served the realization of German orders only. Therefore they participated in the destruction of Soviet prisoners of war.

The policy of the 2nd Army was ambivalent and pertinent. Despite of the fact, that these Hungarian troops had to transfer their POW's to the Germans, the Hungarian commanders kept the thousands of prisoners back in the rear area of the 2nd Army. The most important factor of the POW's policy was the work of prisoners. The treatment of prisoners depended on more ad hoc aspect, e.g. the mentality of the local Hungarian commanders, the amount of the supply, and the operational situation.

Notes

¹ Act XXX of 1936.

² HL Mikrofilmtár / Microfilm archives (hereafter – MF) B / 241 277 / 2217 / 1988 microfiche – VKF (Vezérkari Főnökség / the Chiefs of Staff of the Supreme Command) 1941–1.oszt/6046/el, 17th August 1941.

³ HL Honvédelmi Minisztérium / Ministry of Defence I. 31 (hereafter – HM) Eln. 21. oszt. 43213 / 1941.

⁴ HL Personali (hereafter – Pers.) 305. box VII. 86. (Colonel Zoltán vitéz Baló's documents) Documents about Soviet prisoners of war – HM 114.sz. – M.21 / 1941. Establishment of Russian prisoners of war camps. The Hungarian authorities could house more than 14000 Soviet prisoners in 35 locations in the territories of eight Hungarian corps.

⁵ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltár / National Archives of Hungary (hereafter – MNL OL) K 64 90. csomó/document bundle (hereafter – cs.) 24. tétel / items (hereafter – t.) 422 / 1941. res pol. No. 4.daily situation report of VKF, 26th June 1941.

⁶ E.g. until 10th July the Hungarians captured 25000 Soviet prisoners of war.

⁷ It should be attempted to release Ukrainian prisoners of war to their home areas following a brief examination, provided that these areas have already been occupied by the German Armed Forces // In: *Martin Dean*. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 2000. P. 185; Between 25 June 1941 and middle of November 1941 277762 Ukrainian prisoners of war were released by the Germans // In: *Szabó Péter-Számvéber Norbert*. A keleti hadszíntér és Magyarország 1941–1943. Nagykovácsi: Püedlo Kiadó, 2002. P. 132.

⁸ MNL OL K 64 90. cs. 24. t. 422 / 1941. res pol. No 18. daily situation report of VKF, 10th July 1941.

⁹ HL Pers. 345. box VII. 260. Kálmán Kéri: Soviet prisoners of war and forced laborers in Hungary (1941–1945).

¹⁰ The writing of the activity of IX. Department of the Ministry of Interior and 21st departed of the Ministry of Defence needs further research.

¹¹ Stalag 358. (Zhytomyr) – its sub-camp: Stalag 358 N (Berdichev); Stalag 329.(Smerinka) – its sub-camps: Stalag 329 (Vinnitsia); Stalag 329 / Z (Gaysin); Stalag 335. (Pruskorov); Stalag 349 (Uman); Dulag 182. (Nowo Ukrainka); Dulag 182. (Uman).

¹² HL. II. 1458. 1. box, The 4th order of Hungarian Occupation Group, 24th October 1941.

¹³ *Ungváry, Krisztián*. Megsemmisítő háború: a keleti front és magyarok által elkövetett háborús bűncselekmények // In: *Belügyi Szemle* 2 (2005). P. 16.; HL VII. 233. Tanulmánygyűjtemény / Collection of studies (hereafter – TGY) 3213. Alajos Salamon's diary, 5th November 1941.

¹⁴ A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok (1941–1947) / Edited by Krausz Tamás, Varga Éva Mária. Budapest, L'Harmattan, 2013. P. 34.

¹⁵ HL MF B / 246 277 / 2494 / 1988 microfiche – VKF 1942–1. oszt 4458 / eln. Redeployment of West Occupation Group 28th February 1942.

¹⁶ MNL OL K 64 95. cs. 24. t. 14 / 1942. res pol. No 259. and No. 261 daily situation report of VKF, 1st and 3rd June 1943.

¹⁷ In the area of IV. Corps: 102nd temporary camps (Ostrogohsk); In the area of VII. Corps: 103rd temporary camps (Tatarino); In the area of III. Corps: 105th temporary camps (Stariy Oskol); 107th temporary camps (Kursk then Chernjanka) In: HL II. 1453. 15. box Logistical arm. 28th June – 31st August 1942.

¹⁸ Budapest Főváros Levéltára / Budapest City Archives (hereafter BFL) XXV.4.a 452 / 1957.

¹⁹ BFL XXV.1.a. 2613/1947 V – 117091 / B 427. (Gusztáv Jány's interrogation protocol. Budapest, 2nd June 1947.)

²⁰ HL II. 1453. 20. box, Support service of III. Corps. 1st September 1942 – 1st February 1942.

²¹ The prisoner of war is currently valuable and indispensable labour force // In: HL II. 1453. 15. box, 18th order of head quartermaster. 28th September 1942.

²² HL II. 1453. 6. box, 2nd H. Army, app. No. 306 – Résumé of Colonel-general Gyula vitéz Kovács' conversations, 1st August 1942.

²³ Colonel Béla Vécsey, commander of 35. inf. reg. wrote in detail about this problems. See: HL TGY 2658 Béla Vécsey's diary, notes of June-August 1942.

²⁴ HL II. 1453. 15. box, 18th order of head quartermaster. 28th September 1942.

²⁵ According to one of Hungarian non-commissioned officers the caught Soviet soldiers suffered from shell-shock and they “trembled like meet jelly” In: HL II. 1453. 31. box, NCO Miklós vitéz Nemeskéri-Kiss's diary 28th June 1942.

²⁶ HL II. 1453. 15. box, 17th order of head quartermaster.

²⁷ HL II. 1453. 28. box, Military surgeon of 19th Light Division, János Birich dr.'s diary, 28th November, 1st December 1942.

²⁸ HL II. 1453 22. box. Description of the combat by the chief of general staff of 7th Light Division, 12th – 19th January 1943; 24. box – IV. Corps War diary, app. No. 515 – Report, 12th January 1943; 28. box, Prospectus from the logistical situation of VII. Corps until 31st December 1942.

²⁹ *Stomm, Marcel*. Emlékiratok. Budapest: M. Hírlap Kv., 1990. P. 144.

³⁰ HL II. 1453 22. box 7th inf. reg. War Diary, app. No. 4. – Measure for withdrawal of regiment.

³¹ HL TGY 4100 László Pap's diary, 9th December 1941.

³² *Ibid.*, 13th May 1942.

³³ *Szabó, Péter*. Don-kanyar: a Magyar Királyi 2. Honvéd Hadsereg története, 1942–1943. Budapest: Corvina, 2001. P. 211.

³⁴ HL HM Eln. 21. oszt. 6809 / 1942; 17450 / 1942.

³⁵ HL II. 1453 15. box, 15th order of head quartermaster, 10th September 1942.

³⁶ *Szakály, Sándor*. A magyar tábori csendőrség. Budapest: Zrínyi Kiadó, 1990. P. 56.

³⁷ HL HM Eln. 21. oszt. 33202 / 1943.

³⁸ HL II. 1453 8. box – 2nd H. Army, app. No. 1577. – Summary of enemy situation (15.XI. – 12.XII.1942).

³⁹ HL II. 1458. 1. box, The 15th order of Hungarian Occupation Group, 9th February 1942.

⁴⁰ *Ibid.*, The 14th order of Hungarian Occupation Group, 12th January 1942.

⁴¹ HL II. 1519. 425 / 105. Classified order of adjutant of the 105th Light Division, 16th June 1942.

⁴² HL TGY 3213. Op. cit., 14th November 1941.

⁴³ BFL VII. 5. e. 7555 / 1950. 162. – Ignác Szabo's interrogation report, Budapest, 23th December 1949.

⁴⁴ HL II. 1453 7. box, 2nd H. Army War diary, app. No. 1160. – Capturing of the escaped Russian prisoners, 19th October 1942.

⁴⁵ MNL OL K 64 98. cs. 24. t. No. 7. weekly situation report of VKF, 11th October 1943.

⁴⁶ HL II. 1453 8. box, 2nd H. Army War diary, app. No. 401. – Verbal instructions, 24th December 1942.

⁴⁷ HL II. 1453 28. box, 19th Light Division War diary, app. No. 357. – 33. / 19.k.ho.I.a.43.II.19. Report from espionage and intelligence activity of the enemy, 16th December 1942 – 15th January 1943.

В.Л. МАРТЫНЕНКО

Немецкое население Украины и оккупационный режим (1941–1944 гг.)

На протяжении последних лет в украинской историографии наблюдается устойчивый рост интереса к оккупационному периоду в годы Второй мировой войны. Отчасти эта тенденция обусловлена тем, что благодаря современным методологическим подходам исследователи смогли существенно расширить тематические рамки. Акцент все чаще смещается на этносоциальные аспекты оккупации. Особого внимания в этом контексте заслуживает судьба немецкого этнического меньшинства, которое оказалось в положении заложника военно-политического противостояния СССР и Германии. Долгое время упомянутая тема находилась на периферии исследовательских интересов. Во многом это было обусловлено тем, что она тесно соприкасалась с двумя «неудобными» для советской исторической науки аспектами: коллаборационизмом и сталинскими репрессиями.

Война с Германией и ее союзниками привела к началу превентивных репрессий против ряда национальных меньшинств в СССР. В первую очередь на острие этой политики оказались представители немецкого населения. Основным репрессивным инструментом стали массовые депортации. Особенно интенсивно они проходили на территории нескольких областей УССР. В течение 1941–1942 гг. более ста тысяч этнических немцев, главным образом с левобережной части республики, поэтапно были выселены в восточные регионы СССР.¹

Репрессивные действия властей в начале войны привели к еще большему усилению антисоветских настроений среди немецких колонистов. Многие из них испытывали желание как можно быстрее оказаться под оккупацией, поскольку это был единственный путь к спасению от депортации. Приход немецких войск воспринимался и как шанс на новую жизнь. В сентябре 1941 г. жители одной из колоний Запорож-

ской области во время встречи с представителями оккупационных властей заявили, что хотят жить и работать под защитой Германии, за которую в случае необходимости они готовы сражаться и умереть. Кроме этого, колонисты просили ликвидировать ненавистные колхозы.² Несомненно, многие представители немецкого населения Украины ощущали этнокультурное родство с оккупантами. Это обстоятельство помогало им быстрее адаптироваться к новым условиям. В то же время положительное восприятие колонистами Германии не имело политико-идеологической подоплеки, так как из-за продолжительной информационной изоляции они практически ничего не знали о национал-социализме. Поэтому антисоветские взгляды среди этнических немцев в 1941 г. являлись прежде всего отражением общего кризиса политической лояльности, который охватил широкие слои советского общества. Ведь не следует забывать, что положительная реакция на немецкое вторжение довольно часто наблюдалась и в украинских селах.

На оккупированных территориях Украины проживало несколько сотен тысяч этнических немцев. Наибольшая их концентрация наблюдалась в Рейхскомиссариате Украина (около 200 000 чел.) и губернаторстве Транснистрия (около 135 000 чел.).³ Германские оккупационные власти рассматривали немецкое население как важный элемент своей социальной опоры. Однако посещение колоний и общение с их жителями зачастую вызывали гнетущее впечатление. Картина упадка довольно подробно отражена в докладах команды д-ра К. Штумппа, занимавшейся сбором материалов о генеалогии, истории и культуре немцев в СССР. Например, осенью 1941 г. ее сотрудники во время посещения ряда колоний на севере и северо-востоке Житомирской области отметили, что местные жители испытывают проблемы даже с такими важными продуктами питания, как хлеб и молоко.⁴ Но еще более сложная ситуация наблюдалась на территории Левобережной Украины, где около 40-50% немецких семей после депортаций остались без мужчин. Это обстоятельство усугубляло и без того тяжелое социально-экономическое положение колонистов.⁵

Власти Рейха стремились укрепить положение немецкого меньшинства путем предоставления им особого статуса «фольксдойче». К концу 1942 г. распоряжением рейхскомиссара Э. Коха была введена стандартная процедура регистрации, в соответствии с которой этнические немцы делились на несколько категорий. Принадлежность к какой-либо из них определялась уровнем национально-культурной идентичности. Но существовали и определенные ограничения. Например, не могли рассчитывать на регистрацию этнические немцы, которые со-

стояли в браке с армянами, караимами, греками и представителями некоторых других национальностей.⁶

Статус фольксдойче гарантировал получение ряда привилегий. Так, германские власти нередко старались назначать этнических немцев на различные ключевые должности в аппарат органов местного самоуправления. Зарплата фольксдойче, как правило, была выше, чем у представителей украинского населения, но ниже, чем у имперских немцев (Reichsdeutsche). Одной из самых распространенных привилегий этнических немцев являлось право на получение продуктового пайка и посещение специальных магазинов. Для многих представителей немецкого населения статус фольксдойче имел важное значение, потому что давал определенную надежду на выживание в экстремальных условиях военного времени. Этот мотив довольно часто упоминается в документах германских властей.

Нередко у оккупантов вызывал нарекания уровень национально-культурной самобытности местных немцев, многие из которых неудовлетворительно владели немецким языком и мало отличались в ментальном плане от своих украинских соотечественников.⁷ Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию, германские власти предпринимали специальные меры. Например, многие немцы были обязаны посещать языковые курсы.⁸ Но не менее важным пунктом политики оккупационного режима являлась индоктринация немецкого населения. Некоторые решения в этом направлении власти Рейха приняли уже летом 1941 г. За несколько месяцев предполагалось снабдить этнических немцев на оккупированных территориях многочисленными пропагандистскими материалами: книгами, листовками и плакатами. В списке подлежащей распространению среди фольксдойче литературы оказался и труд А. Гитлера «Моя борьба».⁹ Особый акцент был сделан на воспитании молодежи в духе национал-социализма. С этой целью германские власти приступили к созданию сети воспитательных и образовательных учреждений для фольксдойче. Также были заложены основы и для системы высшего образования.¹⁰ Не осталась без внимания и сфера внешкольного воспитания. Так, в 1942 г. совместными усилиями Имперского руководства по делам молодежи и Имперского министерства восточных оккупированных территорий была образована организация «Немецкая молодежь Украины» (Deutsche Jugend Ukraine), которая являлась примыкающей структурой Гитлерюгенда. Также активную работу в данном направлении развернул Союз немецких девушек (Bund Deutscher Mädel).¹¹

Однако вышеописанные инициативы германских властей были негативно восприняты многими колонистами, поскольку они противоречили их традиционным устоям. Особенно рельефно этот мировоззренческий антагонизм проявил себя в религиозной сфере. В самом начале оккупации военные власти, как правило, не препятствовали возобновлению работы протестантских храмов, закрытых при советском режиме. Из-за нехватки священнослужителей капелланы вермахта часто совершали богослужения. Это порождало надежды жителей немецких колоний на возрождение религиозной жизни.¹² Однако гражданская администрация, в аппарате которой находилось немало убежденных нацистов, с раздражением относилась к этим ожиданиям. Ее сотрудники нередко высмеивали религиозность этнических немцев. Но большую неприязнь у многих верующих колонистов вызывали представители СС, которые уже в начале оккупации не скрывали своего циничного отношения к христианству.¹³ Некоторые функционеры организации на местном уровне иногда даже препятствовали открытию протестантских храмов.¹⁴ По словам вышеупомянутого К. Штумппа, сотрудники СС постоянно подчеркивали, что «закалка молодежи и молодых мужчин после работы воскресными утрами важнее, чем благоговейное слушание елейной болтовни попов».¹⁵ В более дискриминационных условиях оказались этнические немцы, исповедующие католицизм. Оккупационные власти реже позволяли им проводить богослужения.¹⁶ Таким образом, национал-социализм должен был стать для немецких колонистов эрзац-религией.

Война, как деструктивное явление, всегда несет серьезную угрозу прежним связям внутри общества, усиливая существующие противоречия и перекраивая характер человеческих взаимоотношений. На первый взгляд, политика этносоциальной дифференциации, проводимая оккупационными властями, не привела к глубокому антагонизму между немецкими колонистами и славянским населением. Несмотря на прогерманские симпатии, этнические немцы нередко были настроены против дискриминации, проводимой оккупантами в отношении украинцев или русских. По мере возможностей многие из них старались оказывать какую-либо помощь представителям славянского населения. Зафиксированы случаи, когда немецкие женщины, проживавшие в колониях, приносили продукты для советских военнопленных, порой рискуя вызвать гневную реакцию со стороны оккупантов.¹⁷ С другой стороны, некоторые действия германских властей все же провоцировали враждебное отношение украинцев к фольксдойче. Так, в конце 1942 г. по инициативе руководства СС началась реализация плана по расселению несколь-

ких тысяч этнических немцев из некоторых регионов Украины на территорию Житомирской области с целью создания там моноэтнического анклава.¹⁸ Местное ненемецкое население подлежало выселению.¹⁹ Новообразованный район, который являлся первым серьезным шагом на пути к дальнейшей поэтапной колонизации украинских земель, получил название Хегевальд (Заповедный лес). Следует также отметить, что переселенческая акция отчасти была обусловлена и стремлением СС уменьшить угрозу со стороны советских и украинских националистических партизанских отрядов, нередко нападавших на немецкие колонии.²⁰

Отдельного внимания заслуживает военный коллаборационизм этнических немцев. В этом процессе условно можно выделить два этапа: 1942–1943 гг. и 1944–1945 гг. Первый характеризуется прежде всего тем, что привлечение этнических немцев в ряды вооруженных формирований опиралось на территориальный принцип, носило добровольно-обязательный характер и было обусловлено необходимостью усиления контроля на захваченных территориях. Главным инициатором рекрутирования фольксдойче, как правило, выступало руководство СС. Так, в начале 1942 г. представители данной организации в Транснистрии приступили к созданию отрядов самообороны (Selbstschutz). Зачастую в эти формирования брали служить мужчин от 18 до 40 лет.²¹ На вооружении самообороны было легкое стрелковое оружие. Основным идентификатором личного состава, не имевшего обмундирования, являлась лишь нарукавная повязка с изображением свастики.²² Отряды самообороны привлекались к охране немецких колоний, важных инфраструктурных объектов и транспортных коммуникаций.²³ Вскоре эти формирования начали появляться и в других регионах Украины. По сведениям исследовательницы И.Флейшхауэр, в начале 1942 г. около 20000 мужчин было привлечено в ряды самообороны.²⁴ Несмотря на то, что руководство СС считало милитаризацию фольксдойче исключительно своей прерогативой, военные власти также иногда принимали в этом участие. Так, в марте 1942 г. на территории Запорожской области по распоряжению генерал-полковника Э. фон Клейста начался набор колонистов призывного возраста в кавалерийские эскадроны.²⁵ Всего было сформировано четыре подобных формирования.²⁶ Примечательно, что подавляющее большинство личного состава эскадронов составляли меннониты, которые, как известно, традиционно отличались крайним пацифизмом. Но в годы войны этот важный принцип их вероучения отошел на второй план. Если верить свидетельствам колонистов, то ключевым мотивом для многих мужчин-меннонитов, решивших взять в руки оружие, стала

мечь советской власти.²⁷ В 1944 г. война для Германии приобрела преимущественно оборонительный характер, что отразилось и на ее дальнейших планах в отношении немецкого населения оккупированных советских территорий. К этому времени определенное количество этнических немцев смогло получить гражданство Рейха. Это обстоятельство легитимировало их дальнейшую мобилизацию в ряды вооруженных сил Германии. Так, например, уже в апреле 1944 г. на территории Транснистрии призвали около 4000 немцев.²⁸ Контингент вооруженных формирований фольксдойче, созданных на первом этапе, также был включен в состав вермахта или войск СС.

В 1943-1944 гг. подавляющее большинство этнических немцев Украины усилиями руководства СС было эвакуировано на территорию Имперского края Вартегау. Большинство из них пошло на это осознанно, потому что помнили о репрессиях и опасались мести со стороны советской власти.

Таким образом, краткий анализ ключевых аспектов повседневной жизни немецкого населения Украины в годы оккупации свидетельствует о том, что многие представители данной этнической группы были настроены на активное сотрудничество с германскими властями. Этому способствовал целый ряд причин. В первую очередь здесь следует упомянуть политику коллективизации и репрессий, проводимую советским режимом накануне и в начале войны с Германией. Тем не менее, немецкое население Украины не смогло стать в силу объективных обстоятельств надежной социальной опорой для оккупантов. Причины, характер и формы коллаборационизма этнических немцев являлись зачастую такими же, как и у представителей украинского населения. В то же время политико-идеологическое сотрудничество имело определенные особенности, которые были обусловлены особым статусом и ролью, отводимой фольксдойче в новой социальной структуре.

Примечания

¹ State Archive of the Russian Federation (далее – GARF). Fond P-9479, opis 1, number 86 (IV), folios 221; GARF, no. 102, fol. 32.

² *Stumpp K.* In the Wake of the German Army on the Eastern Front, August 1941 to May 1942 // Journal of the American Historical Society of Germans from Russia 7, № 4 (Winter 1984). С. 35.

³ *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. P. 267, 276.

⁴ *Brown K.* A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004. P. 194.

⁵ *Вальт Р.* Обломки всемирной истории – Российские немцы между Сталиным и Гитлером. Эссен, 1996. С. 116.

⁶ *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. P. 186-187.

⁷ State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (далее – TsDAVO of Ukraine). Fond KMF-8, opis 1, number 86, folios 221; TsDAVO of Ukraine, op. 1, no. 86, fol. 221; Sectoral State Archive of Security Service of Ukraine. Fond 2, opis 7, number 7, folios 54.

⁸ State Archives of Kharkiv Oblast. Fond P-9479, opis 1, number 86, folios 221.

⁹ *Салата О.О.* Інформаційно-ідеологічна політика німецької окупаційної адміністрації щодо етнічних німців в Україні в 1941–1944 рр. // Сумська старовина 18-19 (2009). С. 68.

¹⁰ *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion. P. 269.

¹¹ *Ермаков А.М.* Союз немецких девушек в годы Второй мировой войны // Ярославский педагогический вестник 2 (2010). С. 94.

¹² *Epp K.G.* Mennonite Immigration to Canada after World War II // Journal of Mennonite Studies 5 (1987). С. 112; *Epp M.* Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2000. P. 30; *Вальт Р.* Обломки всемирной истории – Российские немцы между Сталиным и Гитлером. С. 251.

¹³ *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion. P. 249.

¹⁴ *Gerlach H.* Mennonites, the Molotschna, and the Volksdeutsche Mittelstelle in the Second World War // Mennonite Life 3 (September, 1986). P. 6.

¹⁵ *Вальт Р.* Обломки всемирной истории – Российские немцы между Сталиным и Гитлером. С. 252.

¹⁶ *Беркгоф К.* Жнива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою. Київ: Критика, 2011. С. 215.

¹⁷ *Epp M.* Women without Men. Mennonite Refugees of the Second World War. P. 34.

¹⁸ *Brown K.* A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. P. 220.

¹⁹ *Лауер В.* Творення нацистської імперії та Голокост в Україні. Київ: Зовнішторгвидав України; Український центр вивчення історії Голокосту, 2010. С. 206.

²⁰ *Brown K.* A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. P. 220; *Лаяер В.* Творення нацистської імперії та Голокост в Україні. С. 204.

²¹ *Breiß F.* Hass und Liebe. Wien, 1979. P. 118.

²² *Angrik A.* Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in südlichen Sowjetunion 1941–1943. Hamburg, 2003. P. 279.

²³ *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. P. 138.

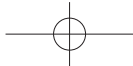
²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Там же. С. 144.

²⁶ TsDAVO of Ukraine. Fond KMF-8, op. 2, no. 157 (2), fol. 130.

²⁷ *Беркгоф К.* Жнива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою. С. 230.

²⁸ *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. P. 146.

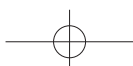
Ю.А. РУСИНА

Феномен инакомыслия в практиках советской индивидуализации в высшей школе 1940-х – 1950-х годов

«Отдельные... студенты говорят, что Швейцарская конституция лучше нашей советской. Это – антисоветчина. С ней нужно вести решительную борьбу, ее надо пресекать...».¹

До сегодняшнего дня в массовом историческом сознании понятие «инакомыслие» часто ассоциируется с историей советских диссидентов или «шестидесятников», реже с реабилитационным периодом, последовавшим за XX съездом компартии. Однако исследования последних лет,² публикации архивных документов,³ воспоминаний,⁴ свидетельства устной истории⁵ говорят о том, что личностное становление, происходившее в условиях тоталитарного режима, сопровождалось практиками индивидуализации, не исключавшими различия взглядов и несогласия с окружающей действительностью. Логике данной статьи близки выводы и идеи, высказанные в работах Б. Фирсова, О. Хархордина, Ф. Буббайера: представления о совести в контексте развития альтернативной морали и культуры, категория «разномыслие», сопряженная с проблемой защиты собственного «Я», аспекты индивидуализации в анализе генезиса советской личности.⁶

Резонансные «дела» студентов и преподавателей уральских вузов 1940-х – 1950-х гг. отразили перемены в духовной и нравственной атмосфере послевоенного времени и периода «оттепели». Инако- и разномыслие в вузовской среде находило выражение в следующих практиках: организация политических и творческих кружков, выпуск самостоятельных литературных и социально-политических журналов, критические выступления на общих комсомольских и партийных собраниях и т.д.

Война, став большим духовным испытанием для советских людей, способствовала эволюции общественного сознания, политическим исканиям, развитию чувства свободы и обострению чувства ответственности за страну, попыткам переосмыслить практику воплощения социалистических идей. Накопление критического потенциала в обществе послевоенных лет сопровождалось также удивительным ростом творческой активности в молодежной среде.

Кружки политической направленности были порождены явным несоответствием между провозглашенным и реальным, что особенно остро чувствовала молодежь с ее максимализмом. В свою очередь литературные кружки свидетельствуют о «поэтическом разномыслии», поисках новых литературных форм и стилей, отличных или не в полной мере соответствующих методу социалистического реализма.

Документы управления Министерства государственной безопасности (МГБ) по Челябинской области, а также информационные материалы судебных, комсомольских и партийных органов второй половины 1940-х гг. свидетельствуют о «вскрытии и аресте нескольких антисоветских групп молодежи» на южном Урале.⁷

В декабре 1945 г. были арестованы студенты (Г. Бондарев, И. Динабург, Г. Ченчик и др.), называвшие себя «Фракцией идейной коммунистической молодежи». Критикуя сложившуюся в СССР социально-политическую ситуацию, члены этой организации заявляли о перерождении «руководящих слоев партийного и советского аппарата в класс эксплуататоров, беспощадно угнетающих рабочий класс», «заражении партии и комсомола обывательским духом» и «необходимости создания новой философии». Коммунистическую партию Советского Союза они характеризовали как «безыдейную» и «изменившую марксизму», а ее членов «карьеристами», «бюрократами» и «часто даже расхитителями социалистического имущества», которые «предпочитают свои личные выгоды общественным идеалам», «не занимаются поднятием своего идейного уровня, а чересчур много заботятся об обеспечении своих семей».⁸

В начале 1946 г. аресту подверглась группа студентов Челябинского педагогического института, организовавшая нелегальное литературное общество «Снежное вино» (О. Плебейский, Я. Малахов, А. Левицкий) и выпускавшая подпольный альманах под одноименным названием. В трех подготовленных номерах этого литературного сборника, согласно трактовке сотрудников управления госбезопасности: «преобладали враждебные идеи пессимизма, чистого искусства, мистицизма» и «реакционной романтики», а также «уход от советской дейст-

вительности» и «подражание поэтам-декадентам». Сами же участники кружка отмечали свое желание выпускать литературный альманах, в котором «можно свободно выражать свои мысли, минуя цензуру».⁹

Примечательно, что в документах управления госбезопасности высоко оценивается интеллектуальный уровень студенческой молодежи, объединившейся в политические и литературные кружки: «Это развитые молодые люди, начитанные, интересующиеся литературой, различными теоретическими проблемами. Не получая достаточной помощи в своей идейной жизни... запутались в сложных политических и теоретических вопросах и не смогли понять характер и источники материальных трудностей военного и послевоенного времени... В поисках ответов на волнующие их вопросы они обращались к буржуазным писателям и философам и попадали под их влияние...».¹⁰

Студенческий литературный кружок, созданный в Свердловском государственном университете им. А.М. Горького (позже УрГУ) в 1942 г. при многотиражной газете «Сталинец» демонстрировал свободу мысли вплоть до введения в действие известного Постановления оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», призывавшего бороться с «безыдейными, идеологически вредными произведениями, пропитанными духом пессимизма и упадочничества».¹¹ Кроме вузовской многотиражки студенты журналисты и филологи публиковали свои стихи и прозу в альманахе «Наше творчество». В середине 1940-х гг. кружок пополнили вернувшиеся из армии фронтовики. Большинство членов кружка «послевоенного набора» стали в будущем известными советскими писателями, журналистами, деятелями кино. Рядом с разрешенным кружком, которым руководили преподаватели университета, существовало нелегальное общество «Рыцарей круглого стола», посвященное изучению и распространению произведений поэтов Серебряного века А. Ахматовой, Н. Гумилева, З. Гиппиус, О. Мандельштама.

В контексте идеи развития инако- и разномыслия в студенческой среде интересен факт рассуждений кружковцев о свободе творчества, который сохранился в протоколах заседаний кружка за 1947 г. Молодых авторов «Сталинца» и «Нашего творчества» волновал вопрос, все ли писатели искренни, когда следуют в своих произведениях духу партийных постановлений или кто-то ставит себя в рамки необходимости. Многие из начинающих литераторов сходились на мысли, что «две трети писателей не прониклись духом последних постановлений», а пытаются соответствовать им, потому что иначе нельзя. Для литературно одаренных студентов послевоенного поколения одним из самых боль-

ших грехов было т.н. «двойственное мировоззрение поэта». «Нельзя писать одно для себя, а другое – для ”Сталинца”», – утверждали они. Документы свидетельствуют, как сопротивляется молодость неизбежности двоемыслия, как стремится к открытому творчеству – мысли должны быть одинаково чисты и для себя, и для «Сталинца».¹²

«Отработка» на местном уровне упомянутого Постановления выразилась в заведении в недрах Управления МГБ по Свердловской области агентурного дела «Изобретатели»,¹³ в допросах и обысках у студентов-кружковцев. В результате трагично сложилась судьба студента-филолога, будущего литературоведа Виктора Рутминского, который был арестован весной 1947 г. и осужден на 6 лет по ст. 58 / 10 за «антисоветскую агитацию и пропаганду».¹⁴

Виктор Рутминский со школьных лет смотрел на мир сквозь призму поэзии Серебряного века (это он организовал общество «Рыцарей круглого стола»), видел окружающую его действительность сложно и многогранно, умел выражать свои мысли разными литературными конструкциями. Стихи, написанные Виктором Рутминским в 17-18 лет, как эксперимент и стилистический поиск вменялись студенту-филологу в вину, как клеветнические измышления на все советское. Так, например, одно из стихотворений,¹⁵ приведенных в материалах его следственного дела, характеризуется так: «Смысл этих строчек заключается в том, что Октябрьская социалистическая революция не оправдала надежд народа...».¹⁶

Б. Фирсов называет послевоенную молодежь первым советским поколением, которое пошло по пути защиты собственного достоинства. Масштаб пережитого, выстраданная победа не могли не повлиять на «мирочувствие» этих людей, понимание ими смысла жизни.¹⁷

К середине 1950-х гг. вузовская среда изменилась: если в первом послевоенном поколении студенчества было много фронтовиков, то теперь они остались лишь среди преподавателей, а большинство студентов – недавние школьники. В эти годы отмечено создание конспиративных кружков и подпольных студенческих групп, разрабатывающих программные документы, а иногда и с террористическими планами. Молодежь, потрясенная разоблачениями XX съезда КПСС и венгерской революцией 1956 г., обращается к анализу теории и практики социализма, пропагандистской деятельности. В 1957 г. была арестована группа студентов-журналистов (Г. Федосеев, К. Белокуров, А. Нечаев, Ю. Хлусов), обучающихся в УрГУ.¹⁸

По существу «группа Федосеева» организацией не была, хотя студентов объединяло инакомыслие и намерения заниматься антисовет-

ской агитацией. На допросах студенты показали, что планировали создание нелегальной организации, выпуск листовок, агитацию среди рабочих с целью борьбы против «эксплуататорской сущности социализма» и КПСС, т.к. «диктатура партии и правительства не дает развития инициативе масс... которые отстранены от управления государством...».¹⁹

К делу «группы Федосеева», осужденной за «антисоветскую агитацию и пропаганду», был приобщен самиздат: студенческие журналы «Всходы» и «В поисках». Оба журнала вышли в 1956 г. В первом и единственном номере «Всходов» кроме поэтических опытов студентов была помещена статья Г. Федосеева «Поэзия настоящего», содержащая критику политики партии в области литературы и искусства. Самодеятельный журнал «В поисках» вызвал широкое обсуждение в университете благодаря своему общественно-публицистическому акценту. В его передовой статье (одним из авторов которой был Ю. Хлусов), критиковалась система преподавания в университете, отмечалось отсутствие обсуждений и дискуссий, выдвигалась идея обмена мнениями на страницах студенческого самиздата. Здесь же прозвучали возмущившие и напугавшие партийное руководство слова о «разрушении гуманитарной науки за последние 20 лет» и «необходимости все подвергать сомнению».²⁰ Во втором номере журнала планировалось опубликовать отзыв на роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и мнения о событиях в Венгрии, но ему не суждено было увидеть свет.

В связи с изданием журнала «В поисках» пострадал старший преподаватель кафедры русской литературы, фронтовик Александр Куканов, единственный из членов партийного бюро университета, вступившийся за самиздатчиков, высказав мнение, что «определение журнала как антисоветского неверно». Кроме того, он выступал за более «трезвое разъяснение студентам решений XX съезда» и, говоря о причинах культа личности, обращал внимание на то, что «дело не в одном Сталине». Смысл последнего был истолкован в официальных документах так, будто Куканов считает, что «культ Сталина фактически явился продуктом нашей эпохи». В итоге преподаватель был освобожден от работы с формулировкой: «за антипартийное поведение» и «ошибочные в политическом отношении выступления».²¹

Инакомыслие проявлялось не только в форме издания журналов и организации подпольных групп, особой смелости требовало публичное выступление на общем комсомольском или партийном собрании. Два подобных факта, имевших место в конце 1956 г. в крупнейших уральских вузах – УрГУ и Уральском политехническом институте им. С.М.

Кирова (УПИ) – вызвали большое беспокойство у партийного и вузовского руководства.

Два дня длилось нашумевшее и впоследствии долго обсуждаемое студентами отчетно-выборное собрание на отделении журналистики филологического факультета УрГУ. Некоторые студенты-комсомольцы, видимо, воодушевленные веянием «оттепели», протестовали против излишней опеки партийного бюро над комсомольской организацией вуза, требовали свободы политических дискуссий, высказывали критические замечания по организации учебного процесса. Их слова вызвали аплодисменты среди участников собрания. Позже в партийных документах эти выступления названы «политическим хулиганством» и «нездоровыми настроениями», а в стенограмме заседания Ученого Совета УрГУ – «студенческими волнениями». Кроме того, в материалах университетской партийной организации звучит нескрываемая тревога: «...выступления отдельных студентов поддерживаются довольно большим количеством студентов – вот в чем беда!». ²² Но с разгулявшимся свободомыслием в Уральском университете, по мнению городского и областного партийного руководств, надо было бороться. Новые методы при этом не изобретали: почти все активные участники собрания (Скоп, Черкизов, Карпович, Павлов, Дорофеев) поплатились исключением из комсомола и из университета.

Героем другого собрания, также имевшего огромный резонанс в вузовской среде и породившего тяжелые формулировки в партийных решениях, был Артур Немелков, студент физико-технического факультета УПИ. Особенностью личности Немелкова было обостренное чувство правды и справедливости. Получив имя в честь героя романа Э. Войнич «Овод», он с детских лет задумывался о смысле свободы и предназначения человека, не боялся поднять свой голос в защиту человеческого достоинства. Но громче всего голос его прозвучал перед более чем шестью сотнями делегатов институтской отчетно-выборной комсомольской конференции 30 октября 1956 г. Суть его выступления заключалась в следующем: «Комсомол сегодня – это послушная серая масса, которую трудно расшевелить, он перестал быть политической организацией, рядовые его члены – это статисты и винтики, которые ничего не могут изменить», «выборы в центральные и местные органы, в том числе в Верховный Совет, когда в избирательном списке только один кандидат – это насмешка над винтиками-избирателями», «советская конституция замечательная, но существует только на бумаге, т.к. нет свободы слова, свободы печати», «вместе со Сталиным в массовых репрессиях участвовали и другие, те, которые до сих пор сидят в прези-

диумах съездов», «беспорядок и расточительство царят в строительстве, планировании промышленного производства и организации сельского хозяйства». В заключении Немелков призвал «избавиться от страха перед государственной машиной», «не бояться говорить во весь голос и критиковать все и вся, что считаете неправильным».²³

Реакция делегатов конференции не была единодушной: кто-то сразу назвал Немелкова «антисоветчиком», выступил с резким осуждением его «клеветнических измышлений», но делегация физико-технического факультета поддержала выступление своего студента, оценив его как «своевременное и правильное», и составив на основе высказанных суждений документ с призывом обсудить его на конференции. Многие преподаватели, руководители факультетов и кафедр в ходе конференции не стали осуждать молодого критика за инакомыслие.²⁴ О состоянии умов и настроений в стенах вуза многое говорит тот факт, что лишь на третий день, после вмешательства обкома КПСС был обеспечен «правильный», в понимании партийного руководства, ход конференции и она завершила свою работу, «единодушно осудив выступление Немелкова как антипартийное и антисоветское».²⁵

В заключение хотелось бы остановиться на частной сфере, в которой можно было «спрятать» свое несогласие или особое мнение. В то же время, в изучаемый период излишнее внимание к личным переживаниям часто клеймилось как проявление мещанской психологии. Одновременно частные поведенческие практики использовались советской идеологической машиной в воспитательных стратегиях. По мнению О. Хархордина, в практиках советской индивидуализации, частная сфера оберегалась при помощи лицемерия или двоемыслия. Однако «“персональное дело” Лилии Полонской», студентки историко-филологического факультета УрГУ 1956 г. может свидетельствовать об иной нравственной позиции. Резонанс «дела» был достаточно громким, о чем свидетельствуют публикации во всесоюзной газете «Комсомольская правда».²⁶ Осуждение через периодическую печать было распространенной практикой воспитания советского человека. В отличие от рассмотренных проявлений инакомыслия, Полонская не собиралась улучшать или изменять окружающий мир, но ей была присуща внутренняя независимость и ее суждения, которые она не боялась высказывать, отличались от «идеологически верных». В статье приводятся различные факты. Так, например: «На первом курсе многих удивил пессимизм в ее работах о фольклоре Великой Отечественной войны. В “Ромео и Джульетте” она увидела только одну сторону – “трагедию юной и чистой любви” и слышать не хотела о ... губительном влиянии

феодалных отношений». Сравнивая французские и советские фильмы, студентка заметила, что «стремление к идейности мешает нам добиваться художественности и выразительности картин». Не скрывала Полонская своего скепсиса по поводу учительской профессии: «Так, как сейчас преподают литературу в школе, мне не нравится, а так, как я хочу преподавать, мне не позволят». Но «масла в огонь» подлил обнаруженный личный дневник девушки, украденный у нее из тумбочки в общежитии. В дневниковых записях были размышления студентки на очень разные темы: о сексе, Марксе и Ленине, еврейском вопросе и т.п. В результате Полонская была исключена из комсомола «за чуждые взгляды». Одна из преподавательниц оценила ее поведение так: «Она еще не враг, но может стать врагом». И хотя эти резкие действия были впоследствии исправлены высшими комсомольскими инстанциями и Л. Полонскую в комсомоле восстановили, а методы разбора ее персонального дела оценили как недемократичные и нарушающие этику, но из университета студентка вынуждена была уйти.

Вернувшись из СССР в 1937 г., Андре Жид говорил о поразившей его «унификации души» и «нивелировке личности» советского человека. В послевоенные годы готовность выразить свое независимое суждение становится одной из практик индивидуализации и личностного становления. Хотя факты противопоставления личного мнения общепринятому в изучаемый период в масштабах всей страны, скорее, единичны, они свидетельствуют о постепенном осознании ценности отдельного человека. Иногда эти факты были связаны со свойствами характера, природой личности, иногда с юношеским нонконформизмом и максимализмом. Но, хотелось бы подчеркнуть, что инако- и разномыслие в практиках советской индивидуализации часто шли в разрез с инстинктом самосохранения, заставляли защищать собственные убеждения, вступая в конфликт с господствующими структурами и официальной идеологией. Разномыслие 1940-х гг. питало диссидентские настроения 1950-х, а они, в свою очередь, породили поколение, получившее в советской истории имя «шестидесятники».

Примечания

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДОСО), Комсомольская организация Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Фонд 285, оп., 3, д. 143, л. 11.

² *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Издательство РОССПЭН, 1999; *Есаков В.Д.* Сталинские «суды чести». Дело «КР». М.: Издательство Наука, 2005; *Савенко Е.Н.* «Сороковые роковые»: из истории молодежной фронды в российской провинции // Вестник НГУ. Серия: История, филология 9 / 1 (2010). С. 216-221.

³ Советская жизнь. 1945–1953. Документы советской истории. М.: Издательство РОССПЭН, 2003; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 гг. Свердловская область. Документы и материалы. 1945–1953. Том 2. Екатеринбург: Издательство Банк культурной информации, 2006.

⁴ Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2000.

⁵ *Русина Ю.А.* Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки 4 (96) (2011). С. 269-285.

⁶ *Буббайер Ф.* Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М.: Издательство РОССПЭН, 2010; *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР 1940–1960-е гг. История, теория и практики. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008; *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Москва: Издательство Летний сад, 2002.

⁷ Советская жизнь. С. 332-354.

⁸ Там же. С. 332-334.

⁹ Там же. С. 335-336.

¹⁰ Там же. С. 338.

¹¹ Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954, часть III, 1930–1954 гг. С. 485-487.

¹² См. подробнее: *Русина Ю.А.* Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки 1 (124) (2014). С. 149-163.

¹³ Докладная записка Управления МГБ по Свердловской области “О фактах идейно-политического и морального разложения среди части преподавательского состава и студентов Уральского государственного университета им. Горького” // Музей истории Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

¹⁴ См. подробнее: *Русина Ю.А.* “Литература – это для меня жизнь”. Дело Виктора Рутминского // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человечество 2 (44) (2013). С. 145-153.

¹⁵ Говорят когда-то в людях
Жили страстные порывы,
Каждый мыслил, каждый спорил,
каждый сердцем был поэт
Каждый верил всей душою
В мир свободный и счастливый
И готов был в пыль разбиться,
чтобы сбылся этот бред.
В наши дни – другое дело.
Ну, зачем грустить о старом?
О наивности былого
Бесполезно вспоминать.
Мы на вещи смотрим трезво
И не нам гореть пожаром.
В этом мире, чтобы делать,
Надо многое не знать.

¹⁶ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее – ГААОСО). Фонд Р.1, оп. 2, д. 23024, л. 118.

¹⁷ *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР. С. 199.

¹⁸ См. подробнее: *Прищепина А.И.* Инакомыслие на Урале. Сургут: Издательский центр СурГУ, 1998. С. 105-109; *Русина Ю.А.* “Всходы” инакомыслия в советских вузах (на примере Уральского госуниверситета им. А.М. Горького) // Урал в зеркале тысячелетий. Екатеринбург: Издательство Банк культурной информации, 2009. Книга 2. С. 236-247.

¹⁹ ГААОСО. Фонд Р.1, оп. 2, д. 45026, т. 2. л. 85, 88, т. 7, л. 456, 497.

²⁰ ГААОСО. Фонд Р.1, оп. 2, д. 26262, л. 118-120.

²¹ ЦДООСО. Фонд 285, оп 3, д. 143, л. 15.

²² ЦДООСО, Партийная организация Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Фонд 161, оп. 27, д. 4, л. 30-31.

²³ *Блинов В.* Немелков. Екатеринбург: Издательство Архитектон, 2012. С. 101-106; Документы о выступлении на XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции Уральского политехнического института студента физико-технического факультета А.А. Немелкова и реакция на это выступление партийных органов власти // Общество и власть. Российская провинция. С. 365.

²⁴ Документы о выступлении на XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции... С. 376-378.

²⁵ Из протокола № 43 заседания бюро Свердловского обкома КПСС о выступлении А.А. Немелкова от 2 ноября 1956 г. // Общество и власть. Российская провинция. С. 371.

²⁶ *Гуськов С.* В одном университете // Комсомольская правда, 12–13 мая, 1956.

Е.Т. АРТЕМОВ

Организация работы и мотивация труда в советском атомном проекте*

Атомный проект занимает особое место в советской истории. Работы по нему начались на рубеже 1942 и 1943 гг. А спустя десять лет Советский Союз получил ядерно-оружейный комплекс, сопоставимый по возможностям с аналогом в Соединенных Штатах Америки. Сегодня, благодаря новейшим исследованиям, многое сделано для понимания того, как удалось добиться такого результата. Тем не менее, отдельные аспекты «атомной эпопеи» изучены фрагментарно, а ряд важных событий вообще остается «за кадром». Это и определило выбор темы настоящей статьи. Главное внимание в ней уделяется выявлению особенностей организации работы в рамках атомного проекта и мотивации труда его участников. Исследование основывается на опубликованных в последние годы ранее секретных документах¹ и на обширной мемуарной литературе.

«Задача номер один»

Как известно, «запуск» атомного проекта в СССР был инициирован информацией о масштабных работах в области овладения ядерной энергией, развернутых за рубежом в начале Второй мировой войны. Соответствующее постановление Государственный комитет обороны принял в сентябре 1942 г.² Но только после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, осуществленной в августе 1945 г. США, советское руководство сочло необходимым форсировать создание ядерного

---

* Исследование осуществлено при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), проект № 14-01-00053.

оружия. Так у страны появилась «задача номер один», как ее стали называть даже в официальных документах. Были установлены самые жесткие сроки ее решения. Работы проводились одновременно по нескольким взаимосвязанным направлениям: развитию ядерно-физических исследований, созданию научно-технической и производственной базы ядерно-оружейного комплекса, конструированию атомных боезарядов и организации серийного выпуска «изделий».³

«Командная экономика» позволяла максимально использовать экономический потенциал страны, чтобы добиться успеха в деле ускоренного овладения атомной энергией. Но одной мобилизации собственных сил было недостаточно, поэтому была сделана ставка на освоение зарубежного опыта. Его заимствование осуществлялось по различным каналам. Отдельные приборы удалось получить по ленд-лизу. Весьма пригодились техническая документация, а также оборудование и специальные материалы, «изъятые» в Советской зоне оккупации Германии. Многое дало использование опыта немецких специалистов, приглашенных и пленных. Но главную роль в определении путей создания первой атомной бомбы в СССР сыграли разведанные, поступившие из США.⁴

Здесь, правда, возникала непростая проблема. Как известно, заимствованные «ноу-хау» сложно воспроизвести целиком, даже если получить их в материализованной форме. Еще труднее на основе чужих достижений запустить собственную инновационную систему.⁵ Тем не менее, как свидетельствовал опыт «сталинской индустриализации» 1930-х гг., эта задача все же решаема. Нужно было только пройти путь, уже проделанный разработчиками нововведений, «перепробовать» все то, что и они делали. Именно такая стратегия была реализована в советском атомном проекте. Она оказалась весьма затратной, но для советского руководства здесь не существовало ограничений. Проблема заключалась в одном: как поставить дело таким образом, чтобы перейти от «догоняющей», «имитационной» модели развития ядерно-оружейного комплекса к модели «инновационной». Иначе говоря, требовалось найти организационные механизмы, позволяющие достичь желаемого результата.

Организация работы

Как правило, в советской экономической системе формированием новых производств занимались специально организованные хозяйственные министерства. Однако в случае атомного проекта такой вариант

не подходил. Дело в том, что ядерно-оружейный комплекс создавался с нуля и было не понятно, какие предприятия и организации нужно включить в его состав. Выход нашли в формировании нестандартной «управленческой вертикали» во главе со Специальным комитетом при Совете Министров СССР. Ему предоставили беспрецедентные полномочия – право давать задания другим «руководящим инстанциям» и привлекать к работе любых исполнителей на временной или постоянной основе. Организацией деятельности занималось так называемое Первое главное управление, ставшее исполнительным органом Специального комитета. По своему статусу оно приравнивалось к союзному министерству, но по функционалу – принципиально отличалось от него. Первому главному управлению непосредственно подчинили ограниченное число вновь создающихся предприятий: по добыче и обогащению урановой руды, по производству металлического урана, по получению «ядерной взрывчатки» (плутония и урана-235), по конструированию и изготовлению атомных бомб. Все остальные нужды должны были удовлетворить так называемые «смежники», подведомственные другим министерствам. «Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения» лично И.В. Сталина не имели «права вмешиваться» в дела атомного проекта. Ход работ контролировали т.н. уполномоченные Совета Министров СССР, – непосредственно подчиненные председателю Спецкомитета Л.П. Берии. Они имели право инициировать санкции в отношении исполнителей, допуская «сбои» при выполнении заданий атомного проекта. Благодаря такому порядку организации работы, Спецкомитет и подведомственные ему структуры превратились в своеобразное «государство в государстве».⁶

Материальные фонды, финансирование и «контингенты» рабочей силы выделялись атомному проекту «по потребности». Чтобы расширить поле для маневра, фактически отказались от «плановости» в организации производства. Впрочем, планирование всегда было весьма условным, на что уже давно обратили внимание исследователи,⁷ хотя оно широко использовалось в качестве внешнего механизма контроля за деятельностью отраслевых ведомств и хозяйствующих субъектов. В атомном же проекте планирование, по сути, утратило эту функцию, превратившись во внутренние «декларации о намерениях», которые могли пересматриваться Спецкомитетом в любой момент. Единственное, что реально контролировалось извне, – это сроки создания опытного ядерного заряда, а позднее – номенклатура и масштабы серийного производства «изделий». Иначе говоря, руководство атомным проектом осуществлялось не «в плановом порядке», а в «ручном режиме».

Такая модель организации работы не означала, что Спецкомитет стремился добиться результата любой ценой. Как общегосударственный орган он просто был вынужден учитывать потребности других отраслей, проявляя взвешенный подход при согласовании затратных решений, часто вопреки запросам Первого главного управления. Кстати, на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС Л.П. Берии это припомнили: его обвинили в саботаже атомного проекта, что выразалось в недостаточном его финансировании.⁸ На деле же Спецкомитет стремился оптимизировать затраты и результаты, и его политика увенчалась успехом: опытный ядерный заряд был создан гораздо раньше, чем прогнозировали все зарубежные аналитики и политики. Для страны, экономика которой понесла огромные потери в ходе недавно закончившейся войны, это явилось настоящим подвигом.⁹

Успешное испытание в августе 1949 г. опытного ядерного заряда породило уверенность в том, что Спецкомитету «по плечу» решение любой проблемы. Поэтому в феврале 1951 г. на него возложили ответственность за создание зенитно-ракетной системы ПВО Москвы (системы «Беркут»). Так компетенция Спецкомитета вышла за рамки атомного проекта. Но спустя два года его деятельность была приостановлена, а наблюдение за «специальными работами» поручено «тройке» в составе Л.П. Берии (председатель), Г.М. Маленкова, Н.А. Булганина. Причины такого шага пока не известны. Однако уже в марте 1953 г., сразу после смерти И.В. Сталина, Спецкомитет восстановили под председательством того же Л.П. Берии. Ему передали руководство атомной промышленностью, работами по созданию ПВО Москвы, крылатых и баллистических ракет. Но такая концентрация полномочий в руках структуры, неподконтрольной никаким органам партийно-государственной власти, сохранялась недолго. Специальный комитет ликвидировали в день ареста Л.П. Берии. Двумя месяцами позже упразднили институт уполномоченных Совета Министров СССР. И в этом не было «ничего личного». Дело в том, что созданная И.В. Сталиным и Л.П. Берией «атомная империя» серьезно ущемляла полномочия всех руководящих структур. В связи с упразднением Спецкомитета управление атомной отраслью возложили на вновь созданную структуру – Министерство среднего машиностроения СССР. «Наблюдение» за его текущей деятельностью поручили Политуправлению Министерства, подчинявшегося ЦК КПСС.¹⁰ Это стало важным шагом в установлении партийного контроля за атомной отраслью, чего так добивался новый лидер страны – Н.С. Хрущев.

Перевод управления атомным проектом на министерский уровень имел важные последствия. Сократились возможности контроля за рабо-

той «смежников», а также привлечения соисполнителей, возникли сложности при обмене идеями, опытом, специалистами с другими ведомствами. Иначе говоря, был запущен процесс обособления атомной отрасли. Спустя пять лет научный руководитель и главный конструктор НИИ-1011 (второго советского ядерно-оружейного центра) член-корреспондент АН СССР К.И. Щелкин писал Н.С. Хрущеву о том, что из Минсредмаша «ушло подавляющее большинство известных крупных ученых», а «все институты Академии наук, ранее занимавшиеся проблемами, связанными с разработкой оружия, теперь прекратили эти работы».¹¹ Сходные процессы, правда в меньших масштабах, наблюдались и в производственном секторе. Чтобы компенсировать потери, Министерство среднего машиностроения форсировало наращивание собственного научно-технического и производственного потенциала, в результате чего оно превратилось в обычное министерство, правда огромное и очень авторитетное. Это означало отход от межведомственной схемы организации работ, во многом определившей успех атомного проекта.

Мотивация труда

Еще одним фактором, обеспечившим достижение целей атомного проекта, была специфическая система мотивации труда. Чтобы побудить людей проявлять инициативу, работать интенсивнее и больше, ответственно относиться к порученному делу, применялось сочетание стандартных для сталинской эпохи методов: морального поощрения и материального стимулирования, воспитания и убеждения, принуждения и насилия. Отличие заключалось в снятии любых ограничений как при поощрении «отличившихся», так и при наказании «нерадивых». Естественно, существовала специфика в мотивации труда отдельных категорий персонала. Руководители предприятий и организаций, участвовавших в атомном проекте, а также ведущие научно-технические специалисты составляли относительно небольшую группу – в пределах 400–500 человек, но от них в решающей степени зависел успех дела. Поэтому им в материальном отношении были созданы все условия для интенсивной, высокопроизводительной работы. Они имели высокие должностные оклады, регулярно получали стимулирующие выплаты. Так, после первого испытания атомной бомбы ключевые фигуры атомного проекта получили премии, в десятки, а то и в сотни раз превышавшие среднемесячную зарплату врача или рядового инженера.¹² Они не были обременены заботой об улучшении жилищных условий. Эта,

казалось бы, неразрешимая в послевоенное время задача решалась для элиты атомного проекта автоматически. Отдельные ее представители могли даже выбирать – поселиться ли им в доме-особняке или в многокомнатной квартире, получить дачу в Крыму или в Подмоскowie.¹³

Рядовой инженерный и научно-технический персонал, управленцы среднего и нижнего звена, квалифицированные рабочие также имели существенные «преференции». В формирующейся атомной отрасли применялись более высокие тарифные ставки, чем на «обычном» производстве. Практически все получали различные надбавки к окладу, регулярные премии. В результате заработная плата на основных предприятиях атомной отрасли была в полтора-два раза выше, чем в других отраслях промышленности.¹⁴ Коллективы «смежников» также имели значительные добавки к фонду оплаты труда. Но этим дело не ограничивалось: все участники атомного проекта в той или иной мере могли пользоваться закрытыми распределителями товаров, что в значительной мере снижало для них проблему «дефицита».

Важную роль в мотивации труда играли нематериальные факторы. Для руководящих кадров и высококлассных специалистов участие в атомном проекте открывало заманчивые перспективы: они получали возможности для самореализации, профессионального и карьерного роста, упрочения своего высокого социального статуса. Как вспоминал в одном из последних интервью А.Д. Сахаров, «интерес вызывала грандиозность проблем, возможность показать, на что ты способен, прежде всего, самому себе доказать».¹⁵ Ответственности добавляла уверенность в значимости атомного проекта для судеб страны. Представление о том, что, создавая ядерное оружие, ты тем самым защищаешь Москву от возможной участи Хиросимы и Нагасаки, было, судя по воспоминаниям, широко распространено среди ответственных исполнителей атомного проекта.¹⁶ Такое же отношение к своей работе наблюдалось и у его рядовых участников. Оно поддерживалось интенсивной пропагандой «советского патриотизма», постоянными напоминаниями о «сложной международной обстановке» и т.д.

Высокие цели, материальные блага, перспективы карьерного роста и возможности самореализации являлись весьма действенными способами мотивации персонала. Но существовала и «оборотная сторона медали». Все участники атомного проекта попадали под постоянный контроль со стороны специальных органов, оказывались в определенной изоляции от внешнего мира. За «срывы» заданий и «ненадлежащее выполнение поручений» следовали серьезные санкции. Даже представители высшего эшелона администраторов не считали себя застрахованны-

ми от репрессий.¹⁷ Правда уголовное преследование применялось редко. Дело в том, что атомная отрасль комплектовалась из числа дисциплинированных, «морально устойчивых» и «политически благонадежных» людей. По крайней мере, на работу стремились брать только тех, кто внушал доверие, был способен к самоотверженному производительному труду. За подбором кадров тщательно следили органы госбезопасности и кадровые службы атомного проекта. Естественно, такой режим устраивал далеко не всех. Однако привлекаемые к участию в атомном проекте работники практически не могли отказаться от «высокого доверия». Они считались мобилизованными для выполнения задания «особой государственной важности», поэтому их труд сложно отнести к свободному в общепринятом смысле слова.

Специфическую категорию в атомном проекте составлял так называемый «спецконтингент», т.е. заключенные. Вопреки распространенным представлениям, их труд не использовался на основном производстве. Исключение составляла уранодобывающая промышленность Восточной Европы и относительно небольшие научно-технические подразделения МВД. В основном заключенные были заняты на возведении объектов атомной индустрии, составляя до 50 % всех строителей. Для их мотивации использовался жесткий режим принуждения, который дополнялся поощрениями за так называемый «ударный труд». Во-первых, это была 25-процентная «надбавка продовольствия к основной норме питания». Кроме того, выполнявшим и перевыполнявшим нормы засчитывали «зачеты», которые предполагали сокращение срока наказания в определенной пропорции к отработанному времени.¹⁸ Но подобная практика не решала главной проблемы. «Спецконтингент» как «рабочая сила» совершенно не устраивал ответственных за строительство. Они жаловались на низкий уровень квалификации заключенных и их негативное отношение к труду, утверждали, что их использование «значительно понижает качество строительства и монтажа, удорожает и усложняет» возведение объектов. В результате поступали постоянные просьбы «сменить контингенты рабочей силы на спецстройках на проверенных вольнонаемных или военнообязанных рабочих».¹⁹ Эти предложения «с пониманием» воспринимались руководством атомного проекта, тем же Л.П. Берией, хорошо знавшим специфику «лагерной экономики». Уже к середине 1950-х гг. «спецконтингент» в основном был заменен военными строителями. По своему статусу они приближались к работникам основных производств, да и мотивировали их сходным образом.²⁰ Так организации, возводившие объекты атомной отрасли, получили дисциплинированную, хорошо управляемую рабочую силу.

Эффективность действовавшей в атомном проекте системы мотивации труда, как и организации работы в целом, сложно оценить однозначно. Очевидно следующее: благодаря экстраординарным мерам Советскому Союзу удалось создать мощный, способный к саморазвитию ядерно-оружейный комплекс. Это обеспечило ему статус военно-политической сверхдержавы. С позиции высшего руководства страны, такой результат перекрывал все издержки. Но был и побочный эффект. Атомный проект, несомненно, дал импульс развитию ряда ключевых направлений науки, техники, производства. Однако его позитивное влияние все же локализовалось в ограниченном сегменте производства, очевидные успехи которого еще не гарантировали ускорения научно-технического прогресса и устойчивого общеэкономического роста. Попытки использовать в этих целях опыт атомного проекта не увенчались успехом. Реализованные в нем принципы организации работы и мотивации труда носили чрезвычайный характер, поэтому оказались невозпроизводимыми в сколько-нибудь значимом масштабе.

Примечания

¹ *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР: Документы и материалы, в 3 т. (12 кн.). Москва – Саров: Физматлит. РФЯЦ-ВНИИЭФ), 1998–2010 и др.

² *Яцков А.А., Визгин В.П.* У истоков советского атомного проекта: роль разведки 1941–1946 гг. (по материалам архива внешней разведки // Вопросы истории естествознания и техники 3 (1992). С. 122-123; *Артемов Е.Т.* У истоков советского атомного проекта: академические инициативы // Уральский исторический вестник 4 (41) (2013). С. 63-68.

³ *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР. Т. 2, кн. 1. С. 11-14.

⁴ *Артемов Е.Т., Волошин Н.П.* Военные приготовления и научно-технический прогресс: случай советского атомного проекта // Экономическая история 1 (28) (2015). С. 48-49.

⁵ См.: *Мокир Д.* Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 15-30.

⁶ *Артемов Е.Т.* «Советский атомный проект в системе «командной экономики» // *Sahiers du Monde russe* 55 / 3-4 (Juillet-Decembre, 2014). С. 275-278.

⁷ См.: *Berliner J.S.* *Factory and Management in the USSR.* Cambridge: Harvard University Press, 1957; *Lewin M.* *The Disappearance of Planning in the Plan* // *Slavic Review* 32 (1973). С. 271-287; *Zaleski E.* *Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980 и др.

⁸ *Яковлев А.Н.*, общ. ред. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999. С. 326-327.

⁹ *Holloway D. Stalin and the Bomb: the Soviet Union and the Atomic Energy. 1939–1956.* New-Haven: Yale University Press, 1994. P. 192-193, 220, 221.

¹⁰ *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР, Т. 2, кн. 5. С. 274-277, 505, 532-534, 558-561, 579-581.

¹¹ *Артемов Е.Т., Волошин Н.П., Литвинов Б.В., Никитин В.И.* В целях усиления работ // Уральский исторический вестник 3 (20) (2008). С. 51.

¹² Оценка по: *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР, Т. 2, кн. 1. С. 53-56; *Зубкова Е.Д., Кошелева Л.П., Кузнецов Г.А.*, сост. Советская жизнь. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003. С. 501, 502.

¹³ *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР, Т. 2, кн. 4. С. 754-757.

¹⁴ *Мельникова Н.В.* Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: БКИ, 2006. С. 38.

¹⁵ Цит. по: *Holloway D. Stalin and the Bomb.* P. 298.

¹⁶ См.: *Альтиулер Л.В.* Вся жизнь в Атомграде // Наука и жизнь 2 (1994). С. 24-32.

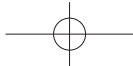
¹⁷ См.: *Славский Е.П.* Из рассказов старого атомщика // Е.П. Славский: страницы жизни. М.: ИздАТ, 1998. С. 16-20 и др.

¹⁸ *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР, Т. 2, кн. 6. С. 198, 199.

¹⁹ *Рябев Л.Д.*, общ. ред. Атомный проект СССР, Т. 2, кн. 4. С. 520, 521, 538, 539.

²⁰ См.: *Дерябин И.Е., Жуманов Р.А.* Строительная индустрия Минатома России // *Петросьянц А.М.*, гл. ред. Ядерная индустрия России. М.: Энергоатомиздат, 2000. С. 815; *Родькин Д.В.* Битва за атом. Уральский фронт // Уральский исторический вестник 4 (41) (2013). С. 73-77.

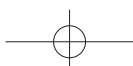
А.В. ГОЛУБЕВ

Мир в зеркале советской политической карикатуры

Изучение политической карикатуры, особенно на протяжении относительно долгого периода, скажем, двух десятилетий, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ. Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, в частности в 1920–30-е годы, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной. Фотоиллюстрации становятся привычным атрибутом советских периодических изданий со второй половины 1920-х годов. К тому времени политическая карикатура давно уже превратилась в часть привычной повседневности. Помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником визуальной информации могла служить кинохроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах.

Более того, несмотря на то, что фотографии количественно несомненно преобладали в визуальном ряду, связанном с внешним миром, можно предположить, что карикатуры были более важны с качественной точки зрения. Обычная фотография (за исключением художественной) представляет собой всего лишь материал для формирования образа. Карикатура же, как правило, – это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия. Как утверждают психологи, рисунок, тем более карикатура, по сравне-

нию с фотографией быстрее замечается читателям, дольше хранится в памяти (правда, фотографии обычно вызывают больше доверия). Впрочем, вскоре появился жанр, который как бы объединил преимущества рисунка и фотографии, а именно сатирический фотомонтаж. Подобные работы и советских, и иностранных художников нередко появлялись в «Крокодиле».

Необходимо отметить, что термин «политическая карикатура» в СССР межвоенного периода применялся, как правило, к карикатурам на международные темы. Говоря о роли политической карикатуры в формировании картины мира, необходимо учитывать возросший интерес масс к событиям международной жизни, столь характерный для 1920–1930-х годов.

Вся информация о мире, доступная большинству населения, проходила через два своеобразных фильтра – во-первых, она отбиралась, исходя из политических соображений, проходила жесткую цензуру. Но был и второй фильтр, а именно недостаточная грамотность населения, незнание многих реалий зарубежной жизни, неумение, в конце концов, воспринимать достаточно обширный текстовый материал. И вот здесь-то вновь на первый план выступали рисунки, прежде всего карикатуры.

Одно из серьезнейших противоречий советской истории, кажется, недооцененное исследователями, заключалось в том, что в глубоко архаичном, в большинстве своем крестьянском, обществе установилась власть с гипермодернизационными установками. Причем эта власть возникла на волне мощного взрыва архаики и во многом благодаря ему; более того, если выйти за пределы идеологии и устремлений высшего, крайне узкого слоя советского руководства, власть и сама была – по составу, по методам, по восприятию мира – глубоко архаичной. Неудивительно, что и общество также в определенной степени архаизировалось. Это отразилось и в политических карикатурах – если сравнивать дореволюционные работы известных карикатуристов с карикатурами 20-х годов, бросается в глаза и более примитивный рисунок, и обилие поясняющих надписей. Произошла соответствующая примитивизация политической карикатуры, которая к тому же многое позаимствовала у плаката времен Гражданской войны. Да и полиграфические возможности журналов и издательств заметно ухудшились.

Сейчас трудно представить, какое место занимала карикатура в советской повседневности 20–30-х годов. Известны случаи, когда зрители у стендов с новыми карикатурами перекрывали движение в центре Москвы. И в газетах многие читатели, прежде всего, искали и с удовольствием рассматривали именно карикатуры.

В одной из брошюр, написанной летом 1923 г., подчеркивалось: «Для малограмотного читателя роль иллюстрации, ежели она не головоломная, надо признать исключительной». Не случайно «некоторые из опрошенных крестьян высказывали пожелание, чтобы в газетах побольше было карикатур». Конечно, даже и карикатуры не всегда, что называется, «доходили» до потенциального читателя – так, проводивший обследование журналист безуспешно попытался познакомить с образцами политической сатиры некую крестьянку: «Показываю ей “Крокодил”, карикатуры. Смотрит с любопытством, но ни одного рисунка не понимает».¹ Можно предположить, однако, что для этой категории крестьян фотографии в газетах оказались бы еще более сложным для восприятия материалом.

Неудивительно, что любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды.

Образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. «Искусственным положением, неправдоподобным положением карикатуры выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием», – говорил А.В. Луначарский.²

Впрочем, гротеск не сводился только к неожиданным и невероятным ситуациям. Вот как, например, характеризует советский искусствовед типичный образ капиталиста в рисунках одного из видных карикатуристов того времени: «Это – жирное, хищное лицо с оскаленными клыками, толстая фигура, одетая в черный фрак и белую манишку, это – лоснящийся черный цилиндр на голове, золотые кольца на руках с отточенными, как когти зверей, ногтями. Именно таким долгое время изображали художники капиталиста, как образ хищничества, беспощадности, наглости и чревоугодия».³ С легкой руки Луначарского, именно гротескность не только ситуаций, но персонажей стала признаваться одной из отличительных черт советской политической карикатуры. Но многие мастера искали и находили иные, художественные средства для выражения смысла и сатирического заряда карикатуры.

Многие карикатуристы, по крайней мере в 20-е годы, о реальной жизни Запада имели весьма туманное представление, отсюда их склонность к гротеску. Справедливости ради необходимо отметить, что Европа начала века заметно отличалась от Европы 20-х годов, а советские карикатуристы к тому же смотрели на нее сквозь призму опыта революционной эпохи. А впереди был еще и мировой кризис 1929 г., который на много лет вперед определил основные внешнеполитические стереотипы советской пропаганды.

Карикатура, оставляя в стороне многие нюансы, формирует упрощенную картину реальности, опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Особенно важна была пропагандистская функция карикатуры в кризисных ситуациях. В 1934 г. в журнале «Крокодил» была опубликована подборка карикатур времен Первой мировой войны (английских, немецких, русских), формирующих «образ врага». В редакционном комментарии подчеркивалось: в случае новой войны подобной «буржуазной отраве» будет «противопоставлено разящее оружие большевистской сатиры».⁴

«В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему», – подчеркивалось в одной из брошюр того времени.⁵ С другой стороны, карикатура – часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской простого развлечения, но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры в целом. Для многих советских людей знакомство с внешним миром начиналось именно с карикатур, которые они с интересом рассматривали в детстве, зачастую еще не умея читать. А порой они и сами пытались отобразить свои представления о мире в виде карикатуры.

По мнению Б. Ефимова, уже к началу 1920-х годов карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе, где, по его словам, карикатуры носили по преимуществу развлекательно-бытовой характер и появлялись главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках.

На самом деле все было не совсем так: политическая карикатура как жанр зародилась именно на Западе, при том что в России ее разви-

тие надолго задержалось по причине цензуры. И, конечно, в 20-30-е годы в этом жанре на Западе работали известные мастера, создававшие замечательные карикатуры. Другое дело, что там политическая карикатура представляла собой достаточно элитарный жанр, предназначенный для образованного меньшинства. В Советском же Союзе она превратилась в действительно массовое искусство. «В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя» - отмечает современный исследователь.⁶

Порой резонанс, который получали советские карикатуры, принимал достаточно неожиданные формы. Так, рисунки Д. Моора, опубликованные в газете «Правда», журналах «Крокодил» и «Безбожник у станка», в которых в резко сатирическом (иногда доходящем до грубости) плане изображались представители духовенства различных конфессий, в том числе папа римский Пий XI и архиепископ Кентерберийский, неоднократно вызывали на Западе запросы в парламентах; сам Моор утверждал даже, явно преувеличивая, что одной из булл папы римского был отлучён от церкви.

В 1926 г. в «Известиях» появилась карикатура Б. Ефимова, на которой литовский премьер-министр Вольдемарас стоял на сцене, держа в окровавленных руках извещение: «Приговор над коммунистами приведен в исполнение». Сидящие в ложе вполне узнаваемые О. Чемберлен и Ю. Пилсудский аплодировали и кричали «Браво! Бис!» Фамилии персонажей не были указаны; впрочем, в названии карикатуры упоминалась «литовская сцена». Тем не менее, Чемберлен направил официальную ноту, адресованную советскому правительству, в которой карикатура была квалифицирована как «грубо-оскорбительная» и «лживая». В результате некоторое время Ефимов изображал Чемберлена только со спины; впрочем, характерная фигура и видимый даже в таком ракурсе монокль не оставляли никаких сомнений относительно личности персонажа.

Темы карикатур иногда задавались «сверху». В 20-е годы отдел печати Наркомата иностранных дел неоднократно проводил совещания с представителями крупнейших газет, на которых давались общие установки по освещению международной проблематики (что, косвенно, затрагивало и карикатуры). Есть примеры, когда Сталин лично заказывал карикатуры и корректировал процесс их создания, внося собственноручную правку в текст и даже рисунок.

Чаще (если речь шла о журналах) темы будущих рисунков определялись редакционной коллегией. Их обычно предлагали сатирики-

«темысты», предложенные темы обсуждались редакцией и только после этого за дело брался кто-то из карикатуристов. Готовая карикатура обсуждалась вновь и, после необходимой доработки, шла в печать. Этот процесс занимал в среднем две недели.

Так, в 1930 г. появились две карикатуры со сходным сюжетом, очевидно, предложенный кем-то из темистов, и по-своему воспроизведенный двумя художниками. На одной из них, принадлежащей М. Черемных и помещенной на обложке «Крокодила», огромный, краснощекий красноармеец с винтовкой в руке иронически поглядывал на хищную «империалистическую» руку, тянущуюся к карте пятилетки. Особое внимание привлекали запонка, на которой были изображены английский и американский флаги, буквы СД (имелась в виду социал-демократия) и свастика. А с одного из когтей капала кровь, и надпись поясняла – «КВЖД» (имелся в виду, конечно, известный конфликт 1929 г.) Изучив карикатуру, внимательный читатель мог сделать вывод о том, кто считался главным противником СССР. Любопытно сравнить ее с рисунком Б. Ефимова, который также нарисовал улыбающегося красноармейца с винтовкой на фоне знамени с надписью «Пятилетку в 4 года!» Перед ним бессильной злобой исходили на сей раз уже семь голов (не рук!) на преувеличенно длинных шеях (намек на «гидру империализма»?) Как бы в порядке значимости, сверху вниз, шли: британский империалист (цилиндр одновременно напоминал имперскую корону), немецкий фашист в каске со свастикой, социал-демократ, папа римский Пий XI, китайский военный, французский военный, и, наконец, маршал Пилсудский. Таким образом, относительно трех главных врагов (фашист, социал-демократ, Великобритания) расхождений не было, а вот американский империализм из этого ряда выпадал.

Возможно, тут сыграли роль личные вкусы (или устоявшиеся стереотипы) автора карикатуры. Тот же Черемных еще дважды на многофигурных композициях, которые изображали разного рода враждебные действия, направленные против СССР, включал в перечень персонажей американских империалистов. Другие авторы в межвоенный период склонны были в подобных ситуациях об Америке забывать.

Подготовка карикатур для газет происходила, конечно, гораздо более динамично. Конечно, иногда публиковались карикатуры, полученные в готовом виде от карикатуристов, не работающих в данном журнале, или даже от читателей (в «Крокодиле», например, время от времени появлялись подборки читательских карикатур), порой перепечатывались рисунки из иностранных журналов.

Довольно частым явлением были повторы и варианты карикатур. Нередко этим грешил Ю. Ганф. Самый, наверное, плодовитый советский карикатурист Б. Ефимов неоднократно повторял одни и те же сюжеты, образы, детали, а то и просто воспроизводил рисунок в целом. Конечно, это объяснялось, прежде всего, спешкой, спецификой газетного дела и т.п. Но были и более сложные случаи.

Особенно красноречивы две карикатуры одного автора, Ю. Ганфа, представляющие собой вариации одного и того же сюжета. На первой, опубликованной в 1929 году, на длинную дистанцию бегут Америка, Англия, Германия, Франция, их догоняет СССР. На второй карикатуре, датированной 1939 годом, примерно та же картина. Толстые Америка и Европа бегут по кочкам, молодой атлет, СССР, догоняет их по ровной дорожке. Исторический оптимизм, пронизывающий эти карикатуры, независимо от желания автора, несколько омрачался тем, что за прошедшие десять лет СССР так и не смог расстаться с ролью догоняющего.

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня – эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; текста под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющих надписей на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что «любят читать карикатуры».⁷

Впрочем, у более опытных и искушенных карикатуристов такие приемы вызвали резкое осуждение. Как замечает в своих заметках о карикатуре Д.С. Моор, «самый плохой и беспомощный стиль карикатуры – это фельетонный, в самом простом смысле этого слова, когда на поверхности с минимумом изображений пишется максимум слов».⁸

Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких «масок» – империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда – с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский.

В подобных ролях выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали – подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко.

Важно понимать, что советская политическая карикатура имела дело не столько с политическими противниками, сколько с классовым врагом – отсюда ее жесткость, иногда откровенная грубость, готовность к личным выпадам против видных деятелей самых разных стран и самой различной политической ориентации – от Гувера до Ганди, от Геббельса до Гомперса. Однако как правило она избегала негативного изображения того или иного народа, использования негативных этнических стереотипов.

Одновременно и западная карикатура, нацеленная против СССР, нередко носила откровенно оскорбительный характер. Правда, на Западе советских вождей (за исключением Сталина и в 20-е годы Троцкого) почти не знали и соответственно крайне редко изображали. Зато привычной фигурой был зверообразный «большевик» или просто «русский».

Порой возникает впечатление, что со стороны Запада вражда носила не столько классовый, сколько культурно-цивилизационный характер. Впрочем, сравнительный анализ образа СССР межвоенного периода в политической карикатуре европейских (и не только) стран мог бы стать темой для интереснейшего исследования, но далеко выходит за рамки данной работы.

Специфической разновидностью советской политической карикатуры являлись многофигурные композиции. Они являлись уже не столько явлением искусства, пусть даже искусства карикатуры, сколько пособием к лекции о международном положении. Читатель, внимательно рассмотревший рисунок, получал в прямом смысле слова наглядное представление о расстановке сил в Европе, внешней политике и внутривнутриполитической ситуации в отдельных странах, крупнейших политических деятелях, короче говоря – о политической ситуации в Европе в целом, конечно, с точки зрения советской пропаганды. В западной карикатуре подобные композиции, объединенные не сюжетом, а, скорее, некоторой абстрактной идеей, практически не встречаются. Впрочем, своеобразными предшественниками подобных многофигурных композиций являлись широко распространенные в Европе во второй половине XIX – начале XX века, вплоть до начала Первой мировой войны, сатирические карты Европы, на которых символически были представлены все европейские страны – то в антропоморфных, а то и в зооморфных образах.

Множество персонажей подобной карикатуры представляли собой либо известных политиков, либо отдельные страны (или их представителей). Так, в 1924 г. появилась знаменитая карикатура Б. Ефимова «Сумасшедший дом “Европа”», вскоре перепечатанная в ряде зарубеж-

ных изданий. Среди персонажей карикатуры – Пуанкаре-«война», разрывающий Версальский договор и рычащий «Р-р-р-у-у-р-р!» (буйное помешательство); Муссолини в тоге римского цезаря, утверждающий: «Италия – это я» и Пилсудский в роли Наполеона (мания величия); лорд Керзон, рвущийся к нефти; и так далее.

На многофигурной композиции К. Ротова, опубликованной в 1929 г., Европа представляла как общежитие, скорее, впрочем, напоминавшее советскую, а отнюдь не европейскую, коммуналку. Вокруг двери с надписью «СССР» столпились «добрые соседи». Финляндия жаловалась окружающим: «Все стучит, строит», Эстония поддакивала: «Электричество жжет». Франция советовала поляку: «Вот нож, ткни его, когда отвернется». Румыния, изображенная в виде злой старухи с примусом в руках, мечтала: «Еще бы участок оттяпать» (это, конечно, был намек на Бессарабию). В стороне стояла Англия, многозначительно бормотавшая: «Нельзя не признать...».

Говоря о советской политической карикатуре, нельзя не отметить еще один важный нюанс. Сатириков нередко критиковали за «копание в мелочах», требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни, однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма существенные неприятные последствия. В результате многие увлеклись внешнеполитической тематикой. Но подобная практика также вызывала неудовольствие соответствующих инстанций. Раздавались упреки в том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и не беспокоили «врага внутреннего»...

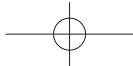
Подводя итог, можно сказать, что образы внешнего мира, созданные карикатуристами в 1920–30-е годы, во многом определили внешнеполитические стереотипы, воспринятые значительной частью советского общества того времени.

Более того, в годы войны на оккупированных территориях немцы пытались вести антисоветскую пропаганду, используя советский опыт, в том числе и по формированию визуальных образов мира. Они пытались учитывать специфику восприятия наглядной агитации советскими людьми, которые были приучены к моментальному восприятию лозунгов и зрительного образа.

Стереотипы, сформировавшиеся в межвоенный период не в последнюю очередь под воздействием политической карикатуры, отличались большой устойчивостью и в значительной степени сохраняли свое воздействие до конца 1980-х годов, да и сейчас время от времени проявляют себя в общественном сознании.

Примечания

- ¹ *Шафир Я.* Газета и деревня. М. – Л., 1924. С. 35, 52.
- ² Цит. по: *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 68-69.
- ³ *Костин В.И.* Михаил Михайлович Черемных. М., 1957. С. 14.
- ⁴ Крокодил 20 – 21 (1934). С. 19.
- ⁵ *Варшавский Л.* Наша политическая карикатура. М., 1930. С. 9.
- ⁶ *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора. С. 69.
- ⁷ *Ефимов Б.* Политическая карикатура. 1924–1935. М., 1935. С. 5.
- ⁸ Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд 1988, оп. 1, д. 379, л. 38.

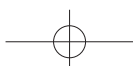

В.С. ЖУКОВА

Трансформация повседневной жизни северной деревни 1906–1970-х гг.

ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ И
ВОСПОМИНАНИЙ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В последнее время в исторической науке заметно вырос интерес к проблемам истории повседневности. В связи с этим исследователи проявляют внимание к особой группе исторических источников – воспоминаниям и дневникам. Безусловную редкость составляют дневники крестьян. С одной стороны, они выражают субъективную точку зрения отдельной личности, с другой, – принадлежат очевидцам описываемых событий. На Европейском Севере России некоторые подобные источники опубликованы. Среди них дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, вашкинского крестьянина Д.И. Лукичева (Вологодская область), пежемского крестьянина И.В. Глотова и воспоминания красноборского крестьянина И.С. Карпова (Архангельская область). Но есть и источники, которые не введены в научный оборот. В частности, в 2011 году в текущем архиве кафедры отечественной истории Педагогического института Вологодского государственного университета была обнаружена рукопись «Краткое биографическое описание своей жизни». Автором рукописи является В.Т. Ульяновский (Тарногский район Вологодской области). Эти источники охватывают продолжительный исторический период. Авторы перечисленных дневников и воспоминаний жили в эпоху глобальных изменений в общественно-политической и социально-экономической жизни российско-советского общества. Они пережили Первую мировую войну, революцию, Гражданскую войну, коллективизацию, раскулачивание, Великую Отечественную войну, послевоенное восстановление хозяйства. В своей статье я хотела бы обратить внимание на трудовую крестьянскую повседневность.

Остановлюсь на дневнике тотемского крестьянина А.А. Замаараева.¹ Дневник охватывает довольно длительный период с 1906 по 1922 гг. В нем есть некоторые невосполнимые утраты текста. Никаких сведений, в том числе и биографических, выходящих за рамки описанных в дневнике, о данной семье неизвестно. Из дневника мы понимаем, что А.А. Замаараев – грамотный человек, он читает книги и газеты. В центре внимания А.А. Замаараева находятся повседневные крестьянские заботы и поэтому в его дневнике большое место занимают сведения о погоде и каждодневном крестьянском труде, а также о поездках в город, ярмарочной торговле, ценах.

Погода для ведения хозяйственной деятельности на Европейском Севере России имеет огромное значение. Это еще более хорошо осознаешь, когда начинаешь читать дневники А.А. Замаараева и И.Г. Глотова. Тотемский крестьянин ведет календарь природы. И.Г. Гловтов в своих записях более лаконичен в этом отношении. Такое описание позволяет нам выявить прямую зависимость хозяйственной деятельности от погодных условий. Структура распределения рабочего времени крестьян включает в себя следующие компоненты: полеводство, луговоеводство, огородничество, скотоводство, промыслы и время, затраченное на ведение домашнего хозяйства. В структуре затрат рабочего времени за весь период первые позиции почти повсеместно занимало полеводство, затем домашнее хозяйство и скотоводство. Довольно незначительные затраты времени были направлены на неземледельческие занятия, работу в чужом хозяйстве, переработку продуктов сельского хозяйства, на поездки в город, присутствие на сходах и собраниях, на уплату сельскохозяйственного налога; определенное время крестьяне тратили на праздники. Далее посмотрим, какие именно сведения дают нам дневниковые записи.

Дневник А.А. Замаараева начинается с апреля 1906 г. Автор дневниковых записей более подробно описывает мужскую работу, сведения о женском труде присутствуют эпизодически. Перед нами предстает полная картина непростого крестьянского труда. А.А. Замаараев описывает все этапы полеводческих и луговых работ: весеннюю пахоту, сев, далее свои работы на «навине» (земля – впервые приготовленная для посева, либо в обиходе новая пашня) – пахота и сев, данные виды работ выполнялись крестьянином в апреле. В мае вспахивал пары, возил навоз. С 20 по 29 июня – сенокос. В своем дневнике крестьянин отмечает разную степень зрелости злаковых культур – «10 мая рожь на колос пошла», «14 июня ячмень на колос, овес на брунь».² Так же отмечается качество трав и зерновых культур: «травы плохие, ржи с костерицей и метелицей»

(сорные растения).³ Следующим этапом полеводческих работ является жатва, которую в 1906 г. начали 12 июля со ржи. Затем и другие злаковые культуры: овес, ячмень, пшеницу. Жатву хозяйство А.А. Замараева закончило к 1 августа. Автор дневника отмечает, что к 5 августа не все хозяйства закончили жатву. Как рачительный хозяин он записывает, каков был собран урожай: «Овса – 157 суслонов, ржи – 33, ячменя – 80, пшеницы – 18».⁴ После сбора урожая наступает следующая стадия: это обмолот: к 30 августа закончили обмолот овса, а к 2 сентября домолотили все. Из дневниковых записей мы так же понимаем, что в хозяйстве выращивают и лен, но весь земледельческий цикл по данной культуре в 1906 г. мы проследить не можем, т.к. о льне упоминается только однажды в связи с его продажей 11 октября. Из более поздних записей (21 мая 1907 г.) мы понимаем, что так же выращивали картофель.⁵

Мимоходом А.А. Замараев отмечает, что 30 июля купили поросенка, 18 августа продали быка, 20 августа купили еще одного поросенка, 7 сентября родились ягнята; пастуху отказали, скотину начали кормить с 11 сентября, резали поросенка, 26 сентября – конская перепись. Из дневниковых записей мы можем выявить, какой скот был в хозяйстве крестьянина. Так, это был крупный рогатый скот (как минимум две коровы, т.к. 1 января 1907 г. отелилась одна, а 29 января – другая, по кличке Чернуха), рабочий скот и мелкий (овцы и свиньи). В стойловый период времени большое внимание крестьянин уделяет возке «кормины» (корм для скота, солома овса или ячменя). По косвенным признакам мы понимаем, что в хозяйстве есть куры – «3 апреля 1907 г. – первое яйцо» (по народным приметам означало начало весны).⁶

Совсем мало внимания крестьянин уделил ловле рыбы. Встречается одно только упоминание за 1906 г. Чуть больше времени было потрачено на сбор грибов. Так, он пишет, что – 18, 19 августа 1916 г. ходил за волнухами.

Гораздо больше внимания было уделено домашним работам. Так, 4 сентября «конопатил подполлок» (черный пол утеплял на зиму). С 7 по 21 сентября «печку били» (клали печку). 4 октября настилали пол в зимовке (теплый, хорошо отапливаемый первый этаж дома, пригодный для проживания зимой). С 14 декабря А.А. Замараев начинает возить дрова. Возил молоть зерно на мельницу – 17 декабря.⁷ Выручал деньги за продажу бревен (20 ноября 1908 г. – 3 руб. 10 коп. за 10 бревен), дров (1 декабря – 2 руб.).⁸ Таким образом, А.А. Замараев описывает повседневную деревенскую жизнь.

Дневник крестьянина И.Г. Глотова деревни Берег пежемского сельского общества Никифоровской волости Вельского уезда Вологод-

ской губернии (впоследствии Архангельской области) охватывает период с 1900 по 1931 гг.⁹ В рукописи присутствует вводная часть, где И.Г. Глотов сообщает биографические данные о себе. В частности мы узнаем, что он получал образование в Пежемском двухклассном сельском училище, где получил 3 разряд учителя. После военной службы волею судьбы оказался в Петербурге, где работал на фабрике Н.Н. Струка. В столице женился на своей землячке, там же у них родилось четверо детей (первая дочь вскоре умерла (1908–1909 гг.), двое сыновей: Михаил (1910–1980 гг.), Анатолий (1913–1945 гг.) и дочь Зинаида (1915 г. рождения). После закрытия завода в феврале 1917 г., 9 марта 1918 г. он возвращается на родину, куда ранее в 1915 г. переехала жена и дети. После своего переезда в деревню И.Г. Глотов активно берется за налаживание хозяйства. После того как И.Г. Глотов отстроился, с 1921 г., начинается более подробное описание повседневной крестьянской жизни, в которой большое место занимало земледелие. В этой части дневника мы можем увидеть уже знакомое по дневнику А.А. Замараева описание крестьянского труда. Хотя есть и некоторые отличия. В основном они касаются описания женского труда в хозяйстве. По сравнению с дневником А.А. Замараева, в котором сведения о женском труде встречаются эпизодически, в дневнике И.Г. Глотова данные сведения появляются с завидной регулярностью. Видимо это может свидетельствовать о более теплых и нежных отношениях в семье. Так, из дневника мы узнаем, что наряду с домашней работой (бучила белье, прибирала в доме, готовила еду, ухаживала за скотом, топила баню) женщина выполняла еще и ряд полевых работ: боронила, сгребала сено, копала картошку, жала, мяла и трепала лен, подсеивала, возила на мельницу и с мельницы, ходили по ягоды и грибы. Хотя следует отметить, что А.А. Замараев в ноябре 1915 г. пишет: «Действительно, женщина много значит в семейном быту, без них совсем нельзя».¹⁰

Крестьянское хозяйство И.Г. Глотова, судя по описанию в дневнике, выращивало следующий набор сельскохозяйственных культур: рожь, пшеницу, жито, овес, лен, брюкву, картошку, табак, горох, капусту, редьку, лук, репа, турнепс, морковь. В 1922 г. И.Г. Глотов как рачительный хозяин с удовлетворением отмечает: «Травы и хлеба хороши, все в порядке потравы нет».¹¹ В свою очередь А.А. Замараев в сентябре в 1917 г. отмечает, что «Овцы из озимей не выходят. Страм, что такое и есть».¹²

В страду часто рабочий день начинался до зари и заканчивался с заходом солнца. Чтобы не тратить время на то, чтобы на следующий день добраться до места неоконченной работы, ночевали рядом в «кучах сена», на сеновалах односельчан, на мельнице и т.д. Сведения о

«помочах» в дневнике И.Г. Глотова встречаются гораздо реже, чем у А.А. Замараева. Довольно много И.Г. Гловтов описывает работы в лесном хозяйстве.

Дети в хозяйстве И.Г. Глотова также были приобщены к выполнению посильной крестьянской работы. Сведения о выполнении разных работ встречаются с 1921 г., сначала к труду приобщается старший сын, а затем с 1922 г. к труду приобщаются младшие дети – Толя и Зина.

В отношении хозяйства И.Г. Глотова сгущаются тучи в 1929 г. Правда, нужно отдать должное они пытаются выбраться из данного положения; И.Г. Гловтов даже обращается в письменной форме к председателю ЦИК Калинину с просьбой о восстановлении справедливости.¹³ В апреле 1930 г. его хозяйство все же переводят в разряд середняков,¹⁴ но в июле 1930 г. мы читаем следующие строки: «К вечеру положение жизни обострилось; пришла весть, что опять вводят в кулаки и выселение неизбежно, вся энергия к работе упала, и жизнь стала не радостной».¹⁵

В мае 1931 г. положение становится отчаянным: «С утра поехал в село получить овса, пробыл до 2-х часов дня не получил, купил водки и напился пьяный. По приезде сходил в училище ШКМ и подал заявление взять у меня безвозмездно молотилку и соломорезку».¹⁶

В июне 1931 г. Гловтовы были вынуждены вступить в артель. Стоимость имущества сданного в артель составила 491 руб. 80 коп.¹⁷ И после этого началась новая жизнь в артели «Красная Звезда». Производились различные сельскохозяйственные работы в общественном хозяйстве, субботники, лесозаготовки, работа на постройке железной дороги, на трассе, сплошные собрания по разным поводам. В конце июля 1931 г. И.Г. Гловтов сделал следующую запись в дневнике: «Прошел день, делов сделали немного».¹⁸ В ноябре того же года: «Отдыхал весь день».¹⁹

Воспоминания Ульяновского Василия Тимофеевича охватывают период 1930–1979 гг., есть также и детские воспоминания относительно середины 1920-х гг. Из данного источника мы узнаем, что родился он в 1913 г. в деревне Погоняевская ныне Шевденицкого сельсовета Тарногского района Вологодской области как он пишет в семье бедняка, также автор пишет, что почти все жители данной деревни были неграмотными. Одежда и «обувь была своего изготовления до 1930 г., коллективизации, а как вступили в колхозы все свое производство стало отмирать. Лен стал обрабатывать коллектив, но сдавать государству уже с 1932 на льнозавод...».²⁰

До 1930 г. он жил в семье отца, далее он сообщает, что ушел на производство, работал и учился в селе Тарногский городок в организа-

ции «Союз мясо», должность занимал начальника склада по приемке мяса, кожевенного сырья. После организации колхоза «Красный Север» в 1931 г., был отозван на колхозные работы, «по приходу меня в колхоз, направили на строительные работы в город Архангельск, т.к. при колхозе была сформирована бригада строителей в количестве 22 человек. Последние месяцы работы зарабатывали от 124 до 160 руб. в месяц».²¹

С ноября 1931 по февраль 1932 гг. по направлению колхоза работал на лесозаготовках. В феврале 1932 г. правлением колхоза «Красный Север» был направлен на строительство Тарногского льнозавода № 22 в качестве плотника-строителя.²² С 15 июня по 15 октября 1932 г. учился на курсах сортировщиков льнотресты. Далее работал на Тарногском льнозаводе до 1939 г. В период с 1935–1937 гг. служил в рядах Красной Армии в Ленинградском военном округе. Окончил курсы контролеров льнозаготовок в г. Череповец. В апреле 1938 г. курсы инструкторов ПВО в г. Череповец. В марте 1939 г. занимал должность директора заготконторы. В дальнейшем В.Т. Ульяновский продолжал работать на разных должностях. Он описывает бытовые подробности проживания, различные житейские истории, о том, что он ходил на охоту в лес, работал на разборе церкви, другой повседневной работой, но примечательно, что непосредственный крестьянский труд на земле он не описывает.

Таким образом, со страниц этих крестьянских дневников и воспоминаний мы получаем сведения из первых уст о нелегком повседневном крестьянском труде и о трансформации взглядов на труд в указанный исторический период. Они дают возможность проследить крестьянскую жизнь в период наибольших потрясений для России в первой трети XX века. Все эти события в той или иной мере затронули крестьянский мир и нашли отражение на страницах упомянутых дневников. По данным источникам можно проследить трансформацию в жизни нашей страны и как она воспринималась сельскими жителями. Воспоминания и дневниковые записи представляют большой интерес с точки зрения характеристики повседневной жизни сельских жителей их забот и чаяний. Со слов очевидцев событий можно выявить отношение автора ко многим явлениям, происходящим в жизни российско-советского общества за довольно длительный исторический период, а также посмотреть, как люди адаптируются к новым для них условиям существования и мобилизуют свои силы в годы исторических потрясений.

Примечания

¹ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева 1906–1922 годы // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, 1997. С. 245-517.

² Там же. С. 251.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Там же. С. 251-252.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 266-267.

⁹ На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского Района Архангельской области. 1915–1931. М. 1997; Памятная книга Ивана Григорьевича Глотова; Новонайденные части дневника Пежемского крестьянина Ивана Глотова (1906–1915, 1917, 1927–1929 гг.) // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. – Вельск, 2002. С. 192-231.

¹⁰ Дневник тотемского... С. 366.

¹¹ На разломе жизни. С. 94.

¹² Дневник тотемского... С. 423.

¹³ На разломе жизни. С. 210-211.

¹⁴ Там же. С. 220-221.

¹⁵ Там же. С. 233-234.

¹⁶ Там же. С. 266.

¹⁷ Там же. С. 274.

¹⁸ Там же. С. 278.

¹⁹ Там же. С. 289.

²⁰ Краткое биографическое описание своей жизни. Ульяновского Василия Тимофеевича. Л. 3 // Текущий архив кафедры отечественной истории ПИ ВоГУ.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 9.

Авторы • Authors

АЛЕКСЕЕВА, Елена Вениаминовна – ведущий научный сотрудник. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

АРТЕМОВ, Евгений Тимофеевич – директор. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

БЕЗНИН, Михаил Алексеевич – заместитель директора. Вологодский государственный университет, Педагогический институт, Вологда, Россия.

БОРОДИНА, Елена Васильевна – старший научный сотрудник. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

ГЛЕБОВА, Ирина Игоревна – руководитель Центра россиеведения. Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия.

ГОЛУБЕВ, Александр Владимирович – ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению отечественной культуры. Институт российской истории РАН, Москва, Россия.

ДИМОНИ, Татьяна Михайловна – профессор. Вологодский государственный университет, кафедра отечественной истории, Вологда, Россия.

ЕРМАКОВА, Ольга Константиновна – научный сотрудник. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

ЖУКОВА, Вероника Сергеевна – доцент. Вологодский государственный университет, кафедра отечественной истории, Вологда, Россия.

КИСЕЛЕВ, Михаил Александрович – старший научный сотрудник. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

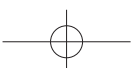
КОВАЛЕВ, Михаил Владимирович – научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

ЛАЗАРЕВ, Яков Анатольевич – научный сотрудник. Уральский федеральный университет, Институт гуманитарных наук и искусств, Лаборатория эдиционной археографии, Екатеринбург, Россия.

МАРТЫНЕНКО, Владимир Леонидович – преподаватель. Харьковский торгово-экономический колледж Киевского национального торгово-экономического университета, Харьков, Украина.

ПАВЛОВ, Валерий Лукьянович – доцент. Национальный университет пищевых технологий, кафедра философии, Киев, Украина.

ПАЛКИН, Александр Сергеевич – научный сотрудник. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Лаборатория эдиционной археографии, Екатеринбург, Россия.

ПЕТРОВА, Майя Станиславовна – главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерной истории. Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

РАТУШНЯК, Олег Валерьевич – доцент. Кубанский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Краснодар, Россия.

РУСИНА, Юлия Анатольевна – доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра Истории России, Екатеринбург, Россия.

САВЕЛЬЕВА, Марина Юрьевна – профессор. Национальная академия наук Украины, Центр гуманитарного образования, Киев, Украина.

САМАРЦЕВА, Елена Игоревна – профессор. Тульский государственный университет, заведующий кафедрой истории государства и права, Тула, Россия.

СЕРОВ, Дмитрий Олегович – доцент. Новосибирский государственный университет экономики и управления, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Новосибирск, Россия.

СОКОЛОВ, Сергей Васильевич – доцент. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра истории России, Екатеринбург, Россия.

ЧАПАЕВА, Любовь Георгиевна – профессор. Московский государственный педагогический университет, кафедра общего и прикладного языкознания, Москва, Россия.

ЮРАСОВ, Михаил Константинович – старший научный сотрудник. Институт российской истории РАН, Москва, Россия.

* * *

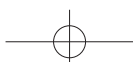
BEBESI, György – Associate Professor. University of Pécs, Faculty of Humanities, Institute of History, Department of Modern History, Pécs, Hungary.

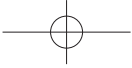
BODNÁR, Erzsébet – Associate Professor. University of Debrecen, Faculty of Humanities, Institute of History, Department of World History, Debrecen, Hungary.

FARLEY, Brigit – Associate Professor. Washington State University, College of Arts and Sciences, Faculty of History, Pullman, WA. USA.

FILIPPOV, Szergej – Senior Research Fellow. Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary.

FONT, Márta – Professor. University of Pécs, Faculty of Humanities, Institute of History, Department of Medieval and Early Modern History, Pécs, Hungary.

FÓRIS, Ákos – PhD Student. Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities,
Doctoral School of History, 19th and 20th Century Eastern European History
Studies Doctoral Program, Budapest, Hungary.

GYIMESI, Zsuzsanna – Research Fellow. Head of the Russian Center, Eötvös
Loránd University, Faculty of Humanities, Centre for Russian Studies,
Budapest, Hungary.

GYÓNI, Gábor – Research Fellow. Eötvös Loránd University, Faculty of
Humanities, Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary.

KECSKEMÉTI, Gábor – PhD Student. Eötvös Loránd University, Faculty of
Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program,
Budapest, Hungary.

KLEIMOLA, Ann – Professor. University of Nebraska, Department of History,
Lincoln, NE, USA.

KRAUSZ, Tamás – Professor. Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities,
Centre for Russian Studies, Budapest, Hungary.

MEDZIBRODSZKY, Alexandra – PhD Student. Central European University,
Doctoral School of History, Comparative History Program, Budapest,
Hungary.

MÉSZÁROS, Zsófia – PhD Student. Eötvös Loránd University, Faculty of
Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program,
Budapest, Hungary.

NAGY, Szilvia – PhD Student. Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities,
Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program, Budapest,
Hungary.

SASHALMI, Endre – Professor. University of Pécs, Faculty of Humanities, Institute
of History, Department of Medieval and Early Modern History, Pécs,
Hungary.

SUHAJDA, Szabolcs – PhD Student. Eötvös Loránd University, Faculty of
Humanities, Doctoral School of History, Russian Studies Doctoral Program,
Budapest, Hungary.

SZVÁK, Gyula – Professor. Head of the Centre for Russian Studies, Eötvös Loránd
University, Faculty of Humanities, Budapest, Hungary.

VARGA, Beáta – Associate professor. University of Szeged, Faculty of Arts,
Department of Modern History and Mediterranean Studies, Szeged,
Hungary.

WAEGEMANS, Emmanuel – Professor. Head of the Institute of Slavonic and East
European Studies, University of Leuven, Faculty of Arts, Leuven, Belgium.

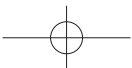

Ruszsztikai Könyvek

Книги по русистике

- I. Zsidók Oroszországban 1900–1929 (Szerk.: Krausz Tamás, Szilágyi Ákos, 1995).
- II. Тамаш Краус: Советский термидор (1997).
- III. 1917 és ami utána következett. Előadások és tanulmányok az orosz forradalom történetéből (Szerk.: Krausz Tamás, 1998).
- IV. Русская литература между Востоком и западом. Сборник Статей (Ред.: Лена Силард, 1999).
- V. Место России и Европе / The Place of Russia in Europe (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 1999).
- VI. Bebesi György: A Feketeszázak. Az orosz szélsőjobb kialakulása a századelőn (1999).
- VII. Andrej Szaharov: Az orosz történelem új terminológiája (2000).
- VIII. Szvák Gyula: IV. Iván és I. Péter utóélete (2001).
- IX. Место России в Евразии / The Place of Russia in Eurasia (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2001).
- X. Radnóti Klára: Európa Moszkóvia-képe a XV–XVI. században (2002).
- XI. Czéh Zoltán: A GULAG mint gazdasági jelenség (2003).
- XII. Peresztrojka és tulajdonáthelyezés. Tanulmányok és dokumentumok a rendszerváltás történetéből a Szovjetunióban (1985–1991) (Szerk.: Krausz Tamás, Sz. Bíró Zoltán, 2003).
- XIII. Московия: специфика развития / Muscovy: The Peculiarities of its Development (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2003)
- XIV. Szili Sándor: Szibéria birtokbavételének koncepciói az orosz és a szovjet történetírásban (2005).
-

- XV. Halász Iván: A tábornokok diktatúrái – a diktatúrák tábornokai. Fehérgárdista rezsimek az oroszországi polgárháborúban 1917–1920 (2005).
- XVI. Новые направления и результаты в русистике / New Directions and Results in Russistics (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2005).
- XVII. Holokauszt: történelem és emlékezet / Холокост: история и память (сборник конференции) (Ред.: Krausz Tamás, 2006).
- XVIII. Региональные школы русской историографии / Regional Schools of Russian Historiography (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2007).
- XIX. С. Филиппов: Религиозная борьба и кризис традиционализма в России XVII века (2007).
- XX. Varga Ilona: A központositástól az abszolutizmusig. Válogatott tanulmányok az orosz állam fejlődéséről (2009).
- XXI. V.O. Kljucsevskij: Az orosz történelem terminológiája (2009).
- XXII. Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе / State and Nation in Russia and Central-East-Europe (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2009).
- XXIII. Varga Éva Mária: Magyarok szovjet hadifogságban (1941–1956) az oroszországi levéltári források tükrében (2009).
- XXIV. Gyimesi Zsuzsanna: Andrej Platonov prózája és Pavel Filonov festészete (2010).
- XXV. Alekszandr Djukov: Holokauszt, kollaboráció, megtorlás a Szovjetunió ukrán és balti területein (2011).
- XXVI. Gyóni Gábor: A történelmi Oroszország népei. Adattár (2011).
- XXVII. Роль государства в историческом развитии России / The Role of the State in the Historical Development of Russia (conference volume) (Ed.: Gyula Szvák, 2011).
- XXVIII. Bótor Tímea: A tatár függéstől az önálló uralkodóig. A Moszkvai Fejedelemség története a nagyfejedelmi végrendeletek (1336–1462) tükrében (2011).
- XXIX. Forgács Iván: Filmtörténetek olvadása. Az 1950-es évek második felének szovjet-orosz filmművészete (2011).

XXX. Русистика Руслана Скрынникова (Ред.: Дюла Свак, Игорь Тюменцев, 2011).

XXXI. Kriza Ágnes: A középkori orosz képvédő irodalom (2011).

XXXII. Háború és nemzeti önismeret: 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót (Szerk.: Bartha Eszter, Krausz Tamás, 2011).

XXXIII. Krausz Tamás: Vitás kérdések a Szovjetunió és Kelet-Európa XX. századi történetében. Előadások, esszék és tanulmányok (2011).

XXXIV. Bálint József: A Szovjetunió gazdasági kifosztása dokumentumokban elbeszélve (1941–1944) (2011).

XXXV. Двенадцать имен России (Ред.: Дюла Свак, 2012).

XXXVI. Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе / Historians and the World – the World of Historians in Russia and Central and Eastern Europe (Ed.: Gyula Szvák, 2012).

XXXVII. Szvák Gyula: Klió, a csalfa széptevő – Kvász Iván: Klió, a tanító (2012).

XXVIII. Дюла Свак: На службе у Клио и у власть предержащих (Этюды по россиеведению) (2014).

XXXIX. Az antiszemitizmus történeti formái a cári birodalomban és a Szovjetunió területein (Szerk.: Krausz Tamás, Barta Tamás, 2014).

XL. A mi Ruszisztikánk. Tanulmányok a 20 / 25. évfordulóra (Szerk.: Szvák Gyula, 2015).

XLI. Альтернативы, переломные пункты и смены режима в истории России (Ред.: Дюла Свак [Гл. ред.], Сергей Филиппов, Жужанна Димеши, 2015) / Alternatives, Turning Points and Regime Changes in Russian History and Culture (conference volume) (Eds.: Gyula Szvák [Chief Editor], Szergej Filippov, Zsuzsanna Gyimesi, 2015).

ISSN 1219–4905
ISBN 978–615–5651–02–1

Ответственный издатель • Published by:

Председатель Фонда за русский язык и культуру в Венгрии (Будапешт)
и руководитель Центра русистики Будапештского университета
им. Лоранда Этвеша

•
President of the Hungarian Foundation for Russian Studies
and Head of the Centre for Russian Studies at the Eötvös Loránd University,
Budapest

www.russtudies.hu

В издании приняло участие Издательство «Аквилон»
(Россия, Москва)

•
Published with the assistance of Aquilo Press
(Russia, Moscow)

Ответственный редактор • Executive editor:
Майя С. Петрова • Maya S. Petrova

Отпечатано в • Printed by:
Komáromi Nyomda és Kiadó Kft., Komárom

Директор • Director:
János Ferenc Kovács

Иллюстрации, опубликованные в книге, являются либо авторскими, либо
находятся в открытом доступе и обработаны авторами.